ISSN 2313-6197 (Online)

ISSN 2308-152X (Print)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2018. Том 6, № 3

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2018, vol. 6, no. 3

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2018

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.00 «Исторические науки и археология».

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Emerging Sources Citation Index (ESCI) на платформе Web of Science Core Collection, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)».

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2313-6197 (Online), ISSN 2308-152X (Print)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.00 “Historical Sciences and Archaeology”.

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2313-6197 (Online), ISSN 2308-152X (Print)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution “Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index П7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., адъюнкт-профессор истории, университет Майами (Оксфорд, Огайо, США)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), профессор, руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почекаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александр Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Аксанов Анвар Васильевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Сайфетдиновна Эльмира Гадельзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

D.V. Kolodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Adjunct Professor of History, Miami University (Oxford, Ohio, USA)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

EDITORIAL OFFICE

English texts editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Anvar V. Aksanov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Konstantin Golev. The Bulgarophilia of the Cumans in the Times of the First Asenids of Bulgaria	452
Руденко К.А. О связях Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды с Ираном в X–XIV вв. (по археологическим материалам)	472
Ахундова Н.Ф. Место суфизма в духовной жизни золотоордынских и хулагуидских правителей	489
Моше Гринберг. Литовское посольство в Золотую Орду в 1348 г.: предпосылки и последствия	504
Карпов С.П. Начало смуты в Золотой Орде и переворот Навруза	528
Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия	537
Аксанов А.В. Сыновья Улуг Мухаммада на казанском престоле	551
Akchurina-Muftieva N.M. Ethnic Style in the Contemporary Art of Crimea	569
Храпунов Н.И. Известия о Крыме и о Крымском ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г.	579

Дискуссия

Тимохин Д.М., Тишин В.В. О новых тенденциях в изучении истории монгольских завоеваний: на примере статьи Стивена Поу «Последняя кампания и смерть Джебе-нойона»	596
Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков	618

Поиски, гипотезы, догадки

Дедук А.В. Где находились «гусь» и «городец» грамоты Шах-Али бин Шейх Аулияра 1543 г.?	635
---	-----

Рецензии

Маслюженко Д. Н., Татауров С.Ф. Рецензия на монографию: Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование)	644
---	-----

Наследие

Атыгаев Н.А., Джандосова З.А. Письмо Сефевида Аббас-шаха II казахскому хану Тауке	656
--	-----

Хроника

Гибатдинов М.М. Международная конференция «Татарстан – Япония: История и перспективы взаимоотношений» (Казань, 23–24 июля 2018 г.)	664
---	-----

CONTENTS

Articles

- Konstantin Golev.** The Bulgarophilia of the Cumans in the Times
of the First Asenids of Bulgaria 452
- Rudenko K.A.** On the Relations of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus
of the Golden Horde with Iran in the 10th–14th centuries
(according to archaeological materials) 472
- Akhundova N.F.** The Place of Sufism in the Spiritual Life
of the Golden Horde and Hulaguid Rulers 489
- Moshe Grinberg.** A Lithuanian Embassy in the Golden Horde in 1348:
The Background and Consequences 504
- Karpov S.P.** The Beginning of the Time of Troubles
in the Golden Horde and the Coup of Navruz Khan 528
- Mukhametzianova L.Kh.** The Tatar Epic “Edigü”:
An Echo through the centuries 537
- Aksanov A.V.** Ulugh Muhammad’s Sons on the Throne of Kazan 551
- Akchurina-Muftieva N.M.** Ethnic Style in the Contemporary Art of Crimea 569
- Khrapunov N.I.** The Account of Crimea and the Crimean Khanate
Produced by William Tooke in 1785 579

Discussion

- Timokhin D.M., Tishin V.V.** On New Trends in the Studies
of the History of the Mongol Conquests: Based on the Example of
Stephen Pow’s Article “The Last Campaign and Death of Jebe Noyan” 596
- Ivanov V.A.** Nomads of the Golden Horde
in the Perception of Modern Historians 618

Searches, hypotheses, conjectures

- Deduk A.V.** Where Were the “Goose” and the “Gorodets”
of Shakh-Ali bin Sheikh Auliyar’s Charter of 1543? 635

Reviews

- Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F.** Review of the Monograph:
Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trepavlov V.V. Gorod Sibir – gorodische
Isker (istoriko-arheologicheskoe issledovanie) [The Town of Sibir –
The Ancient Settlement of Isker (Historical-Archaeological Research)] 644

Legacy

- Atygayev N.A., Dzhandosova Z.A.** A Letter from
the Safavid Shah Abbas II to the Kazakh Khan Tauke 656

Chronicle

- Gibatdinov M.M.** International Conference “Tatarstan – Japan:
History and Perspectives of Relations” (Kazan, July 23–24, 2018) 664

СТАТЬИ

УДК 94(100-87)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.452-471

THE BULGAROPHILIA OF THE CUMANS IN THE TIMES
OF THE FIRST ASENIDS OF BULGARIA***Konstantin Golev**^{1,2}¹ *Institute for Historical Studies, Bulgarian Academy of Sciences*² *Sofia University "St. Kliment Ohridski"**Sofia, Bulgaria**k.golev@ihist.bas.bg*

Abstract: *Research objectives:* The aim of the present paper is to examine the phenomenon of *Bulgarophilia* which was a recognizable pattern in the activities of the Cuman-Qipchaq tribes of the Balkans during the late 12th and first half of the 13th century. The author seeks to answer the question: what were the factors that shaped the persistent Cuman support of the newly established Second Bulgarian Empire against various adversaries, such as Byzantium, the Latin Empire of Constantinople and the Kingdom of Hungary?

Research materials: The present paper is based on various sources. The material of primary importance for the analysis of the Cuman-Qipchaq activities in the Balkans is extracted from the Byzantine chronicles as well as from the Latin and French sources for the Crusaders on the Balkans. The data for the Cumans in the Rus' *letopisi*, Persian chronicles and other Islamic sources are used as comparative material. Despite their diverse nature, all these sources share one similar feature – they do not place the history of the Cuman-Qipchaqs at the center of the narrative and usually touch upon it only when the nomads were involved in the affairs of their sedentary neighbors. Thus, the picture of the Cuman-Qipchaq activities in certain regions in general (and in the Balkans in particular) is inevitably fragmented and incomplete not only on the pages of the individual chronicles, but also in the entire medieval historiographical traditions in which they are found. Therefore, in order to draw a complete analysis of the Cuman-Qipchaq presence in the Balkans, a comparative approach towards the diverse source base is adopted.

The novelty of this study: The present text is the first one to identify and define the phenomenon of *Bulgarophilia* demonstrated by the Cumans during their activities on the Balkans at the end of the 12th and first half of the 13th century. It is also among the first research works that put the data for the Cuman presence in the Balkans in a broad comparative perspective, using additional sources for the history of these nomads in the Pontic Steppes as well as Central Asia.

* The present publication is based upon a paper, presented on the Third International Congress of Bulgarian Studies (Sofia, May 2013). A Bulgarian version of this article was submitted for publication in the proceedings of the subsection "The Bulgarians in the Medieval Period", but due to a technical error only one third of the text was printed [see: 32]. In 2017 a full and slightly edited Bulgarian version of the text was published in *Минало* with the help of Associated Professor Georgi Nikolov [33]. I am indebted to the editorial board of *Golden Horde Review* for providing me with the opportunity to publish a revised English version of this text. I am also indebted to my friend and colleague Ishayahu Landa for reading the English draft.

Research results: The consistent pattern of Cuman support for the Bulgarian military activities in Southeastern Europe is not viewed as a result of a certain emotional affection of the Cuman elite, but rather as a consequence of purely objective and material considerations. *Bulgarophilia* is examined and interpreted in the context of the general historiographical concept for the development of a balance between the Cuman-Qipchaqs and their sedentary neighbors.

Keywords: Cumans, Qipchaqs, Second Bulgarian Empire, Balkans, Byzantium, Latin Empire of Constantinople

For citation: Golev K. The Bulgarophilia of the Cumans in the Times of the First Asenids of Bulgaria. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 452–471. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.452-471

In the 80s of the 12th c. the Balkans witnessed a series of dramatic events that led to long-lasting political and confessional changes on the peninsula. Among the most important of them, together with the overthrow of the mighty Komnenoi dynasty (1081–1185), the outbreak of the Asenids uprising in 1185–1186 must be also pointed out. The latter event brought the restauration of the Bulgarian state in the former Byzantine province of Paristrion and along the Balkan Range, and was followed by a dynamic expansion in Thrace and Macedonia¹, in the course of which the young Second Bulgarian Empire struggled to achieve leading position in South-Eastern Europe at the turn of the century. As early as the summer of 1186 AD the Cumans² joined the troops of the rebels in response to their invitation. From this moment onward the regular presence of numerous nomadic contingents in the armies of the Asenids supported the aggressive Bulgarian policy for more than two decades until c.a. 1211 AD³. Cuman detachments continued to participate in the

¹ In the present text these toponyms refer to the cotemporary geographical regions.

² In the present paper the term *Cuman-Qipchaq community* is used to designate the fluid heterogeneous and polycentric tribal community which dominated the Pontic-Caspian and Kazakhstan Steppes. I will use the ethnonym *Cumans* to refer to the members of this community on the Balkans, as they were designated with it practically in all medieval sources in the region. When their counterparts who interacted with the Georgian Kingdom or the Khwārazmshāhs are mentioned in the text, they are designated as *Qipchaqs* since this was the widely used ethnonym for these nomads in the Georgian and the Islamic sources.

³ For the rebels' crossing the Danube and their negotiations with the Cumans in 1186 AD see: [65, p. 28–29; 66, p. 95; 99, p. 244]; for participation of Cumans in other enterprises of the first two Asenids see for example: [65, p. 29, 33–35, 41, 43, 45–47, 49; 66 p. 95–99, 102, 104, 106, 107; 22, p. 153; 99, p. 246–247, 250, 253, 254; 40, p. 279; 41, p. 241] for Cumans in the troops of Kaloyan (1197–1207) see: [65, p. 53, 55–56, 61, 65–66, 73; 99, p. 256, 260; as well as the additional evidence in the *Laurentian Chronicle*, 79, col. 418]; for participation of the nomads in a campaign in Serbia in 1203, in the context of the Bulgarian conflict with the Hungarians, see: 47, p. 352; 19, p. 393–394]; for Cumans in the army of Kaloyan during the Battle of Adrianople (13–14 April 1205) see: [103, §352, 355, 357, 358, 359, 363, p. 105–107; 87, §CXII, p. 158–159; 65, p. 74–77, 92; 66, p. 117; 99, p. 265; 64, p. 124–125; 22, p. 155; 88, p. 298; 37, p. 365–366; 46, p. 362–363; 38, p. 13]; in Kaloyan's offensive against Serres (1205): [65, p. 79]; in the Battle of Rusion (1206): [103, §405–410, p. 115–116; 65, p. 85, (see also p. 85–93 for further vigorous actions of the Cumans in Thrace); 38, p. 13, as well as p. 14–16 for further mentions of the Cumans in the forces of Kaloyan; 45, p. 377]; in the Siege of Thessaloniki (1207): [49, p. 129 (see also the Medieval Bulgarian translation of the text where the ethnonym *Scythians* is replaced with *Tatars* during the “updating of the text” in: 105, p. 582 (appendix 4); with regards to this designations see also: 54, p. 61); 87, §CXVI p. 160–161 (According to Rob-

Bulgarian campaigns of the following decades, up to the Mongol invasion in Dasht-i Qipchāq⁴, but there is no doubt that after the first years of Tsar Boril's reign (1207–1218) their military activity in the Balkan Peninsula started to decline due to a number of reasons [75, p. 46; 20, p. 52].

The significant importance of the Cuman support has attracted scholars' attention for a long time. Numerous attempts have been made to estimate its precise nature and the extent of its contribution to the successful expansion of the Second Bulgarian Empire in the end of the 12th and the beginning of 13th c. Some researchers like Dmitri Rasovsky and Phaëdon Malingoudis are inclined to view the presence of Cuman contingents among the Bulgarian troops as the decisive factor behind the successes of the Asenids⁵, but Genady Litavrin and cotemporary scholars, such as Plamen Pavlov and Francesco Dall'Aglia have revised this opinion. They emphasize that the Cuman detachments represented an important element among the Bulgarian troops, but the nomads were only one part of a well-functioning mechanism. Providing mainly light cavalry, the steppe allies were not able to solve on their own the military objectives the Bulgarian army faced [56, p. 457–458; 57, p. 104–106; 76, p. 14–23; see also: 74, p. 182–183; 20, p. 29–54]⁶.

ert de Clari, Cumans took part in the skirmish that led to the death of the King of Thessaloniki Boniface of Montferrat (1207). It must be pointed out, however, that Geoffrey de Villehardouin, another chronicler of the Fourth Crusade, does not mention them in his account for the death of the king, see: 103, §498–499, p. 133]; for Cumans in the troops of the Bulgarian Tsar Boril around Beroia and Philippopolis (1208) see: [9, §504, 505, c. 28, §515, c. 31, §518, 519, 521, c. 32, §529, c. 34, §539, c. 37, §540, c. 38]; for Cumans in the forces of the same ruler in the surroundings of Rusion (1211) see: [75, p. 39; see also: 105, p. 304; as well as the account of Emperor Henry in: 39, p. 19–20]. Most probably Cumans were also present in the troops of Boril, which were active in Macedonia the same year, though they are not explicitly mentioned in the source: [39, p. 20, 23; see also: 75, p. 39].

⁴ For Cumans in the Battle of Klokotnitsa (9 March 1230) see: [22, p. 161; 99, p. 269–270; 64, p. 127]; later on the nomads were still at the disposal of the Bulgarian Tsar Ivan Asen II (1218–1241) [64, p. 128]. For a slightly different translation of the passage see: [67, p. 176; I express my gratitude to the author who allowed me to use his unpublished manuscript]. With regards to the presence of Cumans in the troops of Ivan Asen II see also: [75, p. 43–44 and the sources referred there]. It must be pointed out that Cuman contingents on Bulgarian service continued to be mentioned in the sources even after the Mongol invasion in Eastern and Central Europe, see the literature in the last paragraph of the present article.

⁵ For the historiographical survey of the authors who adhere to this concept see: [76, p. 15–16]. Pavlov notes the views of K. Irechek, F. Uspensky, V. Zlatarski, J. Ivanov and the especially definitive opinions of D. Rasovsky and Ph. Malingoudis. The latter two see in: [86, p. 203–211; 58, p. 101–105]. Other authors who follow this historiographical trend are referred to by Litavrin: [56, p. 457–458, note. 82]. Currently an adherent of the thesis for the decisive impact of the Cumans in the wars led by the Asenids (even in the Battle of Klokotnitsa) is István Vásáry [101, p. 46–47, 54–56, 62].

⁶ With regards to the armament of the Eurasian nomads in the steppe during this period see in general: [98]; for the weapons, used by the nomadic elite in the Pontic Steppes at the time of the Cuman domination see: [97, p. 103–124]. In the latter publication weapons from three famous burials of rich nomad chiefs in the steppes of contemporary Ukraine are examined. Some of them can be connected to the Cumans, while other to the Black Hats. It must be pointed out, however, that in the historical introduction the author makes a number of mistakes and inaccuracies. I am indebted to Associated Professor Georgi Nikolov for bringing this publication to my attention.

If we examine the problem in the general context of the Cuman-Qipchaq relations with the sedentary neighbors, which surrounded Dasht-i Qipchāq, it could be added to the above mentioned discussion that nowhere along the vast contact zones with the so-called *outside world* the Cumans have been the sole reason for the ascend or decline of any sedentary society, but were rather a catalyst of the processes that developed in the society itself. The comparison with the presence of Cuman-Qipchaq allied or mercenary troops in other peripheral to the steppe countries, such as Georgia⁷, the Rus' principalities⁸, Khwārazm⁹ and Hungary¹⁰, clearly demonstrates that the nomads were not romantic idealists who would offer unconditional support to their sedentary "patrons". On the contrary, if the results were unsatisfactory or the sedentary partners displayed visible signs of weakness, the Cumans would take advantage and attack them. That is why I believe that the alliance between the Bulgarians and the Cumans would not last for half a century if the nomads (with their typical opportunistic behavior towards the *outside world*) did not feel respect towards their partners, and at the same time did not find their own interests satisfied to a sufficient extent. Metaphorically speaking, the alliance with the Cumans was like a red-hot iron—one could handle it with iron tongs but not with a bare hand. This was the bitter experience of the Rus' prince Roman Svyatoslavich¹¹, who in 1079 AD led Cuman detachments against his uncle Vsevolod¹² in an attempt to gain redistribution of the thrones in the Rus' Land, only to discover that his steppe allies reached an agreement with his adversary. Thus the campaign ended with a truce, but what is more important, on the way back the prince was killed in the steppe by his Cuman allies, and the Rus' chronicler grimly reports: "His bones, of the son of Svyatoslav, of the grandson of Yaroslav are still lying there"¹³.

Leaving aside these nuances in the evaluation of the Cuman support for the enterprises of the first Asenids, both Bulgarian and foreign scholars are unanimous that the nomads were indeed significant factor in the dynamic development of the Bulgarian state in the end of the 12th and the beginning of the 13th c. Furthermore it should be pointed out that for nearly half a century, in which the Cuman-Qipchaq

⁷ See for example the account of Ibn al-Athīr for a conflict between the Georgians and their Qipchaq allies: [42, p. 248].

⁸ See the example pointed by Rasovsky, for Cuman "allies" who pillaged the lands of the princes who summoned them: [85, p. 118–119].

⁹ The relations of the Khwārazmshāhs with the Qipchaqs in general and with the members of this community in the Khwārazmian army in particular were extremely controversial. Serious conflicts appeared often, as was for example the episode of 1195, described by Juvaynī: [5, p. 34–35; 6, p. 304–305].

¹⁰ [8, p. 140–141; see also: 89, p. 554]. In the second half of the 13th century the Cumans, who settled in the kingdom, engaged into serious conflicts which led to the battle of the Hód Lake (1282). The latter event resulted into Cuman defeat and migration of part of the nomads [92, §75, p. 154–159; 71, p. 79–81; 11, p. 254–255; 67, p. 79, 100]. In this case, however, the Cumans inhabited the territory of the kingdom for a long time. When compared with the other examples of problematic behavior of Cuman allied contingents, referred here, including the account of Master Roger, this fact places the events in entirely different context.

¹¹ Prince of Tmutarakan in the 70s of the 11th c.

¹² Prince of Pereyasavl, 1054–1073; Chernigov, 1073–1078; Great Prince of Kiev, 1076–1077, 1078–1093.

¹³ „Суть кости ѹго и доселѣ . [лежаще тамо]. снѣ Сѹславла. внука Ёрославла.” [78, col. 204; see also: 80, col. 195–196].

tribes neighbored the Second Bulgarian Empire, the sources have vaguely noted only one instance of indirect Cuman actions against the interests of the tsars in Turnovo. This is the support possibly rendered by three Cuman chiefs to the rebellious inhabitants of Vidin against Hungarian troops, advancing in the region on behalf of Tsar Boril (1207–1218)¹⁴. These characteristics of the Bulgarian-Cuman relations naturally brought a positive attitude towards the nomads in the works of various members of the modern Bulgarian historiography. The sympathy of some scholars is manifested in the employment of phrases such as “faithful and permanent allies” [36, p. 14], “worthy allies” [62, p. 126] etc. But the attempts to identify the reasons behind the consistent Cuman behavior in the Balkans during this period usually remain limited to the conjecture that a possible Cuman descent played a role in the regular appearance of the nomadic contingents [104, p. 427; 58, p. 83–88; 101, p. 55; 95, p. 15–16; 96, p. 155; 67, p. 168]. Only P. Pavlov goes further, seeing in the lasting and close Bulgarian-Cuman cooperation the fruits of an active steppe policy of the first tsars of the dynasty [75, p. 14, 59; 74, p. 184]¹⁵. Yet, it seems that the problem requires further investigation through the Cuman perspective of the events and in the context of the available information for the interaction of this tribal community with other sedentary neighbors in the same period. This is the only way to reach an exhaustive answer to a very important question: what were the reasons behind the distinct *Bulgarophilia*, demonstrated by the Cumans for half a century?

The Cuman-Qïпчаqs demonstrated impressive demographic potential in the given period and offered military contingents to a number of neighboring monarchies, such as Georgia [24, p. 76–86; 28, p. 48–51], the Rus’ principalities¹⁶,

¹⁴ The events are described in a diploma of King Béla IV (1235–1270), issued in 1250 in order to confirm the privileges of the descendants of Joachim, Count of Szeben. The diploma enumerates the latter’s merits to the Hungarian Crown. See the Latin text of the source and the commentary in: [69, p. 121–134] see also a Bulgarian translation of the text, published by Nikov in: [105, p. 305] and the Latin text based on later edition of the diploma with an English translation and commentary in: [101, p. 58–59]. See also: [18, p. 80–83], where a detailed historiographical survey of the Hungarian and the Bulgarian researches on the problem by the time of the publication is given; see also: [44, p. 85–94].

¹⁵ The Bulgarian scholar uses the term introduced for the first time by Dmitri Rasovsky. But Rasovsky himself was not sure to what extent the large-scale partnership with the Cumans, who inhabited areas outside the Bulgarian borders, could be result of the “steppe policy” and to what degree it was due to “the spontaneous movement of the nomads themselves” [86, p. 210]. The Russian researcher also links the question of the possible Cuman origins of the Asenids with their successful relations with the steppe inhabitants. Pavlov, on the other hand, is confident in defining the massive participation of Cumans in the Bulgarian armies as result of the successful steppe policy of the first tsars from the dynasty, which is why he is pointed out as the single representative of this historiographic trend.

¹⁶ See for example the cases, mentioned by Vadim Kargalov: [52, p. 54]. In the chronological period under discussion, the Cuman cohabitation with the Rus’ principalities is characterized not only by the presence of Cuman auxiliary contingents in the armies of various princes, but also by direct confrontation with the steppe dwellers [52, p. 51–54; see also: 35, p. 232–235, where some instances of Rus’-Cuman confrontation from the first half of the 13th c., not mentioned by Kargalov, are referred]. It is noteworthy, that in the late 20s of the 13th c. The *Laurentian Chronicle* documented Cuman interference in the strife between two Mordvin princes [79, col. 451].

Khwārazm¹⁷ and Hungary [83, p. 46–47; 94, p. 294; 67, p. 56–57]. The presence of Cuman-Qipchaq troops among these states' armies was a long-established tradition, which preceded by far the appearance of the Second Bulgarian Empire. However, during the half-century period, starting from the late 12th to the early decades of the 13th c., every one of those polities witnessed the aggressive incursions of its steppe neighbors. Often this aggression stemmed from the very same steppe allies that were invited to serve as auxiliaries¹⁸. These manifestations of Cuman-Qipchaq military activity are in sharp contradiction with the preserved source information for the events in the Balkans in the times of the first Asenids. As already mentioned, the rebellion against Tsar Boril in Vidin is the only documented possibility for hostile Cuman behavior towards the rulers in Turnovo. It is noteworthy, however, that even if the nomads indeed supported the rebels¹⁹ in this case the steppe dwellers actually sided with the local Bulgarians against an external aggressor, who defended the interests of the central power. Naturally, it is absolutely possible that there were also other incursions in the territory of the Second Bulgarian Empire, which have not attracted the attention of the foreign chroniclers. But even if such raids were indeed carried out, they were obviously not of a scale large enough to be registered by the surrounding neighbors. This state-of-affairs places the relations between the Bulgarian elite and the dynamic nomadic groupings in a completely different perspective.

Thus, it could be argued that among the Cuman elite in the westernmost parts of Dasht-i Qipchāq there was a notable *Bulgarophily*. This term does not aim at claiming certain emotional affection of the Cuman chiefs toward the policies of the Bulgarian tsars. It is rather offered as definition of the consistent line of conduct displayed by the nomadic neighbors of the Second Bulgarian Empire, caused by purely objective and material considerations, as was typical for the Cuman relations with the sedentary neighbors.

As for the possibility that certain Cuman background of the Asenids allowed them to attract their potential steppe relatives, such an interpretation is undoubtedly quite possible. Yet even in this case the origins of the dynasty were not the determinative factor²⁰. Throughout the entire period of their dominance in Dasht-i Qipchāq, and after the beginning of the 12th c. in particular, the Cumans were establishing marital ties with neighboring royal houses that needed the military potential of the nomads and offered in exchange easier access to the goods of the *outside world*²¹. According to Choniates such was indeed the offer of Peter

¹⁷ See for example: [91, p. 74–75, 82, 213; 5, p. 34–35, 109, 198; 6, p. 305, 378, 465; 60, p. 300; 61, p. 239, 240; 4, p. 214–216; 2, p. 60; 3, p. 129; 10, p. 355, 365–367, 374; 1, p. 252; 15, p. 142; 77, p. 109–110; 17, p. 51, 62; 51, p. 91–101, 130–131; 102, p. 151–172].

¹⁸ See the cases referred above.

¹⁹ Because, as pointed by Vásáry, other scenarios for their presence in Moesia in the time of the Hungarian intervention are also possible [101, p. 59–60]. Yet the Hungarian scholar considers the hypothesis for Cuman support for the rebels as a more probable explanation of the events, and I agree with him.

²⁰ As pointed out by Litavrin [57, p. 103].

²¹ For the consistent policy of marital alliances between various generation of the Khwārazmshāhs' dynasty and the daughters of the neighboring Qipchaq chiefs see: [91, p. 65, 82, 213; 5, p. 109, 198; 6, p. 378, 465; 60, p. 300, 306; 61, p. 240, 254; 1, p. 252; 4, p. 215–216]. For the marriage of the Georgian King David II Aghmashenebeli (1089–1125) with the daughter of the famous Cuman-Qipchaq chief Otrók see the source text in: [14, p. 166–167; 24, p. 58].

(1185/86–1197) towards the Cumans in 1186 [66, p. 95]. As a rule, the dynasties that were traditionally allied with the Cumans intermarried with them. For example, such marriages were established with the younger branch of the Monomashichi from Suzdal, the Olgovichs from the southern Rus' principalities, the Anūshtegīnids of Khwārazm, the Bagratids of Georgia and the Arpads after the Mongol invasion. Such policies often resulted in a “semi-Cuman” background of the following generations of rulers. Kinship was the fundamental political vocabulary for the Eurasian nomads [25, p. 10; 55, p. 337] and when it was not present, the Cuman-Qipchaqs established it. Precisely this was the case with the Asenids when the youngest brother Kaloyan married a “skythida” (Σκυθίδα)²². This act demonstrates that even if some distant kinship ties existed hitherto, the relation with the steppe dwellers had to be “refreshed” in the usual way for the Cumans, thus transforming the Asenids into yet another example of a political and marital partner from the *outside world*. At the same time marital ties did not guarantee the conduct of the steppe fathers-in-law and quite often conflicts with the latter erupted²³. Kinship was determined by the actual interest of the nomads and not the op-

The instances for marital alliances between the Rurikids and Cuman „princesses” are so numerous that hardly could be listed here. E.g., see: [78, col. 226, 250, 282–283, 426; 80, col. 216, 259, 659]. The Cuman-Qipchaqs continued to follow the same policy to marry their daughters for sedentary rulers with whom they desired to form a partnership even after the beginning of the Mongol invasion in Dasht-i Qipchāq, when huge masses of nomads were pushed into the territories of the sedentary states. Such for example was the case of the Amir of Ganja Kūshkhara's marriage with a daughter of one of the Qipchaq chiefs, who were looking for asylum in his domains in the early 20s of the 13th c. [43, p. 239]. Three Cuman „princesses” married prominent nobles of the Latin Empire of Constantinople during the short-lived alliance of one Cuman grouping with the Crusaders in the very beginning of the 40s of the same century [73, p. 38–39; the original passage of Albericus quoted in: 101, p. 66, note 42]. Not surprisingly, the second settlement of the Cumans in Hungary, soon after the retreat of the Mongols, was followed by a dynastic marriage of the heir and future king Stephen V (1270–1272) with the daughter of a Cuman chief, known in the sources under her Christian name Elizabeth [11, p. 88, note 56, 261, note 197; 12, p. 106–107; 67, p. 71].

²² [22, p. 156; see also the evidence of Theodorus Scutariota, 99, p. 266]. Robert de Clari noted the close relations between Kaloyan and the Cumans, but did not mention a marriage. It must be taken into consideration, however, that in this passage the French Knight may have mixed the image of Kaloyan with those of his older brother Asen, [87, p. §LXV, p. 104–105].

²³ Typical in this regard is the wedding of Svyatopolk II (Prince of Polock, 1069–1071; Novgorod, 1078–1088; Turov, 1088–1093; Great Prince of Kiev, 1093–1113) with the daughter of the Cuman chief Tugorkan. The marriage, mentioned in the chronicles s.a. 1095, was part of the peace agreement which followed the unsuccessful for the Rus' war with the nomads, provoked by the prince, [78, col. 226; 80, col. 216]. It should be pointed out, however, that the wedding did not lead to lasting peace since in 1096 Tugorkan again attacked the Rus' lands and after facing the armies of Svyatopolk and Vladimir Monomach (Prince of Smolensk, 1073–1078; Chernigov, 1078–1094; Pereyaslavl, 1094–1113; Great Prince of Kiev, 1113–1125) suffered a crushing defeat in the course of which the chief and his son perished. The family obligations of Svyatopolk were limited to the arrangement of a proper funeral for his “father in law and enemy”: „на заоутрьє же налѣзоша Тугоркана мертвого . и вѣща и сѣбѣ полкъ . акы тѣста своего и врага . [и] привезше и г Києву . погребѣша и на Берестовѣмъ . межю путемъ идущимъ на Берестово . и другимъ в манастирь идуще” [78, col. 231–232; 80, col. 221–222]. The aforementioned marriage of the Amir of Ganja Kūshkhara with the daughter of one of the Qipchaq chiefs, who sought asylum in his lands, represents another example, this time from the region of Transcaucasia. Soon after the wedding, the newly arrived Qipchaqs became

posite. Thus a marriage with Cuman chief's daughter should be viewed rather as a sign for the cooperation with the nomads instead as a reason for it²⁴. In the end, it is possible for the traditional ties of certain sedentary dynasty with particular Cuman clans to undergo a twist, leading to conflict between them, as happened for example with the Olgovichi from Chernigov and their relatives from the groupings of the *Wild Cumans*²⁵. That is why I believe that the possibility for the Cuman origins of (part of) the Asenids' forefathers is not definitive for the nature of their relations with the nomads. If there was a mutual interest, kinship could be established or strengthened, but if such an interest was not present, nothing could stop the nomads to withdraw from the cooperation.

The habit of particular Cuman clans to form traditional allied ties with neighboring dynasties was quite often not related to the latter's origins. Yet, such ties frequently led to marital connections between steppe and sown as happened with the Asenids themselves, after Kaloyan took as a wife a noble Cuman woman, who later remarried his nephew Boril²⁶. Therefore, the stability of the allied relations was defined not by the origins of the dynasty or its kinship ties with the nomads, but rather by the access it provided to the *outside world* and its policies with regards to the steppe allies. At the very moment, in which the interests of the latter were violated, a tension or even a conflict could easily have appeared.

It is precisely in this context that the explanation for the Cuman *Bulgarophily* should be searched and I would like to bring attention upon several distinct factors that affected the profile of relations between the Balkan contact zone and the Eura-

uncontrollable and engaged into conflict with their host, which led to the withdraw of the nomads from the latter's domains and their subsequent defeat at the hands of "Muslims, Georgians, Lakz and others" [43, p. 239]. The behavior of the Cuman refugees in the Balkans is quite similar. Thus, soon after the arrangement of the three marriages between the daughters of the Cuman chiefs Jonah and Saronius and prominent nobles from Constantinople, the alliance with the nomads fell apart. Not long after that Cuman contingents were recorded among the troops of the Latin Empire's adversary John III Doukas Vatatzes (1222–1254) and some scholars quite convincingly identify these nomads with the former allies of the Constantinople Barons [73, p. 38–40; 101, p. 64–68]. The famous prince Igor Svyatoslavich (Prince of Novgorod-Severski, 1180–1198; Chernigov, 1198–1202) also did not hesitate to launch a campaign against his steppe in-laws in 1185. Yet in this case the family ties with Konchak proved to be a real and even decisive factor in the fate of the captured prince. After the Battle of Kayala, on the very battlefield Igor's in-law Konchak interceded for the prince, since the latter was wounded [80, col. 644].

²⁴ Aside of the material benefits, another important stimulus for the establishment of marital ties with the neighboring sedentary dynasties, was the prestige that such marriages with powerful representatives of the *outside world* had in the eyes of the steppe dwellers.

²⁵ For example the aggressive campaigns of Olgovichi against the Cuman camps in 1185 [79, col. 397–398; 80, col. 637–644, also commented in note 23] and in 1191 [80, col. 673]; see also: [29, p. 308–309]; Golden also brings attention to the more aggressive attitude of the princes from the Chernigov land towards the Cumans in the last quarter of the 12th c., but points out that they prefer to act mainly—thought not exclusively—against the Non-*Wild Cumans*. Yet while we cannot identify precisely the nomadic adversaries of the Olgovichi in 1191 the campaign of 1185 undoubtedly represents an example for conflict with the *Wild Cumans*, since Konchak stood out among the chiefs of the nomadic coalition. Apropos, the clash from 1185 and its aftermath also demonstrate that even if conflict flared up, this does not necessarily mean the end of the traditional ties between Olgovichi and the *Wild Cumans* since about two years after he was captured at Kayala Igor's son Vladimir come back from the steppe with his new Cuman wife, who belonged to the family of Konchak—"Коньчаковною" [80, col. 659].

²⁶ See the Byzantine sources, referred to in note 28.

sian steppe in the end of 12th and the first half of the 13th c. The already mentioned feeling of respect that the Asenids were able to evoke among the Cumans, combined with rich opportunities for incursions into the *outside world* is a necessary but not sufficient precondition for the establishment of lasting and consistent cooperation with the nomads²⁷. No doubt, the control, established by the Asenids upon the territory along the right bank of the Lower Danube and the Balkan Range²⁸ should be pointed out among the decisive factors for such a fruitful partnership. This area lied on the way towards the Byzantine provinces in Thrace [76, p. 23]. The potential of the Bulgarian state to cut off the access towards the southern fields (even at the cost of incursions on the northern site of the Balkan mountain), combined with the promising perspectives for participation in the anti-Byzantine campaigns of the Asenids undoubtedly influenced the orientation of the nomads to a great extent. Another key aspect is the Second Bulgarian Empire's establishment in the end of the 12th c., when the Cumans had already developed sustainable model of lasting allied relations with the neighboring sedentary dynasties. The emergence of the Second Bulgarian State came long after the initial "heroic age"²⁹ of the Cuman aggression against almost all settled neighbors-that significantly affected the Bulgarian lands too-had already gone. Thus, the Asenids offered yet another opportunity for application of the well-functioning model of alliance with a local partner-a very attractive one indeed. In fact Niketas Choniates, intentionally or not, described precisely this state of affairs, relating to Peter's talks with the Cumans:

That is why he [Peter] assigns a reward (which was very convenient for the perceptions of the barbarians and was very pleasant for them), [namely] that they would irrupt without efforts through the valleys of Haemus, and the Iron Gates too were open, they would go unhindered also through the Long Wall and through this narrow and impassable pass they would go out on open space and would devastate the lands of my Emperor, and would afterwards torn apart with their swords the bundles of the Romans and would plunder their possessions, without giving to the one who shows them the way from the fruit and without paying a reward... [66, p. 95]³⁰

²⁷ Of course, when the Asenids turned for first time to the Cumans for help they were definitely not in a position of respectable sedentary rulers, who could display power and status. In this regard they were not significantly different from a number of other political figures, who sought asylum or help from the Cumans, such as the unfortunate Roman Svyatoslavich [78, col. 204; see also: 80, col. 195–196], Pseudo-Diogenes, [7, p. 102–103] Yuri Andreevich (Prince of Novgorod, 1172–1175; husband and co-ruler of the Georgian Queen Tamar, 1185–1188) [28, p. 50], etc. The Cuman-Qipchaqs eagerly accepted and supported representatives of the neighboring sedentary political elites, who fell into troubles back home or were prone to adventures. The nomads did not trouble themselves too much with regards to their real status and potential and were happy to use the opportunities for raids in the sedentary territories. But if the first Asenids were not able to impose their authority in the course of their ascending political activities, the consistent partnership with the nomads in the following decades and even more so, the authoritarian actions of Asen (1185/1186–1196), who took away the captured *Sebastocrator* Isaac from the Cuman who caught him, as well as the ceding of other eminent captives like Baldwin I (1204–1205) and Constantine Tornikios to Kaloyan would have been impossible, [75, p. 29, 33–34; 74, p. 183].

²⁸ [16, p. 195 and the sources, referred there].

²⁹ *Landsnahme* in the words of Peter Golden [23, p. 99–100; see also: 27, p. 79; 28, p. 41].

³⁰ The English quotation follows the Bulgarian translation.

It is not by chance that, according to the Byzantine chronicler, the Cumans “met like an unexpected find the proposals of the rebel and rushed like herds and spring bees” [66, p. 95]³¹.

The geographical features of the contact zone between South-Eastern Europe and the Eurasian Steppe also should not be neglected. Its specifics were the main reason for the peculiar position of the Balkans in the typology of Cuman relations with the surrounding *outside world*³². The access to the Wallachian Plain and the territories south of the Danube passed through a relatively narrow steppe zone between the Carpathian Range and the North Western coast of the Black Sea. It seems that the Wallachian Plain was not sufficient basis that would be able to maintain a significant Cuman grouping³³. That is why the societies in the Balkan North East interacted with the nomads through a quite narrow steppe frontier which was perhaps controlled by one or two grouping during most of the period of Cuman-Qipchaq domination in the region³⁴. In any event their number was significantly smaller than that of the tribes, which neighbored sedentary societies with a vast steppe frontier, like the Rus’ principalities or Khwārazm. Under the influence of the dynamic processes in the steppe inland particular nomadic grouping or groupings that inhabited this westernmost part of Dasht-i Qipchāq could be replaced. But this limited space simply could not support many groupings for a long time, so eventually only one or two steppe groupings remained direct neighbors of the Balkan societies, thus controlling the access of the other nomads to this zone³⁵.

³¹ The English quotation follows the Bulgarian translation. Regarding these negotiations see also the comment in: [76, p. 23].

³² More details see in: [33, p. 142–151].

³³ Such an observation is supported also by the location of the burial assemblages, related to the Cumans. Victor Spinei points out that their concentration is particularly intensive along the Dniester and Prut rivers and more dispersed between Prut and Siret. According to the Romanian scholar: “There are few burial assemblages to the west of the river Siret, and virtually none to the west of the Olt River” [93, p. 437–439]; see also a much earlier map of burials that are related to the Cumans, which contains significantly lesser number of sites: [21, p. 15].

³⁴ The grouping or the groupings that controlled the access to the Balkans and the Wallachian Plain were composed by various clans, since this was characteristic for the socio-political structure of the Eurasian nomads [35, p. 145–162; 34].

³⁵ This model is applicable only for the periods of relative peace in the Pontic steppes when the nomads were not subjected to the attacks of an aggressive steppe invader. Otherwise a number of steppe groupings could concentrate in the plains north of the lower course of the Danube and its delta in the search of refuge, as apparently have been the cases with the Pechenegs and the Uzes in the 11th c. [59, p. 166, 175–178; 90, p. 312–314, 331–333; see also: 50, p. 197–198, 200–201]. But in the age of the Cuman-Qipchaq domination in Dasht-i Qipchāq there is no evidence for such dramatic concentration of nomads in the region until the Mongol invasion, despite the fact that some Rus’ campaigns apparently caused certain reconfiguration in the Pontic Steppes (for example the migration of Otrok in Georgia, for the latter see more details in: 24, p. 45–87 and in particular p. 57–76; 28, p. 46–48; 63, p. 40–54, and the sources, quoted in this publications]. The *Hypatian Chronicle* notes s.a. 1106 that the Rus’ pursued some Cumans to the Danube, but does not mention concentration of nomadic camps in the region [80, col. 257], apropos, in the almost identical account of the *Laurentian Chronicle* the detail that the pursue reached the Danube is absent, 78, col. 281. S.a. 1159. the *Hypatian Chronicle* reports that numerous Cumans supported the Rus’ prince Ivan Berladnik (Prince of Zvenigorod, 1128–1144; Prince of Galicia, 1144) in his activities in the area of “the Danube towns” [80, col. 497]. But the chronicler’s comment that before the campaign the prince attracted his steppe allies after he visited them “in the field” does not help much for the localization of their habitats and we

This fact spared the Assenids the numerous difficulties that the Rus' princes were forced to face on their vast contact zone with many tribes, where reaching an agreement with one of them did not guarantee peace with the others³⁶. That is why the establishment of traditional ties with the closest steppe grouping, which controlled the access of the others to the territory of the Bulgarian state, undoubtedly brought certain stabilization of the relations with the Cumans. At the same time, if

cannot go beyond the general assumption that they lied somewhere on the North Western coasts of the Black Sea. The same is also valid for the second wave of Cumans, who gathered around the prince in the course of the campaign. That is why I believe that this account does not provide us with sufficient grounds for the identification of the Cumans mentioned in it, as inhabitants of "the regions along the Danube" as considered by Rasovsky [84, p. 158]. In 1114 the Cumans crossed the Danube near Vidin, started to ravage the Byzantine holdings in the region and withdraw only when they learned that Emperor Alexios I Komnenos (1081–1118) is approaching. The basileus sent a detachment that crossed "Istros" and pursued the nomads for three days. The Byzantines gave up the chase only when the Cumans crossed by rafts some river, which flowed beyond the Danube [7, p. 135, 138–139]. In an undated letter of Teophylact of Ohrid to the Bishop of Vidin the complains of the latter that the lands under his spiritual jurisdiction are subjected to Cuman incursions are commented, but the rhetoric style of the source does not allow us to extract additional information regarding the context of this short evidence [100, p. 141]. The Account of Anna Komnena leaves the impression that the Cumans who raided the region of Vidin did not inhabit the trans-Danubian territories that immediately neighbored these lands and only marched through them. Similar picture is revealed by the Cuman incursion in the Paristrion in 1148, when once again the news for the approaching Emperor—this time Manuel I Komnenos (1143–1180), gave a signal for the Cuman retreat beyond the Danube. According to Kinnamos the *Basileus* personally led a detachment in pursuit of the attackers, chased them as far as the environs of "Tauroscythia" (i.e. Southern Rus') and managed to impose a battle to the retreating nomads, which they eventually lost, [48, p. 226–228; 65, p. 11; 99, p. 226–227; see also the additional sources and the analysis in: 13, p. 17–22]. The fact that there is no mention of Cuman camps in Kinnamos' description of the pursuit through the lands north of the Danube, and that the attackers were apparently withdrawing with their booty and captives beyond these areas, allowed the Russian researcher Igor Knyazki to assume that in the Wallachian Plain there were no Cuman encampments and that the Cumans were retreating towards their distant habitats [53, p. 127–128]. On the other hand, according to Bibikov, the military theater of the war of 1148 was of a relatively limited scale. Thus we cannot be sure whether Knyazki's conclusion could be valid for the entire Wallachian Plain. As a matter of fact, the question for the precise chronology of the Cuman penetration in this region is quite unclear and is touched by a number of scholars, see historiographical survey and analysis of the problem in: [35, p. 127–130]. I assume, that the quoted sources and the general historical context in the region in 12th – first half of the 13th c. allow two main conclusions, directly related to the present topic, to be drawn. Firstly, that the Cumans undoubtedly imposed themselves as a dominant political factor in the Wallachian Plain during the period of their hegemony in Dasht-i Qipchāq, but the sources do not permit us to establish when exactly this happened. Secondly, there was apparently no distinct powerful Cuman grouping until the beginning of the Mongol invasion in the Cuman Steppe in the Wallachian Plain.

³⁶ A typical example is the episode in the Rus'-Cuman Relations that took place at the turn of the seventh decade of the 12th c. Then the Great Prince of Kiev Gleb Yurievich was forced to lead parallel negotiations with the steppe chiefs on both sites of Dnieper. The talks eventually ended with incursions by the right bank grouping, unsatisfied by the fact that it was left to wait for the results of the parley between the left bank nomads and the prince (for this see the account for the events s.a. 1169 in: [79, col. 357–361]; and s.a. 1172 in: [80, col. 555–559]). On another occasion similar negotiations of the Rus' princes with the left and right bank Cumans in 1193 also ended with a failure [80, col. 675–676]. These events were already examined by Omeljan Pritsak [81, p. 1615–1623].

a need arisen, this partner grouping could serve as a mediator and facilitate the attraction of additional military contingents from its eastern neighbors.

On the other hand, the possible support of the Cumans for the Vidin rebellion and their potential participation in the return of Ivan Asen II may indicate that the nomads were interested in joining factional strife south of the Danube. But there the opportunities for them were much more limited as compared to the situation in the Rus' principalities, which were always close at hand. Furthermore, the majority of the renegades and separatists were orientated in this period towards cooperation with the southern, south-western or western neighbors of Bulgaria, as illustrated by the careers of Ivanko, Alexius Slav and Strez [68].

Thus, the *Bulgarophily* is not simply a result of the undoubtedly successful "steppe policy" of the first Asenids and the established lasting relations with the Cuman elite. This phenomenon is to a much more significant extent a product of the Cuman adaptation to Dasht-i Qipchāq and the establishment of lasting models of mutually profitable relations with the neighboring sedentary societies. Its development was further facilitated by the specific geographical location of the contact zone between the Balkans and the steppe. It was these circumstances that made the application of any steppe policy whatsoever possible. The Cumans reached similar state of balance, but of a much larger scale, in their relations with the Rus' princes too. In this case, however, part of the exchange was conducted through mutual raids³⁷. Such activities on the Balkans were not justified neither by the Bulgarian, nor by the Cuman interests in the region.

Similarly to many other places on the vast contact zone between the Cumans and the *outside world*, where the balance nourished long-lasting mutually profitable models of interaction with the bordering sedentary states, the *Bulgarophily* existed as long as the balance existed. When the Mongol invasion in Dasht-i Qipchāq brought the political collapse of the Cuman-Qipchaq tribal community, the long-lasting relations with the neighboring societies were whipped out, and the Cuman *Bulgarophily* came to an end. Even though in the years after the Mongol onslaught Michael II Asen (1246–1256) could attract Cuman allies from beyond the Danube, where they were still able to find some *modus vivendi* with the newly established Golden Horde [72, p. 192–193; 74, p. 180; 73, p. 42], large masses of refugees from Dasht-i Qipchāq already wandered around the Balkans and switched their loyalty between the Latins and the Nicaeans. Thus, the Cuman auxiliaries from the steppes were not anymore Asenids' monopoly.

REFERENCES

1. Agadzhanov S.G. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv.* [Essays on the History of the Oguzes and Turkmen of Central Asia in the 9th–13th centuries]. Askhabad, Ylym, 1969. 295 p. (In Russian)
2. Akhinzhanov S.M. *Iz istorii vzaimootnoshenii kipchakov i Khorezma v XII – nachale XIII veka* [Aspects of the history of the relations between the Qipchaqs and Khwārazm]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane* [Archaeological Researches in Kazakhstan]. Alma-Ata, 1973, pp. 59–70. (In Russian)

³⁷ For this conclusion as well as for the gradual incorporation of the Cumans in other sedentary societies, such as Khwārazm and Georgia, see: [27, p. 79–80; see also: 23, p. 100–101; 70, p. 311–316].

3. Akhinzhanov S.M. Kipchaks and Khwarazm. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Seaman, G. Marks, D. (eds.). (Ethnographics Monograph series, Monograph, No. 2). Los Angeles, Ethnographics Press, University of Southern California, 1991, pp. 126–131.
4. Akhinzhanov S.M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [The Qipchaqs in the History of Medieval Kazakhstan]. Alma-Ata, Gylym, 1995. 296 p. (In Russian).
5. 'Alā' al-Dīn 'Aṭā'-Malik Juvaynī. *Tārīkh-i Jahān-Gushāy*. Qazvīnī M.M. (ed.). Vol. II. Leyden, E.J. Brill–London, Luzac & Co, 1916/1334. xv + 359 + 24 p. (In Persian)
6. 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. *The History of the World-Conqueror*. Boyle J.A. (transl.). Vol. I–II. Manchester, Manchester University Press, 1958. 763 p.
7. Anna Comnena. Alexias. *Gr'itski izvori za b'lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. VIII. Voynov M., Tăpkova-Zaimova V., Yonchev L. (eds). Sofia, BAN, 1971, pp. 7–149. (Greek text and Bulgarian translation)
8. Anonymus and Master Roger. *Gesta Hungarorum. The Deeds of the Hungarians*. Edited, translated and annotated by M. Rady and L. Veszpremy. *Epistola in miserabile Carmen super destructione Regni Hungarie per tartaros facta. Epistole to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars*. Translated and annotated by J.M. Bak and M. Rady. Central European Medieval Texts. Vol. 5. Budapest–New York, Central European University Press 2010. 268 p. (Latin text and English translation)
9. Anri d'o Valansien. *Istoriya na imperator Anri* [History of Emperor Henry]. Burov I. (transl.). Sofia, Polis, 2009. 83 p. (In Bulgarian)
10. Bartold V. *Turkestan' v epokhu mongol'skago nashestiya* [Turkestan in the Age of the Mongol Invasion]. Second part, research. Sankt Peterburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1900. 573 p. (In Russian)
11. Berend N. *At the Gate of Christendom. Jews, Muslims and "Pagans" in Medieval Hungary c. 1000 – c. 1300*. Cambridge, Cambridge University Press 2001. xviii + 340 p.
12. Berend N. Cuman integration in Hungary. *Nomads in the Sedentary World*. Khazanov A.M., Wink A. (eds). Richmond, Curzon Press, 2001, pp. 103–127.
13. Bibikov M.V. Vizantiyskie khroniki i lokalizatsiya polovetsko-vizantiyskoy voyny 1148 g. [The Byzantine Chronicles and the localization of the Cuman-Byzantine War of 1148]. *Letopisi i khroniki 1975 g. M.N. Tikhomirov i letopisovedenie* [Annals and Chronicles. 1975. M.N. Tikhomirov and the Studies of Chronicles]. Moscow, 1976, pp. 17–22. (In Russian)
14. Biro B.M. The Kipchaks in the Georgian Martyrdom of David and Constantine. *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eotvos nominatae, (sectio linguistica)*. Budapest, Eötvös Loránd Tudományegyetem, 1973, pp. 161–168.
15. Bosworth C.E. The Political and Dynastic History of the Iranian World (A.D. 1000–1217). *The Cambridge History of Iran*. Vol. 5: *The Seljuq and Mongol Periods*. Boyle J.A. (ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 1968, pp. 1–202.
16. Bozhilov I., Gyuselev V. *Istoriya na Dobrudzha* [History of Dobruja]. Vol. II: *Srednovekovie* [Middle Ages]. Veliko Turnovo, Faber, 2004. 468 p. (In Bulgarian)
17. Bunyatov S.M. *Gosudarstvo khorezmshahov Anushteginidov, 1097–1231* [The State of the Khwārazmshāhs Anushteginids, 1097–1231]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 248 p. (In Russian)
18. Byodei Y. Ungarski voenachalnik s izopacheno ime v b'lgarskata istoriografiya [A Hungarian Commander with a Distorted Name in the Bulgarian Historiography]. *Vekove* [Centuries]. Sofiya, Nauka i izkustvo, 2 (1983), pp. 80–83. (In Bulgarian)
19. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. Fejér G (ed.). Vol. II. Budae, Typogr. Regiae universitatis Ungaricae, 1829. 464 p. (In Latin)
20. Dall'Aglio F. The Military Alliance between the Cumans and Bulgaria from the Establishment of the Second Bulgarian Kingdom to the Mongol Invasion. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 16 (2008–2009), pp. 25–54.

21. Diaconu P. *Lez Comans aus Bas-Danube aux XIe–XIIe siècles*. Bucuriesti, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1978. 158 p. (In French)
22. Georgius Acropolita. *Historia. Gr'itski izvori za b'lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. VIII. Voynov M., Tăpkova-Zaimova V., Yonchev L. (eds.). Sofia, BAN, 1971, pp. 150–213. (Greek text and Bulgarian translation)
23. Golden P.B. Aspects of the Nomadic Factor in the Economic Development of Kievan Rus'. *Ukrainian Economic History: Interpretive Essays*. Koropecykj I. S. (ed.). Cambridge, MA, Harvard Ukrainian Research Institute, 1991, pp. 58–101; reprinted in: [25].
24. Golden P.B. Cumanica I: The Qipčaq in Georgia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, IV (1984), pp. 45–87; reprinted in: [25].
25. Golden P.B. *Nomads and Sedentary Societies in Medieval Eurasia*. Washington, D. C., American Historical Association, 1998. 60 p.
26. Golden P.B. *Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Turks, Khazars and Qipchaqs*. Ashgate, Variorum, 2003. x + 372 p.
27. Golden P.B. Nomads and Their Sedentary Neighbors in Pre-Činggisid Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, VII (1987–1991), pp. 41–81.
28. Golden P.B. Nomads in the sedentary world: the case of the pre-Chinggisid Rus' and Georgia. *Nomads in the Sedentary World*. Khazanov A.M., Wink A. (eds). Richmond, Curzon Press, 2001, pp. 24–75; reprinted in: [29]
29. Golden P.B. The *Polovci Dikii*. *Harvard Ukrainian Studies*. Cambridge, Mass., Ukrainian Research Institute, III/IV (1979–1980). *Eucharisteon: Essays Presented to Omeljan Pritsak on His Sixtieth Birthday by His Colleagues and Students*. Part I, pp. 296–309; reprinted in [25].
30. Golden P.B. *Turks and Khazars. Origins, Institutions, and Interactions in Pre-Mongol Eurasia*. Ashgate, Variorum, 2010. x + 368 p.
31. Golev K. Za b'lgarofiliyata na kumanite pri p'rvite Asenevtsi [The Bulgarophilia of the Cumans in the Times of the First Asemids]. *Treti mezhdunaroden kongres po b'lgaristika, 23–26 may 2013 g.* [Third International Congress of Bulgarian Studeis, 23–26 May 2014]. Vol. 20: *B'lgarite prez Srednovekovieto* [The Bulgarians in the Middle Ages]. Sofia, Universitetsko izdatelstvo "St. Kliment Ohridski", 2014, pp. 205–212. (In Bulgarian)
32. Golev K. Za b'lgarofiliyata na kumanite pri p'rvite Asenevtsi [The Bulgarophilia of the Cumans in the Times of the First Asemids]. *Minalo* [Past]. Sofiya, EOOD "Yurukov", 2017, no. 3, pp. 37–56. (In Bulgarian)
33. Golev K. Desht-i Kipchak i Vneshniy mir. Tipologiya kontaktnykh zon mezhdu kumano-kipchakskoy obshtnostyu i vneshnago mira [Dasht-i Qipchāq and the *outside world*. Typology of the Contact zones between the Cuman- Qipchaq Community and the *outside world*]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii "Kipchaki Evrazii: istoriya, yazyk u pismennye pamyatniki" posvyschtennoy 1100 letiyu Kimekskogo gosudarstva v ramkakh Dney tyurkskoy pis'menosti i kul'tury* [A Collection of Materials from the International Scientific Conference "Qipchaqs of Eurasia: History, Language and Written Monuments", dedicated to the 1100 anniversary of the Kimek State in the within the Days of the Turkic History and Culture]. Kumekov B.E. (ed.). Astana, 2013, pp. 142–151. (In Russian)
34. Golev K. Ezhdnevieto kato osnoven factor pri izgrazhdaneto na bazovata socialna struktura na evraziyskite nomadi [The Everyday Life as a Primary Factor in the development of the Basic Social Structure of the Eurasian Nomads]. *Anamneza* [Anamnesis]. (In Bulgarian) (forthcoming).
35. Golev K. *Prichini za kumanskite migracii na Balkanite* [Reasons for the Cuman Migrations in the Balkans]. Sofia, 2013, unpublished doctoral dissertation. 471 p. (In Bulgarian)

36. Gyuzelev V. *Ochertsi v'rhy istoriyata na B'lgarskiya Severoiztok i Chernomoriето (kraya na XII – nachaloto na XV vek.)* [Essays on the History of the Bulgarian North East and the Black Sea Region]. Sofia, Borina, 1995. 143 p. (In Bulgarian)
37. Henricus, frater imperatoris, Innocentio III papae significat Balduinum imperatorem a Bulgaris captum esse. *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin Sources for the Bulgarian History]. Vol. III. Voynov M., Duychev I., Lishev S., Primov B. (eds). Sofia, BAN, 1965, pp. 365–368, (Latin text and Bulgarian translation)
38. Henricus imperator fratri suo Gaudfrido scribit ut imperio Constantinopolitano succurrat. *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin Sources for the Bulgarian History]. Vol. IV. Voynov M., Gyuzelev V., Lishev S., Petrova M., Primov B. (eds). Sofia, BAN, 1981, pp. 12–17. (Latin text and Bulgarian translation)
39. Henricus imperator universis amicis suis de quattuor imperii hostibus a se pervictis scribit. *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin Sources for the Bulgarian History]. Vol. IV. Voynov M., Gyuzelev V., Lishev S., Petrova M., Primov B. (eds). Sofia, BAN, 1981, pp. 18–23. (Latin text and Bulgarian translation)
40. Historia de Expeditione Frederici Imperatoris. *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin Sources for the Bulgarian History]. Vol. III. Voynov M., Duychev I., Lishev S., Primov B. (eds). Sofia, BAN, 1965, pp. 245–291. (Latin text and Bulgarian translation)
41. Historia Peregrinorum. *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin Sources for the Bulgarian History]. Vol. III. Voynov M., Duychev I., Lishev S., Primov B. (eds). Sofia, BAN, 1965, pp. 221–244. (Latin text and Bulgarian translation)
42. Ibn al-Athīr. *The Chronicle of Ibn al-Athīr for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rīkh*. Part 1: *The Years 491–541/1097–1146. The Coming of the Franks and the Muslim Response*. Richards D.S. (transl.). Farnham–Burlington, Ashgate, 2005. 401 p.
43. Ibn al-Athīr. *The Chronicle of Ibn al-Athīr for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rīkh*. Part 3: *The Years 589–629/1193–1231: The Ayyūbids after Saladin and the Mongol Menace*. Trans. D.S. Richards. Aldershot–Burlington, Ashgate, 2008. 331 p.
44. Iliev N. Otnosno vremeto na potushavane bunta sreshtu tsar Boril v'v Vidin [Regarding the Time of Suppression of the Rebellion against Tsar Boril in Vidin]. *Izvestiya na muzeite ot Severozapadna B'lgaria* [Proceedings of the Museums in North Western Bulgaria]. Sofiya, Nauka i izkustvo, 9 (1984), pp. 85–94. (In Bulgarian)
45. Innocentii III papae Gesta. *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin Sources for the Bulgarian History]. Vol. III. Voynov M., Duychev I., Lishev S., Primov B. (eds). Sofia, BAN, 1965, pp. 373–378. (Latin text and Bulgarian translation)
46. Innocentius III papa quendam clericum rogat ut Philippum regem Franciae ad subveniendum terrae sanctae inducat. Rex Bulgarorum cum Cumanis, Turcis et Graecis adversus Lattinos pugnat. *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin Sources for the Bulgarian History]. Vol. III. Voynov M., Duychev I., Lishev S., Primov B. (eds). Sofia, BAN, 1965, pp. 361–363. (Latin text and Bulgarian translation)
47. Innocentius III papa querellis Hemerici regis Ungariae respondet. *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin Sources for the Bulgarian History]. Vol. III. Voynov M., Duychev I., Lishev S., Primov B. (eds). Sofia, BAN, 1965, pp. 351–357. (Latin text and Bulgarian translation)
48. Ioannes Cinnamus. Historia. *Gr'itski izvori za b'lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. VII. Lishev S., Tivchev P. Tăpkova-Zaimova V., Cankova-Petkova G. (eds). Sofia, BAN, 1968, pp. 209–262. (Greek text and Bulgarian translation)
49. Ioannes Stauracius. Oratio Laudatoria de sancti myroblytae Demetrii miraculis. *Gr'itski izvori za b'lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. X. Voynov M., Tăpkova-Zaimova V., Yonchev L. (eds). Sofia, BAN, 1980, pp. 127–132. (Greek text and Bulgarian Translation)
50. Ioannes Zonaras. Epitomae Historiarum. *Gr'itski izvori za b'lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. VII. Lishev S., Tivchev P. Tăpkova-

Zaimova V., Cankova-Petkova G. (eds). Sofia, BAN, 1968, pp. 149–207. (Greek text and Bulgarian translation)

51. Kafesoğlu İ. *Harezmşahlar Devleti Tarihi (485–618/1092–1221)*. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2000. 317 p. (In Turkish)

52. Kargalov V.V. *Vneshne-politicheskie factory razvitiya feodal'noy Rusi (Feodal'naya Rus' i kochevniki)* [External Political Factors for the Development of Feudal Rus' (Feudal Rus' and the Nomads)]. Moscow, Vishaya shkola, 1967. 263 p. (In Russian)

53. Knyaz'ky I.O. Polovtsi v Nizhnem Podunavie [The Cumans in the region of Lower Danube]. *Voprosy Istorii* [Aspects of History]. Moskva, Redaktsiya zhurnala "Voprosy istorii", 2000, no. 2, pp. 121–129. (In Russian)

54. Kr''stev L. Chudesata na sv. Dimit''r Solunski i uchastieto na alani i kumani pri obsadata na Solun prez 1207 g. [The Miracles of St. Demetrius of Thessaloniki and the participation of Alans and Cumans in the siege Thessaloniki in 1207]. *История* [History]. Sofia, Az-Buki, 1998, no. 4–5, pp. 61–65. (In Bulgarian)

55. Lindholm C. Kinship Structure and Political Authority: The Middle East and Central Asia. *Comparative Studies in Society and History*. Cambridge, Cambridge University Press, 28/2 (1986), pp. 334–355.

56. Litavrin G.G. *Bolgariya i Vizantiya v XI–XII vv.* [Bulgaria and Byzantium in 11th–12th cc.]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 472 p. (In Russian)

57. Litavrin G.G. Novoe issledovanie o vostanii v Paristrione i obrazovanii Vtorogo bolgarskogo carstva [A New Research on the Uprising in the Paristrion and the Formation of the Second Bulgarian Empire]. *Vizantiyskiy Vremennik* [Byzantine Annals]. Moskva, Nauka, 41 (1980), pp. 92–112. (In Russian)

58. Malingoudis Ph. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des zweiten bulgarischen Staates. *Byzantina*. Thessalonikē, Aristoteleio Panepistēmio Thessalonikēs. Kentro Vyzantinōn Ereunōn, 10 (1978), pp. 49–148. (In German)

59. Michael Attaleiata. *Historia. Gr''tski izvori za b''lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. VI. Duychev I., Yonchev L., Tivchev P., Tăpkova-Zaimova V., Cankova-Petkova G. (eds). Sofia, BAN, 1965, pp. 159–197. (Greek text and Bulgarian translation)

60. Minhāj al-Dīn al-Jūzjānī. *Tabaqāt-i Nāsiri*. Ed. 'A. Habībī. Vol. I. Kābul, Anjuman-e Tārīkh-e Afghānestān, 1343/1964. 504 p. (In Persian)

61. Minhāj-ud-Dīn al-Jūzjānī. *Tabaqat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan; from A.H. 194 (800 A.D.) to A.H. 658 (A.D. 1260) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. Transl. H.G. Raverty. Reprinted by Oriental Books Reprint Corporation, New Delhi 1970. First published in 1881, in the Bibliotheca Indica Series by Asiatic Society of Bengal. Vol. I. 718 p.

62. Mladenov St. Pechenezi i uzi-kumani v b''lgarskata istoriya [Pechenegs and Uzes-Cumans in the Bulgarian History]. *B''lgarska istoricheska biblioteka* [Bulgarian Historical Library]. Sofia, Pridvorna pechatnitsa, IV (1931). V. 1, pp. 115–136. (In Bulgarian)

63. Murguliya N.P. K voprosu preseleniya poloveckoy ordy v Gruziiyu [On the Question of the Migration of the Cuman Horde in Georgia]. *Iz istorii ukrainsko-gruzinskikh svyazey* [Aspects of the History of the Ukrainian-Georgian Relations]. Skaba A.D. et al. (ed.). Kyiv, 1971, pp. 40–54. (In Russian)

64. Nicephorus Gregoras. *Historia Byzantina. Gr''tski izvori za b''lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. XI. Voynov M., Tăpkova-Zaimova V., Yonchev L. (eds). Sofia, BAN, 1983, pp. 122–193 (Greek text and Bulgarian translation)

65. Nicetas Choniates. *Historia. Gr''tski izvori za b''lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. XI. Voynov M., Tăpkova-Zaimova V., Yonchev L. (eds). Sofia, BAN, 1983, pp. 9–93. (Greek text and Bulgarian translation)

66. Nicetas Choniates. *Orationes. Gr''tski izvori za b''lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. XI. Voynov M., Tăpkova-Zaimova V., Yonchev L. (eds). Sofia, BAN, 1983, pp. 94–117. (Greek text and Bulgarian translation)

67. Nikolov A.I. *Kumanskoto zaselvane v Ungaria i B'lgaria (XII–XIII v.): paraleli i razlichia* [The Cuman Settlement in Hungary and Bulgaria (XII–XIII cc.): Parallels and Differences]. (manuscript in Bulgarian)

68. Nikolov G.N. *Samostoyatelni i polusamostoyatelni vladeniya v'v v'zobnovenoto B'lgarsko carstvo (kraya na XII – sredata na XIII v.)* [Independent and Semi-independent Dominions in the Restored Bulgarian Empire (end of the 12th – mid-13th c.)]. Sofia, Gutenberg, 2011. 256 p. (In Bulgarian)

69. Nikov P. Tsar Boril pod svetlinata na edin nov pametnik [Tsar Boril in the Light of a New Monument]. *Spisanie na B'lgarskata Akademiya na Naukite* [Journal of the Bulgarian Academy of Sciences]. Sofia, D'rzhavna pechatnitsa, 1912, no. 3, pp. 121–134. (In Bulgarian)

70. Noonan T.S. Rus', Pechenegs, and Polovtsy: Economic Interaction Along Steppe Frontier in the Pre-Mongol Era. *Russian History*. Leyden, Brill, 19/1–4 (1992), pp. 301–326.

71. Pálóczi-Horváth A. *Pechenegs, Cumans, Iasians*. Budapest, Corvina, 1989. 181 p.

72. Pavlov Pl. K'm interpretaciyata na nyakoi arheologicheski i numizmatichni nahodki ot Severnoto Chernomorie (XIII–XIV v.) [Towards the Interpretation of Some Archaeological and Numismatic Findings in Northern Black Sea Region]. *B'lgarite v Severnoto Chernomorie* [The Bulgarians in the Northern Black Sea Region]. Vol. 5. Veliko T'movo, 1996, pp. 189–198. (In Bulgarian)

73. Pavlov Pl. Kumanite v'v Vizantiyskata imperiya (1237 g. – p'rvata chetvart na XIV v.) [The Cumans in the Byzantine Empire (1237 – the first quarter of 14th c.)]. *Epokhi* [Epochs]. Veliko T'movo, VTU "Sv. sv. Kiril i Metodiy", 1997, no. 1–2, pp. 37–53. (In Bulgarian)

74. Pavlov Pl. Kumanite vav voennata istoriya na srednovekovna B'lgaria (1186 g. – krayat na XIII v.) [The Cumans in the Military History of Medieval Bulgaria]. *Nauchni trudove na VNVU "Vasil Levski"* [Scientific Proceedings of HPMS "Vasil Levski"]. Vol. II: *Voenna istoriya i istoriya na B'lgaria* [Military History and History of Bulgaria]. Veliko T'movo, 1988, pp. 179–185. (In Bulgarian)

75. Pavlov Pl. Srednovekovna B'lgaria i kumanite: voennopoliticheski otnosheniya (1186–1241) [Medieval Bulgaria and the Cumans: military and political relations (1186–1241)]. *Trudove na Velikot'mnovskiya Universitet "Sv. Sv. Kiril i Metodiy"* [Proceedings of the Veliko Turnovo University "St. St. Cyril and Methodius"]. Vol. XXVII/3. Veliko T'movo, UI "Sv. sv. Kiril i Metodiy", 1992, pp. 8–61. (In Bulgarian)

76. Pavlov Pl. Za rolyata na kumanite v b'lgarskata voenna istotiya (1186–1241) [On the role of the Cumans in the Bulgarian military history (1186–1241)]. *Военно-исторически сборник* [Collection of Studies on Military History]. Sofia, Voennohistoricheska komisiya, 1990, no. 6, pp. 14–23. (In Bulgarian).

77. Petrushevsky I.P. Pokhod mongol'skikh voysk v Srednyuyu Aziyu v 1219–1224 gg. i ego posledstviya [The Campaign of the Mongol troops in Middle Asia in 1219–1224 and its consequences]. *Tataro-mogol'y v Azii i Evrope (Sbornik Statey)* [The Tatar-Mongols in Asia and Europe. Collected studies]. Tikhvinky S. (ed.). Moskva, Nauka, 1997, pp. 107–139. (In Russian)

78. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. I: *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. Is. 1: *Povest vremennykh let* [Tale of Past Years]. Second edition. Leningrad, 1926. (In Old Russian)

79. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. I: *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. Issue 2: *Suzdal'skaya letopis' po Lavrent'evskomu spisku* [The Suzdal Chronicle according to the Laurentian Codex]. Second edition. Akademiya nauk SSSR Publ., 1927. (In Old Russian)

80. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. II: *Ipat'evskaya letopis'* [Hypatian Chronicle]. Second edition. Sankt Peterburg, 1908. (In Old Russian)

81. Pritsak O. Non-‘Wild’ Polovcians. *To Honor Roman Jakobson: essays on the occasion of his seventieth birthday, 11 October 1966*. Vol. II. The Hague–Paris, Mouton, 1967, pp. 1615–1623; reprinted in: [78].
82. Pritsak O. *Studies in Medieval Eurasian History*. London, Variorum Reprints, 1981. 376 p.
83. Rasovskiy D.A. Pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Ugrii [Pechenegs, Uzes and Berendeis in Rus’ and Hungary]. *Seminarium Condacovianum*, VI. Prague, 1933, pp. 1–66. (In Russian)
84. Rasovsky D.A. Polovtsy [Cumans], III. *Annales de l’Institut Kondakov (Seminarium Condacovianum)*. X. Prague, 1938, pp. 155–178. (In Russian)
85. Rasovsky D.A. Polovcy, IV. *Annales de l’Institut Kondakov (Seminarium Condacovianum)*, XI, (1940). Beograd, pp. 95–128. (In Russian)
86. Rasovsky D.A. Rol’ polovcev v voynakh Aseney s Vizantiyskoy i Latinskoy imperii v 1186–1207 g. [The Role of the Cumans in the Wars of the Asenids with the Byzantine and Latin Empire in 1186–1207]. *Spisanie na B’lgarskata Akademiya na Naukite* [Journal of the Bulgarian Academy of Sciences]. Sofia, Pridvorna pechatnitsa, 58 (1939), pp. 203–211. (In Russian)
87. Robert de Clari. *Zavoyuvaneto na Konstantinopol, 1204 godina* [The Conquest of Constantinople, 1204]. Markov N.A. (transl.) Sofia, EVROPRES, 2007. 207 p. (Bulgarian translation)
88. Roberti canonici Chronicon. *Latinski izvori za b’lgarskata istoriya* [Latin Sources for the Bulgarian History]. Vol. III. Voynov M., Duychev I., Lishev S., Primov B. (eds). Sofia, BAN, 1965, pp. 297–300. (Latin text and Bulgarian translation)
89. Rogerii Carmen Miserabile. Juhász L. (ed.) *Scriptores rerum Hungaricarum*. Vol. II. Ed. E. Szentpétery. Budapest, Nap Kiadó, 1999, pp. 543–588. (In Latin)
90. Scylitzes-Cedrenus. *Historiarum Compendium. Gr’itski izvori za b’lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. VI. Duychev I., Yonchev L., Tivchev P., T’pkova-Zaimova V., Cankova-Petkova G. (eds). Sofia, BAN, 1965, pp. 198–340. (Greek text and Bulgarian translation)
91. Shihab ad-Din Muhammad an-Nasavi. *Sirat as-sultan Dzhahal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Din Mankburny)* [Sirat as-sultan Jalāl al-Dīn Mankburny (Biography of Sultana Jalāl al-Dīn Mankburny)]. Bunyatov Z.M. (ed. transl.) Moscow, Vostochnaya literatura, RAN, 1996. lxx + 307 + 422 p. (In Arabic and Russian)
92. Simon of Kéza. *Gesta Hungarorum. The Deeds of the Hungarians*. Edited and translated by László Vespérmy and Frank Schaer, with a study by Jenő Szűcs. Budapest–New York, Central European University Press, 1999. 236 p. (Latin text and English translation)
93. Spinei V. The Cuman bishopric-genesis and evolution. *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans*. Curta F. (ed.). Leiden–Boston, Brill, 2008, pp. 415–456.
94. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca, 2003. 546 p.
95. Stoyanov V. Kumanite v b’lgarskata istoriya (XI–XIV v.) [The Cumans in the Bulgarian History]. *Istoricheski pregled* [Historical Review]. Sofia BAN, 2005, no. 5–6, pp. 3–25. (In Bulgarian)
96. Stoyanov V. *Kumanologiya. Opiti za rekonstrukciya* [Cumanology. Attempts for Reconstruction]. Sofia, Marin Drino. 357 p. (In Bulgarian)
97. Świętosławski W. Arms and Armor of the Cumans Aristocracy in the 12th – 13th Century. *Quaestiones Medii Aevi Novae*. Warszawa, Wydawn. DiG, Warszawa II (2006), pp. 103–124.
98. Świętosławski W. *Arms and Armour of the Nomads of the Great Steppe in the Times of the Mongol Expansion (12th–14th Centuries)*. Łódź, Oficyna Naukowa, 1999. 144 p.

99. Theodorus Scutariota. *Compendium Chronicum. Gr'itski izvori za b'lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. VIII. Voynov M., T'pkova-Zaimova V., Yonchev L. (eds). Sofia, BAN, 1971, pp. 214–303. (Greek text and Bulgarian translation)

100. Theophylactus Achridensis. *Epistulae, Gr'itski izvori za b'lgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History]. Vol. IX, part 2. Iliev I. (ed.). Sofia, BAN, 1994, pp. 80–229. (Greek text and Bulgarian translation)

101. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 230 p.

102. Yorulmaz O. Harezmsah Kanghları/Kanklıları (Etkileri, Roller ve Akıbetleri). *Türk Dünyası Araştırmaları*, 162 (2006), pp. 151–172. (In Turkish)

103. Geoffroi de Villehardouin. *Zavlyadyavaneto na Konstantinopol* [The Conquest of Constantinople]. Bozhilov I. (transl.). Sofia, Nauka i izkustvo, 1985. 214 p. (Bulgarian translation)

104. Zlatarski V. *Istoriya na b'lgarskata d'rzava prez srednite vekove* [History of the Bulgarian State in the Middle Ages]. Vol. II: *B'lgariya pod vizantiysko vladichestvo /1018–1187/* [Bulgaria under Byzantine Rule /1018–1187/]. Sofia, Akademichno izdatelstvo “Marin Drinov”, Second phototype edition, 2007. 565 p. (In Bulgarian)

105. Zlatarski V. *Istoriya na b'lgarskata darzhava prez srednite vekove* [History of the Bulgarian State in the Middle Ages]. Vol. III: *Vtoro b'lgarsko tsarstvo. B'lgariya pri Asenevci, 1187–1280* [Second Bulgarian Empire. Bulgaria during the Asenids, 1187–1280]. Sofia, Zahariy Stoyanov–Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Ohridski”, Third phototype edition, 2007. 637 p. (In Bulgarian)

About the author: Konstantin V. Golev – PhD (History), Assistant-Professor, Institute for Historical Studies, Bulgarian Academy of Sciences (bl. 17, Shipchenski prohod Blvd. 52, Sofia, Bulgaria). E-mail: kosyogolev@mail.bg

Received March 26, 2018 Accepted for publication August 31, 2018

Published September 29, 2018

БОЛГАРОФИЛИЯ КУМАНОВ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ АСЕНИДОВ В БОЛГАРИИ

Константин Голев^{1,2}

¹ *Институт исторических исследований, Болгарская академия наук*

² *Софийский университет «Святой Климент Охридский»*

*София, Болгария
k.golev@ihist.bas.bg*

Цель исследования: целью настоящей статьи является рассмотрение феномена болгарофилии, представлявшей отличительным признаком в действиях кумано-кипчакских племен на Балканах в конце XII – первой половине XIII века. Автор стремится ответить на вопрос, какие факторы обуславливали неизменную поддержку куманами недавно созданной Второй болгарской империи против различных противников, таких как Византия, Латинская империя Константинополя и королевство Венгрии.

Материалы исследования: настоящая статья основывается на разнообразных источниках. Сведения первостепенной важности для анализа кумано-кипчакской деятельности на Балканах предоставляют византийские летописи, а также латинские и французские источники о крестоносцах на Балканах. В качестве сравнительного материала были использованы сведения о куманах, содержащиеся в летописях Руси, персидских летописях и других исламских источниках. Несмотря на разнообразный характер, все эти источники имеют одну общую особенность: они не фокусировались на истории куманов-кипчаков в своем повествовании и обычно касались ее только в том случае, когда кочевники оказывались вовлечены в дела своих оседлых соседей. Таким образом, отображение кумано-кипчакской деятельности в определенном регионе вообще (и в частности на Балканах) неизбежно является фрагментарным и неполным не только на страницах отдельных хроник, но и в рамках всех средневековых историографических традиций, к которым они относятся. Вследствие этого здесь используется сравнительный подход к неоднородным источникам для проведения исчерпывающего анализа кумано-кипчакского присутствия на Балканах.

Новизна исследования: настоящая статья впервые идентифицирует и дает определение феномену болгарофилии, выражаемой куманами в их деятельности на Балканах в конце XII – первой половине XIII века. Данная работа также является одним из первых исследований, рассматривающих присутствие куманов на Балканах в широкой сравнительной перспективе, используя дополнительные источники по истории этих кочевников в Понтийских степях, а также в Центральной Азии.

Результаты исследования: последовательная линия поддержки куманами болгарской военной активности в юго-восточной Европе не может рассматриваться следствием какой-то эмоциональной симпатии куманской элиты, а напротив, как результат сугубо объективных и материальных соображений. Болгарофилия была рассмотрена и истолкована здесь в контексте общей историографической концепции развития сбалансированных отношений между кумано-кипчаками и их оседлыми соседями.

Ключевые слова: куманы, кипчаки, Вторая болгарская империя, Балканы, Византия, Латинская империя Константинополя

Для цитирования: Golev K. The *Bulgarophilia* of the Cumans in the Times of the First Asenids of Bulgaria // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 452–471. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.452-471

Сведения об авторе: Константин Валериев Голев – доктор исторических наук, ассистент, Институт исторических исследований Болгарской Академии Наук (Шипченски проход 52, бл. 17, София, Болгария). E-mail: kosyogolev@mail.bg

Поступила 26.03.2018 Принята к публикации 31.08.2018
Опубликована 29.09.2018

**О СВЯЗЯХ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОГО УЛУСА
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ С ИРАНОМ В X–XIV ВВ.
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)**

К.А. Руденко

*Казанский государственный институт культуры
Казань, Российская Федерация
murziha@mail.ru*

Цель: изучение международных торговых, экономических и культурных связей Волжской Булгарии и Булгарского Улуса Золотой Орды с Ираном; выявление особенностей и динамики этих связей в X–XIV столетиях.

Материалы исследования: основным источником являются археологические артефакты, полученные в результате раскопок в конце XX – начале XXI века. Это предметы, изготовленные из металла, керамики и стекла. В их числе и уникальные артефакты, сделанные по редким технологиям, а также металлические сосуды, инкрустированные медью и серебром.

Результаты и научная новизна: впервые был проведен комплексный анализ археологических артефактов, свидетельствующих о связях Волжской Булгарии и Булгарского Улуса Золотой Орды с Ираном; определены наиболее важные группы артефактов, характеризующие их, в том числе и уникальные изделия из «белой бронзы». Было установлено, что в культурной жизни и в искусстве Волжской Булгарии и Булгарского Улуса Золотой Орды изделия иранских ремесленников играли значительную роль. Их копировали, иногда трансформировали под собственные вкусы и традиции. На основе многих иранских ремесленных изделий создавались уже болгарские изделия. С X до XII в. главным городом Ирана, с которым болгары имели торговые и культурные контакты, являлся Нишапур. В XII–XIII в. торговля болгар велась преимущественно с иранскими городами, находившимися в области Хорасан. После монгольских завоеваний население Булгарской области Золотой Орды с конца XIII в. возобновило контакты с Хорасаном. Только импорт ограничивался небольшим количеством дорогих изделий. Это художественная посуда и украшения. Главным импортером эксклюзивных иранских товаров стала столица Булгарского улуса Золотой Орды – город Булгар.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Золотая Орда, Хорасан, Иран, художественный металл, средневековая керамика, Булгар

Для цитирования: Руденко К.А. О связях Волжской Булгарии и булгарского улуса Золотой Орды с Ираном в X–XIV вв. (по археологическим материалам) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 472–488. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.472-488

**ON THE RELATIONS OF VOLGA BULGARIA
AND THE BULGAR ULUS OF THE GOLDEN HORDE
WITH IRAN IN THE 10TH–14TH CENTURIES
(ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL MATERIALS)**

K.A Rudenko

*The Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russian Federation
murziha@mail.ru*

Abstract: *Objective:* To study international trade, economic ties and cultural relations of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde with Iran; to identify the features and dynamics of these relations in the 10th–14th centuries.

Research materials: The main sources are archaeological artifacts obtained as a result of excavations in the late twentieth and early twenty-first centuries. These are items made of metal, ceramics and glass. Among them there are unique artifacts made using rare technologies, as well as metal vessels encrusted with copper and silver.

Results and novelty of the research: The author for the first time ever comprehensively analyzed the archeological artifacts that testify to the relations of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde with Iran. He identified the most important groups of artifacts characterizing them, including unique pieces made of “white bronze”. It was established that the products of Iranian artisans played a significant role in the cultural life and art of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde. They were copied, sometimes being transformed to local tastes and traditions. Bulgarian products were created on the base of many Iranian handicraft products. From the tenth to the twelfth century, Nishapur was the main city of Iran with which the Bulgars had trade and cultural contacts. In the twelfth–thirteenth century, the trade of the Bulgars was conducted mainly with the Iranian cities situated in the Khorasan area. After the Mongol conquests, the population of the Bulgarian region of the Golden Horde resumed contacts with Khorasan from the end of the thirteenth century. However, imports were limited to a small number of expensive products. These were artware and jewelry. The main importer of sought-after Iranian goods was the capital of the Bulgar Ulus of the Golden Horde – the city of Bulgar.

Keywords: Volga Bulgaria, Golden Horde, Khorasan, Iran, medieval metalwork, medieval ceramics, Bulgar

For citation: Rudenko K.A. On the Relations of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde with Iran in the 10th–14th centuries (according to archaeological materials). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 472–488. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.472-488

Волжская Булгария с момента своего возникновения в X в. была тесно связана торговыми отношениями со многими странами, входившими в орбиту международных торговых путей. После принятия булгарами ислама в начале X в. определились приоритеты в тех направлениях, в которых правители булгар были заинтересованы прежде всего. Это государства мусульманского Востока. Из них традиционным для булгар был Хорезм, откуда купеческие караваны доходили до Средней Волги и Камы еще в IX в., о чем свидетельствуют письменные источники. Однако другие направления восточных связей по этим данным определить было затруднительно.

В этой ситуации особый вес приобретают археологические данные. Они стали активно привлекаться для освещения данного вопроса в историко-археологических штудиях с середины – второй половины XX в. Особенно когда начались планомерные масштабные раскопки болгарских археологических памятников [18, с. 40–41, 59, рис. 11]. Конечно, в той или иной степени эта тема поднималась и ранее, однако в большинстве своем эти суждения были построены на общих соображениях и предположениях, поскольку характер болгарских древностей оставался практически неизвестным.

Большинство специалистов, обращавшихся к теме связей болгар со странами Востока, как правило рассматривали последние обобщенно, в совокупности, объединяя в это понятие разные государства и страны – от Египта и до Китая. Не останавливаясь на вопросах историографии, что требует отдельного изучения, отметим, что чаще всего для домонгольского времени выделялись торговые контакты со Средней Азией, и в меньшей степени с государствами Ближнего Востока, а география экономических и торговых связей Булгарского улуса в период Золотой Орды чаще всего определялась достаточно условно. Кроме того, рассмотрение этих вопросов в исторической ретроспективе не приводилось. Остановимся на одном из таких вопросов – связях между Волжской Булгарией в X – начале XIII в. и Булгарской областью Золотой Орды во второй половине XIII – XIV вв. с Ираном.

Иран с момента вхождения в Арабский халифат играл в новом государстве весьма важную роль, в том числе и в сложных политических и религиозных течениях [1, с. 32–37, 63; 5, с. 84–87; 21, с. 10–20]. Многое из государственной структуры сасанидского Ирана было унаследовано халифатом [21, с. 33], а искусство сасанидской империи оказалось достаточно близко двору Омейядских правителей [4, с. 190].

Территория домусульманской Персии к X в. оказалась разделенной между несколькими мусульманскими династиями, в основном Буидами, Саманидами, и только к концу XI в. она оказалась практически полностью в сельджукском государстве, которое включало в себя Малую Азию, Грузию, Ирак, Армению, часть Средней Азии [1, с. 213; 31, р. 348–350, *map*]. При всем этом персы сохранили многие национальные традиции, что отразилось в разных областях общественной и культурной жизни и особенно ярко в изобразительном искусстве и литературе [28, р. 68–69; 9, с. 41–43, 48; 22, с. 330–332, 344].

Особо важным является период X–XI вв. – первые века существования суверенного болгарского государства. В это время часть восточного и северо-восточного Ирана в бывшей провинции сасанидского Ирана – Хорасане, с центром в городе Нишапуре, – играла особую роль в политической и экономической жизни Центральной и Средней Азии [19, с. 202–205]. Нишапур в X–XI вв. – крупный город, протяженностью более фарсага, сосредоточие ремесла и учености, где жили и творили выдающиеся богословы, историки и географы [2, с. 57, 63, 73, 200, прим. 4], – оказался в этот период связан с булгарами сухопутным путем, по которому в начале X в., вероятно, передвигался с караваном посол багдадского халифа Ибн Фадлан [20, с. 27].

Археологические материалы свидетельствуют, что с культурой мусульманской Персии булгары познакомились не позднее середины X в., что хорошо заметно на фоне многочисленных хазарских изделий [14, с. 117], а на

правление внешних связей определяли хорезмийские торговые представители. Тем не менее уже в конце X в., в пору обретения независимости и государственного суверенитета, булгары вступили в прямые отношения с Хорасаном. Наиболее ярким свидетельством этого являются тонкостенные полусферические чаши из т.н. «белой бронзы», составляющие достаточно представительную серию исламской торевтики IX–XI вв. [34, р. 123–151], украшенные с внутренней стороны гравированными геометрическими рисунками (рис. 1 – 1–8). Эти чаши привозились булгарами в Приочье и в Марийское Поволжье для обмена на ценные товары, прежде всего пушнину. Во второй половине XX в. при раскопках могильников марийцев и муромы X–XI вв. было обнаружено более десятка таких артефактов.

Точное место производства этих чаш пока не определено. Было бы заманчиво видеть в них булгарские изделия, тем более что одна из чаш была обнаружена на булгарском I Семеновском селище в Татарстане в 80-х гг. XX в. Однако состав металла этих предметов с редкими компонентами в сплаве, сложнейшая технология, высочайший уровень мастерства художников-гравиров, а также иконография, не имеющая местных основ, не позволяют предполагать производство большей их части булгарами. Кроме того, такие же чаши привозились торговцами на Урал, в Зауралье – в Приобье (рис. 1 – 4). Топография этих находок показывает, что путь их поступления не связан с булгарами, так как в Прикамье, через которое булгарские купцы могли теоретически их доставлять за Урал, таких находок нет. Более того, чаша, которая была обнаружена в Предуралье на р. Чепца (Удмуртия), датированная XI – XII вв. (рис. 1–11), сделана из другого металла (т.е. не из «белой бронзы») и, скорее всего, западноевропейского производства, как и ряд других подобных изделий из Среднего Поволжья (рис. 1 – 10, 12).

Вместе с тем, обращают на себя внимание и весьма любопытные особенности чаш из белой бронзы, поступавшие через булгарские земли. Так, если на иранских литых бронзовых чашах декор всегда наносился с двух сторон, то на чашах из белой бронзы, найденных на Средней Волге орнамент всегда только с внутренней стороны. Эти особенности были рассмотрены нами ранее [11, с. 88–94; 16, с. 157–172], поэтому отметим только, что в середине – второй половине X в. для их декора характерно абсолютное преобладание геометрических мотивов, что в принципе характерно не только для художественного металла, но и для глазурованной керамики этого времени Средней Азии и Ирана с типичной чертой, присущей только исламской керамики – доминированием декора [4, с. 218]. Причем некоторые из металлических чаш этого вида уникальны в большей степени не столько характером рисунка, а особой технологией изготовления [8, с. 74, 76, табл.].

В первой четверти XI в. через Булгар к марийцам попадает небольшая партия чаш из «белой бронзы» (рис. 1 – 6–8) с реминисценциями раннеисламского и даже позднего сасанидского стиля в рисунках, что встречается на иранских изделиях IX–X вв. [16, с. 166, рис. 3–1; 24, р. 123].

Этот своеобразный бестиарий является, по мнению О. Грабара, характерным для иранской традиции, являясь отражением «местной, народной культуры» [4, с. 220]. Вместе с тем, очевидно, что эти орнитоморфные изображения, как и рисунок фантастического зверя – схематизированное изображение

Рис. 1. Хронология металлических чаш X–XIV вв. из Среднего Поволжья и Зауралья.

1–3, 6–9: Марийское Поволжье; 4: Зауралье; 5: Приочье; 10: Посурье;

11, 12: Прикамье; 13–18: Среднее Поволжье (Волжская Булгария).

1–9, 13–18: производство Ирана.

Fig. 1. Chronology of the metal bowls of the 10th–14th centuries from the Middle Volga and Trans-Ural regions.

1–3, 6–9: Mari Volga region; 4: Trans-Ural region;

5: Cis-Oka region; 10: Sura region; 11, 12: Cis-Kama region;

13–18: Middle Volga Region (Volga Bulgaria).

1–9, 13–18: production of Iran.

льва или пантеры – несут в себе не реалистичные образы, а условно-геометрическую форму, являясь по сути геометризированными элементами декора, являясь, по меткому выражению О. Грабара, «контрастом форм и линий» [4, с. 236]. Вряд ли их можно считать некими астрологическими символами. Впрочем, активное включение в орнаментику предметов декоративно-прикладного искусства мусульманского Востока астрологических символов и мотивов произошло примерно с XII в., а иконография таких сюжетов сложилась позже [23, р. 248; 27].

Если обратиться к аналогиям, то чаши из «белой бронзы» и фрагменты от них, выполненные в «геометрическом стиле», найденные при раскопках в Сирафе (портовый город в иранской провинции Бушер на побережье Персидского залива), а также в Нишапуре, датированы, по мнению Е. Байер, промежуток между X и XI вв. [23, р. 108–109], что согласуется в целом с археологической датировкой, чаш найденных в Марийском Поволжье.

Отметим также, что на чашах начала XI в. из Поволжья имеется характерный прием декорирования – мелкие кружочки с точкой в центре, полностью заполняющие фон рисунка. Как считает А.А. Иванов, этот прием, зафиксированный им на небольшой группе изделий (чаши из Хунзаха и музея Метрополитен, а также ковш из Барсова городка близ Екатеринбурга), характерен для торовтов Восточного Ирана, работавших в первой половине XI в., и в целом был типичен для хорасанских изделий VII–XI вв. [6, с. 184–185; 7, с. 32] или, чуть сужая хронологические верхние рамки, в начале XI в. [7, с. 28].

К этой же группе изделий, мы считаем, можно отнести пару бронзовых ковшей из Биляра – столицы Волжской Булгарии в домонгольское время [11, с. 80–81; 16, с. 167, рис. 4]. Они имеют точные аналогии в Нишапуре (музей Иран-Бастан в Тегеране) и в Гератской области (современный Афганистан). С последней связывает эти находки и исследователь «белых бронз» М.С. Меликян-Ширвани [34, р. 139, fig. 24, 25]. Билярские ковши, скорее всего, были привезены либо из Нишапура, либо из Герата в XI в. Правда, очевидных связей Булгара с Гератом пока выявить не удалось, так что версия о нишапурском происхождении этих артефактов предпочтительнее. Такой же дизайн имеет фрагмент бронзовой чаши, найденный на Измерском селище, которое датируется Е.П. Казаковым второй половиной X – началом XIII в. Этот артефакт украшен мелкими кружочками с точкой в центре и небольшими круглыми углублениями, как на нишапурских ковшах из Биляра [13, 132, рис. 20–2].

Несколько небольших фрагментов, вероятно, от литых бронзовых чаш, орнаментированных маленькими кружочками, найденных на Булгарском городище, точно атрибутировать трудно из-за небольших размеров фрагментов [11, с. 131, рис. 29–3; 13, с. 292–293, 340, рис. 98–10], хотя ближайшие аналогии имеются в бронзовых изделиях Хорасана XI в., в целом и в частности – в Нишапуре [34, р. 136, fig. 16, 17].

Кроме того, в XI–XII вв. в Биляре и Измерском селище изготавливались бронзовые поясные накладки [12, с. 166–167, 172, рис. 1 – 1–7] – подражания деталям иранского парадного пояса XI–XII вв. из серебра с инкрустацией, позолотой и чернью, ближайшие аналоги которых происходят из Нехавенда, города на западе Ирана, в провинции Хамадан [33, р. 145, fig. 333, 334].

Достаточно представителен хорасанский импорт предметов художественного металла в Булгарию в XII – начале XIII в. Это бронзовые ступки,

светильники и подставки для них, курильницы, котлы, тазы и чаши [11, с. 82–84]. В основном эти находки происходят из Биляра и Булгара (НМ РТ, инв. №№5427; №13385, Б-9769). Фрагменты подставок для масляных ламп немногочисленны и представлены деталями от вертикального держателя (например, находка 1989 г. на Билярском городище в районе т.н. «кузнечного мара»). Их аналогии имеются в иранских изделиях X–XI вв. [23, р. 12, fig. 4]. Известные типы масляных бронзовых ламп, в частности с округлым или фигурным резервуаром с открытым или закрытым носиком и кольцевидной ручкой [11, с. 127, рис. 25–1, 3]. По мнению Е. Байер, они имеют византийские истоки и изготавливались в Хорасане не ранее X в. [23, р. 23, fig. 13].

Более широкую географию изготовления имеют бронзовые курильницы, из которых в коллекции Национального музея Татарстана из раскопок на Булгарском городище в 1957 г. (НМ РТ, полевой шифр К-57) представлена одна обломанная ножка в виде стилизованной лапы животного [11, с. 131, рис. 29–8; 13, с. 341, рис. 99–1]. Судя по аналогиям, она принадлежала небольшой цилиндрической прорезной курильнице с полусферической крышечкой. Такие изделия изготавливались и бытовали не ранее XIII в. [23, р. 51, fig. 35]. Отсутствие других частей изделия не позволяет уточнить атрибуцию.

Котлы хорасанского производства с полусферическим туловом, вертикальными ручками и широкими трапециевидной формы «отворотами» венчика (сохранились обломки венчика из Билярского городища [11, 131, рис. 29–2]) встречаются с XII в., и, судя по подписанным изделиям таких форм, их производство продолжалось до второй половины XIV в. [32, р. 483]. Также к продукции хорасанского центра исследователи относят литые тазы (?) с ручками, украшенными изображением кошачьего животного, датированные XI–XII вв. В находках из Билярска имеются характерные ручки от таких изделий [11, с. 84; 13, с. 341, рис. 99–2]. Отметим, что на этих предметах нет следов инкрустации ни серебром, ни медью.

Однако самым популярным импортом из Хорасана в XII – начале XIII в. были бронзовые, инкрустированные серебром чаши полусферической формы. Целые из них только две (рис. 1 – 13, 15), остальные – фрагменты от трех изделий [13, с. 294–295, 336, 340, ил. 431, 432, рис. 96 – 2; 98 – 2–4; кат. №373]. Все они найдены в Булгаре и датируются второй половиной XII – XIII в. Это вполне соотносится с началом производства такого рода изделий на востоке Ирана, в Хорасане – не ранее середины XI в. [7, с. 28], хотя производство инкрустированных исламских бронз начинается гораздо раньше – еще в конце IX – середине X в. [29, р. 333]. Отличительной чертой изделий, попавших к булгарам, было оформление фона надписи, обычно расположенной снаружи в верхней части чаши, – спирально скрученными стеблями с пальметками, а также, иногда – верхних окончаний букв в виде человеческих голов. В самой Булгарии производство инкрустированных сосудов, скорее всего, не осуществлялось, по крайней мере на сегодняшний день мы не имеем ни одного убедительного свидетельства этого.

К числу импортировавшихся инкрустированных хорасанских бронз нужно отнести бронзовые чернильницы середины – второй половины XII в., найденные на Булгарском городище, а также близ села Кульбаева Мараса в Нурлатском районе Татарстана [13, с. 301, 335, ил. 450, рис. 91–3, кат. №374].

Аналогичные им изделия XII в. хорасанского производства имеются в собраниях Британского музея и Метрополитен [23, p. 79, fig. 59; 38, p. 15, fig. 6].

К XII – началу XIII в. относится достаточно большой импорт в Булгарию поливной монохромной, с двухсторонней глазурью керамики, что хорошо документируется материалами из раскопок Билярского городища в 1967–1987 гг. Распространение ее в крупных болгарских городах и в зажиточных сельских усадьбах в центральных районах Волжской Булгарии приходится на первую – вторую треть XII в. [16, с. 300, 315, рис. 4–8–10; 15, с. 1482–1486]. Из редких изделий, встречающихся в основном на Билярском и Булгарском городищах – фрагменты люстровой керамики, центры изготовления которой с раннеисламского времени находились в Египте и Иране [35, p. 63]. Привозились чаши, кувшины с орнаментом из растительных мотивов или, что весьма вероятно, с декором из фигурных композиций [39, p. 353–354, 360, cat. №№ O.10, O.12, O.19]. Встречаются на Билярском городище и фрагменты иранских кашинных сосудов с глухой бирюзовой глазурью и надглазурной росписью черной краской [39, p. 336–337, cat. N.3; N.5].

Кроме того, на Билярском городище была найдена почти целая фаянсовая иранская чаша на поддоне с изображением человеческих личин. Она изготовлена в специальной модели, подобные которой известны в иранских древностях XII–XIII вв. [39, p. 140–141, cat. Af.3]. Вариации таких чаш, производившихся в Иране в XII в., достаточно разнообразны, в том числе встречаются экземпляры с монохромной глазурью [30, p. 176–177, cat. 172–174].

В начале XIII в. в Булгарию привозились чаши типа минаи, фрагменты которых встречены в Булгаре, и единичные фрагменты обнаружены при раскопках Билярского городища. Чаши типа минаи производились в Кашане в начале XIII в. [26, p. 129, cat. 58; 39, p. 363–371].

Импортировалась, скорее всего, и стеклянная посуда из Хорасана, правда ее ассортимент был во многом близок стеклянным изделиям Ближнего Востока в целом и выделить их из общей массы ближневосточного стекла (особенно во фрагментированном виде) крайне затруднительно. Тем не менее фрагменты стеклянных ламп X–XI вв. (донца, петли для подвешивания, стенки тулова) (кстати, вместе с иранской глазурованной керамикой), найденные на II Билярском селище, которое датировано исследователем селища Е.А. Беговатовым концом X – началом XI в. [3, с. 158–162], хорошо диагностируются и могут быть отнесены к производству Нишапура или Хорасана в целом. Небольшие стеклянные бутылки, обнаруженные при раскопках в центре Билярского городища, и миниатюрные сосуды с резным и накладным узором с Булгарского городища имеют аналогии в стеклянных изделиях Ирана X–XI вв. [25, p. 20, 91, fig. 5 cat. 17]. Аналогии с нишапурским стеклом (как, впрочем, и с ближневосточными изделиями из стекла X–XI вв. в целом) можно обнаружить и на других болгарских городищах, возникших в первой половине домонгольского времени, например, на Суварском городище¹.

Интересна ситуация с ювелирными украшениями из драгоценных металлов. Булгарские ювелиры в XI в. использовали приемы, характерные для иранского ювелирного дела X–XI вв., например, наложение сканых колечек на сквозные отверстия в основе изделия [36, p. 205, 211, cat. 133–136, 146],

¹ Коллекция Суварского музея.

использование элементов конструкции в виде соединенных между собой полых элементов, состыкованных при помощи зерни [37, р. 118–119]. Эти элементы технологии производства золотых украшений (и только их) использовались болгарскими ремесленниками до начала XIII в. Также для этой сферы деятельности характерно заимствование болгарскими мастерами иранских образцов и даже отдельных популярных бытовых предметов, например, навесных замочков на ларцы в виде стилизованной фигурки льва (т.н. «рогатые барсы») [13, с. 290, ил. 410]. Узнаваемы их прототипы, например, курильницы в виде фигуры льва, датированные XI – началом – второй четвертью XII в. [38, р. 12, fig. 3], причем Е. Байер отмечает прямые аналогии им в изображениях на нишапурской керамике [23, р. 57–58, fig. 41]. Параллельно болгарским изготавливались похожие замочки в Хорасане во второй половине XII в. [36, р. 221, cat. 170].

Также иранские прототипы находят некоторые редкие изделия, известные в древностях домонгольских болгар. Это, например, серебряная коробочка-коранница с чернью из Спасского клада начала XIII в. [13, с. 121, рис. 8–1]. Её предтеча обнаруживается в иранских древностях X–XII вв. [36, р. 253, cat. 213]. Этим же временем датируются подвески-амулетницы в виде небольших серебряных с медной инкрустацией коробочек с петельками, ставших основой для болгарских изделий [36, р. 251, cat. 211]. Последние, хотя и серебряные, но только с черненными рисунками и без надписей [13, с. 382–383, кат. №№ 80–83]. Такие амулетницы в болгарских древностях немногочисленны и представлены всего одним типом, с несколько варьирующимися деталями рисунка. Датируются болгарские изделия XII в. Отметим, что в ордынское время такие изделия, но уже с зерновым узором и вставкой, встречаются на Булгарском городище [13, с. 130, рис. 18–3].

Монгольские завоевания конца 1230-х гг. нанесли сильнейший удар по сложившимся столетиями торговым, экономическим и культурным связям, в том числе и ирано-болгарским. Однако в рамках нового государства – Великой монгольской империи – стал складываться совершенно новый тип отношений как в экономической, так и в культурной сферах. Интересно, что противостояние отдельных частей империи – Хулагуидского Ирана и правителей Золотой Орды – не было непреодолимой преградой для культурных контактов. Механизм этих явлений пока остается не совсем ясным, однако имеются факты, которые демонстрируют появление изделий иранского производства на территории Булгарского улуса Золотой Орды, причем в основном в столичном Булгаре. Ассортимент их был не очень разнообразен: украшения (серьги или височные украшения), парадная металлическая посуда (котелки, подсвечники, кубки, чаши), а также поливная керамика [13, с. 462, 490–493; кат. №№ 306, 378–380].

По имеющимся на сегодняшний день данным можно предполагать, что иранские предметы стали появляться в Булгарском улусе не ранее конца XIII в. Маркируют этот рубеж бронзовые кубки с серебряной инкрустацией [13, 492–493, кат. №№ 379, 380]. Один из них был найден у с. Пролей-Каша (Тетюшский район РТ) (рис. 1–17), другой (рис. 1–16) происходит, вероятно, из Булгара. Этот тип кубков исследовал Ричард Эттингхаузен, который детально рассмотрел происхождение их формы и орнаментов и пришел к выводу, что они отно-

сятся к Восточному Ирану (наиболее вероятно, к Хорасану) и производились здесь с начала XIII в. [29, р. 362, 365]. В серии таких изделий в зарубежных собраниях имеются несколько шедевров, например, знаменитой Vaso Vescovaly хорасанского производства (около 1200 г.) [26, р. 207–208, cat. 124]. Кубки из Булгарской области Золотой Орды (рис. 1–16, 17), судя по их оформлению, изготовлены в конце XIII – начале XIV в. В этот же период был привезен в Булгар и бронзовый подсвечник, инкрустированный серебром и украшенный медальонами с изображением животных и людей [13, с. 491, кат. №378].

Перечень известных нам обнаруженных в Булгарском улусе импортных иранских инкрустированных изделий продолжает бронзовая чаша начала XIV в. из находок на Булгарском городище (собрание ГИМ) и несколько фрагментов (вероятно, тоже из Булгара) от таких чаш из коллекции ОАИЭ с изображением на дне плавающих рыбок (рис. 1–18). У них имеются многочисленные аналогии [23, р. 280, fig. 227]. Сюда же необходимо отнести и три небольших котелка иранского производства XIV в. Они были инкрустированы серебром и украшены различными изображениями. Здесь же был найден такой же котелок, но без инкрустации [13, с. 300, 336, ил. 447, рис. 93, 94]. Показательно, что все эти эксклюзивные изделия были скрыты как клад – то есть их рассматривали как очень ценные предметы. Традиция изготовления бронзовых парадных котелков начинается в Хорасане еще в домонгольский период (не ранее XII в.). Одним из мест их производства был Герат, где был изготовлен в 1163 г. известный эрмитажный котелок с инкрустацией, подписанный мастерами Мухаммадом ибн Абд ал-Вахидом и Мас‘удом ибн Ахмадом ан-наккашем. Правда котелки XIV в. иные по форме – тулово их становится «раздутым» в нижней части, меняется и композиция декора. Показателен в этом отношении котелок мастера Мухаммада-шаха аш-Ширази, изготовленный в 1333 г. в южном Иране, из собрания Государственного Эрмитажа (ГЭ, инв. №ИР-1484), форму которого повторяют котелки из Булгара.

Кроме того, из Булгара происходит серия небольших чашечек с носиком [13, с. 337, рис. 95]. Они встречены как в кладах, так и в культурном слое городища. Внешняя поверхность этих изделий украшена орнаментальным пояском с благопожелательной надписью, края которого представляют собой узкую неорнаментированную ленточку, переплетение которых образуют несколько круглых картушей, внутри которых размещен орнамент, состоящий из Y-образных элементов, характерный для XIV – начала XV в. Такие чаши изготавливались в Иране с XII до конца XIV в. Причем в конце XIII – начале XIV в. такие чашечки с носиком производились и в Египте [23, р. 117–119, fig. 96, 97].

Отдельные металлические художественные предметы изредка попадали и к жителям периферии Булгарского улуса, как например, бронзовое блюдо (сохранился один фрагмент), найденное на II Русско-Шуганском поселении в Муслумовском районе РТ. Оно по аналогиям может быть датировано началом XIV в.

Отметим, что все из вышеперечисленных предметов – изделия, выполненные на высоком профессиональном уровне, с тончайшей работой специалистов, прекрасно владевших техниками гравировки, инкрустации, литья. Впрочем, и сам металл, из которого они сделаны – очень качественная бронза. Мастеров такого уровня в Булгарском улусе в XIV в. не было. По крайней мере, археологических свидетельств производства подобных изделий пока не выяв-

лено. Однако фрагменты от привозных сосудов нередко использовались болгарскими ювелирами вторично – в качестве сырья. «Вымывание» из бытового использования привозных изделий (в том числе и иранских) в Булгарском улусе усиливается к началу XV в., когда их импорт практически иссяк, а имевшиеся в обращении предметы в конце XIV – первой четверти XV в., в период нестабильности и государственного коллапса Золотой Орды, выпадают в клады.

Из ювелирных украшений типичными иранскими изделиями считаются перстни с пирамидальным кастом и вставками из поделочных или полудрагоценных камней. Они изготавливались в Иране с XI в. [36, р. 174–175, cat. 27]. Такой перстень с бирюзовой вставкой был найден в Спасском районе Татарстана на V Семеновском селище и датирован по материалам селища XIV в. [17, с. 198–199, фототабл. 3]. К этому же времени относятся золотые перстни несколько иного типа, но тоже с бирюзовыми вставками с Булгарского городища, один из которых – с глухим кастом, а второй – с филигранным [13, с. 452, 454, кат. №263; 270].

Кроме этих украшений, интерес представляют крупные серебряные серьги нескольких типов, происходящие из Булгара, украшенные филигранными бусинами, а в двух случаях бусины были заменены собранными из тонких серебряных листочков цветочными бутонами [13, с. 267, рис. 66]. Бусины в виде пышного шаровидного бутона, собранные из многолепестковых розеток из сканой проволоки, соединенных зерновыми шариками, размещенные на крупных серебряных серьгах из Булгара, имеют полные аналоги, выполненные из золота в иранских древностях из собрания Н. Халили. Здесь они датированы в рамках XI–XIII вв. [36, pp. 176, 211, cat. 148], что кажется не совсем верным (учитывая материалы Симферопольского клада, их датировка укладывается в XIII–XIV или даже только в XIV вв.). Майкл Спинк и Джек Огден считают, что в этом украшении прослеживается влияние искусства фатимидского Египта [36, р. 176].

Помимо художественного металла в ордынский период в Булгар привозилась и парадная керамика. Как отметила М.Д. Полубояринова, в золотоордынском Булгаре в слое XIV в. встречается довольно много фрагментов иранских люстровых сосудов от кувшинов, блюд и чаш [10, с. 72].

Подводя итог, можно констатировать, что связи с Ираном у волжских болгар были одними из приоритетных во внешних сношениях в домонгольское время. Причем художественное ремесло Ирана в XI в. во многом определяло пути развития болгарских профессиональных ремесел, в частности ювелирного. Хотя наибольший след оно оставило в XII в., когда заимствованные из иранского искусства образы (например, льва) трансформируются в местной ремесленной среде и, воплощенные в различных предметах, широко распространяются среди жителей болгарских городов и торговых поселков. Прекрасным примером подобной трансформации могут служить навесные замочки для ларчиков, описанные выше. В результате, широкий ассортимент привозных находок, зафиксированных в Булгарии, доказывает тот факт, что популярные в Иране, да и на большей части Ближнего Востока, предметы в XI–XII вв. достаточно быстро достигали болгарских земель и расходились по городам, и оттуда через городские рынки попадали даже в сельские усадьбы (среди таких изделий – бронзовые чаши и стеклянные парфюмерные сосуды).

Насколько глубоко было влияние импортных образцов художественного ремесла Ирана на болгарское производство и на культурную жизнь? Если оценивать степень воздействия на массовое болгарское производство, например, неполивной керамики, то здесь этот процесс практически не заметен. Иная ситуация сложилась в элитном городском ремесле, например, ювелирном деле. Здесь знакомство болгарских мастеров с лучшими образцами иранских ювелиров вполне очевидно. Но при этом, это были лишь внешние заимствования отдельных элементов декора и ряда технологических приемов. Иногда копировались мелкие бытовые украшения, например, некоторые накладки на пояс, игравшие вероятно какую-то статусную роль в костюме болгар. В остальном, известная нам болгарская продукция – это творчество местных ювелиров. Вместе с тем, сложные технологические операции, такие как, например, инкрустация серебром или медью по бронзе, ими так и не были освоены. Вероятно, сказывалось отсутствие на территории Булгарии месторождений олова, свинца, золота, серебра и качественной медной руды, а также соответствующей ремесленной традиции.

Социальная база потребителей иранского импорта (как и другого, но в данном случае в большей части именно иранского) в домонгольской Булгарии была достаточно широка: в столице (Биляре) – это зажиточные слои купечества, чиновники и богатые ремесленники (они-то и заказывали металлические чаши и подносы, а также чернильницы с серебряной инкрустацией, светильники). Часть импорта предназначалась для мечетей (подставки для светильников, стеклянные лампы, курильницы и т.п.). К числу заказчиков относилась и аристократия в периферийных центрах, например, в Булгаре и Суваре. Не удивительно, что многие дорогие иранские изделия появляются в Булгарии накануне монгольского вторжения в страну в первой трети XIII в. Очевидно, что часть предметов, например, керамические сосуды типа минаи, могли оказаться здесь после завоевания монголами государства хорезмшаха в 1219–1223 гг.

Влияние иранского искусства на культуру Булгарского улуса Золотой Орды определить сложнее, поскольку оно входит в общее культурное пространство всего золотоордынского государства. Между тем, стоит отметить, что в эту эпоху на болгарских землях, ставших частью Золотой Орды, сложился новый предметный комплекс, сочетавший в себе черты традиционного и инновационного. Интересно, что в вопросах импорта высокохудожественных изделий четко обозначился высший социальный статус заказчиков большей части привозных изделий (что также означает и сужение потребительской базы ввозимых изделий по сравнению с домонгольской) в промежутке от конца XIII в. и до второй трети XIV в. Это были аристократические слои города Булгара. Кроме того, заказчиками эксклюзивного импорта были зажиточные слои горожан того же города (бронзовая иранская чаша с инкрустацией XII–XIII вв. была найдена в общественной бане Булгара – т.н. «Красной палате») и этнических диаспор, например, армянской (в руинах церкви в армянской колонии этого города был обнаружен иранский бронзовый подсвечник).

Таким образом, иранский импорт в Волжскую Булгарию и Булгарский улус Золотой Орды на протяжении практически 500 лет демонстрирует не только определенную устойчивость культурно-экономических отношений регионов, географически весьма отдаленных друг от друга, но и является

важным маркером изменений, происходивших как в ремесленном производстве самого Ирана, так и в потребительской среде иранской продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Али-заде А.А. Хроники мусульманских государств I–VII веков хиджры. 2-е изд., доп. М: УММА, 2004. 445 с.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 760 с.
3. Беговатов Е.А., Полубояринова М.Д. Восточные стеклянные лампы из Поволжья // Российская археология. 2014. №1. С. 158–162.
4. Грабар О. Формирование исламского искусства. М.: ООО САДРА, 2016. 448 с.
5. Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. Очерк истории (600–1258). Пер. с англ. И.М. Джура. М.: Наука, главн. ред. вост. лит-ры, 1988. 216 с.
6. Иванов А.А. Бронзовая чаша из Хунзаха // Художественные памятники и проблемы культуры Востока / Науч. ред. В.Г. Луконин. Л.: Искусство, Ленинград. отделение, 1985. С. 181–187.
7. Иванов А.А. Бронзовое блюдо XI века из Мавераннахра // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2014. Вып. LXXII. С. 25–44.
8. Никитина Т.Б., Руденко К.А., Алибеков С.Я. Металлические чаши из Русенихинского могильника эпохи Средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 71–77.
9. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках: Курс лекций. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 428 с.
10. Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 27–107.
11. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань: «Репер», 2000. 155 с.
12. Руденко К.А. Металлические чаши из могильника Нижняя Стрелка и их значение для изучения средневекового художественного металла Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред. Ю.А. Зеленева, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2010. С. 166–172.
13. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
14. Руденко К.А. Ювелирное искусство волжских болгар до и после Ибн Фадлана (постановка проблемы) // Материалы Круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям / ред. Р.С. Хакимов, З.Р. Валеева, М.Р. Гайнанова. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 109–119.
15. Руденко К.А. Волжская Булгария и Восток в XI–XII вв. (по материалам раскопок Остолоповского селища в устье реки Шенталы Алексеевского района Республики Татарстан) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 6. С. 1480–1494.
16. Руденко К.А. О хронологии восточного импорта в Волжскую Булгарию в X–XI вв. (по материалам торовтики) // Поволжская археология. 2017. №2. С. 157–172.
17. Руденко К.А., Беговатов Е.А. Редкие археологические находки с Семеновского острова // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулиана, 2016. С. 186–201.
18. Смирнов А.П. Волжские болгары. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 276 с.

19. *Старр Ф.* Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М.: Альпина Паблишер, 2017. 547 с.
20. *Тауров А.Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Препринт. Челябинск, 1995. 44 с.
21. *Фильштинский И.М.* История арабов и халифата (750–1517 гг.) 2-е изд., испр., доп. М.: Формика-С., 2001. 352 с.
22. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М.: Наука, Главн. ред. восточн. лит-ры, 1971. 468 с.
23. *Baer E.* Metalwork in Medieval Islamic Art. N.-Y.: State University publ., 1983. 371 p.
24. *Blair Sh., Bloom J.* Decorative Art // Islam: Art and Architecture / ed. M. Hattstein, P. Delius. Potsdam: H.F. Ulmann, 2013. P. 118–123.
25. *Carboni S., Waitehouse D.* Glass of the Sultans. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002. 330 p.
26. *Canby Sh. R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A.C.S.* Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 – July 2016. N.-Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2016. 366 p.
27. *Carboni S.* Following the Stars: Images of the Zodiac in Islamic Art. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 2013. 48 p.
28. *Durand-Guédy D.* What does the History of Isfahan tell us about Iranian Society during the Seljuq Period? // The Age of the Seljuqs / ed. E. Herzing, S. Stewart. L.; N.-Y.: I.B. TAURIS, 2015. P. 58–73.
29. *Ettinghausen R.* The “Wade cup” in the Cleveland museum of Art, its origin and decorations // *Ars Orientales*. 1957. Vol. II. P. 327–379.
30. *Grube E.J.* Cobalt and Lustre. The First Centuries of Islamic Pottery: The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. IX / ed. J. Raby. N.-Y.: Oxford University Press, 1994. 348 p.
31. *Hattstein M.* History of the Great Seljuks // Islam: Art and Architecture / ed. M. Hattstein, P. Delius. Potsdam: H.F. Ulmann, 2013, pp. 348–353.
32. *Ivanov A.A.* Bronze cauldron with the name of Mahmūd ibn...al-Hasan (?) al-Qazwīnī // Studi in Onore di Umberto Scerrato per il suo settantacinquesimo compleanno / a cura di M.V. Fontana, B. Genito. Napoli: Istituto Italiano per L’ Oriente, 2003. P. 479–484.
33. *Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum* / ed. H. Tait. N.-Y.: Abradale Press, 1991. 255 p.
34. *Melikian-Chirvani A.S.* The White Bronzes of Early Islamic Iran // *Metropolitan Museum Journal*. 1974. Vol. 9. P. 123–151.
35. *Philon H.* Early Islamic Ceramics: Ninth to Late Twelfth Centuries (Benaki museum Athens: catalogue of Islamic Art. Vol. I). Athens: Benaki museum Athens, 1980. 324 p.
36. *Spink M., Ogden J.* The Art of Adornment: Jewellery of the Islamic Lands. Part One. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XVII. L.: Nour Foundation, 2013. 372 p.
37. *Twenty Five Thousand Years of Jewelry: From the Collections of the Staatliche Museen zu Berlin* / ed. M. Eichhorn-Johannen, A. Rasche. Munich–L.–N.-Y.: Staatliche Museen zu Berlin Preußischer Kulturbesitz and Prestel Verlag, 2013. 384 p.
38. *Ward R.* Islamic Metalwork. L.: British Museum Press, 1993. 130 p.
39. *Watson O.* Ceramics from Islamic Lands: (The al-Sabah Collection. Dar al-Alhar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum). N.-Y.: Thames & Hudson, 2006. 512 p.

Сведения об авторе: Константин Александрович Руденко – доктор исторических наук, профессор, доцент, Казанский государственный институт культуры, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287> (420059, Оренбургский тракт, 3, Казань, Российская Федерация), E-mail: murziha@mail.ru

Поступила 15.05.2018 Принята к публикации 29.08.2018

Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Ali-zade A.A. *Khroniki musul'manskikh gosudarstv I–VII vekov khidzhry* [Chronicles of the Muslim States of the 1st–7th centuries AH]. Moscow, UMMA Publ, 2004. 445 p. (In Russian)
2. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. I: *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Writings: Vol. 1: Turkestan Down to the Mongol Invasion]. Moscow, East literature Publ., 1963. 760 p. (In Russian)
3. Begovatov E.A., Poluboyarinova M.D. Vostochnye steklyannye lampy iz Povolzh'ya [Oriental glass lamps from the Volga region]. *Rossiyskaya arheologiya – Russian Archaeology*. 2014, no. 1, pp. 158–162. (In Russian)
4. Grabar O. *Formirovanie islamskogo iskusstva*. Moscow: OOO SADRA Publ., 2016. 448 p. (English ed.: Grabar O. The Formation of Islamic Art. New Haven, Yale University Press, 1973. 232 p.) (In Russian)
5. Grunebaum G.E. *Klassicheskiy islam. Ocherk istorii (600–1258)* [Classical Islam. A Historical Sketch (600–1258)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p. (In Russian)
6. Ivanov A.A. Bronzovaya chasha iz Khunzakha [A bronze bowl from Hunzakh]. *Khudozhestvennye pamyatniki i problemy kul'tury Vostoka. Sbornik statey*. [Art Monuments and Issues of Oriental Culture. Collected articles]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1985, pp. 181–187. (In Russian)
7. Ivanov A.A. Bronzovoe blyudo XI veka iz Maverannakhra [A bronze dish of the 11th century from Transoxiana]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Sbornik statey–Reports of the State Hermitage museum. Collected articles*. 2014, no. LXXII, pp. 25–44. (In Russian)
8. Nikitina T.B., Rudenko K.A., Alibekov S.Ya. Metallicheskie chashi iz Rusenikhinskogo mogil'nika epokhi Srednevekov'ya [Metal bowls from the medieval Rusenikhinskogo burial ground]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. Sbornik statey* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Collected articles]. 2017, vol. 45, no. 2, pp. 71–77. (In Russian)
9. Petrushevskiy I.P. *Islam v Irane v VII–XV vekakh: Kurs lektsiy* [Islam in Iran in the 7th–15th centuries: The Course of Lectures]. St. Peterburg, St. Petersburg University Publ., 2007. 428 p. (In Russian)
10. Poluboyarinova M.D. Torgovlya Bolgara [Trade of Bulgar]. *Gorod Bolgar: kul'tura, iskusstvo, trgovlya. Sbornik statey* [The City of Bulgar: Culture, Art, Trade. Collected articles]. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 27–107. (In Russian)
11. Rudenko K.A. *Metallicheskiye posuda Povolzh'ya i Priural'ya v VIII–XIV vv.* [Metal Dishware of the Volga and Cis-Ural Regions in the 8th–14th centuries]. Kazan, Reper Publ., 2000. 155 p. (In Russian)
12. Rudenko K.A. Metallicheskie chashi iz mogil'nika Nizhnyaya Strelka i ikh znachenie dlya izucheniya srednevekovogo khudozhestvennogo metalla Srednego Povolzh'ya [Metal bowls from a burial ground the Nizhnyaya Strelka and their value for studying medieval art metal of the Middle Volga region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya. Sbornik statey* [Materials and Researches on Archaeology of the Volga Region: Collected articles]. Yoshkar-Ola, Maris University Publ., 2010, vol. 5, pp. 166–172. (In Russian)
13. Rudenko K.A. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara*. Vol. II [Bulgar's Silver. Antiquities of Bilyar]. Kazan, Zaman Publ., 2015. 528 p. (In Russian)

14. Rudenko K.A. Yuvelirnoe iskusstvo volzhskikh bulgar do i posle Ibn Fadlana (postanovka problemy) [Jeweller art of the Volga Bulgars before and after Ibn Fadlan (problem statement)]. *Materialy Kruglogo stola, posvyashchennogo knige Ibn Fadlana, ego epokhe i arkheologicheskim kollektiyam* [Proceedings of the Round Table Dedicated to the Ibn Fadlan's Book, His Epoch and Archaeological Collections]. Kazan, Institute of History of AN RT Publ., 2016, pp. 109–119. (In Russian)
15. Rudenko K.A. Volzhskaya Bulgariya i Vostok v XI–XII vv. (po materialam raskopok Ostolopovskogo selishcha v ust'e reki Shentaly Alekseevskogo rayona Respubliki Tatarstan) [The Volga Bulgaria and the East during the 11th–12th centuries (based on materials of the excavations district of the Republic of Tatarstan)]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki – Scientific Notes of Kazan University. Series of Humanities*, 2016, vol. 158, no. 6, pp. 1480–1494. (In Russian)
16. Rudenko K.A. O khronologii vostochnogo importa v Volzhskuyu Bulgariyu v X–XI vv. (po materialam torevtiki) [On the chronology of oriental import into the Volga Bulgaria in the 10th–11th centuries (according to the toreutic materials)]. *Povolzhskaya arkheologiya=The Volga Region Archaeology*, 2017, no. 2 (20), pp. 157–172. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.157.172>. (In Russian)
17. Rudenko K.A., Begovatov E.A. Redkie arkheologicheskie nakhodki s Semenovskogo ostrova [Rare archeological finds from Semenovsky Island]. *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dnei). Sbornik statei* [Cultural Heritage of Eurasia (from the ancients to our time). Collection of articles]. Almaty, Institut arkheologii im. A. Kh. Marguliana, 2016, pp. 186–201. (In Russian)
18. Smirnov A.P. *Volzhskie bulgary* [The Volga Bulgars]. Moscow, State Historical Museum Publ., 1951. 276 p. (In Russian)
19. Starr S.F. *Utrachennoe Prosveshchenie: Zolotoy vek Tsentral'noy Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana* [The Lost Enlightenment: The Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlan]. Moscow, Alpina Publ., 2017. 547 p. (In Russian)
20. Tairov A.D. *Torgovye kommunikatsii v zapadnoy chasti Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Trading Communications in the Western Part of Uralo-Irtysh Interfluv]. Chelyabinsk, 1995. 44 p. (In Russian)
21. Fil'shtinskiy I.M. *Istoriya arabov i khalifata (750–1517 gg.)* [The History of Arabs and the Caliphate (750–1517)] Moscow, Formika-S. Publ., 2001. 352 p. (In Russian)
22. Fray R. *Nasledie Irana*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 468 p. (English ed.: Fray R. *The Heritage of Persia*. Cleveland–New York, World Publishing Co, 1963. XVII, 317 p., 64 plates). (In Russian)
23. Baer E. *Metalwork in Medieval Islamic Art*. New York, State University Publ., 1983. 371 p.
24. Blair Sh., Bloom J. *Decorative Art. Islam: Art and Architecture*. M. Hattstein, P. Delius (eds). Potsdam, H.F. Ulmann, 2013, pp. 118–123.
25. Carboni S., Waitehouse D. *Glass of the Sultans*. New York, Metropolitan Museum of Art, 2002. 330 p.
26. Canby Sh.R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A.C.S. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 – July 2016. New York, Metropolitan Museum of Art, 2016. 366 p.
27. Carboni S. *Following the Stars: Images of the Zodiac in Islamic Art*. New York, Metropolitan Museum of Art, 2013. 48 p.
28. Durand-Guédy D. What does the History of Isfahan tell us about Iranian Society during the Seljuq Period?. *The Age of the Seljuqs*. E. Herzing, S. Stewart (eds). London–New York, I.B. TAURIS, 2015, pp. 58–73.
29. Ettinghausen R. The “Wade cup” in the Cleveland museum of Art, its origin and decorations. *Ars Orientales*. 1957. Vol. II, p. 327–379.

30. Grube E.J. *Cobalt and Lustre. The First Centuries of Islamic Pottery: The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art*. Vol. IX. J. Raby (ed.). New York, Oxford University Press, 1994. 348 p.
31. Hattstein M. History of the Great Seljuks. *Islam: Art and Architecture*. M. Hattstein, P. Delius (eds). Potsdam, H.F. Ulmann, 2013, pp. 348–353.
32. Ivanov A.A. Bronze cauldron with the name of Mahmūd ibn...al-Hasan (?) al-Qazwīnī. *Studi in Onore di Umberto Scerrato per il suo settantacinquesimo compleanno*. M.V. Fontana, B. Genito (a cura di). Napoli, Istituto Italiano per L'Oriente, 2003, pp. 479–484.
33. *Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum*. H. Tait (ed.). New York, Abradale Press, 1991. 255 p.
34. Melikian-Chirvani A.S. The White Bronzes of Early Islamic Iran. *Metropolitan Museum Journal*. 1974. Vol. 9, pp. 123–151.
35. Philon H. *Early Islamic Ceramics: Ninth to Late Twelfth Centuries (Benaki museum Athens: catalogue of Islamic Art. Vol. I)*. Athens, Benaki museum Athens, 1980. 324 p.
36. Spink M., Ogden J. *The Art of Adornment: Jewellery of the Islamic Lands*. Part One. *The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art*. Vol. XVII. London, Nour Foundation, 2013. 372 p.
37. *Twenty Five Thousand Years of Jewelry: From the Collections of the Staatliche Museen zu Berlin*. M. Eichhorn-Johannen, A. Rasche (eds). Munich–London–New York, Staatliche Museen zu Berlin Preussischer Kulturbesitz and Prestel Verlag, 2013. 384 p.
38. Ward R. *Islamic Metalwork*. London, British Museum Press, 1993. 130 p.
39. Watson O. *Ceramics from Islamic Lands (The al-Sabah Collection. Dar al-Ahwar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum)*. New York, Thames & Hudson, 2006. 512 p.

About the author: Konstantin A. Rudenko – Dr. Habil. (History), Professor, Kazan State Institute of Culture, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287> (3, Orenburg tract, Kazan 420059, Russian Federation). E-mail: murziha@mail.ru

Received May 15, 2018 Accepted for publication August 29, 2018

Published September 29, 2018

УДК 930.2

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.489-503

МЕСТО СУФИЗМА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ И ХУЛАГУИДСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Н.Ф. Ахундова

*Институт Истории им. А.А. Бакиханова
Национальной Академии Наук Азербайджана
Баку, Азербайджан
nara.akhundova@hotmail.com*

Цель: раскрытие причин установления и характера взаимоотношений тюрко-монгольских ханов с суфийскими шейхами

Материалы исследования: персоязычные и арабоязычные источники, в том числе труды Рузбихана Хунджи Исфгани, ал-Кашани, Хамд-ул-Лаха Казвини, Вассафа, Фазл-ул-Лах Рашид ад-дина, Исмаила ибн Баззаза, а также тщательное сличение их в переводах современной историографии.

Результаты и научная новизна: в ходе исследования источников были выявлены наиболее важные эпизоды из духовной жизни тюрко-монгольских ханов государств ильханов и Золотой Орды. Выясняется, что монгольское владычество не только спровоцировало небывалый подъём суфизма, но и само явилось активным участником этого процесса. Становится очевидным, что на подвластных им территориях в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии тюрко-монголы, невзирая на этническую среду, а также религию, которую они сами исповедовали, определённо были склонны к суфизму. И дело здесь не только в централизованной политике империи, сказывавшейся на административно-политическом управлении улусов, но и на духовном мировоззрении представителей правящих домов. В ходе исследования рассматривались и вопросы политических ситуаций, при которых разворачивались те или иные эпизоды из жизни монгольских ханов. Тщательное изучение источников позволило выявить много интересных фактов из истории монгольского владычества.

Ключевые слова: Золотая Орда, Узбек хан, шейх Сефи ад-дин, суфизм, ильханат

Для цитирования: Ахундова Н.Ф. Место суфизма в духовной жизни золотоордынских и хулагуидских правителей // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, №3. С. 489–503. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.489-503

THE PLACE OF SUFISM IN THE SPIRITUAL LIFE OF THE GOLDEN HORDE AND HULAGUID RULERS

N.F. Akhundova

*Institute of History named after A.A.Bakikhanov
Azerbaijan National Academy of Sciences
Baku, Azerbaijan
nara.akhundova@hotmail.com*

Abstract: *Objective:* The disclosure of the nature of the relations of the Turkic-Mongol khans with the Sufi sheikhs and the reason for the establishment of these relations.

Research materials: The Persian and Arabic sources, with the compositions of Ruzbikhan Khunji Isfaqani, al-Qashani, Hamd Allah Qazvini, Vassaf, Fadl Allah Rashid al-Din, and Ismail b. Bazzaz in particular being carefully compared in their modern translations.

Results and novelty of the research: As a result of the analysis of sources, the author revealed the most important episodes in the spiritual life of the Hulaguid and the Golden Horde's Turkic-Mongol khans. It becomes clear that Mongol power not only provoked an unprecedented rise of Sufism, but was itself an active participant in this process. It is obvious that despite the ethnic environment and native religion, the Turkic-Mongols, who subdued territories in the Middle East and Central Asia, were definitely inclined to Sufism. The matter is not only apparent in the centralized politics of empire which reflected on the administrative-political rule of *uluses*, but also in the spiritual views of the representatives of the Ruling House. During the research, the author also considered issues of political situations in the context of which certain episodes from the life of the Mongol khans took place. Meticulous study of the sources gave the opportunity of finding numerous interesting facts from the history of Mongol rule.

Keywords: Golden Horde, Uzbek Khan, shaykh Sefi al-din, Sufism, Ilkhanate

For citation: Akhundova F.N. The Place of Sufism in the Spiritual Life of the Golden Horde and Hulaguid Rulers. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 489–503. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.489-503

Введение

Одним из чрезвычайно характерных моментов эпохи татаро-монгольского владычества, оказавшего значительное влияние на ход истории тюркских народов, явилась повсеместная пролиферация на подвластных территориях суфийских течений. Именно в этот исторический цикл времени как нельзя лучше можно пронаблюдать колоссальную роль суфизма в распространении ислама. Ведь зародившись в VIII в. на арабском полуострове и стремительно расширившись в X–XII вв. в Азербайджане, Средней Азии, Татарии и др. регионах, своей высшей стадии популяризации, тем не менее, это учение достигло здесь именно в период правления тюрко-монгол. В одной лишь империи ильханов Хамдуллах Мустоуфи Казвини перечислял более ста суфийских шейхов [27, с. 667–77]. Вся поэзия, литература и философия были представлены пером преимущественно суфийских мистиков. Суфийские мюриды-шейхи предоставляли свою помощь каждому, независимо от сословий и национальностей: как монголам, так тюркам и таджикам; как неимущим, так и правящим кругам. В последнем случае они получали взамен щедрое вознаграждение в форме их покровительства.

Течение суфизм, пользовавшееся популярностью ещё задолго до появления на Западе монголов, в декады тюрко-монгольского правления переживало своё возрождение [21; 19, с. 256]. Ведь, по сути своей, суфии оказались единственными «проповедниками» (миссионерство, по большому счёту, не свойственно мусульманской религии) в исламе. Но почему именно суфизм пользовался такой широкой популярностью среди различных масс населения, в том числе монгольской элиты?

Дело в том, что в средние века и раньше неверным часто запрещалось входить в мечети: мусульмане не желали позволять им осквернять мечети любопытством или насмешливым непочтением. Согласно исламским законам, преж-

де чтения наизусть Корана или совершения намаза желающий должен был принять решение о повиновении воле Бога. Следовательно, каждый мусульманин должен был знать арабский язык в достаточной степени для того, чтобы совершать молитву на языке этой религии. Но часто люди не могли делать то, чего не понимали и с чем не были знакомы. С этой точки зрения, одним из привлекательных особенностей суфизма было то, что в суфийских ханегях¹ важен был не столько общественный порядок и законы религии, а сколько благополучие души отдельного человека. Прежде чем решиться принять ислам, любопытствующий «неверный» мог принять достаточно активное участие в общем процессе. Посетители ханегях, к примеру, могли открыто наблюдать за каким-нибудь чудом или прослушать рассказы о магических происшествиях: скажем, об исцелении или о выдержке при нанесении себе боли; исполнением таких трюков славились суфии. Немусульмане могли обратиться к любому из них за помощью независимо от сословия. Главное – чтобы репутация этого человека позволяла им рассчитывать на его поддержку в трудную минуту. К примеру, замечательный суфийский святой, один из наиболее влиятельных шейхов Азербайджана XIII–XIV вв., Сефи ад-дин Исхак Ардебилли всегда напутствовал своих детей: «Сыновья мои, когда вы раздаёте хлеб, не ставьте различие между другом и врагом и между праведным (mō'min) и неверным» [13, с. 728; 17, с. 729]. Подобные контакты и могли внушить немусульманину мысль о совершенстве ислама [10, с. 724], тем более, если это касалось татаро-монгольских завоевателей, которым в массе своей, религиозная исключительность была ещё чужда в силу преобладания у них язычески-шаманистских традиций. Ведь неотъемлемой частью суфийского учения являлся мистицизм. Исламский мистицизм сочетал в себе множество элементов, доступных и близких древним языческим и шаманским верованиям монголов-завоевателей. Можно сказать, что монгольские верования в гадания и силу сверхъестественного и древнетюркские шаманские традиции ворожбы и защиты от зла слились в то время на местном уровне с суфийскими традициями (караматы²).

Иными словами, суфизм представлял собой довольно доступную форму объяснения и, тем самым, привлекал широкие слои масс. Поэтому суфизм часто называли народным исламом (Folk Islam). При этом самую огромную армию, набравшуюся вокруг суфийских лидеров, составляли тюрки.

О почитании золотоордынскими ханами суфийских шейхов

Принятие ислама в Золотой Орде в качестве официальной религии связано с именем знаменитого Узбек хана (1313–1341), который почти сразу после своего воцарения объявил ислам государственным вероисповеданием. Однако первым из татаро-монгольских ханов, принявших ислам, был золотоордынский хан Берке (Береке-хан) (1256–1266), вошедший в историю как первый в юридическом отношении самостоятельный хан. Сообщается, что он

¹ Согласно определению М. Ходжсона, ханегях (ханакэ) – «это здание для деятельности суфиев, где совершали зикр и где жил шейх или несколько шейхов, принимая у себя странствующих суфиев и обучая учеников. Слово имеет персидское происхождение» [10, с. 1054].

² Карамат (كرامات) – один из исламских терминов, используемый для названия чудотворений, происходящих с праведными мусульманами или совершаемых ими.

принял мусульманство от жившего в Бухаре почтенного шейха Наджм ад-дина Кубры [9, с. 379]. В свою очередь, известно, что Кубравийе считался самым популярным суфийским тарикатом в золотоордынском государстве [10, с. 672]. Наряду с Кубравийе один из первых по значимости известных тарикатов в государстве Золотая Орда представлял собой также тарикат Ясавия, основателем которого был суфийский поэт, один из первых мистиков тюркоязычного мира Ходжа Ахмед Ясави (1103–1166) из среднеазиатского города Сайрама (на территории современного Казахстана). Начав своё распространение ещё со времён Великой Волжской Булгарии, с XII в., он продолжал набирать широкие массы приверженцев в золотоордынскую эпоху. В дальнейшем множество его последователей числилось в рядах учёных Казанского ханства (ярким представителем их был Кул Шариф)¹.

Однако в том, что монгольские ханы оказывали своё доверие и почтение суфийским шейхам ещё задолго до официального принятия ими ислама, можно убедиться на примере многих эпизодов из средневековых источников. Так, из нарративных источников можно почерпнуть интересную информацию и самые ранние сведения ещё со времён Чингиз-хана, связанные с осадой Хорезма. Известно, что при нашествии Чингиз-хана Хорезмшахи, несмотря на более чем трёхкратное превосходство над монгольской армией, ввиду внутренних разладов проиграли сражение и вскоре прекратили своё существование. Государство Хорезмшахов вошло в состав улуса Джучи. При этом, «никто из современников... – как отмечает З. Буниятов, – не мог и подумать, что такое мощное государство... имевшее огромную армию, могло так быстро пасть под натиском противника, располагавшего военными силами, почти вдвое меньшими по численности» [4, с. 154]. На фоне этих событий историки приводят следующие данные относительно печальной судьбы жителей городов Хорезмшахов: «В Хорезме (Хива) в 1221 г. говорили, что каждому воину из 50-ти тысячной монгольской армии приказывалось убить 24 мусульманина, прежде чем те станут жертвой грабежа» [20, с. 248]. Эти же данные о численности жертв населения приводит Джувейни, уточняя их информацией о названии города Гургандж, в котором происходила резня [4, с. 153]. «...И сколько было пролитой крови, изнасилованных женщин, детей, убитых и брошенных у груди убитых матерей! А ведь это был всего лишь один из округов Хорасана!» – писал Ан-Насави о первом городе Хорасана, Насе, где монголы перебили 70 тыс. жителей [4, с. 153]. При этом ремесленники и мастера часто становились «запасными» монгольской ярости, в отличие от их менее удачливых сограждан. Чаше в принудительном порядке они вывозились на Восток, чтобы внедрить своё ремесло в других частях империи [21, с. 98]. По сведениям З. Буниятова, только из Гурганджа было вывезено около 100 тыс. ремесленников в Монголию [4, с. 152]. «...Хорасан мучительно пострадал из-за грехов Хорезмшахов... Возможно, число истреблённых и масштабы разрушений могли быть преувеличены, но травма, полученная от них, была трагична, а размеры опустошений – необъятны. Тем не

¹ В середине XVI в., когда после завоевания Казанского ханства были разрушены мечети, медресе, для получения исламских знаний многие мусульмане были вынуждены ездить в государства Средней Азии, где суфизм также с давних времён получил широкое распространение.

менее, таковы были «методы монгольского безумства»...». Известно, что в то время на Амударье жил и творил основатель суфийского ордена Кюбравийе, ученик Абд аль-Кахира ас-Сухраварди, Наджм ад-дин (Низам уд-дин) Кубра; он же возглавил местное движение сопротивления монголам [10, с. 508]. Тем не менее, сообщается, что «Чингиз-хан лично, неоднократно и настойчиво, просил известного суфийского учителя и основателя ордена Кюбравийе, Наджм ад-дина Кубру, воспользоваться безопасным коридором из осаждённого города. Святой отказался, но позволил воспользоваться этим выходом своим ученикам» [19; 20, с. 248]. Эта история о благородном самопожертвовании святого одновременно отчётливо свидетельствовала, что даже в тот ранний период (имеются ввиду времена Чингиз-хана) «варвары»-татаро-монголы демонстрировали своё уважение к знанию учёных и их учениям, ибо в книге *Великая Яса* о Чингиз-хане сказано, что «учёных и отшельников всех толков он [Чингиз-хан – Н.А.] почитал» [8, с. 266].

В целом на Среднем Востоке в эпоху тюрко-монгольского владычества были весьма популярны, так сказать, тандемы ханов с суфийскими шейхами. Так, например, известно, что великий золотоордынский хан Берке (1257–1265) находился в тесном взаимодействии с суфийским шейхом Кюбравийи, Сефи ад-дином Бахарзи; или знаменитый Узбек-хан (1283–1341) (хан Улуса Джучи, при котором Золотая Орда достигла своего наивысшего могущества) глубоко почитал суфийского шейха Сейид Аты, который в определённой степени повлиял на его религиозные взгляды, и всячески ему покровительствовал [23, с. 43–44].

Религиозные взгляды Узбек-хана (1312–1340) характеризует ещё один эпизод. Известно, что ещё в 1256 г. создав сильное хулагуидское государство (1256–1353), Хулагу в 1260 г. обосновался в Азербайджане со столицей сначала в Мараге, затем в Тебризе, Султанийе, затем снова в Тебризе. «Правители этого государства носили титул *ильхан*» [3, с. 116] («повелитель народов», «хан племени», «улусный хан»). По мнению большинства учёных, именно Азербайджан и стал «яблоком раздора» между потомками Джучи-хана – ханами Золотой Орды¹ – и Хулагуидами [16, с. 127–128]. Главной причиной этому являлось его географическое и стратегическое положение, а также естественные ресурсы страны. Якут Хамави называет Азербайджан «важной страной и большим государством; в нём преобладают горы, имеется много добра и большое количество фруктов...» [1, с. 29]. В то же время Хамдаллах Казвини в «Нузхат аль-Кулуб» отмечал о сети караванных путей, проходивших через Азербайджан в различных направлениях², связывавших южные районы с северными [1, с. 41]. Поэтому, как указано в источниках, когда в 1258 г., покорив Багдад³, хан «от-

¹ Ведь по завещанию Чингиз-хана, Ширван, Арран и другие земли Азербайджана были выделены потомкам Джучи-хана. До образования улуса Хулагуидов доходы от налогообложения с этих земель получали Джучиды.

² О важных торговых и караванных путях, проходивших через Азербайджан, сообщал ещё в IX в. арабский автор Ибн Хордадберх в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» [14, с. 468].

³ Для истории Азербайджана покорение Багдада и ликвидация Аббасидов предстали весьма важным событием – преддверием к подъёму ильханидской династии. Однако «влияние его на историю исламского мира, – по мнению Г. Рёмера, – оказалось поверхностным, поскольку политическая организация халифата, до основания разрушенная монголами, по сути своей, уже давно начала дробиться в силу своей неоднородной структурной

правился в Азербайджан, который собственно должен был входить в состав улуса Джучи...», тем не менее, «Хулагу здесь утвердился и, сделав Тебриз столицей Персии, оттуда стал править ею...» [6, с. 10].

Такое положение привело к длительным войнам между Золотой Ордой и Хулагуидами. Во время одного из столкновений между золотоордынцами и хулагуидами, войска хана Золотой Орды Узбека опустошили и разрушили города и селения на занятой ими территории Азербайджана. Согласно источникам, пострадали даже обитатели суфийских шейхов. Так, была разграблена гробница Пир Хусейна, расположенная к северу от реки Кура и являвшаяся выдающимся памятником средневековой исламской архитектуры. Гробница Пир Хусейна пользовалась большим почетом у мусульманского населения Ширвана, Аррана и в целом Азербайджана¹, а также Грузии и прилегающих стран. Ханегаху Пир Хусейна принадлежали большие вакфные движимые и недвижимые имущества. «Внутри самого Ханегаха хранились различные драгоценные изделия, изящные занавеси, вышитые золотыми нитями. Вокруг Ханегаха жили последователи Пир Хусейна – дервиши и отшельники» [1, с. 352]. Разграбление гробницы вызвало резкое осуждение со стороны золотоордынского хана Узбека. Как известно, Узбек-хан исповедовал ислам, и некоторые золотоордынские ханы часто выступали против ильханов (которые к тому времени ещё не объявили ислам в качестве официальной религии) под флагом защиты интересов мусульман. По свидетельству Вассафа, Узбек-хан «лично совершил паломничество к этому Ханегаху. Здесь он выслушал жалобы о том, что последователи Пир Хусейна, жившие вблизи Ханегаха, были ограблены его войсками, причем было угнано 30000 баранов, 20000 коров и ослов. Из числа мужчин и женщин, живших на вакфных землях Ханегаха, некоторые были обращены в рабство и т.д. Выслушав жалобы населения, Узбек принял весьма строгие меры против расхитителей; похищенное имущество, – как отмечает историк, – было возвращено и пленники освобождены» [27, с. 636; 1, с. 352].

Об отношении хулагуидских правителей к суфийским шейхам

Интересные сведения, связанные с политическими событиями Дома Хулагуидов конца XIII в., а именно, «началом несогласия между Ахмадом и царевичем Аргуном, прибытием Аргуна из Хорасана в Багдад и обратным возвращением в Хорасан»², весьма подробно представлены Рашид ад-дином Фазлуллахом. В ходе этих событий часто упоминаются суфийские шейхи, с которыми тесно взаимодействовали Ахмад и Аргун (в отношении религиозных взглядов Аргун-хана больше высказывались точки зрения о его привер-

системы, которая к тому времени имела уже мало чего общего с исламской империей ранних Аббасидов» [13, с. 20; 24, с. 147].

¹ Начало распространения суфийских течений ислама в Азербайджане относится ещё к X в. ... XII в. знаменуется «возникновением на территории Азербайджана ряда тарикатов и, со временем, превращением его в центр сухравердизма, хуруфизма, захидизма, сефевизма, хальветизма (а также таких ветвей хальветизма, как ровшание и гульшание)» [См.: 12, с. 75–77].

² Известно, что после смерти Абака-хана царствовал не его сын Аргун, а сын Хулагу-хана и брат Абака-хана султан Ахмад; также и после смерти Аргуна верховная власть перешла в руки не его сына Газан-хана, а в руки Кейхату и затем Байду.

женности к буддизму). «(Ахмад) очень почитал шейха Абд-ар-Рахмана, так что называл его батюшкой, а ишана Менгли (Хисан Мнгли или Рашид ад-дин Ишан – Н.А.), который был мюридом Баби Я'куба (пира тариката Калантариёе – Н.А.), который проживает в Аране, своим братом. Он часто ходил в дом ишана, а дом ишана находился неподалёку за ставкой, предавался радениям дервишей с музыкой и пляской и редко занимался управлением и упорядочением государственных дел...» [7, с. 173]¹.

В тот сложный период, когда отношения Ахмада и Аргуна накалились до предела, источники отмечают, что во время сражений между войсками враждующих ханов, первый прибег к защите шейха Баби и его сподвижников, а второй – просил поддержки у Абу Йезида:

...ارغون چون ببسطام رسید بزیارت سلطان العارفين ابو یزید قدس الله روحه العزیز مباردت نمود و از سر نیاز بوی توسل جستہ از خدای تعالی ظفر و نصرت خواست و احمد بشیخ بابی و اتباع او التجا کرده بود و از ایشان استمداد می نمود و عاقبہ الامر اثر قربت هر یک بحضرت حق ظاهر گشت.

[Перевод: Достигнув Бистама, Аргун намерился навестить могилу² султан-аль-арифи Абу Йезида, святого [да освятит его дрожайшую душу Аллах]. Он захотел её повидать, остро нуждаясь в том, чтобы через него попросить Всевышнего послать ему победу и успех, [а] Ахмад нашёл убежище у шейха Баби и просил помощи у него и его таба'и (сподвижников). В итоге события показали, кто оказался ближе к Богу – Н.А.] [29, с. 182; 7, с. 153]³.

Как видно, оба хулагуидских царевича, несмотря на отличие вероисповеданий, искренне верили в молитвы этих шейхов-мусульман. Очевиден тот факт, что султан Ахмад принял ислам и придерживался этого вероисповедания до конца своих дней.

Более того, рассматривая период правления Аргуна, Кейхату и Байду, нельзя оставить без внимания жизнь и творчество целой плеяды поэтов-мистиков суфистов того времени, среди них Джалал ад-дин Руми и Сади Ширази [18, с. 105]⁴.

Одним из наиболее проминентных представителей ильханов представляется персона Газан-хана (1295–1304). «Изумляешься – как это в таком маленьком и невзрачном человечке может жить столько доблестей!», писал о нём

¹ На этот же источник опирается Ж. Обен: «[Ахмад] находился под влиянием некоего «Исана Мнгли», с которым он танцевал ритуальный танец (sama), и который был *наибом* и *халифэ*» Баби Йакуба, главы братства дервишей, живущих в Аране. Ильхан просил Баби Йакуба о мистической поддержке в 1284 г. для подавления восстания своего племянника, принца Аргуна» [См. также: 25, с. 41; 20, с. 48].

² Слово «могила» в оригинальном тексте отсутствует. Однако в тексте употребляются выражения, которые применялись традиционно только к покойным людям, что указывает на то, что это была могила святого Абу Йезида. Эти слова подчёркнуты нами в персидском тексте.

³ Последнее предложение, которым автор завершает повествование данного эпизода, соответствует ходу исторических событий. Ведь на первом этапе, как отмечает ниже Рашид ад-дин, Ахмад побеждает.

⁴ Оба этих поэта находились в тесном общении с правящими кругами своего времени. Саади состоял в дружественных отношениях с *сахиб диваном* («великий визир») (имеется в виду Шамс ад-дин Мухаммед ибн Мухаммед Джувейни) и его братом Ала уд-дином из благородной семьи Джувейни, и даже с самим Абага [18, р. 106].

один христианский монах, долго живший при Газановом дворе» [6, с. 13]. С именем этого ильхана связано не только проведение серии реформ, вошедших в историю как «Канун-наме» Газан-хана, покровительство целой плеяде представителей науки и искусства (в том числе порученное им великому везиру Рашид ад-дину написание всемирной истории «Джами ат-Таварих»), но и, главное, объявление ислама государственной религией. Будучи также приверженцем суфизма, Газан-хан любил придумывать для мюридов различного рода испытания. Одно из таких испытаний мы хотели бы привести на примере следующего эпизода. Оно было задумано с ритуальным танцем (*səma*). «Султан Газан, сидя на троне, обнажил меч и повелевал: «Любому, кто поднимется на танец, не снести головы». Зазвучала мелодия, но никто не осмелился станцевать, «кроме одного мюрида шейха Захида. Услышав *аваз* (голос), он упоился и, не обращая никакого внимания на волю султана, встал, прошёл в центр собрания и влился в танец. Его величество Султан, при виде этой сцены, отпустил из рук меч, стал плакать, поднёс платок к глазам, и сказал: «Моя цель заключалась именно в этом – увидеть тот прекрасный миг, когда тебя не волнует ни страх перед султаном, ни законы-запреты, и можно с головой погрузиться в это прекрасное состояние экстаза...»» [13, с. 112].

Что же касается султана Олджайту хана Худабенде, то в отношении с ним роль указанного «тандема» дополнила одна из харизматичных персон времени правления Олджайту хана – Барак Баба. Такие личности воплощали в себе, как правило, нечто сверхъестественное, что «присваивалось» или использовалось ханами для утверждения своей власти и власти династии. «Крипто-шаманский туркманский дервиш из Анатолии, Барак Баба» верил, что «душа Али ибн Абу Талиба после смерти перевоплотилась в персону Мухаммеда Худабенде (Олджайту)». Мамлюкские источники (аль-Айни, ибн Хаджар, ас-Сафади и др.) описывают «неземное появление шейха, одетого в колокольчики, кости, бычьи рога с начисто выбритой головой и бородой в разрез с мусульманскими традициями региона. Он произвёл много шума, когда появился в Дамаске с большой группой приверженцев» [23, с. 44]. По словам Ф.Сюмера, «любимый шейх Олджайту хана, должно быть, занимал важный пост при ильханидском дворе» [16, с. 210]¹. Дж. Пфайффер, ссылаясь на “Iqd al-juman” аль-Айни (том 4, страница 423), отмечает: «о том, что Барак Баба проводил достаточно времени при дворе Олджайту и отправлялся во главе дипломатических миссий ильханидов при вступлении в Дамаск (706/1306), упоминается также в неильханских источниках». В персидских источниках его имя, главным образом, упоминается в связи с походом Олджайту хана в Гилян [23, с. 45].

А вот ещё один выразительный пример из жизни султана Олджайту Худабенде. Повествуя о строительстве, произведённом в Султанийе, историк XV в. Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи приводит важные сведения по поводу почтения султаном Олджайту ардебильского шейха Сефи: «В его [Сефи ад-Дина – *Н.А.*] жизнеописании (китаб-и сират) говорится, что когда справедливый государь Улджайту Султан (1305–1316 гг.) закончил постройку (та’мир – «пере-

¹ Впоследствии Олджайту Мухаммед Худабенде построил в Султанийе ханаке и усыпальницу для шейха Барака. В империи ильханов в то время насчитывалось сотни суфийских шейхов [27, р. 667–677]. Но только Барак Баба удостоился усыпальницы и ханаке в столице.

стройку») Султанйи (в 1305 г.) <точнее, в 1313 г.>, он созвал благодарственное собрание, на которое явилось 400 знатных людей, улама, мистиков и святых старцев. На собрании председательствовали Шейх Шараф ал-Хакк вад-Дин Дарджазини. Желанием султана было, чтобы ардебильский шейх завершил своим присутствием ожерелье [زينت – украшение – Н.А.] собравшихся. Шейх знал, что если он воздержится от еды на пиру, государь может обидеться, но его праведность противилась принятию пищи (навала) от султанов¹. Поэтому он сослался на свой возраст и послал своего сына Хваджа Садр ад-дина (1305–1393)...»², о котором пойдёт речь в следующем параграфе.

О поддержке, оказанной золотоордынским ханом суфийским шейхам в Азербайджане

Нами было отмечено, что войны, вызванные разногласиями между двумя монгольскими улусами на почве утверждения Хулагу в Азербайджане, тормозили развитие взаимоотношений между народами, населявшими их территории. Тем не менее, на почве взаимной вражды правящие круги обоих ханств порой поддерживали неугодных своим неприятелям представителей из их местной среды.

В середине XIV в. в Азербайджане правление хулагуидской династии сменилось властью эмиров из династии Чобанидов. О чобанидском правителе в Азербайджане, Мелик Ашрафе Чобани (1344–1356) почти все историки отзывались, как о коварном повелителе, жестоком тиране и угнетателе. Он не только разорял страну и трудовое население, но и время от времени под разными предлогами сажал в тюрьмы своих эмиров, везиров и других знатных людей, подвергал конфискации их имущества и владения. Многие представители знати по тем или иным причинам были вынуждены покинуть свою страну или скрываться.

В этом перечне следует отметить и имя одного из предков шаха Исмаила Сефевии, сына ардебильского шейха Сефи ад-дина Исхака³, хаджэ Садр-ад-

¹ О. Эфендиев к этому утверждению приводит сравнение из *Ихйа'ульум ад-дин* Газали: «ибо большая часть имущества султанов в настоящее время незаконна» [11, с. 133].

² نگنجیده جبین آن یگانه درون نه کلاه صوفیانه در کتاب سیر تش منقول است که در آن هنگام که پادشاه عادل اولجایتو سلطان از تعمیر سلطانیّه بازپرداخت، شکرانه اتمام آن را جمعیتی ساخت و در آن مجمع از اکابر علما و عرفا و اولیا، قریب چهارصد نفر عزّ حضور داشتند و صدر آن بزم نامی به وجود سامی شیخ عارف ربّانی علاءالدوله سمنانی و به وجود قطب الوجود، فرد الافراد و اسوه الاوتاد، جامع العلمین، حارز النشأتین، وارث علوم یقینی، شیخ شرف الحقّ والدّین الدّر جزینی – قدّس الله روحهما- مشرف بود. سلطان خواست که عقد آن جمع به وجود شیخ اردبیل تمام زینت گردد، به رسل متوالی حضور آن ولی (و) ولی را التماس فرمود. شیخ اندیشید که اگر در مجلس از تصرف طعام پادشاه امتناع فرماید، مبادا آن ملک عادل را – که تالطیف دل او از واجبات بود – شکستگی خاطری روی نماید و تقوای آن قطب مکین اصلا فتوا به تصرف نواله سلاطین نمی داد؛ چه باطن همچو گنجش از برنج، به رنج می آمد و درون به ریاضت پالوده را، از پالوده ای آلوده نمی توانست ساخت. خلف صدق خود، خواجه صدر الدّین را... جهت تسکین... [29, с. 233–234].

³ В середине XIII в. в Гиляне шейх Ибрахим Захид (1216–1301) основал тарикат Захидийе. Он воспитал много халифэ и дервишей, среди них: шейх Сефи ад-дин Ардебилли, шейх Ахи Юсиф Ширвани, шейх Пир Хикмет Гянджеви и шейх Ахи Мухаммед. После смерти шейха на основе Захидийе его последователи создали в Азербайджане два в числе крупнейших тарикатов в суфизме: Сефевийе и Хельветийе.

дина Ардебиле, который временно был вынужден поселиться в Гиляне. Пожалуй, остановимся на его личности отдельно. Так, из нарративных источников известно, что после смерти основателя азербайджанского ордена Сефевийе в Ардебиле, родоначальника династии Сефевидов, шейха Сефи ад-дина, для его сына и преемника Садр ад-дина наступают сложные времена.

«...Когда умирает шейх Сефи ад-дин Абуль-фетх Ардебиле (12 Мухаррама 735 г. х.), мюршидство над *дар-уль-иршадом* переходит к его 30-летнему сыну Садр ад-дину» [15, с. 294]. Во всех нарративных источниках описания первых лет духовного правления Садр ад-дина связаны с изменениями политической обстановки в стране, а именно, расчленением империи Ильханидов, и, в результате этого, вмешательством его в политическую и социальную жизнь [15, с. 294–295]. В тот сложный период, обострённый политикой Мелик Ашрафа, в целях безопасности шейх Садр ад-дин вооружает группы своих приверженцев и располагает вооружённые отряды вокруг *дар-уль-иршада* и на гористых местностях вокруг Ардебиле. Однако при этом, были случаи, когда Садр ад-дин использовал поддержку этих силовых групп при решении и некоторых других вопросов. Он предоставлял военную помощь своим приверженцам в случае выступления против них городских и сельских эмиров, вступая, таким образом, намеренно или нет, в политические столкновения.

Открытое вмешательство шейха Садр ад-дина в социальные и политические вопросы вызывало сопротивление (поскольку участие в политической жизни противоречило устоям тариката) определённой части халифэ и глав ханакэ (ханегях) и завийе в вилайетах Сефевийе, которая перешла к деятельности разжигания элементов сепаратизма и расчленения в ордене. Ввиду этого, первый период лидерства (*halifelig*) молодого шейха приобретает крайне напряжённый, авантюрный и воинственный характер.

По мере обострения политических разногласий внутри ордена, на переднем плане всё реальнее становилась угроза со стороны Мелик Ашрафа, прославившегося, как отмечалось, чрезвычайно суровым нравом, со временем всё более ожесточавшимся. По мере же растущей угрозы со стороны Мелик Ашрафа, росло число людей, жизнь которых ставилась под угрозу; не составил исключение и шейх Садр ад-дин. Однако, несмотря на неоднократные попытки покушения на жизнь шейха Садр ад-дина, благодаря своевременным предупреждениям своих приверженцев, он спасал свою жизнь [1, с. 360].

Согласно арабским источникам, на первых порах своего правления Мелик Ашраф проявлял к Садр ад-дину достаточную благосклонность:

... و اسمه [صدر الدين - N.A.] الشيخ موسى ابن الشيخ صفى الدين الاردبيلي و يعرف بجليل العجم

[Перевод: Имя его [Садр ад-дина – Н.А.] – сын шейха Мусы Сафи ад-дина Ардебиле, и известен он как выдающаяся личность (*Jalil*) Аджамы] (р. 240).

Основателем Сефевийе в Ардебиле стал шейх Сефи ад-дин (1252–1334), который, будучи зятем своего мюршида, Захида Гиляни, ещё при жизни последнего был избран его преемником; от его имени и носит своё название династия Сефевидов.

الاشرف الجوپانی بعظمه حتى انه (صدر الدين – N.A.) قبل قدميه مر ارا فاستقدمه الى تبريز فمضى اليه ثم حدثت بينهما نفرة اوجبت تبرم الملك الاشرف منه وبلغ صدر الدين ان املك الاشرف اضمر له السوء وامر لبعض خاصته ان يدص اليه السم فاراد الخروج من تبريز فمنعه ثم اذن له ثم ندم فارسل في طلبه ارغوان [? – N.A.]¹.

[Перевод: Ал-Ашраф Чобани его возвеличивал так, что даже поклонялся ему (целовал ноги) и неоднократно представлял его, приглашая его в Тебриз. Потом между ними возникла ненависть. И Ал-Малик Ал-Ашрафу стало необходимо отдалиться от него. До Садр ад-дина дошли слухи, что Ал-Малик Ал-Ашраф к нему питает плохие чувства. И он [Малик Ашраф – Н.А.] приказал некоторым из (своего) окружения отравить его². (Вначале) когда он [Садр ад-дин – Н.А.] захотел покинуть пределы Тебриза, [Малик Ашраф – Н.А.] ему препятствовал, но потом разрешил. Затем Ал-Малик Ал-Ашраф (вновь) пожалел, что отпустил его и распорядился послать за ним Оргувана (вероятно, имеется ввиду Оргуншах – один из личных эмиров Чобанида – Н.А.).]

Согласно персидским источникам, в Тебризе в то время готовилось восстание против Ашрафа Чобани, «до основания разграбившего Азербайджан»; одним из главных обвиняемых в подготовке восстания объявили шейха Садр ад-дина. Мелик Ашраф направил одного из своих эмиров Оргуншаха в ардебильский Дар'уль-иршад. Шейх Садр ад-дин, соизмерив свои силы, понимал, что не сможет противостоять силам эмира. Поэтому «примерно в 1354 г. вместе с некоторыми из халифэ он перемещается в Гилян к своим верным сподвижникам и пребывает там некоторое время» [15, с. 294, 1, с. 360–361]. Какие бы уловки не предпринимались со стороны Мелик Ашрафа, поймать шейха ему никак не удавалось.

В годы правления Мелик Ашрафа в соперничавшей с ним Золотой Орде правил хан Джанибек. За время пребывания в Гиляне, Садр ад-дин, поддерживал связи и с азербайджанскими приверженцами и халифэ Дар'уль-иршада, а также смог установить отношения с Джанибеком. Отметим, что из числа эмигрировавших за пределы Азербайджана, согласно «Тарих-и-гозиде» Хамдаллаха Казвини, следует отметить шейха Кеджеджи, поселившегося в Шаме (Сирия), и даже Кази Мухй-ад-дина Барда'и, который переселился в Сарай – столицу Золотой Орды. Пользуясь своей популярностью, Мухй-ад-дин Барда'и в Сарае сумел настроить золотоордынскую знать против Мелик Ашрафа и подготовить поход против него. На одном из очередных собраний в соборной мечети Сарая, где присутствовал и сам золотоордынский хан Джанибек, Мухй-ад-дин подробно рассказал о царящем в Азербайджане терроре «кровавого тирана Ашрафа». Основываясь на сведения Хамдуллаха Казвини, Хафиз-и Абру и Абд-ад-Раззака Самарканди³, академик А.А. Али-заде сообщает, что Мухй-ад-дин настолько красноречиво и эмоционально изобразил картину порабощённого Азербайджана, что заставил всех присутствующих, в том числе и Джанибека,

¹ الشبك: من فرق الغلاة في العراق: أصلهم. لغتهم. قراهم. عقائدهم. أوأبدتهم. عاداتهم؛ اصراف، احمد حامد. بغداد، 1954، ص. 240.

² О неоднократных попытках покушения на жизнь Садр ад-дина сообщается и в «Safvat-al-Safa».

³ Автор ссылается на следующие источники: Зейнал-ад-дин Ибн и Хамдуллах Казвини Зейл-и Тарих-и гозидэ, рукопись Ленинградского государственного университета. М.О. 153, лл. 480–481; Хафиз-и Абру, с. 184; Абд-ад-Раззак Самарканди, л. 90.

плакать. Тогда же Мухй-ад-дин обратился к Джанибеку с призывом выступить против Ашрафа. Разумеется, будучи заинтересованным в покорении Азербайджана, Джанибек рассчитывал при создавшемся внутривосточном положении Азербайджана покорить эту страну. В 758 г.х. (1356–1357 гг.) с крупными военными силами вторгся в Азербайджан. К ним же присоединился и азербайджанский ширваншах Кавус со своим войском [1, с. 360–361].

Все эти оппозиционные силы, включая шейха Сефи ад-дина, были объединены под протекцией Джанибека. На сторону этой оппозиции перешёл позднее ещё один шейх по имени Шейх Мухаммад-балыгчи [1, с. 361].

Итак, как мы могли убедиться, симпатии чингизидских ханов к суфийским шейхам были столь велики, что приводили порой даже к случаям политических сговоров между ними. Вышеуказанные события оказали решающее влияние на ход исторических событий. Азербайджан был на время покорён Джанибеком. Тем не менее, возможно, «благодаря (именно этой) абсолютной протекции, поддержке и помощи золотоордынского хана, в 1356 г. шейх Садр ад-дин вновь приступил к своим полномочиям влиятельного сефевидского лидера, встав во главе ардебильского Дар'уль-иршада». На этот раз речь шла о лидере, отныне обладавшем богатым опытом в результате политических и социальных столкновений¹ [1, с. 295]. Более того, этот лидер был продолжателем блистательной династии сефевидских шейхов, положившей начало будущему правлению знаменитых шахов Сефевидского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Али-заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XIV вв. Баку: Кавказ, 2011. 460 с.
2. Ахундова Н.Ф. Туркманские династии. Баку: Турхан, 2016. 172 с.
3. Ахундова Н.Ч., Гусейн-заде Р.А. Кавказ и великие тюркские империи. Баку: EUROCLIO, 2012. 293 с.
4. Буняттов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231). М.: Наука, 1986. 248 с.
5. Достиев Т.М. Города и городская культура Азербайджана в эпоху ильханидов. Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. II Международная Конференция (Тезисы докладов). М., 2006. С. 127–128.
6. Крымский А. История Персии, ея литературы и дервишской теософии. Т. III. Москва: типография «Красного календаря» А. Гатцука, 1914–1917. 468 с.
7. Рашид ад-Дин Фазлуллах. Джами-ат-таварих. Баку: «Дом Сказки», 2011. 540 с.
8. Сокровенное сказание. Чингисхан. М.: ЕКСМО, 2012. 480 с.
9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. 379 с.
10. Ходжсон М. История ислама: исламская цивилизация от рождения до наших дней. Перевод с английского А.Н. Гордиенко, И.В. Матвеева, Н.В. Шевченко. М.: ЕКСМО, 2013. 1088 с.
11. Хунджи Фазлуллах ибн Рузбихан. Тарих-и аламара-йи Амини. Перевод с английского Т.А. Минорской. Под редакцией и с предисловием З.М. Бунятова и О.А. Эфендиева. Баку: Элм, 1978. 172 с.
12. Rixtim M. Seyid Yəhya Bakuvı və Xəlvətlik. Bakı: Qismət Nəşr, 2006. 230 s.

¹ Позднее, примерно в 1375 г. шейх Садр ад-дин с этой целью выслал ряд халифэ, в том числе, поэта Шах Касым-и Анвар, на территории Гиляна и Хорасана.

13. Şeyx Səfi Təzkirəsi (Səfvət-üs-səfa-nın XVI əsr türk tərcüməsi). Bakı: Nurlan, 2006. 932 s.
14. Vəlixanlı N. Azərbaycan VII–XII əsrlərdə: tarix, mənbələr, şərhlər. Bakı: Elm və Təhsil, 2016. 480 s.
15. Abbash Mirza. Safevilerin Kökenine dair. Belleten, C.XL, Ankara, 1976. S. 287–324.
16. Sümer F. Sefevi devletinin kuruluşu ve gelişmesinde Anadolu türklerinin rolü. Ankara: TTK, 1992. 265 s.
17. Şeyh Safi Buyruğu. Hazırlayan D.Doğan. Ankara, 2015. 452 s.
18. Browne E.G. A History of Persian Literature in Modern Times (1500–1924). Cambridge University Press, 1924. Browne E.G. Persian Literature under Tartar Dominion. Cambridge University Press, 1920. 640 p.
19. Lane G. Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance. London & New York: Routledge Curzon, 2003. 330 p.
20. Lane G. The Mongols in Iran. Ch. X // The Oxford Handbook of Iranian History, 2011.
21. Melville Ch. The Impact of the Mongol Invasions on Iran, Iraq and Central Asia: A Revaluation // Indo-Mongolian Society Lecture, New-York University, March 12, 1997. Available at: <https://www.scribd.com/.../The-Impact-of-the-Mongol-invasion>
22. Melville Ch., De Nicola B. The Mongol's Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran. Leiden, 2016. xiii + 346 p.
23. Pfeiffer J. Conversion versions: Sultan Oljeytu's conversion to Shi'izm (709/1309) in Muslim narrative sources // Mongolian Studies XXII. Chicago, 1999. P. 35–66.
24. The Cambridge History of Iran. Cambridge University Press. London. 1986. Vol. 6. 1151 p.
25. Aubin J. Shaykh İbrahim Zahid Gilani (1218?–1301) // Turcica. Revue d'Etudes Turques. Tome XXI–XXIII, 1991. P. 39–53.
26. محمد آیتی. تحریر تاریخ و صاف. تهران، 1967.
27. حمدالله مستوفی. تاریخ گزیده. تهران، 1984.
28. تاریخ عالم ارای امینی: شرح حکمرانی سلاطین آق قویونلو و ظهور صفویان. نویسنده: فضل الله بن روزبهان خنجی اصفهانی.
29. فضل الله رشید الدین. جامع التواریخ. جلد سوم. متن علمی و انتقادی فارسی بسعی و اهتمام عبد الکریم علی اوغلی علی زاده. باکو، 1957.
30. اسماعیلی ابن یزاز درویش. صفوه صفا. تهران، نشر: زریاب، 1377.
31. الشبک: من فرق الغلاة في العراق: أصلهم. لغتهم. قراهم. عقائدهم. أوأبدهم. عاداتهم؛ اصراف، احمد حامد. بغداد، 1954.

Сведения об авторе: Наргиз Фаик г. Ахундова – доктор философии по истории, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Международных Отношений Института Истории им. А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1638-2077> (AZ1148, Азербайджан, Баку, ул. Г. Джавида, 115). E-mail: nara.akhundova@hotmail.com

Поступила 08.06.2018 Принята к публикации 31.08.2018
Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Ali-zade A.A. *Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Azerbaydzhana v XIII–XIV vv.* [Socio-economic and Political History of Azerbaijan in the 13–14th cc.]. Baku, Caucasus, 2011. 460 p. (In Russian).
2. Akhundova N.F. *Turkmanskije dinastii* [The Turkman dynasties]. Baku, Turhan, 2016. 172 p. (In Russian).
3. Akhundova N.Ch., Guseyn-zade R.A. *Kavkaz i velikie tyurkskie imperii* [Caucasus and the Great Turkic empires]. Baku, EUROCLIO, 2012. 293 p. (In Russian).
4. Bunyatov Z.M. *Gosudarstvo Khorezmshahov-Anushteginidov (1097–1231)* [The State of Khwarezmshahs-Anushteginids]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 248 p. (In Russian).
5. Dostiev T.M. Goroda i gorodskaya kul'tura Azerbaydzhana v epokhu il'khanidov [Cities and Urban Culture of Azerbaijan in the Age of the Ilkhanids]. *Gorod i step' v kontaktnoy evro-aziatskoy zone. II Mezhdunarodnaya Konferentsiya (Tezisy dokladov)* [The Cities and the Urban Culture in the Epoch of the Il-Khanate. The Second International conference (theses of reports)]. Moscow, 2006, pp. 127–128 (In Russian).
6. Krymskiy A. *Istoriya Persii, eya literatury i dervishskoy teosofii* [The History of Persia, Its Literature and Dervish Theosophy]. Vol. III. Moscow, 1914–1917. 468 p. (In Russian).
7. Rashid al-Din Fadl Allah. *Jami at-Tawarikh*. Baku, “Dom Skazki”, 2011. 540 p. (In Russian).
8. *Sokrovennoe skazanie* [The Secret History]. Moscow, ECSMO, 2012. 480 p. (In Russian).
9. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde's History]. Vol. I. St. Petersburg, 1884. 379 p. (In Russian).
10. Hodgson M. *Istoriya islama: Islamskaya tsivilizatsii ot rozhdeniya do nashikh dney* [History of Islam: Islamic Civilization from Its Appearance up to the Modern Times]. Perevod s angliyskogo A.N. Gordienko, I.V. Matveeva, N.V. Shevchenko. Moscow, ECSMO, 2013, 1088 p. (In Russian).
11. Khunji Fadl Allah ibn Ruzbikhan. *Tarikh-i alamara-yi Amini*. Perevod s angliyskogo T.A. Minorskoy. Pod redaktsiei i s predisloviem Z.M. Bunyatova i O.A. Efendieva. Baku, Elm Publ., 1978. 172 p. (In Russian).
12. Rixtim M. *Seyid Yəhya Bakuvı və Xəlvətlik*. Bakı, Qismət Nəşr, 2005. 230 p. (In Azerbaydzhan).
13. *Şeyx Səfi Təzkiyəsi* (Səfvət-üs-səfa-nın XVI əsr türk tərcüməsi). Bakı, Nurlan, 2006. 932 p. (In Azerbaydzhan).
14. Vəlixanlı N. *Azərbaycan VII–XII əsrlərdə: tarix, mənbələr, şərhlər*. Bakı, Elm və Təhsil, 2016, 480 p. (In Azerbaijani).
15. Abbaslı Mirza. *Səfəvilərin Kökenine dair*. Belleten, C.XL, Ankara, 1976, pp. 287–324. (In Turkish).
16. Sümer F. *Səfəvi dövlətinin kuruluşu ve gelişmesinde Anadolu türklerinin rolü*. Ankara: TTK, 1992. 265 p. (In Turkish).
17. *Şeyh Safi Buyruğu*. Hazırlayan D.Doğan. Ankara, 2015. 452 p. (In Turkish).
18. Browne E.G. *A History of Persian Literature in Modern Times (1500–1924)*. Cambridge University Press, 1924. Browne E.G. *Persian Literature under Tartar Dominion*. Cambridge University Press, 1920. 640 p.
19. Lane G. *Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance*. London & New York, Routledge Curzon, 2003. 330 p.
20. Lane G. The Mongols in Iran. Ch. X. *The Oxford Handbook of Iranian History*, 2011, pp. 243–270.

21. Melville Ch. *The Impact of the Mongol Invasions on Iran, Iraq and Central Asia: A Revaluation*. Indo-Mongolian Society Lecture, New-York University, March 12, 1997. Available at: <https://www.scribd.com/.../The-Impact-of-the-Mongol-invasion>
22. Melville Ch., De Nicola B. *The Mongol's Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. Leiden, 2016, pp. 309–335.
23. Pfeiffer J. Conversion versions: Sultan Oljeytu's conversion to Shi'izm (709/1309) in Muslim narrative sources. *Mongolian Studies* XXII. Chicago, 1999, pp. 35–66.
24. *The Cambridge History of Iran*. Cambridge University Press. London, 1986. Vol. 6. 1151 p.
25. Aubin J. Shaykh Ibrahim Zahid Gilani (1218?–1301). *Turcica. Revue d'Etudes Turques*. Vol. XXI–XXIII, 1991, pp. 39–53. (In French)
26. محمد آیتی. *تحریر تاریخ و صاف* (Tahrir-i-Tarih-i Vassaf). تهران، 1967، ص. 707. (In Persian)
27. حمدالله مستوفی. *تاریخ گزیده* (Tarih-i Gozide). تهران، 1984، ص. 814. (In Persian)
28. *تاریخ عالم ارای امینی* (Tarih-i alamara-yi Amini): شرح حکمرانی سلاطین آق قویونلو و ظهور صفویان. نویسنده: فضل الله بن روزبهان خنجی اصفهانی (In Persian).
29. فضل الله رشید الدین. *جامع التواریخ* (Jami'u-al-Tavarih). جلد سوم. متن علمی و انتقادی فارسی بسعی و اهتمام عبد الکریم علی اوغلی علی زاده. باکو، 1957، ص. 1383. (In Persian).
30. اسماعیلی ابن بزاز درویش. *صفوة الصفا* (Safvat-al-Safa). تهران، نشر: زریاب، 1377، ص. 1348. (In Persian)
31. *الشبک: من فرق الغلاة في العراق* (Al-Shabak: min farq-al-ğalati fi Al-İraq): أصلهم. لغتهم. قراهم. عقائدهم. أوابدهم. عاداتهم؛ اصراف، احمد حامد. بغداد، 1954، ص. 316. (In Arabic)

About the author: Nargiz Faiq q. Akhundova – Dr. Sci. (History), Associated Professor, Leading Researcher and Head of International Relations, Department of the Institute of History under the Azerbaijan National Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1638-2077> (115, H.Javid Ave, Baku AZ1148, Azerbaijan). E-mail: nara.akhundova@hotmail.com

*Received June 8, 2018 Accepted for publication August 31, 2018
Published September 29, 2018*

ЛИТОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЗОЛОТУЮ ОРДУ В 1348 Г.: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ*

Моше Гринберг

*Еврейский Университет, гора Скопус
Иерусалим, Израиль
levant17@mail.ru; levant82@yahoo.com*

Цель: проследить взаимоотношения между Золотой Ордой и двумя другими крупнейшими государственными образованиями в Восточной Европе (если не брать в расчёт католические государства в этом регионе), т.е. литовским и московским княжествами, в середине XIV в., на основе литовского посольства, отправленного литовским правителем, князем Ольгердом, к хану Золотой Орды Джанибеку в 1348 г.

Материалы: исследование основано, в основном, на русских летописях. Проводится различие между более ранними и более поздними московскими летописями, а также некоторыми другими, и подчёркивается важность такого различия. Также обращается внимание на формулировки, встречающиеся в летописях, и даже на их тон, и это тоже используется в качестве аргументации в статье.

Результаты и научная новизна: события, рассматриваемые в настоящей статье, не получили достаточного освещения в исследовательской литературе, несмотря на их весомую, пусть и довольно кратковременную, значимость. Научная новизна исследования заключается в наиболее полной и правильной реконструкции этих событий с точки зрения автора, придания им соответствующего значения, прежде всего за счёт разъяснения их последствий, встраивания их в контекст межгосударственных, в том числе вассальных, отношений в Восточной Европе, а также в рамки внешней политики хана Джанибека, литовского правителя Ольгерда и московского великого князя Семёна в этот период.

Ключевые слова: средневековые посольства, Золотая Орда, Литва, Москва, Джанибек, Ольгерд, Наримант, Семён, битва на р. Страве, Тевтонский Орден, Польша, Новгород, Волынь

Для цитирования: Гринберг М. Литовское посольство в Золотую Орду в 1348 г.: предпосылки и последствия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 504–527. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.504-527

* Исследование, ведущее к этим результатам, получило финансирование от Европейского исследовательского совета в рамках седьмой рамочной программы Европейского союза (FP7 / 2007-2013) / соглашения ERC № 312397

A LITHUANIAN EMBASSY IN THE GOLDEN HORDE IN 1348: THE BACKGROUND AND CONSEQUENCES*

Moshe Grinberg

*The Hebrew University, Mt. Scopus
Jerusalem 9190501, Israel
levant17@mail.ru; levant82@yahoo.com*

Abstract: *Research objective:* To investigate the relationship between the Golden Horde and (not taking into account the Catholic states in the region) the other two largest state entities in Eastern Europe, the Lithuanian and Moscow principalities in the middle of the 14th century, on the basis of the Lithuanian embassy sent by the Lithuanian Grand Duke Olgerd to the khan of the Golden Horde Janibeg in 1348.

Research materials: The study is mainly based on the Russian chronicles. A distinction is made between earlier and later Moscow chronicles, as well as some others, with emphasis of the importance of this distinction. Additionally, attention is drawn to the formulations appearing in chronicles, and even to the chronicles' tone, all of this being used as arguments in the article.

Results and novelty of the research: The events considered in this article have been not sufficiently covered in research literature, despite their considerable, though rather short-term, significance. The novelty of the research includes making the most complete and correct reconstruction of these events in the author's point of view and giving the appropriate meaning to the events primarily by explaining their consequences. Their integration into the context of interstate, including vassal, relations in Eastern Europe, is explored, as well as into the framework of the foreign policies of Janibeg Khan, the Lithuanian ruler, Grand Duke Olgerd, and the Muscovite ruler, Grand Prince Semen, in this period.

Keywords: Medieval Embassies, Golden Horde, Lithuania, Moscow, Janibeg, Olgerd, Narimant, Grand Prince Semen, Battle of Strawe, Teutonic Order, Poland, Novgorod, Volhynia

For citation: Grinberg M. A Lithuanian Embassy in the Golden Horde in 1348: The Background and Consequences. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 504–527. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.504-527

В 1348 г., когда в Западной Европе бушевала Чёрная Смерть, в Восточной Европе произошли два очень интересных, пусть и не столь драматических, события. Ими являлись шведский крестовый поход в новгородские земли под предводительством шведского короля Магнуса и литовская дипломатическая миссия в Золотую Орду, возглавленная братом литовских правителей Ольгерда и Кейстута, князем Кориядом. Оба этих события оказали немалое влияние на последующий ход истории в регионе и оба не получили достаточного освещения в исторической литературе. Особенно это касается второго из них, которое и будет рассмотрено в данной статье.

Сжатое изложение указанного события по данным русских летописей выглядит следующим образом. В 1348 г. Ольгерд отправляет посольство в Орду во главе с одним из своих братьев Кориядом с целью попросить воен-

* The research leading to these results has received funding from the European Research Council under the European Union's Seventh Framework Programme (FP7/2007-2013) / ERC grant agreement n° 312397

ной помощи у золотоордынского хана Джанибека. Но тут вмешиваются посланники московского князя Семёна, оговорившие литовцев и склонившие мнение хана в свою пользу. Последний выдаёт всё посольство в московские руки. На мой взгляд, в этой истории удивительно, или по крайней мере необычно, почти всё, но ключевым его вопросом, о который споткнулся не один исследователь, является вопрос: против кого Ольгерд попросил помощи в Орде? Ещё более существенным является вопрос, какие последствия были у данного события, особенно в плане изменения геополитической ситуации в регионе. Эти вопросы и станут предметом исследования в данной статье.

Прежде чем приступить к разбору рассматриваемых событий, нужно начать с предисловия, которое обозначит предысторию этих событий и представит лидеров сильнейших держав региона, призванные сыграть в них главные роли. Отдельно остановлюсь на литовском лидере Ольгерде (пр. 1345–1377 гг.) и его брате Нариманте, а также литовско-новгородских отношениях. Что касается хана Джанибека (пр. 1342–1357 гг.), здесь я на нём особо останавливаться не буду¹, упомяну лишь, что он пришел к власти в 1342 г. после смерти своего отца хана Узбека путём ликвидации двух своих братьев. Забегая вперед, скажем, что Ольгерд, также вступивший в довольно жёсткий конфликт с двумя своими братьями, всё же воздержался от их физического уничтожения. В отличие от всех них, московский князь Семён (пр. 1340–1353 гг.) мирно наследовал отцу в 1341 г. Известие о смерти отца, известнейшего московского правителя Ивана Даниловича, по прозвищу Калита, он встретил в Нижнем Новгороде, что немаловажно для начала его правления².

При вступлении на трон Джанибека, Семён, как это было принято, отправился за обновлением ярлыка к новому хану, но был упреждён другими влиятельными князьями [35, стб. 54; 38, с. 94; 46, с. 365]³. Их поспешность им не особо помогла, так как дело завершилось в его пользу, и с получением нового ярлыка он благополучно возвратился в Москву. Данное решение, возможно, вселило в Семёна такую уверенность, что он отправил послов к хану с новой просьбой. Просил же он о возвращении Суздальско-Нижегородского княжества в лоно Великого Владимирского княжества, то есть под власть Москвы, обладавшей ордынским ярлыком на данное княжение. Более того, князь заручился поддержкой нижегородских бояр, открыто выступивших в Орде на его стороне. Однако

¹ Краткое, но весьма информативное, изложение основных событий его правления можно найти у М.Г. Сафаргалиева: [48, с. 101–110]. Несмотря на то, что этот труд был опубликован более полувека назад, большая часть написанного в нём, по крайней мере в отношении упомянутой темы, до сих пор хранит свою актуальность.

² Предполагается, что он был там наместником от своего отца [21, с. 218; 27, с. 97]. Таким образом, его заинтересованность в Нижнем Новгороде, а также его союз с местным боярством, получает дополнительное весомое обоснование.

³ Этими князьями были три Константина: из Суздаля (т.е. суздальско-нижегородский князь), Твери и Ростова, вместе с отправившимся с ними ярославским князем Василием. Вышеупомянутые летописи (за исключением Воскресенской [33, с. 237], под ошибочным годом (6826/1318) и без упоминания Константина Ростовского) не говорят о целях их поспешного прибытия, но вполне очевидно (следуя Воскресенской летописи, хотя, возможно, это просто логический вывод позднего летописца, а не свидетельство), что они создали антимосковскую коалицию, предназначенную, скорее всего, оспорить ханский великокняжеский ярлык у Москвы. См.: [17, с. 160–161].

Джанибек не стал слушать ни московского князя, ни нижегородских бояр, оставив нижегородский стол за князем Константином, при этом выдав изменивших ему бояр прямо в его руки. Последний не преминул их жестоко покарать [35, стб. 55. См. также: 27, с. 97–98, 100–101]. Таким образом, у нас есть прецедент очень важной просьбы московского князя Джанибеку не лично, а через посланников, а также выдача других посланников выигравшей тяжбу стороне.

Тем временем, в Литве происходили ещё более важные для нашего исследования события. Зимой 1344–1345 гг. литовские князья Кейстут с Ольгердом произвели переворот [3, с. 297, с. 345, прим. 25], захватив власть в государстве и арестовав своего брата, правителя Вильны (Вильнюса), Явнута⁴. Явнут бежал в Москву, где принял крещение под именем Иван⁵. Наримант, другой их брат, княживший в Пинске, в то же время бежал в Орду (!)⁶. Этот князь весьма любопытная и важная фигура в череде исследуемых событий. Ещё в 1331 литовский князь Гедимин буквально вынудил будущего новгородского владыку Василия, бывшего проездом в его землях по дороге к митрополиту Феогносту за посвящением его в архиепископский сан, дать определенное обещание. Оно заключалось в предоставлении княжескому сыну Нариманту значительных земель к северу от Новгорода: Карельскую землю, Корельский городок, Ладогу, Орехов, половину Копорья [31, с. 263–264; 32, стб. 404–405; 42, с. 125. См. также: 6, с. 289–290; 18, с. 136–137]. Владыка выполнил данное обещание, но только через два года [28, с. 345–346; 31, с. 265; 32, стб. 406–407]. Примечательно, что в это самое время Новгород был в конфликте с Москвой, и выполнение обещания могло быть связано именно с этим⁷. Итак, Наримант, крещёный под именем Глеб, в октябре

⁴ Этот арест упоминается исключительно в западно-русских летописях. См.: [37, стб. 71–72, 192–193, 573–574; 41, с. 61, 85; 52, с. 55]. Согласно ним, переворот произвел Кейстут, неожиданно захватив Вильно и арестовав пытавшегося бежать Явнута. Осторожный Ольгерд прибыл позднее. Важное дополнение – события в этих летописях не датируются.

⁵ Бегство в Москву Явнута упоминается в новгородских и позднейших московских источниках и лишь в одной западно-русской летописи конца XVII века. [См.: 28, с. 358; 31, с. 275; 32, стб. 418; 34, с. 216; 37, стб. 605–606; 39, с. 107; 40, с. 175; 42, с. 127]. Новгородская первая летопись упоминает ещё о первоначальном пребывании беглого литовского князя в Смоленске, откуда он ушёл в Москву.

⁶ Те же летописи, что упоминают бегство Явнута, упоминают и бегство Нариманта. Их одновременное бегство неслучайно. Скорее всего, они, как и Ольгерд с Кейстутом, составляли коалицию. Поэтому, вероятно, и их возвращение было достаточно синхронным. Касательно Нариманта имеется ещё очень интересная информация. В некоторых, нечасто используемых летописях, содержится интересный рассказ о том, что Наримант уже бывал ранее в Орде, правда в качестве ее пленника(!). Его выкупил там не кто иной как московский великий князь Иван Калита. См.: [37, стб. 590, 595, 604, 608–609; 43, с. 114]. См. также: [6, с. 291–293]. Это может свидетельствовать о неплохих отношениях Нариманта с Москвой и о каких-то его связях с Ордой. Вряд ли у Нариманта был очень негативный опыт контакта с Ордой, иначе он бы туда не вернулся уже добровольно. Вместе с тем, эти летописи путаются в хронологии событий и в именах литовских князей. И сомнительно, что возвращение Нариманта в Новгород, указываемое в этих летописях, прошло бы незамеченным во всех других новгородских и иных летописях.

⁷ Н.С. Борисов предлагает два альтернативных объяснения развития событий. По одному, Наримант был частью литовской карты, разыгрываемой новгородскими властями в их противостоянии Ивану Калите. По другому, основанной на вышеуказанных сведениях о пленении Нариманта, этот литовский князь, ввиду его хороших отношений с московским князем, был компромиссной фигурой для Москвы. См.: [6, с. 289–292]. Учитывая

1333 г. вступил во владение отведёнными ему землями. Надо сказать, что литовский князь повёл себя предельно корректно в Новгороде, расположив к себе его жителей [18, с. 141]. Однако через некоторое время он покидает Новгородскую землю, а в 1338 году забирает и сына, оставляя, при этом, наместника своего в Орехове. Хорошее впечатление от него было, наверное, несколько подпорчено непредставлением помощи новгородцам, втянувшимся в военный конфликт с карелами, которые были довольно весомо поддержаны шведами [28, с. 348–349; 31, с. 266–267; 32, стб. 409]⁸.

В 1346 г. Ольгерд совершил поход на пограничные новгородские земли. В ходе него Ольгерд разорил или взял выкуп с территорий к югу от Новгорода. Сам поход мотивировался личным оскорблением Ольгерду со стороны новгородского посадника, что привело к его убийству новгородцами, т.е. фактически к серьёзному изменению во власти в Новгороде [28, с. 358–359; 31, с. 276; 32, стб. 419; 34, с. 217; 42, с. 128]. Стоит отметить, что незадолго до этого в Новгороде побывал московский князь Семён по личному приглашению владыки Василия Калики [28, с. 358]. После своего визита князь оставил своих наместников в городе [2, с. 128]⁹. Поэтому весьма вероятно, что Ольгерд хотел изменения ситуации в Новгородской земле в свою пользу, и именно это стало целью похода. Ведь вряд ли такой расчётливый правитель как Ольгерд отправился бы в поход в Новгородские земли лишь из-за ос-

запутанную хронологию пленения, не говоря уже об его не вполне доказанных обстоятельствах, общей канве событий этого года, самом факте приглашения литовского наместника, первое объяснение кажется более убедительным и находит поддержку и в других исследованиях. См.: [4, с. 24; 18, с. 139–142]. Однако, не менее вероятно и чисто военное значение для Новгорода передачи приграничных земель литовскому князю, прежде всего, для защиты от шведов [29, с. 394; 56, с. 146]. Но и здесь можно усмотреть стремление новгородцев к независимости от Москвы: у неё они помощи *пока* просить не желали.

⁸ Н.С. Борисов объясняет такое поведение нежеланием Гедимина портить отношения со Швецией. А также занятостью (возможно, повторной) Нариманта борьбой с татарами. См.: [6, с. 301 и прим. 76]. Другое объяснение событий можно найти у Л.В. Черепнина, если продолжить его мысль. Ведь неоказанная помощь требовалась для усмирения восстания части карел, повлекшего за собой шведскую интервенцию. А оно было вызвано возможным ухудшением положения местного карельского населения после передачи их земель в кормление литовскому князю. См.: [53, с. 542–543]. К сожалению, советский историк не развивает свою мысль по отношению к самому князю, а было бы логично продолжить, что Наримант, прекрасно осознавая отношение к нему местного населения и, возможно, себя как причину конфликта, самоустранился от участия в событиях, выведя из них и своего сына. Убеждают в правомерности выдвинутого предположения события, последовавшие через длительное время, в которых принял участие другой его сын Патрикий. В 1383 г. он получил в кормление примерно те же земли, что и его отец. Недовольные этим жители Орехоского и Корельского городков-крепостей (скорее всего, представители всего окрестного населения) вызвали смуту в Новгороде, за малым делом не дошло до кровопролития. В итоге, Патрикий получил две другие крепости: Руссу и Ладогу. См.: [28, с. 379; 31, с. 339–340; 43, с. 142].

⁹ А.А. Горский справедливо указывает на вассальную принадлежность Новгорода великим князям владимирским, а затем и московским. Соответственно, они держали в городе своих наместников [12, с. 48–49]. С другой стороны, далеко не все исследователи разделяют подобный взгляд (см. например, мнение В.Н. Бернадского, считавшего, что у новгородцев было гораздо больше независимости от князей: [4, с. 23]).

корбления или ради ограбления, как можно подумать из летописных сведений. Вероятно, преследовались более широкие цели¹⁰. Ещё важно отметить, что наместник Нариманта продолжал оставаться в Орехове и после данного похода¹¹. Маловероятно, что наместнику беглого литовского князя разрешили бы остаться без согласия Ольгерда, а это значит, что к этому времени они, вероятно, помирились, и Наримант, возможно, уже вернулся. Вместе с тем, стоит упомянуть, что московские наместники также остались в Новгороде – они упоминаются в новгородских летописях под 6856 (1348) г. (во время шведского крестового похода) [28, с. 360; 31, с. 278; 42, с. 128]. По своему обычаю, новгородцы сохранили свободу манёвра.

Кроме того, в 1341 г., когда Ольгерд ещё не правил на пару с Кейстутом Литовским государством, а был витебским князем, к нему обратились из Пскова за помощью против Ордена. В результате различных событий, следовавших за этой просьбой, включавших в себя и военный поход Ольгерда и Кейстута на защиту Пскова, псковским князем стал сын Ольгерда, Андрей, который, разумеется, принял крещение [47, с. 24–25; 31, с. 272–274; 32, стб. 415–417; 42, с. 127]. Но сам он в городе тоже задержался ненадолго, а оставив наместников, вернулся к отцу [47, с. 25–26]. Резюмируя все перечисленные события, мы видим, что к 1348 г. в Пскове сидели наместники сына Ольгерда, а в пограничных новгородских землях пребывал наместник брата Ольгерда. Прибавив к этому устранение неугодного Ольгерду посадника в том же Новгороде, можно с уверенностью заключить, что литовское влияние в этих северо-западных русских землях сильно возросло.

С другой стороны, это означало, что противоречия между Литвой и Тевтонским Орденом¹² стали распространяться, в добавление к собственно ли-

¹⁰ Тут надо согласиться с Дж. Феннеллом, что и масштаб похода указывает на более широкие цели литовских правителей, но не настолько широкие, на мой взгляд, как оккупация ими Новгорода, как полагает британский историк. Однако, он же считает, что литовцы не добились в итоге этих целей, а выгоду из их военной кампании извлекла скорее боярская фракция, стоявшая за архиепископом и одержавшая победу во внутренней борьбе в городе. См.: [62, s. 263–265]. Вместе с тем, нельзя исключить, что это было в интересах и Литвы, учитывая вышеупомянутые контакты Василия Калики с литовскими князьями, а так же тот факт, что победа была одержана над фракцией с Торговой стороны Новгорода. Возможно, эта сторона была более антилитовской в силу своих торговых интересов на католическом Западе.

¹¹ Он упоминается под 6856 (1348) г., после взятия Орехова королём Магнусом в результате вышеупомянутого крестового похода [31, с. 227; 32, стб. 421; 42, с. 128].

¹² На самом деле Литва воевала как против Тевтонского, так и против аффилированного с ним Ливонского, Орденов. Тевтонский Орден занимал будущие земли германской Восточной Пруссии, а Ливонский – территории современной Латвии и Южной Эстонии. Кроме того, на этих землях находились и владения других феодальных правителей, в частности (но не только), Рижское и Дерптское (современный г. Тарту) епископства, которые часто были враждебны Ордену (особенно Рижское: [69, s. 148]). К нашему времени Орден купил и северную часть Эстонии у Дании [61, s. 193, 205]. Таким образом, Тевтонский и Ливонский Ордена так или иначе контролировал всю территорию (восточной) Прибалтики, и Литва, после распространения своего влияния на Новгород и Псков, имела с ними противоречия на всём протяжении региона. Во избежание путаницы в дальнейшем я обе части Ордена буду называть либо Тевтонским, либо (чаще) просто Орденом. Для общего краткого обозрения балтийских крестовых походов и участия в них военно-монашеских орденов см.: [69, s. 145–151]. Более развернутое представление может предоставить книга Э. Кристиансена из библиографии к данной статье [61].

товским, ещё и на северо-западно-русские пограничные территории. И к 1348 г. их конфликт подошёл к своему апогею. 2 февраля того года литовское войско потерпело жестокое поражение на реке Страве (приток р. Неман) от войск Ордена¹³ [7, с. 106–107. См. также: 31, с. 276; 32, стб. 419; 35, стб. 57]. В ходе неё погиб Наримант [7, с. 106–107]. Здесь следует привести два противоположных мнения в оценке предпосылок этой битвы и ее последствий. Британский историк Э. Кристиансен считает, что Тевтонский Орден стоял на грани краха и даже капитуляции до этой своей победы. Литовские набеги неустанно тревожили и разоряли территории Ордена, счет пленным шел уже на тысячи. Кстати, здесь на передовой, по его свидетельству, был всё тот же князь Наримант, возглавивший со своим братом Кейстутом два вторжения на территорию Ордена в 1347 г. Сама же битва буквально спасла Орден [61, s. 155]. Совершенно иную картину представил нам почти за 100 лет до публикации вышеуказанного мнения российский историк В.Б. Антонович. Он пишет, что это Орден перешёл к партизанской тактике борьбы с Литвой с 1345 г. Это его набеги разоряли литовские земли. Литва лишь эффективно отвечала, совершая свои набеги реже, но большими силами, чем крестоносцы. А битва на р. Страве не оказала никакого влияния на дальнейший ход войны [2, с. 113–122]. Наримант им также упоминается, как сражающийся с Орденом вместе со своими братьями после примирения с ними и до своей гибели в этой битве [2, с. 111–112, 122]. Американский исследователь П. Нолл комбинирует оба этих мнения, указывая на то, что крестоносцы в начале напали первыми, а затем, отступая, нанесли решительное и неожиданное поражение литовцам малыми силами в рассматриваемой битве, от которого последние долго не могли оправиться [63, s. 138–139].

После поражения, скорее всего, уже ранней весной 1348 г.¹⁴, литовский великий князь Ольгерд отправляет в Орду посольство во главе со своим братом Кориядом с просьбой о помощи. Вроде бы ясно против кого – против того, от кого недавно потерпели жестокое поражение. Однако содержание большинства источников, т.е. русских летописей, по данному вопросу вносит существенную путаницу, что, наряду с поведением московского князя, вмешавшимся в события, привело к ошибочному мнению в большей части исторических трудов. Тем более, что последние не уделяли должного внимания рассматриваемому вопросу. Касательно летописей, характерно разделение на более ранние и более поздние московские свидетельства. Так, более ранние летописи – Рогожский летописец¹⁵ и Симеоновская летопись [35, стб. 58; 38,

¹³ На этот раз именно Тевтонского.

¹⁴ Если исходить из датировки В.А. Кучкина совещаний сыновей Калиты в Москве, обсуждавших литовское посольство в Орду, началом-серединой мая того же года. См.: [19, с. 138.] Так как Семён вернулся из Орды после 1 марта, а он вряд ли бы уехал при прибытии этого посольства, чтобы вмешаться самолично, то это прибытие уверенно можно датировать после битвы на р. Страве не только по смыслу, но и по привязке к посольству Семена. Скорее всего, посольство постаралось выехать до весенней распутицы, поэтому логично было бы его приблизительно датировать мартом, также для того, чтобы у тех, кто принес это сообщение московскому князю оставалось время на прибытие в Москву.

¹⁵ Разумеется, Рогожский летописец был тверской летописью, но, как известно, он имел в своей основе общий с Симеоновской и Троицкой летописями протограф за эти

с. 96], а также реконструированная М.Д. Приселковым Троицкая летопись [46, с. 369]¹⁶ – указывают, что Ольгерд попросил помощи у хана, но не упоминают против кого. За них это дружно делают более поздние московские летописи [33, с. 215; 34, с. 219; 39, с. 109; 40, с. 177] – против московского князя Семёна¹⁷. Кроме того, более поздние московские летописи (за исключением Никоновской)¹⁸, наряду с другими летописями, вносят хронологическую путаницу¹⁹. Всё это привело к тому, что в российской, включая советскую, историографии сформировалось устойчивое представление об антимосковской направленности литовского предложения Золотой Орде²⁰. Наряду с ним существует и мнение украинских историков, сложившееся ещё в советскую эпоху и ратующее за антипольскую направленность литовской миссии²¹. И только два историка из тех, мнение которых я нашёл по данному

годы. См., например: [22, с. 36; 26, с. 54; 46, с. 19]. М.Д. Приселков считал, что данные вышеуказанных летописей за этот период вообще дошли до нас в тверской обработке [46, с. 19–20]. Обзор московского летописания в то время (т.е. начального этапа московского летописания) см. у Л.Л. Муравьевой: [25, с. 110–163].

¹⁶ Поскольку мы видели примечание самого Н.М. Карамзина по данному вопросу, здесь мы можем быть уверены в его реконструкции.

¹⁷ Я считаю это позднейшей вставкой.

¹⁸ У которой данное событие корректно встроено синхронно со шведским походом на Новгородскую землю [34, с. 219].

¹⁹ Эти поздние московские летописи вместе с Новгородско-Софийскими и двумя другими Новгородскими дружно датируют его под 6857 (1349) г., встраивая его (неправильно) в контекст польского завоевания Галиции и большей части Волыни. См.: [31, с. 279; 32, стб. 428; 42, с. 89, 129; 43, с. 117]. Летопись Авраамки и Супральская летопись также фиксируют это событие под 6857 (1349) г. [36, стб. 82; 41, с. 46], притом последняя переставляет и шведский крестовый поход на 1349 г. [41, с. 47].

²⁰ Это представление действительно проходит сквозной нитью через всю российскую историографию: от имперской [2, с. 136; 45, с. 285–286; 58, с. 86], затем, включая в себя советскую [13, с. 239; 53, с. 540–541], до современной [12, с. 74–75; 19, с. 137–138; 44, с. 130]. В особенности, здесь стоит упомянуть В.А. Кучкина, тщательно разработанная хронология которого по поводу этих и других событий 1348 г. (в основном, он занимался конфликтом между Семёном и его братьями в том же году) очень помогла мне в написании данной статьи, попутно окончательно убедив меня самого в правоте отстаиваемой мною точки зрения; а также А.А. Горского, аргументацию которого в пользу указанной здесь версии я разберу ниже. Помимо российской, данная версия поддерживается и некоторыми представителями зарубежной историографии: [8, с. 212; 15, с. 127; 67, с. 275] (хотя трудно сказать, что те же Г.В. Вернадский и Е. Гудавичюс не имеют никакого отношения к российской историографии).

²¹ Прежде всего, речь идет о М.С. Грушевском и Ф.М. Шабульдо. Характерно, что они оба производят передатировку этих событий на 1349 г.: [14, с. 33, прим. 3; 54, с. 47–48]. При этом оба опираются на более поздние летописи, первый на Воскресенскую: [33, с. 215]; второй – на Супральскую: [41, с. 46]. Притом оба этих историка поддерживают сообщения о контактах Казимира III с Ордой в 1349 г. до его вторжения. Но такие контакты бы в корне меняли суть миссии литовских послов, а хронология событий прекрасно синхронизируется именно с походом Магнуса на Новгород, а никак не Казимира на Волынь. Несколько изменённую версию «антипольской» гипотезы высказал П. Нолл. У него литовское посольство это скорее следствие, чем предтеча, польской военной кампании. Соответственно, он датирует его 1350 г. (хотя признаёт и вероятность 1349 г.) [63, s. 147 и note 15].

Современный украинский историк Я.В. Пилипчук также поддерживает антипольскую направленность посольства Корияда, однако датирует его правильно 1348 г. и высказывает по-своему логичное предположение, что татарскому посольству в Польское

вопросу, высказались в пользу просьбы о помощи против Ордена. Один из них, как ни странно, это «отец» русской историографии Н.М. Карамзин [16, с. 170]²², а другой – британский историк, специалист по русской средневековой истории, Дж. Феннелл [62, s. 199]²³. В принципе, это то основное, что можно рассказать об источниковедческом и историографическом аспектах рассматриваемых событий.

Далее мы разберём аргументацию А.А. Горского, также придерживающегося антимосковской направленности литовской дипломатической миссии, поскольку он практически единственный, кто нам её предоставил [11, с. 74–75]. Он пишет, что занятость Ольгерда на Западе ничем не угрожала московскому князю, и в этом случае он не стал бы беспокоиться. Занятость на Западе, может, и не угрожала, но вот союз с Ордой едва ли. Разве не угрожал Семёну союз Орды и Литвы, очень серьёзно повышавший влияние (если не доминирование) последней в русских землях, притом, что Новгород со Псковом тяготели тогда больше к Литве? И за кем пошли бы другие русские княжества, увидев, кто литовский союзник? Только это известие о готовившемся союзе, а мы не знаем, что именно донесли князю, должно было не на шутку обеспокоить его. Ссылка же на возможные контакты Семёна с Тевтонским Орденом или с польским королём, которые Литва использовала для убеждения хана в опасности для Орды, являются всё же догадкой, поскольку не встречается ни в источниках, ни в исторической литературе²⁴. Далее А.А.

королевство должно было предшествовать польское посольство в Орду [30, с. 78]. Но, во-первых, оно нигде не упоминается, а значит, мы должны одно недоказуемое предположение подтверждать другим недоказуемым. Во-вторых, по хронологии оно всё равно не вписывается, так как в этом случае обсуждаемые события развернулись бы к концу 1348 г., а не в начале-середине. В-третьих, вся ситуация тогда выглядела бы по-другому. Прежде всего, литовцам в этом случае не было смысла замирать именно с Семёном, им нужно было бы срочно пытаться умиротворить Орду, открыто поддерживавшую Польшу таким шагом. В целом, совсем отринуть возможность антипольской направленности литовской дипломатической миссии мы не можем из-за неполноты сведений источниковой базы, но она крайне маловероятна. Дальнейшие замечания и аргументы по поводу данного предположения будут высказаны ниже.

²² Интересно, что сам Н.М. Карамзин указывает в своих примечаниях, что в Троицкой летописи, которая была ему доступна в полной мере, нет указания на то, против кого попросил помощь Ольгерд у хана. Далее он отмечает, что другие летописи указывают, что помощи литовский правитель просил против Семёна. Однако сам автор считает, что «гораздо вероятнее, что Ольгерд хотел употребить силу Моголов против Немцев». См.: [16, с. 128, прим. 349]. Таким образом, мы с полным основанием можем отнести его мнение к логическим умозаключениям, а не к результатам прочтения не дошедших до нас источников. А странно то, что далее российская историография не обратила должного внимания на вывод своего предшественника и даже не пыталась его опровергнуть (как уже упоминалось, единственные аргументы, и то не прямо против Н.М. Карамзина, приведены у современного исследователя А.А. Горского).

²³ Однако осторожно и без упоминания Н.М. Карамзина.

²⁴ Кроме того, этими контактами должна была быть более обеспокоена Литва, чем Орда, которая и сама на следующий год вступила в контакт с польским королём, как раз против Литвы. Поэтому это скорее относится к аргументам о реальных причинах делегации Корияда, а не к её аргументам в ханской ставке. Но Москва не была вообще склонна к союзу с католическими государствами, и при отсутствии реальных доказательств этот аргумент не является убедительным.

Горский правильно выдвигает более весомый аргумент, что реальной причиной отправления посольства к Джанибеку против (по словам историка) Семёна являлось присутствие в Москве Явнута, получавшего от него поддержку. Но дата возвращения последнего в Литву, по признанию самого А.А. Горского, не указывается²⁵ И поэтому это тоже догадка. Кроме того, почему Ольгерд не послал в Орду посольство раньше, в том числе, чтобы нейтрализовать Нариманта, который, заручись он поддержкой хана, представлял бы существенно большую угрозу для новоявленных литовских властителей, совершивших переворот?

Что касается даты возвращения Явнута, мне датировка В.Б. Антоновича и М.К. Любавского – через 2 года – представляется верной, хотя бы приблизительно [2, с. 96; 23, с. 8.]. Думается, что возвращение обоих братьев, бежавших из Литвы, происходило близко по времени – в 1346 – начале 1347 гг. Примирение с братьями и восстановление литовского влияния в Новгороде позволило Ольгерду сосредоточить силы на своих западных границах против Ордена. Тем досаднее было поражение на р. Страве в тот самый период, когда, казалось бы, можно было дожать Орден, и избавиться от его угрозы навсегда, или хотя бы серьёзно его ослабить. Примирение с братьями, особенно с Наримантом, бежавшим в Орду, косвенно указывающее на относительно хорошие отношения между Литвой и Ордой в то время, и являлись той подоплёкой, которая позволяла Ольгерду надеяться на положительный результат своего смелого дипломатического хода²⁶. Не исключено, что в Орде у Нариманта были какие-то друзья, к чувству мести которых его брат также мог воззвать. Отсутствие указаний на возвращение Явнута в русских летописях тоже косвенно свидетельствует о его более раннем возвращении в Литву, в противном случае, оно было бы, вероятно, упомянуто как часть примирения с Ольгердом в 1349 г. Отсутствие упоминаний о его возвращении в промосковских летописях может свидетельствовать о его отъезде без согласования с московским князем, в других – о его незначительности, а литовские хроники не дают вообще информацию касательно его пребывания в Москве. Более того, союз с Ордой устранял параллельно любую московскую (да и польскую) угрозу Литве, поэтому даже сомнительное присутствие Явнута в Москве в то время уже бы ничем не угрожало литовским правителям. Ольгерд, скорее всего, тщательно обдумал свое посольство в Орду, неплохо оценив политическую ситуацию в регионе²⁷.

²⁵ Историк ссылается здесь на Супральскую летопись: [41, с. 61]. Как уже упоминалось (см. прим. 5), она, как и другие западно-русские летописи, описывающие переворот в Литве Кейстута с Ольгердом, не содержит датирование событий.

²⁶ Интерпретация В.Б. Антоновича не меняет наступательную сущность литовской просьбы, поскольку битве на р. Страва он придает меньшее значение и не видит после неё какой-то особой угрозы Литве со стороны Ордена. См.: [2, с. 104–105]. При любых раскладах, Ольгерд явно не собирался мириться с поражением и намеревался нанести ответный серьёзный удар Ордену при помощи Орды.

²⁷ Более ранние летописи ясно указывают на продуманность действий Ольгерда в данном эпизоде. Слова Рогожского летописца: «здумавъ своимъ высокооуміемъ...» – предшествуют отправлению литовского посольства в Орду. См.: [35, стб. 58]. Две другие ранние летописи пишут в том же месте в том же духе: «помысли Ольгерд...». См.: [38, с. 96; 46, с. 369].

Летописи также предоставляют нам дополнительную аргументацию по вопросу о литовском посольстве. Как уже говорилось, более ранние летописи не сообщают против кого конкретно была запрашиваема помощь литовским посольством в Орде, и лишь более поздние содержат вставку, что против великого князя Семёна. Однако, сама формулировка «просьба о помощи» не предполагает просьбу о помощи против московского князя. Тот был ханским вассалом, получившим ханский ярлык на великое княжение, поэтому на него можно было только жаловаться, а никак не просить о помощи против него у его же сюзерена²⁸! Скорее всего, в таком случае летописи так и написали бы, что «отправил Ольгерд посольство с жалобой на великого князя московского»²⁹. Что характерно, именно такими словами все рассматриваемые летописи передают действия послов Семёна в Орде – они как раз жалуются на Ольгерда. Мало того, просьба о помощи предполагает совместный поход. Да, на Руси уже случалось, что одни ханские вассалы умирляли других при поддержке Орды. Но, во-первых, Ольгерд не был прямым ханским вассалом, а во-вторых, что важнее, Семён был тогда в Орде и отнюдь не собирался выходить из ханского подчинения. Ни при каких других обстоятельствах литовский князь не осмелился бы предложить хану совместное разорение земель его вассала! К тому же, при таком раскладе, Ольгерд предложил бы *своё* войско Орде, а не просил ордынское войско *себе* в помощь.

Так что даже первичное прочтение летописей показывает надуманность вставки в более поздних. Откуда же она появилась? Можно объяснить её появление последствием непонимания летописцами вмешательства Семена в дипломатическую миссию литовцев и попытку дать этому факту разумное объяснение, которое было подхвачено современными историческими трудами. Альтернативное, менее вероятное, объяснение этому – нежелание московских летописей писать о предотвращении союза против католического Ордена, т.е. против крестоносцев, со стороны московского князя, да ещё когда русские (новгородские) земли сами послужили объектом крестового похода (шведского). Но это при допущении, что самим летописцам были известны истинные обстоятельства описываемых событий.

Задумка Ольгерда была смелой и интересной, и как уже говорилось, она могла дать карт-бланш на литовское доминирование в Прибалтийском регионе, включая Новгород, а в перспективе – и во всех русских землях³⁰. Семён понял или учуял этот момент. Недаром летописи упоминают о серьёзных

²⁸ Абсурдность подобной просьбы отмечал ещё Б. Шпулер, но объяснял возможность её существования в реальности падением могущества и авторитета Орды до уровня обычного восточноевропейского государства. С его аргументом, конечно, нельзя согласиться. См.: [57, с. 130].

²⁹ Или, кстати, на польского короля, если принять версию о том, что его послы первыми побывали в Орде. Если бы Казимиру удалось склонить золотоордынские власти в свою пользу, и Ольгерд узнал бы об этом, то вряд ли бы здесь шла речь о просьбе о помощи, а исключительно о попытке обжаловать это или оправдаться.

³⁰ Последнее при очень благоприятных раскладах и тесном сотрудничестве с Улусом Джучи, разумеется. Но такую перспективу, хотя при многих препятствиях на пути её достижения, исключать нельзя.

совещаниях в Москве³¹. Ставки были очень высоки, и неудача могла бы очень дорого обойтись³². Кстати, возможно, поэтому он сам на сей раз не поехал в Орду³³. Ещё одно объяснение этому – Семён действительно вмешался, что называется, «не в своё дело», и понимал это. Тут надо привести слова Н.М. Карамзина, довольно точно описавшего ситуацию в целом: «Узнав, что Ольгерд, *теснимый Немцами*, прислал к Хану брата своего, Корияда, требовать помощи, Симеон внушил Чанибеку, что сей коварный язычник есть враг России, подвластной Татарам, следственно и самих Татар; а Хан, убежденный представлениями Московских Бояр, выдал им Корияда с другими послами Литовскими. *Столь беззаконное* действие могло *справедливо* раздражать Ольгерда...» [16, с. 170. *Курсив мой* – М. Г.]³⁴.

Какие же доводы привела московская делегация в нарушение планов литовской? Как пишут летописцы: «Олгердь со своею братію царевъ оулуйсь, а князя великаго отчину, испоустошилъ» [35, стб. 58], или даже ещё хлеще: «Олгердь твои улусы всѣ высѣкъ и в полонъ вывелъ» [34, с. 219]³⁵. И тут надо всецело поддержать мнение А.А. Горского о том, что данная жалоба касалась вышеупомянутого литовского похода против Новгорода [11, с. 75]³⁶. Следуя логике тех событий, Новгород это действительно та тема, которая волновала все стороны. Вероятно, поход Ольгерда явился весомым аргументом в пользу московской делегации³⁷. Кроме этого, трудно найти другое

³¹ Дополнительная причина этих совещаний, если снова полагаться на хронологию договора между Калитовичами В.А. Кучкина, заключается в том, что согласно этому договору, великий князь не мог устанавливать и оформлять отношения с другими правителями без согласия своих братьев. И хотя здесь не шла речь о договоре, но такой серьезный внешнеполитический шаг, как прямое вмешательство в литовскую и, особенно, ордынскую внешнюю политику, едва ли мог состояться без совещания между всеми братьями, только-только подписавшими договор между собой. Тем более, что само литовское посольство могло быть событием, ускорившим подписание данного договора, т.е. иметь значение для всех братьев. См.: [19, с. 137–138, 143–144, 173].

³² Пример недавнего неудачного посольства против Суздальско-Нижегородского княжества ещё должен был стоять перед глазами.

³³ Это при том, что Семён являлся «рекордсменом» по поездкам в Орду среди московских князей и ехал туда чуть ли не по каждому территориальному спору. См.: [11, с. 68–73].

³⁴ Следует добавить, что подобное действие могло «раздражать» не только Ольгерда, но и Джанибека.

³⁵ Аргумент Рогожского летописца представляется более точным.

³⁶ Так же справедлива его критика [11, с. 75, прим. 38] Ф.М. Шабульдо, который перевёл «царёв улус», на который посягнул Ольгерд, в Подолию [54, с. 42–46]. Следует добавить, что Семён вряд ли бы стал крупно рисковать из-за региона, никак не входившего тогда напрямую в сферу интересов Москвы (если предположить, что он знал о целях литовского посольства). Прибалтика, прежде всего из-за Новгорода, совсем другое дело.

³⁷ Новгород, кроме выплат своей доли дани Орде («чёрного бора», об этой специфической новгородской дани Золотой Орде, см.: [59, с. 98–107; особ. с. 106–107]) и важных торговых функций, служил ещё основным поставщиком серебра на Русь. См.: [51, с. 267–272]. Успешное выполнение ханских требований по выплатам дани сильно зависело от контроля над Новгородом. См.: [5, с. 35; 64, с. 146–147]. Надо полагать, что это понимали не только в Москве, но и в Орде.

действие Ольгерда, которое могло бы вызвать столь негативную реакцию властителя Орды³⁸.

Всё это привело не только к негативным эмоциям хана, но и к его решению с далекоидущими последствиями. Ведь хан не просто отклонил просьбу литовской делегации. Он даже не наказал саму делегацию в порыве гнева. Он просто выдал литовских послов Семену, да ещё сопроводив их своим собственным послом, отправленным с ними в Москву³⁹! Вообще, его решение мало подходит под определение «порыв ханского гнева», а больше на обдуманый политический шаг, которому, по моему мнению, до сих пор не воздано должное. А ведь это было экстраординарным событием, аналогов которому найти трудно. Хорошо известно, как трепетно монголы относились к иммунитету своих послов [68, s. 343–344. См. также: 66, s. 22, 60]⁴⁰. Они также не были склонны нарушать иммунитет иностранных послов [66, s. 22; 68, s. 345–346]⁴¹. И уж совсем неожиданным является передача суверенитета над иноземными послами другим лицам, даже своему вассалу⁴². Отдалённо это может напомнить выдачу нижегородских бояр, поддержавших в Орде московского князя против своего собственного, своему князю. Неужели здесь мы нашли дополнительный аргумент в пользу направленности литовского посольства против Семена? Вовсе нет, ведь эти события лишь отдаленно похожи, так как литовские князья никогда не были вассалами Москвы⁴³. А приве-

³⁸ Помимо мер, предпринятых против литовского посольства, Никоновская летопись указывает на сильную разгневанность хана: «и разгнѣвася зѣло яростію яко огонь» [34, с. 219].

³⁹ Который, кроме повышения авторитета дипломатического шага со стороны Орды, возможно, должен был проследить за безопасностью литовских пленников в пути, а также забрать дополнительные «подарки» от благодарной Москвы.

⁴⁰ Общую картину отношения кочевников центральноазиатских степей к послам даёт Д. Синор в своей отличной статье: [68, s. 337–355 (монголы со s. 343)].

⁴¹ Однако, как справедливо отмечает М. Биран, и у монголов соблюдение дипломатической неприкосновенности послов имело свои пределы. Так, особенно если послы были из враждебного государства, их могли надолго задержать, конфисковать их имущество и даже казнить по обвинению в шпионаже. Рассматриваемые примеры приведены, в основном, из взаимоотношений Чагатайского Улуса с империей Юань и Ильханатом [60, s. 380–381].

⁴² Помимо указанного в примечании выше, в самой Золотой Орде отец Джанибека, хан Узбек, не раз казнил русских князей, прибывавших в его ставку [44, с. 114–117]; а однажды даже повелел умертвить посла и доверенное лицо мамлюкского султана, генуэзского купца Шакрана [1, с. 18]. Однако, эти князья были всё же не послами, а вассалами, приезжавшими к своему сюзерену, часто по его требованию, а купец не ровня князю, тем более брату правителей государства. Обобщая все вышеприведенные примеры, можно сказать, что дипломатический иммунитет мог быть изредка нарушен, вплоть до казни дипломатического лица, но и тогда монгольские ханы предпочитали вершить судьбу иностранных послов самостоятельно и на месте, не передоверяя свою суверенную, по их мнению, власть над ними третьим лицам.

⁴³ А вот по отношению Литвы к Орде так категорично утверждать нельзя. Известны более поздние ярлыки литовским князьям. Имеются немалые, хоть и разрозненные данные, что и после присоединения многих русских земель к Литве, они продолжали платить дань Орде. См.: [14, с. 82–85; 49, с. 145–148; 54, с. 105–106; 55, с. 270–271]. Тем не менее, надо признать, что литовские князья были скорее не прямыми ордынскими вассалами, как московские, например, а только в силу владения и по мере овладения

дено оно было, чтобы показать похожую, весьма своеобразную политику Джанибека, его маневры с вассалитетом и доверенными дипломатическими лицами. Существует ещё один, правда значительно менее важный по своим последствиям, пример подобных методов из арсенала его внешней политики в русских землях. В 1355 г. некий князь Фёдор Глебович⁴⁴ оспорил у муромского князя Юрия Ярославича его княжение и, пользуясь также поддержкой муромцев, выиграл в Орде это дело. В результате, Юрий Ярославич был выдан в руки победителя и умер в заключении; по свидетельству летописей, он был заморен голодом [35, стб. 64; 38, с. 99; 46, с. 374].

Возвращаясь к литовскому посольству, в его случае последствия ханского решения не заставили себя ждать. Для Литовского княжества оно оставило довольно неприятный осадок, мягко говоря. Возможно, уже при принятии данного решения Джанибек хотел унижить литовцев. На этом он не остановился, и в 1349 г. имели место контакты между ним и польским королём Казимиром III (пр. 1310–1370 гг.), причем ордынские посланники, возможно, сами побывали у короля, что говорит о высокой заинтересованности со стороны хана [24; 50, с. 508⁴⁵. См. также: 14, с. 33; 54, с. 46; 63, с. 140]. Для польского же короля было очень важно нейтрализовать угрозу со стороны Золотой Орды до своего похода [14, с. 33; 63, с. 140]. Однако враждебность хана Литве, видимо,

ими русскими землями, платившими дань Золотой Орде. Ф.М. Шабундо определяет эти отношения как кондоминальные (т.е. как комдоминиум между Литвой и Ордой на новоприобретённые Литвой земли, которые ранее были вассальными территориями Улуса Джучи). Не он ввёл этот термин в употребление, но он постарался более детально его рассмотреть в свете отношений Орды, Литвы, Польши и южнорусских (современных украинских) земель. См.: [55, особ. с. 270–274]. С другой стороны, мы всё же точно не знаем, какой именно статус был у Литвы в глазах золотоордынских ханов.

⁴⁴ Некоторыми исследователями высказывается предположение о его отождествлении с одноименным главой того самого московского посольства в Орду, отправленного в ответ на посольство Ольгерда [20, с. 52; 62, с. 199, note 3]. Если это так, то положительное решение в его пользу, помимо участия местной элиты (не помогшей в ранее упоминавшемся нижегородском случае), представляется более понятным, как и то, что в этом случае он был бы очевидно поддержан Москвой. На московской поддержке настаивает на этом же основании А.В. Кучкин [20, с. 52]; другое дело, что само отождествление не вполне доказуемо [11, с. 78].

⁴⁵ «В лето Господне 1349 к польскому королю явились татарские послы», согласно переводу А.С. Досаева, или же: «В год Господень 1349 тартарские послы прибыли к королю Польши», согласно переводу Р. Хаутала (см. также латинский оригинал этой фразы в его статье: [50, с. 508, прим. 60]). Данная фраза в Меховских анналах является единственным упоминанием в источниках о визите татарских послов к польскому королю в 1349 г. По этому сообщению непонятно, были ли это посланники самого хана, либо других высоких сановников, либо, быть может, одной из пограничных с Волынью орд?

Тут надо отметить, в контексте заочного спора с «антипольской» версией, что засылка посольств из Польши в Золотую Орду была делом весьма непростым. (Обратное было полегче: маловероятно, что татарских послов осмелились бы останавливать). Через свои владения Любарт бы их вряд ли пропустил, а через Венгрию и причерноморские степи для крупного посольства было бы делом совсем небезопасным без предварительного согласования и получения пайцзы (особенно при наличии враждебных отношений с приграничными татарами). Посредством третьих лиц (купцов или католических миссионеров) подобные контакты могли состояться, но в таком случае они, скорее всего, были бы тайными и вряд ли доступными для Ольгерда.

была вполне контролируемой, и уже в 1352 г. татарские отряды появляются на стороне литовцев [14, с. 38–39; 24; 50, с. 509–510; 54, с. 50; 63, с. 151].

Что касается Москвы, то здесь дело обстояло зеркально противоположным образом. Прежде всего, Ольгерду нужно было высвободить своё посольство во главе со своим братом из рук Москвы. Его делегация и попросила об этом Семёна в весьма смиренных выражениях, передав многочисленные дары⁴⁶. Чуть позже Ольгерд попросил руки невестки московского князя. Эта княжна, именем Ульяна, принадлежала к тверскому княжескому дому, соперничавшему с московским. И тем не менее, запрос был сделан как раз московскому князю. Примерно в то же время литовский князь Любарт, другой брат Ольгерда, который правил на Волыни, отправил своих бояр в Москву, прося замуж племянницу московского правителя (дочь вышеупомянутого Константина Ростовского). Данные матримониальные просьбы привлекли внимание исследователей⁴⁷. Этот список различных смиренных прошений заканчивается кампанией Семёна против Смоленского княжества в 1352 г. Мы не будем здесь подробно останавливаться на нём, но обратим внимание на то, что Семён, отправляясь с большой армией в сторону Смоленска, столкнулся на своем пути с посольством из Литвы, которое оказало ему почести и преподнесло щедрые дары. Князь любезно принял послов, заключил с ними мирный договор, но продолжил своё движение. Тогда делегация из самого города отправилась к нему и заключила с ним свой собственный мирный договор. Результатом кампании, по мнению историков, стал переход княжества в сферу влияния Москвы [9, с. 318; 11, с. 75; 12, с. 40; 62, с. 209–210]⁴⁸. Под московскую сферу влияния подпали также Брянское кня-

⁴⁶ Е. Гудавичюс упоминает и о территориальных уступках Москве; в частности, Литва отказалась от претензий на Верховские княжества в верховьях Оки [15, с. 127].

⁴⁷ Э. Клюг подчёркивает, что при заключении брака Ольгерда с сестрой тверского князя Всеволода Холмского, просьба о браке была направлена именно Семёну Гордому, которому она приходилась свояченицей, как верховному правителю Суздальской Руси. Аналогично поступил и его брат Любарт, взяв себе в жены дочь Константина Ростовского, племянницу Семёна. А.А. Горский указывает, что при этом он надеялся на положительное отношение московского князя к его правам на Волынское княжение. См.: [11, с. 73, 75, прим. 39; 17, с. 167]. К этому стоит прибавить и посольства Ольгерда с богатыми дарами при выкупе Корияда и при Смоленском походе Семёна. Да и выражения, в которых описываются обращения посольств в летописях, создают впечатление не как о разговоре с равным, а как со старшим: они, например, «бьют челом». Любарта Семён «жалует», хотя он брат литовских правителей. См.: [34, с. 221, 223; 35, стб. 59–60; 36, стб. 82–83; 38, с. 96–97; 46, с. 370, 372]. Таким образом, возможно, что у Семёна Гордого были веские основания на своё прозвище не только среди московских бояр (о «боярском» источнике прозвища см.: [8, с. 212; 13, с. 238–239]). Кроме того, возвращаясь к «антипольской» версии, вряд ли Любарт посылал бы своих людей с подобной просьбой в Москву, если бы он знал, что Семён прямо поддержал польского короля своим посольством в Орду.

⁴⁸ О самой кампании см.: [9, с. 317–318; 62, с. 206–208]. А.А. Горский и Дж. Феннелл уверены, что Семён заручился предварительно ханской поддержкой, однако первый связывает это с ордынской поддержкой Литвы против Польши в том же году, а второй не усматривает такой связи [11, с. 75–76; 62, с. 210–211]. Следует согласиться, что Семён, скорее всего, уведомил Джанибека о таком значительном походе, а, может быть, даже и Ольгерда (П.В. Голубовский предполагает, что было заблаговременное предупреждение литовцев из Смоленска [9, с. 317–318]). Что касается связи с татарской помощью против Польши и Венгрии, то здесь нет достаточной доказательной базы за или против. Тем не

жество [10, с. 88; 11, с. 75] и Псковская земля [62, s. 272]. Московско-новгородские отношения в этот и последующий периоды – это отдельная и сложная тема, но, тем не менее, можно констатировать, что в Новгороде с той поры нет упоминания о появлении здесь литовских князей вплоть до 1379 г.⁴⁹ Все вышеприведённые свидетельства однозначно указывают на значительное, пусть во многом и символическое, но осязаемое, повышение статуса и влияния московского князя на всех русских землях⁵⁰.

Рассматриваемые события привели к очень серьёзным геополитическим изменениям в регионе. Именно поэтому они требуют самого пристального внимания. На мой взгляд, очевидно, что первые годы правления Ольгерда характеризовались попыткой экспансии в западном направлении, а именно упорной борьбой с Тевтонским Орденом и стремлением распространить своё влияние на Новгород и Псков. Опять же надо понимать, что в условиях того времени (прежде всего, с точки зрения коммуникаций), тот факт, что *личные* владения Кейстута и Ольгерда либо примыкали, либо находились неподалёку от границ с Орденом, являлся серьёзнейшим стимулом к их интересам именно в этом регионе и именно против орденских братьев и их союзников⁵¹. Когда же эта экспансия потерпела фиаско в военном плане в результате поражения на р. Страве от Ордена, Ольгерд попытался исправить положение своим посольством в Золотую Орду. Очень нестандартное решение, хотя мера вражды между Литвой и Ордой значительно преувеличена, на мой взгляд. Тем не менее, Ольгерд не мог не понимать, что он не может обратиться к Джанибеку как к равному, и поэтому его просьба должна была сопровождаться определёнными уступками, как реальными, так и символическими, наподобие признания вассалитета и, вполне допустимо, даже выплаты некоторой дани⁵².

менее, на мой взгляд, не подлежит сомнению, что Ольгерд и без этой связи ничего поделать не мог, ибо при натиске вышеуказанных держав вступать в вооружённый конфликт ещё и с явным ханским фаворитом, который и сам обладал неслабой армией, было совсем не с руки. Существует, надо отметить, и более комплиментарное для Литвы мнение, что именно её посольство остановило московскую экспансию на Смоленск [2, с. 230–231; 15, с. 129]; однако ни исторический контекст, ни сведения и сам тон летописных источников не дают оснований для подобных выводов. Вместе с тем, нельзя утверждать, что Литовское княжество полностью отказалось от самостоятельной внешней политики даже при таких обстоятельствах. В том же году Ольгерд отправил некоего Феодорита, своего кандидата на митрополичий престол (и это при живом, хотя и уже больном, митрополите Киевском и всея Руси Феогносте), в Константинополь [15, с. 130; 65, s. 164–165]. Вряд ли это можно назвать дружественным по отношению к Москве актом. Так что перипетии литовско-московских отношений были непростыми и в тот период, но напрямую Литва никак не могла тогда противостоять Москве по вышеупомянутым причинам.

⁴⁹ См.: [28, с. 375; 31, с. 309; 42, с. 91] об упоминании под этим годом.

⁵⁰ Что отмечается и зарубежным историком Русской церкви Дж. Мейендорффом: «Increasingly, the Grand-prince of Moscow acquired the stature of leader “of all Russia”». [«Великий князь московский Семён всё более и более приобретал статус лидера “всея Руси”»]. См.: [65, s. 161].

⁵¹ А то, что их брат Любарт правил на землях бывшего Галицко-Волынского княжества, отвечало, конечно, их интересам, но не первостепенным. Поэтому я убеждён, что без очень серьёзных причин Ольгерд не стал бы разменивать бы своё столь важное и необычное посольство в Золотую Орду на слухи о каких-то контактах Польши с последней (а крупного посольства из Польши в Орду почти точно не было), даже если бы они имели место быть.

⁵² Хотя бы с земель, ранее подчинённых Орде.

Невозможно точно предположить, как бы развернулись события в данном случае, но сам факт появления татар на стороне Литовского княжества значил бы многое. Это вмешательство имело бы даже большее значение, чем ордынская помощь Литве против Польши в 1352–1354 гг., так как она была бы отправлена несомненно по приказу самого хана и непосредственно литовским правителям.

Но, к сожалению для данных правителей, их политика на западном направлении потерпела фиаско и на дипломатическом фронте, притом также очень болезненное. Сложившейся ситуацией воспользовался польский король Казимир III и провёл свою военную кампанию, успешно заведя Галицию и большей частью Волыни. В принципе, это можно назвать пиком польской экспансии на востоке вплоть до польско-литовской унии. Литва же после этого «отвлёклась» сначала на Польшу, а потом и вовсе перевела свою экспансию на восточное и юго-восточное направления. Что касается Москвы, то для неё всё складывалось просто замечательно в политическом плане, однако недолго. Печально известная эпидемия чумы, прозванная «Чёрной Смертью», унесла в могилу главного бенефициара литовского посольства и решения Джанибека по этому поводу – великого князя Семёна Гордого. Пришедший ему на смену его брат Иван Красный (пр. 1353–1359 гг.) не пользовался достаточным уважением в русских землях, как и, весьма вероятно, достаточной поддержкой со стороны золотоордынского хана.

Джанибек, без сомнения, был тем правителем, чьё решение и привело к таким геополитическим сдвигам. Во-первых, он остановил литовскую экспансию, что называется, «без единого выстрела». Во-вторых, он очень значительно усилил положение и авторитет московского князя, которого, не без основания, считал своим верным вассалом. Учитывая, что Улус Джучи и сам, совсем недавно, пережил Чёрную Смерть (1346 г.), а также не слишком удачную войну (1343–1347 гг.) против итальянских торговых республик (Генуи и Венеции), то он добился значительных достижений в плане реализации своих целей при минимально затраченных усилиях. Весьма любопытны и методы его политики. Три примера выдачи проигравших тяжбу в ханской ставке сторон в руки их противников указывают на то, что это было не случайным решением, а сознательным политическим шагом. Предположительно, Джанибек стремился упрочить таким способом положение князей, и так пользовавшихся его благорасположением, как среди прочих князей, так и внутри своих княжеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амин аль-Холи*. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Сокр. пер. с араб. З.И. Левина. М.: Восточная литература, 1962. 40 с.
2. *Антонович В.Б.* Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Вып. 1. Киев, 1878. ii + 156 с.
3. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М.: АН СССР, 1963. 375 с.
4. *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л.: АН СССР, 1961. 399 с.

5. *Борисов Н.С.* Московские князья и русские митрополиты XIV века // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 30–43.
6. *Борисов Н.С.* Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV века). М.: МГУ, 1999. 391 с.
7. *Вартберг Г.* Ливонская хроника / Пер. с нем. Е.В. Чешихина-Ветринского // Сборник материалов и статей из истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига: Типография А.И. Липинского, 1879. С. 83–155.
8. *Вернадский Г.В.* История России. Т. 3. Монголы и Русь. Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1997. 480 с.
9. *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1895. ii + 334 + iv с.
10. *Горский А.А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М.: Российское университетское изд-во, 1996. С. 76–110.
11. *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
12. *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV вв.: Пути политического развития. М.: Институт Российской истории РАН, 1996. 128 с.
13. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.; Л.: АН СССР, 1950. 478 с.
14. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 4. Київ: Наукова думка, 1993. 544 с.
15. *Гудавичюс Э.* История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года / Пер. с лит. Г.И. Ефремова. М.: Фонд им. И. Д. Сытина; Baltrus, 2005. 685 с.
16. *Карамзин, Н.М.* История Государства Российского. Т. 4. СПб.: Издание Е. Евдокимова, 1892. Перепечатано: Гаага; Париж: Моутон, 1969. 340 + iii с.
17. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / Пер. с нем. А.В. Чернышова. Тверь: Риф, 1994. 432 с.
18. *Кузьмина О.В.* Церковь и политическая борьба в Новгороде в XIV–XV веках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Великий Новгород, 2007. 407 с.
19. *Кучкин В.А.* Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. Вып. 8. М.: Индрик, 2009. С. 101–175.
20. *Кучкин В.А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М.: Наука, 1980. С. 26–112.
21. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.
22. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 285 с.
23. *Любавский М.К.* Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского Государства ко времени издания первого Литовского статута. М.: Университетская типография, 1892. viii + 884 + с + vi с.
24. *Меховские анналы.* Пер. с лат. А.С. Досаева. Электронная версия 2011 г. [Электронный ресурс]
http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Mechoviens/text.phtml?id=9687
25. *Муравьёва Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М.: Наука, 1983. 296 с.
26. *Муравьёва Л.Л.* Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. М.: Наука, 1991. 224 с.
27. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: АН СССР, 1940. 180 с.
28. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 573 с.
29. *Пашуто В.Т.* Образование литовского государства. М.: АН СССР, 1959. 531 с.

30. *Пилипчук Я.В.* Хан Джанибек и князь Любартас-Дмитрий // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 73–100.
31. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг.: Типография Я. Башмаков и Ко., 1915. xxxi + 320 с.
32. ПСРЛ. Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. viii + 581 стб.
33. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. Спб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. x + 346 с.
34. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Типография МВД, 1885. ii + 244 с.
35. ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. xviii + 216 стб.; 540 стб.
36. ПСРЛ. Т. 16. Летописный список, именуемый летописью Авраамки. СПб.: Типография Ф. Елеопского, 1886. iii + 70 стб.
37. ПСРЛ. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1907. xiv + 650 стб.
38. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. iii + 316 с.
39. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 2004. v + 241 с.
40. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: АН СССР, 1949. 464 с.
41. ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 306 с.
42. ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.
43. ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки русской культуры, 2004. 368 с.
44. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012. 455 с.
45. *Пресняков А.Е.* Образование Великоордынского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг.: Типография Я. Башмаков и Ко., 1918. 459 с.
46. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
47. Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М.: АН СССР, 1955. 365 с.
48. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. 279 с.
49. *Флоря Б.Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М.: Наука, 1980. 164 с.
50. *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 485–528.
51. *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.: АН СССР, 1963. 368 с.
52. Хроника Быховца / пер., предисл. и коммент. Н.Н. Улащика. М.: Наука, 1966. 157 с.
53. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 900 с.
54. *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 183 с.
55. *Шабульдо Ф.М.* Кондоминальный статус украинских земель в XIV в.: от первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до

ярлыка Мамаю // Золотоордынская цивилизация. Т. 10. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С. 267–282.

56. *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л.: Наука, 1987. 176 с.

57. *Шнулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Пер. с нем. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

58. *Экземпларский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889. х + 475 с.

59. *Янин В.Л.* “Черный бор” в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Отв. ред. Б.П. Рыбаков. М.: МГУ, 1983. С. 98–107.

60. *Biran M.* Chaghadaid Diplomacy and Chancellery Practices: Some Preliminary Remarks // *Oriente Moderno*. 2008. No. 88/2. P. 369–392.

61. *Christiansen E.* The Northern Crusades: The Baltic and the Catholic Frontier, 1100–1525. London: Macmillan Press, 1980. xv + 273 p.

62. *Fennell J.L.I.* The Emergence of Moscow, 1304–1359. Berkeley; Los Angeles: The University of California Press, 1968. 353 p.

63. *Knoll P. W.* The Rise of the Polish Monarchy: Piast Poland in East Central Europe, 1320–1370. Chicago: The University of Chicago Press, 1972. x + 276 p.

64. *Martin J.* North-eastern Russia and the Golden Horde (1246–1359) // *The Cambridge History of Russia*. Vol. 1. Ed. by M. Perrie. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 127–157.

65. *Meyendorff J.* Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. xix + 326 p.

66. *Morgan D.* The Mongols. 2nd ed. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishing, 2007. xvi + 246 p.

67. *Paszkiewicz H.* The Rise of Moscow's Power. Transl. from Polish by P.S. Falla. New York: Boulder: East European Monographs, 1983. 530 p.

68. *Sinor D.* Diplomatic Practices in Medieval Inner Asia // *The Islamic World: From Classical to Modern Times*. Ed. by C.E. Bosworth et al. Princeton, New Jersey: Darwin Press, 1989.

69. *Urban W.L.* Baltic Crusades // *The Crusades: An Encyclopedia*. Vol. 1. Ed. by A.V. Murray. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford: ABC-CLIO, 2006. P. 145–151. Available at: http://lukashevichus.info/knigi/murray_crusades_encycl.pdf

Сведения об авторе: Моше Гринберг – выпускник (магистр) Еврейского Университета в Иерусалиме (гуманитарный факультет, индивидуальная программа по истории России и Центральной Азии) (Еврейский Университет, гора Скопус, Иерусалим 9190501, Израиль). E-mail: levant82@yahoo.com

Поступила 14.05.2018 Принята к публикации 24.08.2018

Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Amin al'-Kholi. *Svyazi mezhdru Nilom i Volgoy v XIII–XIV vv.* [Connections between the Nile and the Volga in the 13th–14th Centuries]. The abridged translation from Arabic by Z.I. Levin. Moscow, Vostochnaya literatura, 1962. 40 p. (In Russian)
2. Antonovich V.B. *Ocherk istorii Velikogo knyazhestva Litovskogo do poloviny XV stoletiya* [Essay on the History of the Grand Duchy of Lithuania before the Middle of the 15th Century]. Issue 1. Kyiv, 1878. ii + 156 p. (In Russian)
3. Berezhtkov N.G. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [The Chronology of Russian Chronicles]. Moscow, Academiya nauk SSSR Publ., Publ., 1963. 375 p. (In Russian)
4. Bernadskiy V.N. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke* [Novgorod and the Novgorod Land in the 15th Century]. Moscow, Leningrad, Academiya nauk SSSR Publ., 1961. 399 p. (in Russian).
5. Borisov N.S. *Moskovskie knyaz'ya i russkie mitropolity XIV veka* [Princes of Moscow and Russian Metropolitans in the 14th Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1986, no. 8, pp. 30–43. (In Russian)
6. Borisov N.S. *Politika Moskovskikh knyazey (konets XIII – pervaya polovina XIV v veka)* [The Policies of Princes of Moscow (the End of the 13th – the First Half of the 14th Centuries)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1999. 391 p. (In Russian)
7. Vartberg G. *Livonskaya khronika* [The Livonian Chronicle]. Transl. from German by E.V. Cheshikhin-Vetrinskij. *Sbornik materialov i statey iz istorii Pribaltiyskogo kraya* [Collection of Materials and Papers from the History of the Baltic Region]. Vol. 2. Riga, Tipografiya A.I. Lipinskogo, 1879, pp. 83–155. (In Russian)
8. Vernadskiy G.V. *Istoriya Rossii*. [The History of Russia]. Vol. 3. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Transl. from English by E.P. Berenstein, B.L. Gubman, O.V. Stroganova. Tver', Lean; Moscow, Agraf, 1997. 480 p.
9. Golubovskiy P.V. *Istoriya Smolenskoy zemli do nachala XV st.* [The History of the Smolensk Land before the Beginning of the 15th Century]. Kyiv, Typography of the Imperial Academy of St. Vladimir, 1895. ii + 334 + iv p. (In Russian)
10. Gorskiy A.A. *Bryanskoe knyazhestvo v politicheskoy zhizni Vostochnoy Evropy (konets XIII – nachalo XV v.)* [Bryansk Principality in the Political Life of Eastern Europe (the End of the 13th – the Beginning of the 15th Century)]. *Srednevekovaya Rus'*. [Medieval Rus']. Vol. 1. Moscow, Rossiyskoe universitetskoe Publ., 1996, pp. 76–110. (In Russian)
11. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda*. [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 214 p. (In Russian)
12. Gorskiy A.A. *Russkie zemli v XIII–XIV vv.: Puti politicheskogo razvitiya*. [Russian Lands in the 13th–14th Centuries: Ways of Political Development]. Moscow, the Institute of History of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 128 p. (In Russian)
13. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie*. [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. (In Russian)
14. Grushevs'kiy M. *Istoriya Ukraïni-Rusi* [The History of Ukraine-Rus']. Vol. 4. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1993. 544 p. (In Ukrainian)
15. Gudavichyus E. *Istoriya Litvy*. [The History of Lithuania]. Vol. 1. *S drevneyshikh vremen do 1569 goda* [From Ancient Times to 1569]. Transl. from Lithuanian by G.I. Efremov. Moscow, Sytin Foundation; Baltrus, 2005. 685 p. (In Russian)
16. Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo*. [The History of the Russian State]. Vol. 4. St. Petersburg, E. Evdokimov Publ., 1892. Reprinted: The Hague; Paris, Mouton, 1969. (In Russian)
17. Klyug E. *Knyazhestvo Tverskoe (1247–1485 gg.)* [The Principality of Tver' (1247–1485)]. Transl. from German by A.V. Chernyshov. Tver, Rif Publ., 1994. 432 p. (In Russian)

18. Kuz'mina O.V. *Tserkov' i politicheskaja bor'ba v Novgorode v XIV–XV vekakh* [The Church and Political Struggle in Novgorod in the 14th–15th Centuries]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Ph.D. dissertation]. Velikiy Novgorod, 2007. 407 p. (In Russian)

19. Kuchkin V.A. Dogovor 1348 g. velikogo knyazya Simeona Ivanovicha s brat'yami Ivanom Zvenigorodskim i Andreem Serpukhovskim [The Agreement of 1348 of Great Prince Simeon Ivanovich with his Brothers Ivan of Zvenigorod and Andrey of Serpukhov]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Vol. 8. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 101–175. (In Russian)

20. Kuchkin V.A. Russkie knyazhestva i zemli pered Kulikovskoy bitvoy [Russian Principalities and Lands before the Battle of Kulikovo]. *Kulikovskaya bitva* [The Battle of Kulikovo]. Ed. by L.G. Beskrovnyj. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 26–112. (In Russian)

31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. Pt 1. *Novgorodskaya chetvertaya letopis'*. [The Novgorod Fourth Chronicle]. Is. 1. Petrograd, Typography of Ja. Bashmakov & Co., 1915. xxxi + 320 p. (In Russian)

32. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 6. *Sofiyskaya pervaya letopis' starshego izvoda*. [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6: The Sofia First Chronicle According to Older Recension]. Is. 1. Moscow, Jazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000. VIII + 581 cols. (In Russian)

33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 7. *Letopis' po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 7: The Chronicle According to the Voskresensk Manuscript]. St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa, 1856. x + 346 p. (In Russian)

34. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 10. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu*. [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 10: The Collection of Chronicles Named as the Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, Typography of the Ministry of Internal Affairs, 1885. ii + 244 p. (In Russian)

35. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 15. *Rogozhskiy letopisets*. [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 15: The Rogozh Chronicle]. *Tverskoy sbornik* [The Collection of Chronicles of Tver']. Moscow, Jazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000. xviii + 216 cols.; 540 cols. (In Russian)

36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 16. *Letopisnyy spisok, imenuemyy letopis'yu Avraamki* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 16: The Chronicle named as the Chronicle of Avraamka]. St. Petersburg, Tipografiya F. Eleopskogo, 1886. iii + 70 cols. (In Russian)

37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 17. *Zapadnorusskie letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 17: West Russian Chronicles]. St. Petersburg, Typography of M.A. Aleksandrov, 1907. xiv + 650 cols. (In Russian)

38. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 18. *Simeonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 18: Simeon Chronicle]. St. Petersburg, Typography of M.A. Aleksandrov, 1913. III + 316 p. (In Russian)

39. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 23. *Ermolinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 23: The Ermolinskaya Chronicle]. St. Petersburg, Typography of M.A. Aleksandrov, 2004. v + 241 p. (In Russian)

40. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 25. *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 25: The Moscow Corpus of Chronicles of the End of the 15th Century]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 464 p. (In Russian)

41. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 35. *Letopisi belorussko-litovskie* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 35: The Belarusian-Lithuanian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 306 p. (In Russian)

42. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 42. *Novgorodskaya Karamzinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 42: The Novgorod Karamzin Chronicle]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 224 p. (In Russian)

43. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 43. *Novgorodskaya letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo*. [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 43: The Novgorod Chronicle According to P.P. Dubrovsky's Manuscript Copy]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2004. 368 p. (In Russian)

44. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ord'y* [Tsars of the Horde. The Biographies of Khans and Rulers of the Golden Horde]. 2nd ed., ispr. i dop. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2012. 455 p. (In Russian)

45. Presnyakov A.E. *Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva: Ocherki po istorii XIII–XV stoletiy*. [The Formation of the Great Russian State: Sketches on the History of the 13th–15th Centuries]. Petrograd, Typography of Ja. Bashmakov & Co., 1918. 459 p. (In Russian)

46. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis': Rekonstruktsiya teksta* [The Trinity Chronicle. Reconstruction of the Text]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 516 p. (In Russian)

47. *Pskovskie letopisi*. [The Pskov Chronicles]. Vol. 2. Ed. by A.N. Nasonov. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 365 p. (In Russian)

48. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ord'y*. [The Dissolution of the Golden Horde]. Saransk, Mordovskoe Knizhnoe Publ., 1960. (In Russian)

49. Florya B.N. Litva i Rus' pered bitvoy na Kulikovom pole [Litva and Rus' before the Battle on the Kulikovo Field]. *Kulikovskaya bitva* [The Battle of Kulikovo]. Ed. by L.G. Beskrovnyj. Moscow, Nauka Publ., 1980. 164 p. (In Russian)

50. Hautala R. Ot Batu do Dzhaniybeka: Voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shey i Vengriy (2) [From Batu to Janybek: Military Conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (2)]. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 485–528. (In Russian)

51. Khoroshkevich A.L. *Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoy i Zapadnoy Evropoy v XIV–XV vekakh* [The Trade of Great Novgorod with the Baltic Region and Western Europe in the 14th–15th Centuries]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1963. 368 p. (In Russian)

52. *Khronika Bykhovtza* [The Chronicle of Bykhovets] Transl., introd. and comment. by N.N. Ulaschik. Moscow, Nauka Publ., 1966. 157 p. (In Russian)

53. Cherepnin L.V. *Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi*. [The Formation of the Russian Centralized State in the 14th–15th Centuries. Essays on the Socio-economic and Political History of Rus']. Moscow, 1960. 900 p. (In Russian)

54. Shabul'do F.M. *Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [The Lands of South-West Rus' as Part of the Great Principality of Lithuania]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1987. 183 p. (In Russian)

55. Shabul'do F.M. Kondominal'nyy status ukrainskikh zemel' v XIV v.: ot pervykh territorial'nykh priobreteniy Pol'shi i Litvy vo vladenyakh Zolotoy Ord'y do yarlyka Mamaya [The Condominium Status of Ukrainian Lands in the 14th Century: From the First Polish and Lithuanian Conquests of the Golden Horde Territories to the Yarlyk of Mamai]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 10. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017, pp. 267–282. (In Russian)

56. Shaskol'skiy I.P. *Bor'ba Rusi za sokhranenie vykhoda k Baltiyskomu moryu v XIV veke* [Struggle of Rus' for the Preservation of Access to the Baltic Sea in the 14th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 176 p. (In Russian)

57. Spuler B. *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg.* [The Golden Horde. The Mongols in Russia, 1223–1502]. Transl. from German and comment. by M.S. Gatin.

Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 500 p. (In Russian)

58. Ekzemplarskiy A.V. *Velikie i udel'nye knyaz'ya Severnoy Rusi v tatarskiy period s 1238 po 1505 g.* [Grand Princes and Appanage Princes of North Russia in the Tatar Period from 1238 to 1505]. Vol. 1. St. Petersburg, Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1889. x + 475 p. (In Russian)

59. Yanin V.L. "Chernyy bor" v Novgorode XIV–XV vv. ["Chernyj bor" in Novgorod in the 14th–15th Centuries]. *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny* [The Battle of Kulikovo in the History and Culture of Our Country]. Ed. by B.P. Rybakov. Moscow, Moscow State University Publ., 1983, pp. 98–107. (In Russian)

60. Biran M. Chaghadaid Diplomacy and Chancellery Practices: Some Preliminary Remarks. *Oriente Moderno*. 2008, no. 88/2, pp. 369–392.

61. Christiansen E. *The Northern Crusades: The Baltic and the Catholic Frontier, 1100–1525*. London, Macmillan Press, 1980. xv + 273 p.

62. Fennell J.L.I. *The Emergence of Moscow, 1304–1359*. Berkeley, Los Angeles, The University of California Press, 1968. 353 p.

63. Knoll P. *The Rise of the Polish Monarchy: Piast Poland in East Central Europe, 1320–1370*. Chicago, The University of Chicago Press, 1972. x + 276 p.

64. Martin J. North-eastern Russia and the Golden Horde (1246–1359). *The Cambridge History of Russia*. Vol. 1. Ed. by M. Perrie. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 127–157.

65. Meyendorff J. *Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981. xix + 326 p.

66. Morgan D. *The Mongols*. 2nd ed. Malden, Massachusetts, Blackwell Publishing, 2007. xvi + 246 p.

67. Paszkiewicz H. *The Rise of Moscow's Power*. Transl. from Polish by P.S. Falla. New York, Boulder, East European Monographs, 1983. 530 p.

68. Sinor D. Diplomatic Practices in Medieval Inner Asia. *The Islamic World: From Classical to Modern Times*. Ed. by C.E. Bosworth et al. Princeton, New Jersey, Darwin Press, 1989.

69. Urban W.L. Baltic Crusades. *The Crusades: An Encyclopedia*. Vol. 1. Ed. by A.V. Murray. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, ABC-CLIO, 2006, pp. 145–151. Available at: http://lukashevichus.info/knigi/murray_crusades_encycl.pdf

About the author: Moshe Grinberg – a graduate (M.A.) of the Hebrew University in Jerusalem (the Faculty of Humanities, an individual program on the history of Russia and Inner Asia) (The Hebrew University, Mt. Scopus, Jerusalem 9190501, Israel). E-mail: levant82@yahoo.com

Received May 14, 2018 Accepted for publication August 24, 2018

Published September 29, 2018

НАЧАЛО СМУТЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ПЕРЕВОРОТ НАВРУЗА*

С.П. Карпов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
karpov@hist.msu.ru*

Цель: выяснить обстоятельства начала смуты в Золотой Орде в 1359–1360 гг., свержение хана Кульпы и переворот хана Навруза.

Материалы исследования: анализируется весь корпус русских летописей, упоминающих об этом событии, и впервые публикуется в оригинале и в русском переводе уникальный текст венецианского нотариуса Бенедетто Бьянко, сообщившего об этом событии, из картулярия актов, хранящихся в Венецианском государственном архиве Италии.

Результаты и научная новизна: публикуемый документ в целом подтверждает и уточняет данные русских летописей о том, что переворот Навруза произошел зимой 1360 г. и был результатом заговора ордынской знати. В результате переворота вместе с Кульпой погибли его два сына и поддерживавшие его эмиры. Кроме точной даты переворота, запись Бенедетто Бьянко открывает и интересные детали – о покровительстве Кульпы христианам, видимо, католическим монашеским орденам, активным в те годы в Золотой Орде, и итальянским купцам, торговавшим там. Пометка нотариуса ярко живописует обстоятельства переворота, произошедшего не в резиденции хана, а в степи, возможно, во время похода, поездки или охоты. Находясь в центре событий, Бьянко точен в деталях и датах, что еще более увеличивает ценность его описаний. И после переворота Навруза, и до него фактория отстраивалась и заселялась, восстанавливаясь после длительного перерыва 40-х и 50-х годов XIV века. В актах Бенедетто Бьянко сделки с приобретением недвижимости, земельных участков и домов в Тане занимают немалое место.

Ключевые слова: Золотая Орда, смута, ханы, Кульпа, Навруз, Хызр, Тана, Венеция, летописи, нотариат, консул, фактория, купцы, торговля

Для цитирования: Карпов С.П. Начало смуты в Золотой Орде и переворот Навруза // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 528–536. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.528-536

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00213).

THE BEGINNING OF THE TIME OF TROUBLES IN THE GOLDEN HORDE AND THE COUP OF NAVRUZ KHAN

S.P. Karpov

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
karpov@hist.msu.ru*

Abstract: *Research objectives:* To clarify the circumstances around the beginning of the Time of Troubles in the Golden Horde in 1359–1360, the overthrow of Kulpa Khan and the coup d'état of Navruz Khan.

Research materials: The author analyzes the whole body of Russian chronicles that mention this event, and for the first time ever publishes a unique text of the Venetian notary Benedetto Bianco, who reported this event. The article contains both the original text in Latin from the cartulary of acts kept in the Venetian State Archive in Italy, and the Russian translation of the source.

The novelty and results of the research: In general, the published document confirms and clarifies the account in Russian chronicles that Navruz's coup occurred in the winter of 1360 and was the result of a conspiracy of the Horde's nobility. As a result of the coup, Kulpa, his two sons and the emirs supporting him died. In addition to the exact date of the coup, Benedetto Bianco's record also reveals interesting details about the patronage of Kulpa to Christians, apparently the Catholic monastic orders active in those years in the Golden Horde and the Italian merchants who traded there. The notary's record vividly portrays the circumstances of the coup that occurred in the steppe, perhaps during a campaign, a journey or hunting trip, rather than at the khan's residence. Being in the center of events, Bianco is accurate on details and dates, which further increases the value of his description. Both after Navruz's coup and before it, Tana's trading post was continuously being rebuilt and settled, still recovering after the long break of the 1340–50s. Transactions for the purpose of acquiring real estate, land and houses, in Tana occupy an important place in the acts of Benedetto Bianco.

Keywords: Golden Horde, Time of Troubles, khans, Kulpa, Navruz, Khizr, Tana, Venice, chronicles, notarial system, consul, trading post, merchants, trade

For citation: Karpov S.P. The Beginning of the Time of Troubles in the Golden Horde and the Coup of Navruz Khan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 528–536. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.528-536

Смута в Золотой Орде, именуемая в русских источниках «великой замятней», достаточно хорошо изучена в научной литературе, хотя начало её и относят к разным отправным датам: от 1359 г., смерти хана Бердибека, вплоть до 1362 г, когда произошло «противостояние «ханов Мамаевой Орды» с ханами Сарая» [см. подробнее: 10, с. 96–99]. Как бы там ни было, но политическая дестабилизация началась именно в 1359 г., когда на ханском престоле с калейдоскопической скоростью стали меняться верховные правители [см., например: 1, с. 9–54; 4, с. 58–65; 34, с. 267–288]. Многие точные хронологические данные о смене ханов и конфессионально-политической ориентации правящих элит зачастую отсутствуют или опираются в основном на нумизматический материал. Между тем, источники из итальянских архивов способны подчас дать более четкие временные ориентиры и достоверную информацию, особенно, когда они составлены в венецианских и генуэзских факториях, на самой территории Орды.

Итак, после насильственной смерти Бердибека на трон был возведен хан Кульпа, в скором времени свергнутый и убитый Наврузом. О перевороте Навруза мы знали только по русским летописям и на основании упоминания его имени на монетах, чеканенных в 760–761 г. хиджры (1359/1360 г.) в Гюлистане, Сарае ал-Джадиде, Азаке, Хорезме [см., напр., сводные данные: 9, с. 35–36; 11, с. 89, 100; 32, с. 32, 76].

В русском летописании сведения о правлении Кульпы и перевороте Навруза несколько расходятся. Летописи определяют время царствования Кульпы как 5 месяцев [31, с. 376; 15, с. 10; 17, с. 68–69; 18, с. 100; 23, с. 122; 24, с. 180; 26, с. 74, 235; 27, с. 112; 29, с. 113–114], 6 месяцев и 5 дней [16, с. 230–231] или 6 месяцев [21, с. 411; 25, с. 241, 326; 30, с. 47–48, 104]. Летописи относят время переворота к 6867, т.е. 1359/60 г., иногда с указанием на то, что это произошло зимой [12, с. 372; 19, с. 189], но не уточняя дня и месяца. Некоторые летописи отмечают, что вместе с Кульпой были казнены 2 его сына [15, с. 10 (Воскресенская летопись); 20, с. 356 (Книга степенная царского родословия: Кульпа убит с детьми); 22, с. 112 (Ермолинская летопись); 23, с. 122 (Типографская летопись); 24, с. 180 (Московский летописный свод конца XV века); 26, с. 74, 235 (Летописные своды 1474 и 1518 гг); 28, с. 87 (Мазуринский летописец: убит с детьми); 29, с. 113–114 (Пискаревский летописец)], упоминают их имена: Михаил и Иван [31, с. 376; 18, с. 100; 27, с. 112], но без ссылок на то, что они были христианами и тем более – православными, хотя некоторые историки это утверждают [33, с. 110, 131; 8, с. 158–159 (предполагает даже, что братья были крещены священниками Сарайской епархии Русской церкви, а доказательством их православия считает их упоминание только в русских летописях, что, как мы увидим, не соответствует действительности)]. Малозамеченным осталось другое прямое свидетельство ряда летописей: что Кульпа «многа зла сотвори» [16, с. 230–231 (Никоновская летопись); 25, с. 241, 326 (Сокращённые летописные своды 1493 и 1495 гг.: «сътвори злое пред богом, и оубиен от Науруса»)]. Такое определение не предполагает симпатий летописца к Кульпе и не свидетельствует о благоволении хана к православию. I Новгородская летопись, не сообщая о перевороте Навруза, отмечает тем не менее, что в 6867 (1360) г. «бысть в Орде мятеж силен: мнози царие побиени быша, и царицы, и царевичи, и рядцы изсекошася сами промежду собою» [13, с. 234–235; 14, с. 434].

Вслед за этими источниками переворот Навруза Б. Шпулер относит к зиме 1360 г. [35, с. 134]. Временем до января 1360 г. датирует правление Кульпы А. П. Григорьев [1]. В.А. Сидоренко определяет правление Кульпы: июль/авг.–дек. 1359 г., а правление Навруза – декабрем 1359 – мартом/маем 1360 г. [34, с. 282]. В академической «Истории татар» свержение Кульпы недовольными правящими кланами придворной аристократии Ак-Орды отнесено к началу зимы 1359/60 г. [5, с. 695–696]. Ю.В. Селезнев переворот Навруза и свержение Кульпы относит даже к апрелю 1360 г. [33, с. 110].

Суть произошедшего позволяют раскрыть записи венецианского нотариуса в Тане Бенедетто Бьянко, к творчеству которого нам уже приходилось обращаться, характеризуя разные феномены жизни поселения в устье Дона, на территории Азакского тумена [6, с. 9–26; 7, с. 139–148]. Упомянутый нотариус осуществлял функцию канцлера венецианской фактории в Тане дважды: с 31

августа 1359 по конец сентября 1360 г. и с августа 1362 по 21 сентября 1363 гг. Именно он был одним из первых чиновников, организовывавших делопроизводство Таны после знаменитого договора венецианцев с ханом Бердибеком, возобновившего пребывание итальянцев в Азаке после длительного периода конфликтов как с Ордой, так и генуэзскими соперниками [38, р. 47–51; 3, с. 24–66; 2, с. 122–167, 185–191]. Бьянко был свидетелем переворота Навруза, и его запись – из первых рук. Более того, он начинает ей введение в свой первый картулярный нотариальный акт, считая эту информацию ключевой для всего понимания деятельности венецианцев в Тане, на территории Золотой Орды. Вот её текст и перевод:

In nomine Dei eterni, amen. Anno ab incarnatione domini nostri Yhesu Christi millesimo trecentesimo quinquagesimo nonno, mensis [septembris], die primo intrante tertia decima indictione, Tane.

De inceptis, in presenti quaternio continentur omnes breviatures instrumentorum scriptorum et notorum per me Benedictum Blanco de confinio sancte Heuphemie de Iudecha de Veneciis, presbiterem curie Venetorum in Tana, in Tana cancellarium et notarium, incepto de mense suprascripto et millesimo, tempore regiminis et consulatus nobilis et egregii viri domini Petri Karavelo de ducali mandato honorabilis consulis Venetorum in Tana et per totum imperium Gazarie et nobilium virorum dominorum Nicholay Faletro et Pauli Ierizo eius honorabilium consiliariorum, regnante Berdibech, serenissimo imperatore tartarorum; quia tamen per quatuor dies postea viam universi carnis ingresso, creatus fuit alius imperator nomine Colbadinus Cam qui etiam cum multum diligeret christianos et eos libenter videret et saracenos similiter odiret, cum habuerat unum filium annorum duodecim ad catholicum baptizatum, ex invidia propter et tractatu baronum essendo in campania suffocatus est et postea troncato sibi capite cum branchio et duobus filiis suis mortuis, et maxime illo, qui erat christianus, cum duobus baronibus, quorum unus fuit suspensus per gullam; creatus fuit statim alius imperator nomine Nauros, quod interpretatur anno nuovo, quia in anno novo creatus fuit secundum eius ritum¹, quam dici fuisse filium Usbech sine aliqua meritone. Et hoc fuit de mensis februarii die vigesimo octo [36].

Во имя вечного Бога, аминь. В год от воплощения господина нашего Иисуса Христа тысяча триста пятьдесят девятый, месяца [сентября] первого дня, 13 индикта, в Тане.

В начале в настоящей книге содержатся все имбревиатуры² актов, написанных и составленных мной, Бенедиктом Бланко из прихода святой Эуфимии на Джудекке в Венеции, священником курии венецианцев в Тане, канцлером и нотариусом, начиная с указанного месяца и года, во время правления и консулата благородного и славного мужа господина Петра Каравело³, по распоряжению дожа⁴, почтенного консула венецианцев в Тане и во всей империи Газарии, и благородных мужей господ Николая Фалетро и Павла Иеридзо⁵ его почтенных советников, в царствование Бердибека, светлейшего императора татар. Так как,

¹ –tatur anno nuovo, quia in anno novo creatus fuit secundum eius ritum – вставлено в конце текста.

² Краткие суммарные записи содержания оформляемых сделок.

³ Венецианский консул в Тане Пьетро Каравелло (1358–1360).

⁴ Дож Джованни Дольфин (1356–1361).

⁵ Николо Фальер и Паоло Ридзо.

однако, через четыре дня после его кончины [дословно: после наступления пути следования всякой плоти] был избран другой император по имени Колбадин хан, который также премного почитал христиан и их с охотой привечал, а сарацин в равной степени ненавидел, в то время как у него был сын 12 лет, крещенный по-католически, и из зависти и по сговору баронов он (т.е. хан) был задушен в поле, и затем ему отрубили голову и руку и убили двух его сыновей, и прежде всего того, который был христианином, вместе с двумя баронами, один из которых был повешен за горло. И сразу был избран другой император, по имени Наурос, что переводится как новый год, так как он был избран в новом году по их обычаю, и он объявил себя сыном Узбека безо всякого основания. И это было в месяце феврале в 28 день.

Таким образом, публикуемый документ в целом подтверждает и уточняет данные русских летописей. Переворот Навруза произошел, действительно, зимой 1360 г., а именно 28 февраля. У хана Кульпы действительно было два сына, казненных вместе с ним, но лишь один из них назван христианином – католиком. Переворот Навруза действительно был результатом заговора ордынской знати, и вместе с Кульпой погибли и поддерживающие его эмиры. Кроме точной даты переворота, открываются и интересные детали – о покровительстве Кульпы христианам, видимо, католическим монашеским орденам, активным в те годы в Золотой Орде, и итальянским купцам, торговавшим там. Нам неизвестно, распространялось ли это покровительство на православных христиан, но отношение к хану русских летописцев, как мы видели, было отрицательным. Наконец, пометка нотариа ярко живописует обстоятельства переворота, произошедшего не в резиденции хана, а в степи, возможно, во время похода, поездки или охоты. Отрубленные голова и рука убитого правителя служили доказательствами его смерти, предъявленными новому властителю. Кстати, наш нотариус точно переводит и интерпретирует его имя (или прозвище). Находясь в центре событий, Бьянко точен в деталях и датах, что еще более увеличивает ценность его описаний.

К счастью для венецианцев Таны, это событие не затронуло их непосредственно. И в другом документе Бьянко в полном спокойствии заверял завещание венецианского посланника к следующему хану, Хызру 1 декабря 1360 г. [37 N 329 r–v.]. И после переворота Навруза, и до него фактория отстраивалась и заселялась, восстанавливаясь после длительного перерыва 40-х и 50-х годов XIV века. В актах Бенедетто Бьянко сделки с приобретением недвижимости, земельных участков и домов, в Тане занимают немалое место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в. Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7. С. 9–54.
2. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.
3. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Бердибека от 1358 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1995. Вып. XVI. С. 24–66.
4. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

5. История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. 3. Казань, 2009.
6. Карпов С.П. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–60 гг.) // Причерноморье в средние века. Вып. 5. М.–СПб, 2001. С. 9–26.
7. Карпов С.П. Корпус завещаний венецианского нотариуса Бенедетто Бьянко как источник по истории Таны в середине XIV в. // Виз. Временник. 2015. Т. 74 (99). С. 139–148.
8. Малышев А.Б. Христиане и христианство в среде золотоордынской аристократии // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию М.Г. Крамаровского. М., 2013. С. 142–165.
9. Марков А.К. Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань, 2008.
10. Миргалеев И.М. К вопросу о единстве Золотой Орды в 1359–1380 годах // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Казань. 2004. С. 96–99.
11. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.
12. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. (Суздальская летопись).
13. ПСРЛ, Т. 3. Вып. 2. СПб., 1879 (Новгородские летописи).
14. ПСРЛ, Т. 6. Вып. 1. М., 2000 (Софийская I летопись).
15. ПСРЛ, Т. 8. СПб., 1859 (Воскресенская летопись).
16. ПСРЛ, Т. 10. СПб., 1885. (Никоновская летопись).
17. ПСРЛ, Т. 15. Вып. 1. М., 2000 (Рогожский летописец).
18. ПСРЛ, Т. 18. М., 2007. (Симеоновская летопись).
19. ПСРЛ, Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. (Львовская летопись).
20. ПСРЛ, Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913 (Книга степенная царского родословия).
21. ПСРЛ, Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. (Русский хронограф 1512 г.).
22. ПСРЛ, Т. 23. СПб., 1910 (Ермолинская летопись).
23. ПСРЛ, Т. 24. М., 2000 (Типографская летопись).
24. ПСРЛ, Т. 25. М.-Л., 1949. (Московский летописный свод конца XV века).
25. ПСРЛ, Т. 27. М.-Л., 1962 (Сокращённые летописные своды 1493 и 1495 гг.).
26. ПСРЛ, Т. 28. М.-Л., 1963. (Летописные своды 1474 и 1518 гг.).
27. ПСРЛ, Т. 30. М., 1965. (Владимирский летописец).
28. ПСРЛ, Т. 31. М., 1968. (Мазуринский летописец).
29. ПСРЛ, Т. 34. М., 1978. (Пискаревский летописец).
30. ПСРЛ, Т. 35 (Супрасльская и Академическая летописи).
31. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.–Л., 1950.
32. Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Каталог-определитель. М., 2005.
33. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. Казань, 2009.
34. Сидоренко В.А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2000. Т. 7. С. 267–288.
35. Шнулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Казань, 2016.
36. Archivio di Stato di Venezia, *Cancelleria Inferior*, 19, N 7. Benedetto Bianco, 1 cartulario.
37. Archivio di Stato di Venezia, *Notai Diversi*, 20. N 329 r–v.
38. *Diplomatarium Veneto-Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia*. Т. 2: а. 1351–1454 / ed. R. Predelli. Venetiis, 1899.

Сведения об авторе: Сергей Павлович Карпов – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, президент Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. кафедрой истории Средних веков МГУ и лаборатории истории Византии и Причерноморья в Средние века МГУ (119991, Ломоносовский проспект, 27, Шуваловский корп., Москва, Российская Федерация) E-mail: karpov@hist.msu.ru

Поступила 27.04.2018 Принята к публикации 15.08.2018

Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Grigor'ev A.P. Zolotoordynskie khany 60–70-kh godov XIV v. Khronologiya pravleniy [The Golden Horde Khans of the 1360–70s. The chronology of rules]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of the History of Asia and Africa]. Leningrad, 1983. Is. 7, pp. 9–54. (In Russian)
2. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Kollektsiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii* [Collection of Golden Horde Documents of the fourteenth century from Venice] St. Petersburg, 2002. (In Russian)
3. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. Yarlyk Berdibeka ot 1358 g. venetsianskim kuptsam Azova (Rekonstruktsiya soderzhaniya) [Berdibek's Yarlıq of 1358 granted to the Venetian merchants of Azov (reconstruction of the contents)]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of the History of Asia and Africa]. St. Petersburg, 1995. Is. XVI, pp. 24–66. (In Russian)
4. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the thirteenth and fourteenth centuries] Moscow, 1985. (In Russian)
5. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. V semi tomakh* [History of Tatars from the Most Ancient Times. In Seven Volumes]. Vol. 3. Kazan, 2009. (In Russian)
6. Karpov S.P. Venetsianskaya Tana po aktam kantslera Benedetto B'yanko (1359–60 gg.) [The Venetian Tana according to the acts of Chancellor Benedetto Bianco (1359–60)]. *Prichernomor'e v srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages]. Is. 5. Moscow–St. Petersburg, 2001, pp. 9–26. (In Russian)
7. Karpov S.P. Korpus zaveshchaniy venetsianskogo notariya Benedetto B'yanko kak istochnik po istorii Tany v seredine XIV v. [The corpus of the wills rogated by the Venetian notary Benedetto Bianco as a source on the history of Tana in the middle of the fourteenth century]. *Viz. Vremennik* [Byzantina Kronika]. 2015. Vol. 74 (99), pp. 139–148. (In Russian)
8. Malyshev A.B. Khristiane i khristianstvo v srede zolotoordynskoy aristokratii [Christians and Christianity among the Golden Horde aristocracy]. *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosed. K 70-letiyu M.G. Kramarovskogo* [From the Onon to the Thames. The Chinggisids and Their Western Neighbours. To the 70th Birthday of M.G. Kramarovsky]. Moscow, 2013, pp. 142–165. (In Russian)
9. Markov A.K. *Monety dzhuchidov: Zolotaya Orda, tatarskie khanstva* [Coins of the Jochids: The Golden Horde, the Tatar Khanates]. Kazan, 2008. (In Russian)
10. Mirgaleev I.M. K voprosu o edinstve Zolotoy Ordy v 1359–1380 godakh [On the question of the unity of the Golden Horde in 1359–1380]. *Kul'turnye traditsii Evrazii: voprosy srednevekovoy istorii i arkheologii. Seriya «Vostok-Zapad: Dialog kul'tur Evrazii»* [Cultural Traditions of Eurasia: Issues of Medieval History and Archaeology. Series “East-West: Dialogue of Eurasian Cultures”]. Is. 4. Kazan, 2004, pp. 96–99. (In Russian)

11. Mukhamadiev A.G. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv.* [The Bulgaro-Tatar Monetary System from the twelfth to the fifteenth centuries]. Moscow, 1983. (In Russian)
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 1. Is. 3. Leningrad, 1928. (Suzdal'skaya letopis'). (In Old Russian)
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 3, Is. 2. St. Petersburg, 1879 (Novgorodskie letopisi). (In Old Russian)
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 6. Is. 1. Moscow, 2000 (Sofiyskaya I Letopis'). (In Old Russian)
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 8. St. Petersburg, 1859 (Voskresenskaya letopis'). (In Old Russian)
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 10. St. Petersburg, 1885. (Nikonovskaya letopis'). (In Old Russian)
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 15, Is. 1. Moscow, 2000 (Rogozhskiy letopisets). (In Old Russian)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 18. Moscow, 2007. (Simeonovskaya letopis'). (In Old Russian)
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 20. Part 1. St. Petersburg, 1910. (L'vovskaya letopis'). (In Old Russian)
20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 21. Part 2. St. Petersburg, 1913 (Kniga stepennaya tsarskogo rodosloviya). (In Old Russian)
21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 22. Part 1. St. Petersburg, 1911. (Russkiy khronograf 1512 g.). (In Old Russian)
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 23. St. Petersburg, 1910 (Ermolinskaya letopis'). (In Old Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 24. Moscow, 2000 (Tipografskaya letopis'). (In Old Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 25. Moscow–Leningrad, 1949. (Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka). (In Old Russian)
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 27. Moscow–Leningrad, 1962 (Sokrashchennye letopisnye svody 1493 i 1495 gg.). (In Old Russian)
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 28. Moscow–Leningrad, 1963. (Letopisnye svody 1474 i 1518 gg.). (In Old Russian)
27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 30. Moscow, 1965. (Vladimirskiy letopisets). (In Old Russian)
28. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 31. Moscow, 1968. (Mazurinskiy letopisets). (In Old Russian)
29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 34. Moscow, 1978. (Piskarevskiy letopisets). (In Old Russian)
30. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 35 (Suprasl'skaya i Akademicheskaya letopisi). (In Old Russian)
31. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis'. Rekonstruktsiya teksta* [The Troitskaya Chronicle. Reconstruction of the Text]. Moscow–Leningrad, 1950. (In Old Russian)
32. Sagdeeva R.Z. *Serebryanye monety khanov Zolotoy Ordyy. Katalog-opredelitel'* [Silver Coins of the Golden Horde Khans. Identifier Directory]. Moscow, 2005. (In Russian)
33. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoy Ordyy. Nauchno-spravochnoe izdanie* [Elite of the Golden Horde. Research and Reference Publication]. Kazan, 2009. (In Russian)
34. Sidorenko V.A. *Khronologiya pravleniy zolotoordynskikh khanov 1357–1380 gg.* [Chronology of the rules of the Golden Horde khans 1357–1380]. *Materialy po arkheologii*,

istorii i etnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. 2000. Vol. 7, pp. 267–288. (In Russian)

35. Spuler B. *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg.* [The Golden Horde. The Mongols in Russia. 1223–1502]. Kazan, 2016. (In Russian)

36. Archivio di Stato di Venezia, *Cancellaria Inferior*, 19, N 7. Benedetto Bianco, 1 cartulario. (In Latin)

37. Archivio di Stato di Venezia, Notai Diversi, 20. N 329 r–v. (In Latin)

38. *Diplomatarium Veneto-Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia*. Vol. 2: a. 1351–1454. Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. (In Latin)

About the author: Sergey P. Karpov – Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of the History of the Middle Ages of the Moscow State University and the Laboratory of the History of Byzantium and the Black Sea Region in the Middle Ages (27, Lomonosovsky Avenue, Shuvalovsky Corp., Moscow 119991, Russian Federation). E-mail: karpov@hist.msu.ru

Received April 27, 2018 Accepted for publication August 15, 2018

Published September 29, 2018

УДК 82-131

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550

ТАТАРСКИЙ ЭПОС «ИДЕГЕЙ»: ЭХО СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ**Л.Х. Мухаметзянова**

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
lilmuhat@mail.ru*

Цель: изучение общей эволюции в возникновении и развитии татарского дастана «Идегей», выявление связи между историческим эпосом и историей татар с XV в. по XXI в.

Материалы исследования: исследование основывается на широком спектре первичных источников письменного происхождения, хранящихся в фондах Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ. Автор акцентирует внимание на историю записывания и дальнейшего окончательного формирования татароязычного эпоса «Идегей», анализирует процессы жанровой инерции и трансформации на материале дастанных текстов, поднимает вопрос о времени и местности распространения дастана «Идегей» среди татар, о преемственности основной идеи в дастане, начиная от устных сказаний до стадиально поздних его вариантов. Объектом исследования выступают архивные, а также изданные татароязычные тексты дастанного эпоса «Идегей» в различных вариантах, имеющие непосредственное отношение к Поволжью и другим регионам компактного проживания татар.

Результаты и научная новизна: автор обращается к проблемам генезиса национального эпоса «Идегей», выявляет общее между различными преемственно переходящими через века татарскими вариантами знаменитого дастана. Сюжет об Идегее встречается среди татар и в Поволжье, и в Сибири, о чем свидетельствуют дошедшие до нас письменные источники, где зафиксированы образцы дастана. В исследовании системно доказано, что эпические произведения, основанные на этнических традициях, подчиненные эпическим закономерностям, входящие в состав известного эпоса «Идегей» в виде устных эпических сказаний и песен, среди татар были распространены еще с XV в. Историко-героический эпический памятник, когда-то устно бытовавший среди татар, в XX в. обрел письменную форму. Для аргументации своей позиции автор ссылается на зафиксированные архивные документы. Проведенное исследование по татарскому эпосу «Идегей» в сравнении со всевозможными доступными вариантами свидетельствует о том, что он и по сегодняшний день остается актуальным не только в татарском народном творчестве, но и способствует более подробному изучению истории Золотой Орды.

Ключевые слова: «Идегей», Золотая Орда, сказание, эпос, дастан, вариант, текст, сюжет

Для цитирования: Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550

THE TATAR EPIC “EDIGÜ”: AN ECHO THROUGH THE CENTURIES

*L.Kh. Mukhametzanova**G. Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lilmuhat@mail.ru*

Abstract: *Objective:* To study the origin and further development of the Tatar dastan, “Edigü”; to reveal the connections between the historical epic and the history of the Tatars from the fifteenth to the twenty-first century.

Research materials: This study is based on a wide range of primary written sources, stored in the funds of the Center for Written and Musical Heritage of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences. The author focuses on the history of recording and the further and final formation of the “Edigü” epic; she analyzes the processes of genre inertia and transformation based on the material of the dastan’s texts. She also raises the question of the spread over time and territory of “Edigü” among the Tatars, along with the continuity of the main idea in this dastan from oral tales to its later versions. The objects for this research are the archival as well as published Tatar-language texts of the epic “Edigü” in various versions, directly related to the Volga region and other regions inhabited by the Tatars.

Results and novelty of the research: The author refers to the problems of the genesis of the national epic “Edigü”, revealing the commonalities between various Tatar variants of the famous dastan successively passing through the centuries. The epic’s plot is found both in the Volga region and in Siberia, as evidenced by written sources that have survived to our time in which the dastan’s variants are recorded. Once orally performed among the Tatars, the historical and heroic epic found its written form in the twentieth century. The study systematically proved that epics based on ethnic traditions, subordinated to epic patterns and in the form of oral epic tales and songs, including in the famous epic “Edigü”, were widespread among Tatars since the fifteenth century. For the argumentation of her position, the author refers to recorded archival documents. The study of the Tatar epic “Edigü” in comparison with all possible variants suggests that it not only remains relevant to the present day in Tatar folk art, but also contributes to a more detailed study of the history of the Golden Horde.

Keywords: “Edigü”, Golden Horde, legend, epic, dastan, variants, text, plot

For citation: Mukhametzanova L.Kh. The Tatar Epic “Edigü”: An Echo through the centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550

Татарская версия эпического произведения об Идегее складывалась постепенно на протяжении нескольких веков. В литературно-культурном наследии татар эту тему популяризуют многочисленные татароязычные образцы, начиная от устно-зафиксированных до более совершенных в литературно-эстетическом отношении письменных дастанов. Формирование татарского героического эпоса «Идегей» охватывает целые столетия – от начала XV в. до середины XX в. Это одно из редчайших произведений, которое, являясь связующей нитью истории татар с его историей более пятивековой давности, непосредственно участвовало в формировании нации.

Тенденция возникновения дастана у татарского народа, стремление к эпическому творчеству имеют давние корни. В истории фольклористики дастаны с 20-х гг. XX столетия стали оцениваться как основной фундамент татарской литературы. Ставились важнейшей задачей изучение истории дастанного эпоса наряду с другими жанрами фольклора, как героические песни или сказки [15, с. 41]. Параллельно с интенсивным сбором татарского народного творчества начинается создание новых произведений на сюжеты народных дастанов, составление критических текстов известных произведений, усиливаются тенденции литературной обработки записанных сказаний. Но едва начавшуюся научную работу по национальному эпосу пришлось прекратить в связи с общественно-политическими условиями эпохи. Решение Центрального Комитета ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы Татарской партийной организации» обвиняет татарских учёных в национализме, идеализации истории Золотой Орды, в приукрашивании и популяризации «ханско-феодального» эпоса «Идегей». К большому сожалению, этот документ сделал невозможным продолжение дальнейшей работы в области научного исследования эпоса. Оценивая последствий решения ЦК ВКП(б), В.И. Чичеров писал: «В Поволжье, например, после постановлений 1944–1945 гг. о состоянии идеологической работы в Башкирии и Татарии», в которых дана была справедливая критика идеализации образа Эдиге, собирание и изучение эпоса почти совершенно прекратилось. Крайне плохо поставлено дело собирания и изучения эпических произведений в Сибири...» [20, с. 20]. В плане научного изучения не только «Идегея», но и в целом национального эпоса, решение от 9 августа 1944 г. действительно играло огромнейшую отрицательную роль. Изучение татарского дастанного эпического наследия, форм его существования, путей историко-эволюционного развития, а также в сравнении с фольклором других тюркских народов, разумеется, откладывалось на несколько десятилетий. Не только «Идегей», но и другие дастаны, представляющие собой немалую долю десятивековой культуры народа, были обречены на ожидание своей очереди в архивах. Возможность вернуться к этой проблеме и вновь заговорить об «Идегее» появилась только со второй половины XX в. [21, с. 82]. Далее были написаны и изданы труды И. Надинова (1988), М. Усманова (1990), Ф. Урманчеева (1997, 1999), В. Хайруллиной (1998), Ф. Валиуллиной (2007), И. Закировой (2011) и др., посвященные изучению разных аспектов дастана «Идегей» татарского народа.

Вопрос о том, имеется ли возможность окончательно определить, к какому периоду относится время возникновения эпического сюжета, считается достаточно спорным. Такую проблему порождает отсутствие базы источников, на которую следует основываться для связывания фольклорного сюжета с тем или иным конкретным временем. Создание и распространение народных произведений – долгий процесс, фольклорные сюжеты имеют тенденцию становиться веками. Тем не менее В.М. Жирмунский считает, что тюркский эпос берет начало с VI в., и его древние пласты относит к VI–XIV вв. [6, с. 90]. К эпосу, у которого выяснена историко-политическая тема, он относит дастаны, в которых нашли отражение образы, общие с эпическим наследием народов Средней Азии XV–XVII вв. А последний пласт – это эпос, возникший в период XVII–XIX вв.

В истории известно, что Золотая Орда – средневековое Евразийское государство, которое существовало с начала XIII до начала XV в. и далее распалась на отдельные самостоятельные ханства. 60–70-е гг. XIV в. для Золотой Орды ученые-историки определяют как время смуты, которая сильно ударила по единству государства. «В эти годы, – пишет И.М. Миргалеев, – велась ожесточенная борьба за единство страны» [10, с. 3]. Именно этот сложный период страны изображает дастан «Идегей», в лицах и деяниях известных личностей в известном эпосе создается эпическая картина того времени. Прототипами героев дастана стали Токтамыш, Аксак Тимер, Идегей и др. Они – реальные люди, жившие в конце XIV – начале XV вв. Во всех версиях дастана речь идет об их жизни и деятельности [17, с. 136–138].

Таким образом, при всей сложности определения точного времени возникновения эпических сюжетов, здесь препятствия в этом вопросе отступают, так как конкретные исторические факты, зафиксированные в источниках, сами уточняют ситуацию. Опираясь на мнение академика В.М. Жирмунского, который тюркский эпос, датированный XV–XVII вв., называет «историческим слоем» [6, с. 90] эпоса, дастаны об Идегее следует отнести к более позднему тюркскому эпосу. Исходя из сюжета и тематики, будет справедливо обозначить сроки формирования и распространения дастана «Идегей» XV веком Средневековья и последующей эпохой. Следовательно, вердикт о том, что в тюркском мире «Идегей» начали сказывать не ранее и не позднее начала XV в., подтверждается историческими событиями в Золотой Орде. Каждый из разновидностей эпоса на данный сюжет – начиная с исторических песен, преданий и отдельных легенд об Идегее до объемных письменных вариантов – находил свое место в жизни народа, имел свои общественно-исторические причины возникновения и развития. В зависимости от эпохи у татар формировался и популяризировался сначала традиционно-устная («живая»), позднее письменно-книжная разновидность эпоса.

Итак, события дастана «Идегей» описывают критический период борьбы за ханский трон в Золотой Орде в конце XIV – начале XV вв. Герои произведения – хан Токтамыш, Эмир Тимур (Тамерлан, Аксак Тимер, что означает в переводе на русский Тимур Хромой, именно так называли этого полководца тюркские народы), темник Идегей и др. – выдающиеся личности своего времени. Все перипетии трагической борьбы, происходившей в государстве Золотая Орда, будучи важным фактом для населения государства, непосредственно отражались в словесном фольклоре. Сочинялись многочисленные сказания, песни, легенды, предания на тему, охватывающую историю государства в пределах около ста лет. Соблюдая каноны распространения и сохранения фольклорных материалов, такие сочинения передавались из поколения в поколение. На данный сюжет в многочисленных национальных версиях и вариантах созданы такие виды фольклорных жанров, как сказание, песнь, предание, дастаны. Имя исторического Идегея также отражается и во многих татарских родословных-шежере. Выражаясь словами Чаба Гёнцель, об этом типе исторических источников особо следует сказать, что он занимает «значительное место как в историографии..., так и в историческом сознании» [5, с. 812]. По закономерностям фольклора все вышеназванные жанры, а также сами исторические события, связанные с затяжными междоусобицами великих ханов, эмиров, так или

иначе способствовали сплочению эпического сюжета вокруг одного имени – Идегея – и распространению его в государстве Золотая Орда.

Особенно были популярны события, связанные с деятельностью Идегея. В истории фольклористики из уст сказителей записаны разные по стилю, структуре и содержанию сказания в нескольких вариантах. Со временем популярность событий способствовала объединению изустных сочинений, посвященных периоду распада Золотой Орды в единый цикл – так появился самый настоящий эпос «Идегей», причем в разных вариантах и версиях у народов, вошедших в свое время в состав Золотой Орды. Будучи идейно ценными и сильными памятниками, некоторые из народных сочинений прошли сквозь века и дошли до наших дней. Также известны крымско-татарская, каракалпакская, алтайская, ногайская, казахская, узбекская, туркменская и др. версии дастана.

О бытовавших устно среди татар вариантах известного эпоса «Идегей» уверенно можно рассуждать по нарративным источникам, где фигурируют образцы фольклора на этот сюжет. В татарских письменных памятниках варианты дастана, посвященные Идегею, Токтамышу и др. историческим лицам, жившим в те далёкие времена, зафиксированы с середины XIX столетия.

В фондах Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан имеются документы (тексты вариантов дастана, комментарии или объяснительные записки к некоторым текстам, переписка ученых-филологов о дастане «Идегей» и пр.). Введение в научный оборот материалов фонда ЦПиМН ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ по «Идегею» начато с 1940 г. [1, с. 169].

Ф. Урманчеев, впервые привлечший к рассмотрению все имеющиеся печатные и рукописные татарские варианты сказания, например, указывает, что в архиве ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова хранится рукопись, датируемая 1854 г., записанная у неизвестного информанта неким Габидуллой Ахмеджан улы, затем им же переписанная [17, с. 7]. Интересен факт упоминания в этом варианте Идегея как бека, который жил на селе Большие Тарханы (ныне сельское поселение Большие Тарханы в Тетюшском районе Республики Татарстан). Рукопись¹ – на арабской графике, суть содержания определяется рассказом фабульного характера об истории богатырских деяний Идегея, резиденция которого якобы находится в Больших Тарханах, его борьбу за свободу своего народа против внешних врагов. В данном варианте отсутствует линия сюжета борьбы Идегея с Токтамышем. В сюжете достойны внимания присутствие образа Норадын би как сына и внука Токтамыша, таких топонимических названий Поволжья, как Чулман (река Кама), Нукрат (река Вятка), Идель (Волга). Текст – небольшого объема (всего 4,5 листа), прозаические эпизоды фабульного характера, стихотворная часть занимает меньше четверти текста. В композиционном плане текст представляет собой диалог между Идегеем би и Норадын би. В целом как фольклорное или литературное произведение данный вариант уступает остальным татарским вариантам, но он весьма важен при выявлении генетики, ареала времени и места распространения дастана «Идегей» при системном изучении всех его версий и вариантов в сравнительно-историческом и сравнительно-типологическом плане. Следует указать, что по объему, примитивности сю-

¹ Идегэй // Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, не описанный фонд.

жетной линии, структуре этот вариант очень близок со считающимся одним из алтайских вариантов «Мырат пи», который впервые был издан В.В. Радловым [12, с. 200–204]. Текст вызывает огромный интерес тем, что найден в Поволжье и переписан поволжским татаринном.

Вариант, который представлен в хрестоматии Н.И. Березина [3] как туркменский, по мнению некоторых учёных, как П.М. Мелиоранского, Н. Исанбета, также следует считать татарским вариантом, зафиксированным на письме с середины XIX в. [17, с. 8]. Необходимость заключения такого вывода позволяет сравнительно-лингвистический анализ образца. Следует обратить внимание на то, что язык памятника мало подвержен арабо-персидскому влиянию, скорее это кыпчакско-татарский письменный язык периода Золотой Орды. Если провести параллели с этим памятником и «Дафтар-Чингиз-наме», то можно найти много схожестей в языковом плане. Наличие в нем лингвистических особенностей, относящихся к казанскому, т.е. среднему диалекту татар, сформированному на основе кыпчакского языка [18, с. 125], также общее в сюжете и стиле с фольклорными произведениями об Идегее, распространенными среди поволжских татар, оставляет место для того, чтобы серьезно задуматься о генетике произведения «Идегея». Поволжский регион отнюдь не чужд для знаменитого сюжета, скорее, наоборот, испокон веков Идегея здесь любят как родного, поднимают эту личность на пьедестал, воспевая его деяния в народных сказаниях. Отношение народа к своему герою имеет огромное значение. Историко-героические сказания, распространенные в Поволжье после распада Золотой Орды, разрушение государства с глубоким сожалением связывают с богатырской смертью Идегея.

В конце 60-х гг. XX столетия В.В. Радлов записал от сибирских татар несколько вариантов дастана на эту же тему. Поэтические и смешанные с прозой дастаны с названиями «Идеге пи», «Токтамыш хан» (в двух вариантах), «Аксак Тимир», «Йыр» («Песнь») [13, с. 99–117, 199–208, 267–276, 208–140] – образцы большого цикла эпоса об Идегее. Стиль и сюжет этих памятников не противоречат друг другу, а наоборот, выступают как части единого целого, и это позволяет им слиться в один цикл под общим названием «Эпос об Идегее». В них поется о делах государственной важности, о достойном хане и герое-богатыре, которые до поры до времени составляют взаимовыгодный союз и действуют во благо народа. Однако злодеяния врагов и сила обстоятельств приводят к разногласиям между ханом Токтамыш и Идегеем, между Идегеем и его сыном Мырадыл (в некоторых вариантах – Морадым или Норадын), между ханом Токтамыш и Мырадыл, затем между внуком Токтамыша Ысмаилем и Мырадылом. «Ил тоткан канга туяр, мал тоткан ашка туяр» / Кто правит миром, страной, у того деяния связаны с кровопролитием, у того, кто правит стадом, будет сыт и богат. *Перевод автора* / – это изречение отца Идегея из «Идеге пи» полностью раскрывает суть произведения. «Идеге пи» заканчивается словами: «Ысмаил Мырадылның пашын кисти... Аннан соң Ысмаил пабасының урынына кан булды йуртын тудуп» [13, с. 117] / Ысмаил отрезал голову Мырадыла... Затем Ысмаил стал ханом вместо своего деда Токтамыш и правил его миром. *Перевод автора* /. Общую тему «Идеге пи», «Токтамыш хан», «Йыр» следует определить как внутренний раздор и войны в государстве на уровне правителей. В.М. Жирмунский отмечает, что эти

варианты сказаний об «Идегее» «принадлежат к числу наиболее полных и хорошо сохранившихся» [6, с. 352]. Об информанте данных эпических вариантов нет подробных сведений, кроме того, что сам В.В. Радлов указывает, что записал их у барабинских («Идеге пи») и тобольских («Токтамыш хан», «Йыр») и еще один вариант «Токтамыш хана») татар.

В 2004 г. в составленный и изданный Ф. Вагаповой-Урманче сборник татарских дастанов были включены три объемных варианта «Идегея», рукописи которых хранятся в фондах Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ². Тексты названы «Идегэ дастаны» («Дастан «Идэгэ») [16, с. 286–331], «Мырат пи» («Мырат би») [16, с. 331–333], «Идэгэ пи» («Идеге би») [16, с. 338–352]. Они значительно отличаются друг от друга по стилю, последовательности событий, образной системе, присутствием или отсутствием того или иного эпического мотива в дастане, но в то же время они объединяются под общим сюжетом. Среди общих черт у этих эпических памятников также следует назвать не менее значимый факт – все они в разные годы записаны у татар, проживающих в Западной Сибири. Преобладание устных вариантов дастана у этнической группы сибирских татар – признак более стабильного развития традиционной культуры в данной этнической группе дисперсно расселенного татарского народа. Преемственность фольклорного сюжета могла осуществиться именно в спокойной, сравнительно далекой от цивилизации местности, что и произошло с известным сюжетом об Идегее. Именно по этой причине основной потенциал средневекового сюжета о правлении ханов и событиях в Золотой Орде в определенный период истории объединился среди татар, проживающих в сибирских просторах, и он был зафиксирован в основном из уст татароязычных жителей Сибири.

Вышеназванные и др. варианты дастана – ценные источники для изучения особенностей структуры и содержания эпоса об Идегее – дают много информации о форме и географии бытования татарского дастана, но к сожалению, они не были изданы повторно в татарских печатных изданиях.

Среди ученых-эпосоведов есть мнение, что мировые эпические шедевры, посвященные Троянской войне «Илиада» и «Одиссея», в свое время были составлены поэтом Гомером, используя бытовавшие в устном творчестве народа популярные мифы, легенды и предания [9, с. 5–6], т.е. произведения устного народного творчества Гомер в определенной последовательности собрал воедино. Сложно судить об истории создания литературного памятника, относящегося к началу нашей эры. Но серьезные научные труды дают фундаментальное объяснение важным особенностям эпоса Гомера, доказывают, что строительный материал произведения действительно взят из фольклора, стиль схож со стилем героического эпоса, эпические традиции художественно обработаны, формульность в стиле является механизмом, свойственным народным певцам-импровизаторам [22, с. 55–127].

Татарский сводный текст известного дастана «Идегей», датируемый началом XX в., составлен в 1919 году по такой же схеме, как «Одиссея» или «Илиада» Гомера. Он имеет название «Идэгэ», составитель – Нигматулла Гиниятович Хакимов (1899–1937). Первоначально произведение было записано

² Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 52. Оп. 1, ед. хр. 184, 187, 198.

в Сибири в селе Еланлы Тобольской губернии Тарского уезда из уст сибирского чичана-сказителя Сыддыка Магдеевича Зайнетдинова (Сыддык-карт, 1854–1927). Известно, что предки информанта Сыддыка Зайнетдинова переселились в Западную Сибирь из Бухары. Как и его дед, Сыддык занимался торговлей. С груженным товаром он побывал в городах Средней Азии, казахских степях, Томске, Иркутске, Казани, Нижнем Новгороде и т.д. Известно, что Сыддык учился в медресе, т.е. был образованным, знал арабский язык, занимался эпическим творчеством народа. По словам его сына Азима, начиная с 1900-х гг. он рассказывал «Идегэ» на диалекте тарских татар. Его постоянной аудиторией был местный народ [4, с. 212–213].

В архиве ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ хранится рукописный текст, записанный у Сыддык-карт, но его трудно назвать первичным аутентичным вербальным памятником, так как в текст эпоса были внесены некоторые изменения и поправки Н. Хакимом. После записи Н. Хаким несколько раз переписывал текст «Идэгэ». Несколько рукописей дастана хранятся в фондах Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан³. Первичная и последующая обработка и внесенные поправки доказываются при сравнении всех рукописей «Идэгэ», сданных Н. Хакимом в архив, или же в сравнении с «живыми» текстами, например, записанными В.В. Радловым в той же Сибири. В конечном итоге произведение обрело совершенно другую форму – было обновлено, воссоединено с записанными ранее у других представителей сибирских татар фрагментами на этот же сюжет. Н. Хаким – ученый Казанского государственного педагогического института, доцент – зафиксировал текст дастана со слов информанта в том виде, как передал его Сыддык-карт, затем обработал, расширил, дополнил, иными словами, составил сборный текст. Вариант «Идегей» Н. Хакима – полный и объемный текст, в котором присутствуют и проза, и поэзия, но прозаической части значительно больше, чем рифмованных строк.

Один экземпляр окончательно обработанного после записи у Сыддык-карт дастана Н. Хаким посылает профессору Ленинградского университета А.Н. Самойловичу с просьбой написать вступительное слово и издать «Идэгэ». Это дело затягивается, подготовленный Н. Хакимом текст дастана остается неопубликованным. Известно, что А.Н. Самойлович передал рукопись Н. Хакима П.А. Фалеву. П.А. Фалев – ученик А.Н. Самойловича, вольнослушатель его лекций, но он, занимавшийся сбором и изданием различных версий эпоса «Идегей», почему-то нигде не называет эпос «татарским», что звучало бы вполне справедливо, и не упоминает ни вариант В. Радлова, ни вариант Н. Хакима, а в своих лекциях называет «Идэгэ» вовсе «ногайским сказанием» [19].

Академик А.Н. Самойлович вскоре высылает в Казань вступительное слово к тексту Н. Хакима. Эта научная статья попадает в руки профессора Казанского педагогического института профессора Л. Заляя. Позднее он передает ее фольклористу Х. Ярми. По просьбе В.М. Жирмунского, Х. Ярми текст дастана с предисловием А.Н. Самойловича в 1969 году посылает в Ленинград. Сведения об этом и текст статьи А.Н. Самойловича хранятся в необработанном фонде Центра письменного и музыкального наследия Института

³ Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ. Ф. 52, оп.1, ед. хр. 166, 167, 176, 177, 178 и др.

языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Через несколько лет статья была передана С.Г. Кляшторному, а в 1972 году увидела свет в «Тюркологическом сборнике» [14, с. 186–211].

«Идэгэ» Н. Хакима в свое время заинтересовал таких выдающихся ученых, как А.Н. Самойлович, В.М. Жирмунский. Вариант дастана получил высокую оценку А.Н. Самойловича. По этому поводу он написал: «Запись сказания о Едигее и Тохтамыше, произведенная Н. Хакимовым со слов Сыдык-карта ... является обширной и наиболее в литературном отношении ценной». Среди известных ему экземпляров он ставит вариант Н. Хакима на четвертое место. С 1919 года к информанту Сыдык-карту, к сожалению, никто больше не обращался. Сегодня уже нет возможности восстановить аутентичный текст «Идэгэ» в его исполнении. Вариант Н. Хакима впервые был подготовлен к печати и опубликован фольклористом Ф. Ахметовой в 2003 г. [2, с. 102–135]. Позднее дастан был включен в сборник «Татар эпосы. Дастаннар» («Татарский эпос. Дастаны») [16, с. 286–331].

В сопоставительном изучении варианта Н. Хакима с другими национальными версиями дастана выясняется, что памятник относится к книжной разновидности эпоса [11, с. 94–98]. Вариант Н. Хакима – обработанный, усовершенствованный в стилистическом плане дастан, что вполне допустимо для книжной разновидности эпоса при условии, что его основу составляет устный «живой» эпос, записанный от сказителя. В варианте Н. Хакима сохранены все эпические традиции, идущие из глубины веков; сюжет, последовательность событий и идея произведения соответствует всем требованиям тюркского эпоса.

Немного позже, в конце 30–х гг. XX в. писатель и фольклорист Н. Исанбет, собрав тексты всех устных вариантов, записанных у татар, проживающих в Сибири, и вариант Н. Хакима в том числе, также найденных в Поволжье рукописей, обрабатывал их вместе с учеными-фольклористами ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. В результате искусной обработки огромного фактического фольклорного материала был составлен поэтический текст дастана. Среди документов Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ обнаружены интересные факты, связанные с созданием классического варианта «Идегея». В папке с материалами, посвященными «Идегею», хранится запись, сделанная рукой научного сотрудника ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Х. Гатиной в 1940 году: «1940 год. Октябрь. Мы – Шайхи Маннур, Наки Исанбет, Хамит Ярми и я занимаемся составлением сборно-критического варианта «Идегея». Время от времени Наки-абзы выходит из себя, шумит, не соглашается с нашим мнением, выражает недовольство тому, что мы «удаляем» некоторые добавленные им места. Мы стараемся придерживаться принципов фольклора, сохраняем первоначальный вид собранных у нас вариантов, а он отстаивает введенные им самим поэтические строки... Как бы не так, договариваемся, продолжаем работать...»⁴. Кроме этого о коллективном характере проделанной работы по созданию «Идегея» XX в. свидетельствуют поэтапно сданные в архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова документы. Здесь зафиксированы все объяснения по составлению дастана, а также хранят-

⁴ «Идегэй» дастаны. Жыйналма вариант // Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Колл. 52, ед. хр. 210.

ся черновые варианты сборного «Идегея»⁵. Бесспорно, что творческая идея ученого и писателя Н. Исанбета была воплощена в жизнь под строгим наблюдением ученых, стоявших на страже народных традиций. Результат такого труда весьма радует: исполненных на уровне «Идегея» историко-героического национального татарского эпоса весьма мало не только у татар, но в масштабе мирового эпоса дастан имеет огромную ценность. Будучи подвергнутым специальной индивидуальной обработке, но при этом сохранивший во всей полноте верность народным традициям такого рода, эпос-дастан – удивительный труд, требующий от писателя-обработчика огромной ответственности. Полученный подобным образом литературно-фольклорный шедевр в стихотворной форме впервые был опубликован в 1940 году в журнале «Совет адабияты» («Советская литература») [8, с. 39–76, 34–82].

Повторное воссоздание народного эпического творчества в новых исторических условиях – дело достаточно сложное и хлопотное. Результат такой работы может и не идентифицироваться с истинно традиционным эпосом, возникшим по воле народа в определенный исторический период, отражающим народное сознание, мироощущение и быт. Но тем не менее, у некоторых народов, в том числе и у татар, такая разновидность эпоса существует. Такие тексты – это своеобразная область, отличающаяся тем, что он не плод сказителя, передающего эпос из уст в уста, а творчество подготовленных ученых-специалистов или писателей, где глубоко соблюдены эпические каноны. Степень общности с фольклором здесь связаны с мастерством творителей. Татарский дастан в исполнении группы ученых во главе с Н. Исанбетом – произведение высочайшей степени, мастерски обработанный и сведенный воедино эпос, гордость татарского народа.

«Идегей» – знаменитое эпическое произведение, общее достояние многих тюркских народов, вошедших в свое время в состав государства Золотая Орда – оригинален тем, что, бытовавший в виде сказаний со времен Средневековья, в XX в. он буквально на глазах обрел вторую, уже литературно обработанную новую жизнь. Истоки этого замечательного дастана с глубоким идейно-художественным содержанием относятся к XV в. Средневековья. Сказание «Идегей» – исторический эпос, одновременно сохранивший ряд специфики, сюжетов и мотивов архаического эпоса. Все это в совокупности делает дастан на древний сюжет особенно интересным и своеобразным, поднимая его на новый уровень наравне с другими образцами мирового эпоса. Устно декламируемый и напевно исполняемый, и своевременно не зафиксированный на письме «живой» эпос так или иначе имеет тенденцию к исчезновению. А стадийно поздние письменные дастаны об Идегее в изданных книгах продолжают свое существование, вариант Н. Исанбета даже переведен на русский язык [7].

Выводы

В заключении, обращаясь к истории поволжских татар, следует сказать, что начиная со второй половины XVI в. были весьма серьезные предпосылки для активации эпического сюжета с идейно-политическим содержанием. Такое

⁵ «Идегей» дастаны. Жыйналма вариант. Төз. Н. Исәнбәт. Ред. Х. Ярми, Ш.Маннур // Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Колл. 52, ед. хр. 202 а, 210, 219 и др.

явление объясняется образом жизни татарского общества в новых социально-политических условиях под властью русского государства. Напряженная политическая обстановка в определенный исторический период жизни татар оказала большое влияние на духовную жизнь народа. В такой среде в словесном фольклоре славный эпос «Идегей» служил, образно говоря, светом в полной темноте. Надо признать, что трудно найти необходимый для стабильного развития культуры татарского народа отрезок времени с 1552 г. Удивительна судьба «Идегея», который, претерпев все невзгоды и отчаяния вместе со своим народом, все-таки выжил. Популярность и необыкновенная востребованность во все времена с момента создания и бытования и в течение окончательного формирования историко-героического «Идегея» кроется в непоколебимой идее, которая по сути является стержнем этого эпического памятника. «Идегей» играл роль маяка для нации. Используя эпический фольклор, обращаясь к общей с другими тюркскими народами теме вновь и вновь, создавая и распространяя дастаны в новых вариантах, народ утолял жажду в литературном творчестве и зарядился с верой в будущее. Сюжет бытовал не только в Поволжье. В определенный критический период жизни татарского народа дастан нашел свой приют и в более спокойных просторах Сибири в фольклоре тарских, тобольских татар. Письменно-книжный «Идегей» – логическое продолжение героического эпоса, возникшего в рамках живых эпических традиций. Преобразованные в последние столетия дастаны об Идегее по историко-культурной значимости в жизни народа и его творчестве занимают не менее значительное место, чем устно бытовавшие с XV в. устные сказания. Главная причина живучести фольклорной памяти об Идегее состоит в самом произведении, который был старинным и верным средством для воплощения и передачи творческих фантазий, эмоций, а главное – общей идеи. В результате тяготения народа к этому эпическому памятнику, дастан «Идегей» выполнял роль большого культурного фактора в духовной жизни татар, вдохновляя нацию на лучшее. Признаем, что в особо созданных условиях потребность народа в идеях и героических образах, воплощенных в дастане, была своеобразной формой самосохранения народа как этнос.

Итак, была определена общая эволюция в возникновении и развитии татарского дастана «Идегей». От устных сказаний до письменных дастанов татарский «Идегей» в первую очередь ценен в качестве стихотворно-изобразительной энциклопедии жизни этноса, как обобщенная эпическая картина бытия татар. Модель преемственности эпического фольклора ярко отражена в татарском «Идегее». Обращение к общетеоретическим проблемам генезиса эпоса «Идегей» неопровержимо доказывает присутствие в каждом из разновидностей эпоса на сюжет об Идегее основной идеи о государственности. В мировом эпосе татарский историко-героический «Идегей» представляет собой масштабное феноменальное явление и, без всякого сомнения, имеет свое достойное место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахметзянов М.И.* Хранилище рукописей: указатель фондов и коллекций. Казань: ИЯЛИ АНРТ, 2005. 224 с. (На татарском языке)
2. *Ахметова-Урманче Ф.* У каждого документа – своя судьба. Идегей. Татарский народный дастан // Казан утлары. 2003. № 9. С. 102–135. (На татарском языке)

3. Березин И. Турецкая хрестоматия. В 3-х т. Т. 2. Казань: Тип. Университета, 1862. 144 с.
4. Валеев Ф.Т., Зайнитдинов С.М. Приложение к статье А.Н. Самойловича // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука. С. 212–213.
5. Гёницель Ч. Филологические заметки к двум генеалогиям крымско-татарского рода Ширин // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 811–824. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.811-824.
6. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 728 с.
7. Идегей. Татарский народный эпос. Перевод С. Липкина. Казань: Татар. книж. изд., 1990. 256 с.
8. Исәнбәт Н. 500 летие татарского народного эпоса «Идегей» // Совет эдабияты. 1940. № 11. Б. 39–76, № 12. С. 34–82. (На татарском языке)
9. Лосев А.Ф. Гомер. М.: Госпедиздат МП РСФСР, 1960. 350 с.
10. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
11. Мухаметзянова Л.Х. Дастан «Идегей: книжная версия татар Поволжья // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 91. № 16 (345). С. 94–98.
12. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. I: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб.: Тип. Имп. АН, 1866. 455 с.
13. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар / Сост. Ф.Ф. Юсупов. Казань: Татар. книж. изд-во, 2012. 519 с.
14. Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука. С. 186–211.
15. Сәгъди Г. История литературы или история письменных источников // Безнең юл. 1923. № 1. Б. 41.(37–45). (На татарском языке)
16. Татарский эпос. Дастаны. Казань: Раннур, 2004. 640 с. (На татарском языке)
17. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.
18. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1972. 224 с.
19. Фалев П.А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий: Лекции, читанные проф. П.А. Фалевым в 1921 г. в Туркестанском Восточном Институте. Ташкент: Туркестанское Госиздательство, 1922.
20. Чичеров В.И. Вопросы изучения эпоса народов СССР // Эпос народов СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 5–23.
21. Ярми Х. Поэтическое творчество татарского народа. Казань: Татар. книж. изд-во, 1967. 308 с. (На татарском языке)
22. Ярхо В.Н. Поэмы Гомера: фольклорная традиция и индивидуальное творчество // Ярхо В.Н. Собрание трудов. Древнегреческая литература. Эпос. Ранняя лирика. М.: Лабиринт, 2001. С. 55–127.

Сведения об авторе: Лилия Хатиповна Мухаметзянова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-7058>, ResearcherID: 99527520 (420111, ул. К.Маркса, 12, Казань, Российская Федерация). E-mail: lilmuhat@mail.ru

Поступила 25.04.2018 Принята к публикации 31.08.2018

Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Akhmetzyanov M.I. *Khranilishche rukopisey: ukazatel' fondov i kollektsey* [Manuscript Store: Index of Funds and Collections]. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 2005. 224 p. (In Tatar)
2. Akhmetova-Urmanche F. U kazhdogo dokumenta – svoya sud'ba. Idegey. Tatarskiy narodnyy dastan [Each document has its own destiny. Edigü. The Tatar folk dastan]. *Kazan utlary*. 2003, no. 9, pp. 102–135. (In Tatar)
3. Berezin I. *Turetskaya khrestomatiya* [The Turkish Reader]. In 3 vol. 2. Kazan, Tip. Universiteta, 1862. 144 p. (In Russian)
4. Valeev F.T., S.M. Zaynitdinov. Prilozhenie k stat'e A.N. Samoylovicha [An addition to the article by A.N. Samoilovich]. *Tyurkologicheskyy sbornik* [Studia Turkologica]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 212–213. (In Russian)
5. Göncöl Cs. Filologicheskie zametki k dvum genealogiyam krymsko-tatarskogo roda Shirin [Philological Remarks on Two Genealogies of the Crimean-Tatar Clan Shirin]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. T. 5, № 4, pp. 811–824. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.811-824. (In Russian)
6. Zhirmunskiy V.M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [The Türkic Heroic Epic]. Leningrad, Nauka, 1974. 728 p. (In Russian)
7. *Edigü. Tatarskiy narodnyy epos*. Perevod S. Lipkina [Edigü. The Tatar Folk Epic. Translated by S. Lipkin]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1990. 256 p. (In Russian)
8. İsənbət N. 500 letie tatarskogo narodnogo eposa «Idegey» [The 500th anniversary of the Tatar folk epos “Edigü”]. *Sovet ədəbiyatı*. 1940, no. 11, pp. 39–76; no. 12, pp. 34–82. (In Tatar)
9. Losev A.F. *Gomer* [Homer]. Moscow, Gospedizdat MP RSFSR, 1960. 350 p. (In Russian)
10. Mirgaleev I.M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana* [Political History of the Golden Horde during the Period of Toktamysh Khan's Rule]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003. 164 p. (In Russian)
11. Mukhametzyanova L.H. Dastan «Idegey: knizhnaya versiya tatar Povolzh'ya [Dastan “Edigü”: A book version of the Tatars of the Volga region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology and Art History]. 2014, Is. 91, no. 16 (345), pp. 94–98. (In Russian)
12. Radlov V.V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoy stepi* [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe]. Part I: *Podnarechiya Altaya: altaytsev, teleutov, chernevykh i lebedinskikh tatar, shortsev i sayantsev* [Subdialects of Altai: of the Altaians, Teleuts, Chernevy and Lebedinskies Tatars, Shortsev and Sayants]. St. Petersburg, Tipografiya imperatorskoy akademii nauk, 1866. 455 p. (In Russian)
13. Radlov V.V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoy stepi*. Ch. IV. *Narechiya barabintsev, tarskikh, tobol'skikh i tyumenskikh tatar*. Sost. F.F. Yusupov [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe. Part IV. Dialects of the Barabintsev, Tara, Tobolsk and Tyumen Tatars. Comp. F.F. Yusupov]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2012. 519 p. (In Russian)
14. Samoylovich A.N. Variant skazaniya o Edigee i Tokhtamyshe, zapisanny N. Khakimovym [The version of the legend about Edigü and Tokhtamyshe, recorded by N. Khakimov]. *Tyurkologicheskyy sbornik* [Studia Turkologica]. 1972. Moscow, Nauka Publ., pp. 186–211. (In Russian)
15. Säğ'di G. *Istoriya literatury ili istoriya pis'mennykh istochnikov* [History of Literature or History of Written Sources]. *Bezney yul*. 1923, no. 1, pp. 37–45. (In Tatar)

16. *Tatarskiy epos. Dastany* [The Tatar Epos. The Dastans]. Kazan, Rannur, 2004. 640 p. (In Tatar)
17. Urmanche F. *Narodnyy epos «Idegey»* [The Folk Epos “Edigü”] Kazan, Fan Publ., 1999. 200 p. (In Russian)
18. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar Historical Sources of the seventeenth and eighteenth centuries]. Kazan, Kazan State University Publ., 1972. 224 p. (In Russian)
19. Falev P.A. *Vvedenie v izuchenie tyurkskikh literatur i narechii: Lektsii, chitannye prof. P.A.Falevym v 1921 g. v Turkestanskom Vostochnom Institute* [Introduction to the Study of Turkic Literatures and Dialects: Lectures red by prof. P.A. Falev in 1921 in the Turkestan Oriental Institute]. Tashkent, Turkestanskoe Gosizdatel'stvo, 1922. (In Russian)
20. Chicherov V.I. Voprosy izucheniya eposa narodov SSSR [Questions of studying the epic of the peoples of the USSR]. *Epos narodov SSSR* [Epos of the Peoples of the USSR]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958, pp. 5–23. (In Russian)
21. Yarmi Kh. *Poeticheskoe tvorchestvo tatarskogo naroda* [Poetic Creativity of the Tatar People]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1967. 308 p. (In Tatar)
22. Yarkho V.N. Poemy Gomera: fol'klornaya traditsiya i individual'noe tvorchestvo [Homer's poems: folklore tradition and individual creativity]. *Sobranie trudov. Drevnegrecheskaya literatura. Epos. Rannyya lirika* [Collection of works. Ancient Greek literature. Epos. Early lyrics]. Moscow, Labirint, 2001, pp. 55–127. (In Russian)

About the author: Liliia Kh. Mukhametzianova – Dr. Sci. (philological studies), G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-7058>, ResearcherID: 99527520 (12, K. Marks Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: lilmuhat@mail.ru

*Received April 24, 2018 Accepted for publication August 31, 2018
Published September 29, 2018*

УДК 94(47).031:035:041

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.551-568

СЫНОВЬЯ УЛУГ МУХАММАДА НА КАЗАНСКОМ ПРЕСТОЛЕ**А.В. Аксанов**

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
aksanov571@gmail.com*

Цель: проанализировать исторические источники и научную литературу о правлении сыновей Улуг Мухаммада в Казанском ханстве.

Материалы исследования: на основе изучения широкого круга источников (русские летописи, разрядные книги, посольские документы, актовый материал, тюрко-татарские нарративные источники, записки иностранцев и т.д.) и специализированной научной литературы автор статьи выявляет проблемы репрезентации истории Казанского ханства в период правления сыновей Улуг Мухаммада.

Результаты и научная новизна: особое место в методологии исследования отведено текстологическому и герменевтическому анализу, за счет этого автору удалось не только верифицировать данные различных источников, но и интерпретировать отдельные исторические сведения исходя из контекста аутентичных эпохе источников. Автор статьи склоняется к легитимному сценарию перехода власти от Улуг Мухаммада к Махмуду. В работе уточняются хронологические рамки правления и политический статус первых казанских ханов, дается критический разбор аргументации историков, выдвинувших гипотезу о правлении в Казани Мустафы б. Улуг Мухаммада. В результате исследования автору удалось скорректировать представления о политической истории Казанского ханства в период правления сыновей Улуг Мухаммада.

Ключевые слова: Улуг Мухаммад, Махмуд, Халил, Мустафа, Казанское ханство, Московское государство, Большая Орда

Для цитирования: Аксанов А.В. Сыновья Улуг Мухаммада на казанском престоле // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 551–568. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.551-568

ULUGH MUHAMMAD'S SONS ON THE THRONE OF KAZAN**A.V. Aksanov**

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
aksanov571@gmail.com*

Abstract: Research objective: To analyze historical sources and modern studies of the rule of Ulugh Muhammad's sons in the Khanate of Kazan.

Research materials: On the basis of study of a wide range of sources (the Russian chronicles, books of official orders in the Russian state, ambassadorial documents, historical acts, the Turko-Tatar narrative sources, notes of foreigner visitors, etc.) and specialized modern research works, the author of this article reveals the problems of representation of the Khanate of Kazan's history during the period of Ulugh Muhammad's sons' rule.

Research results and novelty: The author gave a special place in the research methodology to textological and hermeneutic analysis. Due to this, the author managed not only to verify the information of various sources, but also to interpret certain historical information on the basis of the context of sources that were considered authentic in that era. The author of the article is inclined to think that the succession of power from Ulugh Muhammad to Mahmud was legitimate. He clarifies the chronological framework of the rule and political status of the first Kazan khans, criticizes the arguments of modern historians, and puts forward a hypothesis about the rule in Kazan of Mustafa bin Ulugh Muhammad. As a result of the research, the author managed to adjust the perception of political history of the Khanate of Kazan during the rule of Ulugh Muhammad's sons.

Keywords: Ulugh Muhammad, Mahmud, Khalil, Mustafa, Khanate of Kazan, Muscovy, Great Horde

For citation: Aksanov A.V. Ulugh Muhammad's Sons on the Throne of Kazan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, no. 1, pp. 551–568. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.551-568

Сохранилось очень мало известий о правлении Махмуда и Халиля в Казанском ханстве. Отсюда вытекает масса дискуссионных в историографии вопросов: начиная от хронологических рамок правления и обстоятельств перехода власти, заканчивая положением Казанского ханства в системе поздне-золотоордынских отношений.

Источники, а вслед за ними, и историки по-разному называют старшего сына Улуг Мухаммада. В русских летописях XV–XVI вв. он фигурирует под именем «Мамутяк» [34, с. 109; 32, с. 263; 26, с. 251] / «Мамутек» [32, с. 269; 24, с. 114] / «Маматок» [34, с. 272] / «Момотяк» [27, стб. 188]. В «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», написанном в начале XVI в. [18, с. 228], в списке сыновей «Улуг-Мухаммад-хана» находим «Махмудек-хана» [13, с. 40], что полностью согласуется с летописными данными. В более поздних татарских сочинениях впервые вместо Махмудека употребляется Махмуд/Махмут. У Утемиша-хаджи так обозначены казанские ханы: «Улуг Мөхәммәд ханның улы Махмуд хан, аның углы Халил хан» [53]. В «Дафтар-и Чингиз-наме» (XVII в.) хану Халилю на казанском престоле предшествуют «Махмут хан» и «Мамнак хан» [8, б. 37] – не понятно кто, есть кто, но имя Махмудек здесь не употребляется.

Вероятно, поэтому и среди историков одни называют его Махмудом [54, с. 36], а другие – Махмутеком [4, с. 292]. Все же, несмотря на то, что во многих источниках имя хана обозначается как Махмудек/Махмутек, корректнее будет использовать имя Махмуд, поскольку Махмудек – производное от Махмуд. Впрочем, необходимо учитывать, что в это время, в этом регионе правил еще один «царь» с созвучным именем и отчеством – Махмуд б. Кучук Мухаммад – «царь Махмут» [31, с. 184]¹.

Ранее мы уже писали о том, что сообщение «Казанской истории» об убийстве Улуг Мухаммада и Якуба Махмудом опровергается другими источниками и является парафразом из Библии, призванным не столько показать «как оно было на самом деле», сколько провести смысловую связь между событиями

¹ В других летописях этого хана называю «Ахмут», что, скорее всего, является результатом утраты первой буквы [32, с. 277; 30, с. 156].

«кровавого» возникновения и «кровавой гибели» Казанского царства [1, с. 54–56]. По справедливому замечанию М.Г. Худякова, «исчезновение Мухаммеда (Улуг Мухаммад. – А.А.) со страниц летописи вполне объясняется его естественной смертью, так как хан был уже пожилым» [52, с. 33]. Поэтому ничто не мешает допустить легальный сценарий перехода власти: Махмуд унаследовал Казанское ханство после смерти своего отца. К концу жизни Улуг Мухаммад значительно укрепил свои позиции в западной части Улуса Джучи и, вероятно, распределил эти земли между своими сыновьями. В источниках сохранились указания на то, что южной частью его владений управляли Касим и Якуб [5, с. 63; 38, с. 146; 41, с. 179], а северные улусы с центром в Казани достались Махмуду. Причем в скором времени после смерти Улуг Мухаммада Касим и Якуб, видимо, потеряли контроль над югом и заняли Мещерский юрт.

Некоторые сведения, касающиеся первых лет правления хана Махмуда, сохранились в русских летописях. Устюжская летопись первой четверти XVI в. сообщает о приходе казанцев к Устюгу весной 1446 года: «казанския тотаровя... стояли под городом три дни, в самой Велик день и начаша приступати к городу, несучи насад² на головах, и в насад бить нельзя. И зажгли город, и выгорело две городни у Нижних ворот. И по Божие милости огонь угасиша и тотар от города отбили. И тотаровя взяли мир на том с устюжаны, что в погоню за ними не ходить, а з города и з церкви взяли откупа 11000 денег и всякой рухляди, а полону не добыли. И пошли вверх по Югу и на Ветлугу, а по Ветлуге плыли на плотах и тонули в полоях³. А было их 700 человек, а не царев двор. А в Казань пришло 40 человек» [37, с. 44].

С одной стороны, летописец четко указывает на то, что набег совершили «казанския тотаровя», с другой – нельзя с уверенностью связать это нападение с политикой хана Махмуда, так как это был «не царев двор»⁴. То есть в набеге не участвовали люди, служившие казанскому хану.

В Архангелогородском летописце, составленном приблизительно через столетие, данная фраза была изменена на противоположную: «а все царев двор» [37, с. 88]. А.Г. Бахтин предположил, что в «этом случае переписчик мог просто упустить отрицающую частицу «не»» [2, с. 108]. Но речь идет не столько о случайной, машинальной потере частицы «не», сколько о преднамеренной ее замене на слово «все». И это уже говорит о том, что более поздний книжник осознанно связывал набег казанцев с ханской политикой. При этом другой устюжский летописец (второй половины XVII в.) «не потерял» отрицательную частицу и добавил уточняющий термин: «Было их 700 человек, *волницы* (курсив наш. – А.А.), а не царь двор». Видимо, такая правка была призвана пояснить, что нападение на Устюг осуществили не по инициативе казанского хана.

Впрочем, не исключено, что в последнем случае летописец несколько модернизировал значение словосочетания «не царев двор», используя для

² Насад – речное и озерное (морское) судно, приспособленное для перевозки людей и грузов, нередко служившее в качестве боевого и военно-транспортного корабля [46, с. 236].

³ Полой – глубокая приречная ложбина, где в половодье застаивается вода; речной рукав [47, с. 240].

⁴ Двор – совокупность служилых людей или вассалов при усадьбе феодала; войско, состоящее из этих людей [44, с. 190].

его объяснения термин «вольница»⁵, широко распространенный в литературе XVII века. Все же оба устюжских автора говорят о непричастности людей, служивших хану, к набегу на Устюг 1446 года. Возможно, Махмуд не был инициатором этого нападения, а конфликт не носил межгосударственный характер. Все же некоторые историки полагают, что набег казанцев 1446 г. был ответом хана Махмуда на невыплату дани [4, с. 291], но едва ли в поход за данью хан не послал бы своих людей.

Следующий поход казанцев по недвусмысленному указанию летописцев был инициирован ханом Махмудом, который в конце 1447 г. «посла всех князей своих со многою силою воивати отчину великого князя, Владимирь и Муром и прочаа грады, слышав же то князь велики посла противу их» [32, с. 269; 34, с. 114; 28, с. 203; 24, с. 121; 25, с. 73; 33, с. 207].

Вероятнее всего, поход казанцев 1447 г. был спровоцирован борьбой между Василием II и Дмитрием Шемякой. По замечанию А.Г. Бахтина, действия Махмуда были вызваны интригами Дмитрия Шемяки, который пытался испортить дипломатические отношения Василия II с Казанью. Подтверждением тому служит послание церковных иерархов, адресованное Дмитрию Шемяке и составленное 29 декабря 1447 г., то есть сразу после выдвижения казанских войск. Согласно ему, из-за того, что князь Дмитрий, желая причинить Василию II и всему православному христианству «лихо» и «неустройство», задержал у себя казанского посла, а Махмуд схватил великокняжеского «Киличей»⁶ [42, с. 396]. Позже А.Г. Бахтин и Б.Л. Хамидуллин объяснили поход 1447 г., как и набег 1446 г., несвоевременной выплатой дани Василием II [4, с. 291].

Так или иначе, необходимо обратить внимание на то, что летописи говорят лишь о «послании» казанских войск на московские земли и о встречном выдвижении воевод, но умалчивают о самих боевых действиях или об их последствиях. В таких случаях можно допустить, что дело не вылилось в сколько-нибудь масштабное противостояние и закончилось дипломатическим урегулированием. Думается, не случайно вслед за этим известием помещена запись о походе великого князя на Дмитрия Шемяку [32, с. 269; 34, с. 114; 28, с. 203; 24, с. 121; 25, с. 73; 33, с. 207] – междоусобная борьба требовала скорейшего дипломатического решения проблемы внешней угрозы. Подтверждением тому служат и дальнейшие события: вплоть до 1467 г. источники не фиксируют крупных конфликтов между Москвой и Казанью, а единственный конфликт межгосударственного масштаба, произошедший в 1461 г., возможно, как и военное столкновение 1447 г., удалось предотвратить путем мирных переговоров.

Важные сведения о правлении Махмуда можно почерпнуть из посланий митрополита Ионы в Казань, составленных между 15 декабря 1448 г. и 31 марта 1461 года⁷. Первый документ под заглавием «Послание митрополита *ко царю татарскому* (здесь и далее по тексту курсив наш. – А.А.) о своем слуге и о товаре» имеет помету «царю казанскому», написанную на верхнем

⁵ Значение слова «вольница» характерное для XVII в. – люди из разных слоев общества, в силу существующих социальных отношений поставленные вне закона (преимущественно о крепостных, бежавших на окраины Московского государства) [43, с. 16].

⁶ Киличей – посол [45, с. 123].

⁷ М.Г. Худяков датировал данные документы 1455 г., но не привел аргументы в пользу этого [52, с. 34].

поле киноварью и тем же почерком. Сам текст начинается с официального обращения Иова к Махмуду: «*Волному царю* имярек Иова, митрополит Киевский и всея Руси, достойную честь *велику ти государьству* сим нашим писанием послали есмо». Далее преамбула: «Слыша, что же Вышняго Бога силою держишь свое государство, всим купцем нашим и иных земель купцем щкоты и убытков нет некоторых ни от кого. А по всюду слышится, что же *твоим велим государством...*» [40, с. 154].

Далее раскрывается причина обращения митрополита к хану: «И на то надеая, на *твое великое имя и дръжаву*, послали есмо до Казани сего своего слугу имярек с своею рухлядью. И прошу *великое твое господство*, чтобы еси нашего того человека в пошлинах велел своим жаловать, как тебе Вышний Бог положит на сердце, а также твоим жалованием, чтобы от твоих же тот наш человек ни изобижен был ничим ни от кого» [40, с. 154].

Заключительная часть послания, как и вводная, косвенно сообщает о политической обстановке в ханстве и в регионе в целом: «А о том молю Бога, чтобы и наперед так слышлось о твоём *великом господстве*, как ныне слышится по всим землям, что же пакысти никому нет ни от кого *твоим великим государством и жалованием...*» [40, с. 154].

Вторая грамота под заглавием «Послание от митрополита *князю цесареву* о том же» адресована князю «Шаптяку Сараевичу», которого митрополит называет «приятелем». В основной части этого документа содержится следующий текст: «Послали есмо до Казани сего своего слугу имярек с своею рухлядью в державу *волнаго цесаря* имярек. И прошу тебя, своего приятеля, о чем будет тому нашему человеку надобе, о пошлинах и о иных делах, до *волнаго царя* (везде по тексту курсив мой – А.А.) доступити. И ты бы, наш приятель, просим тебе, о всех делах о том нашем человеце печаловал, как ти Вышний Бог положит на сердце. А яз тебе, своему приятелю, кланяюсь о всем о том, чтобы тот наш человек и до нас приехал добровольно и беззубыточно твоим, нашего приятеля, печалованием...» [40, с. 155].

Из этих посланий много узнаем о положении хана Махмуда и его государства. Обращает на себя внимание, что ни в заглавиях, ни в основных текстах грамот хан Махмуд и его князь Шаптяк не названы казанскими, хотя само послание направлено именно в Казань, где находились адресаты. Вместо этого в заглавии первой грамоты Махмуд назван «царем татарским», а в заглавии второй грамоты Шаптяк – князем «цесаревым», или царевым. И лишь помета на полях уточняет, что речь идет о казанском царе. Далее, обращаясь к Махмуду, Иов несколько раз использует эпитет «великий»: «твое великое имя и дръжаву», «великое твое господство», «великом господстве», «твоим великим государством и жалованием». В контексте существовавшей политической культуры этот эпитет указывал на превосходство, особый статус правителя и государства, его использовали не только русские и литовские князья, но и золотоордынские ханы, а также позднезолотоордынские Джучиды, претендовавшие на верховенство в Орде. К примеру, великим (العظيم, аль-азым) называл себя Сахиб-Гирей [49, с. 919–920]. Великими (улуг) значились ханы Большой Орды [16, с. 826].

Кроме того, в текстах грамот Махмуд четырежды назван «вольным царем». На первый взгляд может показаться, что это характеризует его только лишь как самостоятельного правителя. Но необходимо учесть, что в данных

документах этот титул употребляется в контексте эпитетов «великий» и «татарский». Поэтому в нашем случае фраза «вольный царь» могла означать еще более лестную оценку положения Махмуда, связанную с его превосходством по отношению к другим «царям» Золотой Орды. Учитывая особенности средневековой политической системы тотального, хоть зачастую и номинального, соподчинения всех правителей, «вольным» мог быть только верховный «царь», то есть законный властитель всего Улуса Джучи. Так, во время поездки за ярлыком в Орду боярин И.Д. Всеволожский обращался к Улуг Мухаммаду, называя его «вольным царем» [24, с. 96].

Не случайно и в тексте заглавия митрополичьей грамоты вместо словосочетания «казанскому царю» написано – «татарскому царю». Вероятнее всего, такая значимая терминологическая рокировка произошла с учетом политических амбиций хана Махмуда, который подобно своему отцу стремился быть «царем» всех татар Золотой Орды. Впрочем, возможно, Иов понимал, что на верховенство в Орде претендуют и другие ханы (отсюда помета на полях «царю казанскому»), но в данном послании для благополучного решения своих торговых дел в Казани признавал превосходство Махмуда над остальными Джучидами. Тем более, что это соответствовало политике Великого княжества Московского, выплачивавшего «выход» в Казань, признавая золотоордынские наследственные права ее ханов.

Итак, основная цель обращения – добиться выгодных условий торговли. О значимости казанской торговли для экономики Руси говорит и второе послание митрополита, адресованное некому князю «Шаптяку», очевидно занимавшему высокое положение при дворе казанского хана. Д.М. Исхаков предположил, что князь «Шаптяк Сараевич» был родственником, возможно, сыном Усеина Сараева, являвшегося дарага-беком хана Улуг Мухаммада. По мысли историка, этот князь и сам мог быть дарага-беком, так как вопрос о пошлинах находился в ведении дарага-беков [11, с. 15]. Иов, называя его «приятелем», просил ходатайствовать («печаловать») перед Махмудом о беспошлинной торговле и обеспечить безопасность проезда «и о иных делех», «о чем будет тому нашему человеку надобе» [40, с. 155].

Изучив эти послания, Н.П. Загоскин пришел к выводу, «что престиж Казани высоко стоял уже к началу второй половины XV века, если русскому иерарху представлялось целесообразным искать покровительства казанского сановника» [10, с. 39]. По словам М.Г. Худякова, «глава русской церкви называл (Шаптяка. – А.А.) “приятелем” и в униженном тоне просил его представительства пред ханом Махмудом» [52, с. 35]. Очевидно, такие оценки вызваны неточным пониманием положения Махмуда и Казанского ханства в системе позднезолотоордынских отношений. Если учитывать, что Махмуд продолжал борьбу за «ордынское наследство», а Москва признавала его как золотоордынского хана и выплачивала ему выход, подобное обращение митрополита к хану не выглядит унижением. Со времен Бату Русская православная церковь признавала власть Орды, за что получала от ханов судебный иммунитет, а также налоговые, таможенные и торговые привилегии [39, с. 88–92]. Махмуд подобно своему отцу, Улуг Мухаммаду, и предшествующим ханам, претендуя на верховенство в Орде, требовал к себе соответствующего отношения не только со стороны великих князей, но и церковных

иерархов. В свою очередь митрополит Иона, по сложившейся веками традиции, признавая его власть, просил о привычных для церкви привилегиях.

Другое указание на идеологические установки, бытовавшие при первых казанских ханах заметил И.А. Мустакимов, по мысли которого, «сведения «Казанской истории» об основании Казани «Саином Болгарским», именование Казани «Саиновым (Батыевым. – *И.М.*) юртом» и «золотым дном (престолом?)» могли быть почерпнуты из татарского источника, имевшего целью обоснование преемственности Казани и Булгара, а также ведущей роли этих городов на постордынском пространстве». «Тезис «Казань – Саинов юрт» – продолжает И.А. Мустакимов – был явно выгоден Улуг Мухаммаду и его потомкам, с 1445 г. окончательно обосновавшимся в Казани и первоначально претендовавшим на статус всеордынских государей» [17].

И в послании митрополита подчеркивается «великое господство» Махмуда, что говорит не только о признании за Махмудом первенства среди Джучидов, но и указывает на установление сильной власти и политической стабильности, обусловившей развитие торговли и экономики в целом. По наблюдениям М.Г. Худякова, «казанцы стали усиленно развивать свою деятельность на поприще международной торговли, и город Казань стал перво-классным центром товарообмена в Восточной Европе» [52, с. 35].

Данные митрополита о политической стабильности и мирных отношениях, по крайней мере, с Русью, установившихся в 1447–1461 гг., косвенно подтверждаются другими источниками. Летописные статьи за 1450-е гг. не фиксируют ни одного конфликта с Казанью. Они в основном посвящены русско-ордынскому противостоянию, московско-новгородскому конфликту и некоторым другим событиям [32, с. 270–277; 35, с. 110–115].

Единственное упоминание о Махмуде за этот период находим в новгородском летописании конца XV – начала XVI века. В статье под 1456 г. говорится, что Василий II «поднял царевича Момотьяка с Татарскою силою на Великий Новгород» [27, с. 194]. Возможно, новгородские книжники, не всегда хорошо ориентировавшиеся в татарских политических реалиях, ошибочно назвали казанского Махмуда «царевичем». Тогда перед нами известие, свидетельствующее о совместных военных действиях Москвы и Казани против Великого Новгорода. Но не стоит исключать того, что летописец ошибся не в титуле, а в имени Джучида, и речь должна идти о мещерском царевиче Касиме, который и до этого и после действовал совместно с москвичами. Последний сценарий более согласуется как с политическим положением Мещерского юрта, так и с геополитическими интересами Казани, явно не заинтересованной в расширении московского влияния за счет Великого Новгорода.

В начале 1460-х гг. источники всего дважды упоминают о казанцах. В 1461 г. Василий II «поиде к Володимерю, хотя ити на Казаньского царя». Когда великий князь уже был во Владимире «приидоша к нему послы ис Казани и взяша мир» [32, с. 277; 35, с. 116; 25, с. 114]. А в 1462 г. после смерти Василия II новоявленный великий князь, Иван III, «послал» «рать» «на черемису, воевод своих Бориса Коженово да Бориса Слепово, а с ними устюжане, да вологжане, да галечане». Далее описан маршрут движения этих войск: «А шли воеводы мимо Устюга к Вятке, по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь». В следующем предложении сообщается об ответном походе: «Того же лета рать черемиская с тотары казанскими приходили на Устюжской уезд, на верх

Югу реки, и в полон повели многих русских людеи. И устюжане ходили за ними в погоню, сугнав их, побили и полон отбили» [37, с. 46, 90].

В известии за 1462 г. не говорится о том, что военные действия великого князя были направлены против казанского хана, а ответные действия черемисы и казанцев не связываются с инициативой хана Махмуда. Исходя из этого, можно было бы сказать, что конфликт не носил характер открытого межгосударственного противостояния, а был одним из локальных пограничных столкновений. Но поход был организован по приказу из Москвы и в нем приняли участие жители нескольких русских земель. Иван III «послал» «рать» «на черемису», которая находилась под властью казанского хана. Причем великокняжеские силы направились в Великую Пермь «по Вятке вниз, а по Каме вверх», то есть через улусы Казанского ханства. Такие действия можно расценить как начало полномасштабной войны с Казанским ханством. Причем яблоком раздора выступили Вятская земля и Великая Пермь. В 1456 г. московские войска разбили новгородцев, и по Яжелбицкому миру Новгородская земля попала в зависимость от Москвы. Так сфера влияния Василия II резко расширилась в северо-восточном направлении и приблизилась к Вятке и Великой Перми. При этом, по более поздним летописным известиям и дипломатическим документам, эти территории входили и в сферу политических интересов Казанского ханства [31, с. 188; 32, с. 280; 20, с. 33; 6, с. 262].

Возможно, на рубеже 1450–1460-х гг. появились благоприятные условия для решения этого спора в пользу Москвы. Их можно связать с ослаблением Казанского ханства в условиях внутривосточного кризиса, начавшегося на закате правления Махмуда и, по-видимому, вызванного его продолжительной предсмертной болезнью.

Пользуясь этим, в 1458–1462 гг. Москва организовала серию военных походов не только против Вятки, Великой Перми и зависимых от ханства черемисов, но и против самой Казани. В 1458 г. вятчане выдержали натиск великокняжеских сил, но поход 1459 г. отразить не смогли и заключили мир на условиях Москвы [32, с. 275–276]. Как видно из представленных выше летописных известий, в 1461 г. Василий II быстро выдвинулся с войсками во Владимир для войны с Казанью. Причем ничего не сказано о причинах этого конфликта. В источниках отсутствуют и свидетельства о предшествовавших этому враждебных действиях казанцев. Симптоматично, что казанский хан, поторопившись решить этот конфликт за столом мирных переговоров, отправил во Владимир послов, которым удалось «взять мир». Но через год великокняжеские силы все же вторглись в пределы Казанского ханства и, пройдя через его территорию, напали на Великую Пермь.

Впрочем, и на этот раз Москва не получила серьезного ответного удара со стороны Казани. Черемисы и казанские татары ответили лишь одним нападением на Устюжские уезд. Как известно, на этом военные действия прекратились, и в источниках нет информации о мирных переговорах. Но сохранилось известие о том, что в 1462/1463 г. «Иона епископ Пермский крести Великую Пермь и князя их, и церкви поставил и игумены и попы» [24, с. 150]. Это событие могло быть результатом похода 1462 года.

Все известия 1458–1462/1463 гг., имеющие отношение к истории Казанского ханства, свидетельствуют о внезапной активизации восточной полити-

ки Москвы, вероятнее всего, вызванной переменами, произошедшими в Казани. Однако можно лишь строить предположения о политической жизни ханства в это время. Историки даже затрудняются обозначить верхнюю дату правления Махмуда. Ш. Марджани писал, что хан умер в 868 г.х., то есть в 1463/1464 году [14, с. 52]. Однако исследователь не указал на источник этой информации. Согласно М.Г. Худякову, «хан Махмуд, еще царствовавший в 1461 году, скончался в 1460-х годах» [52, с. 36]. Но никаких аргументов, подтверждающих эти слова, в его «Очерке» нет. Возможно, мнение о том, что Махмуд царствовал в 1461 г., составлено на основе известия о выдвигании войск Василий II против «Казаньского царя» в 1461 году. Хотя книжники не указали имя этого «царя», можно допустить, что это был Махмуд. Тогда как в известии от 1462 г. упоминаются лишь казанцы, но ничего не говорится о хане. Как показывает анализ других сообщений, чаще всего летописи описывают события, упоминая о действиях хана (царя), даже если его имя умалчивается, или поясняют непричастность хана к произошедшему. Но сообщение за 1462 г. говорит только о казанцах, что само по себе симптоматично и указывает на отсутствие хана в этот период.

Поэтому, вполне вероятно, что Махмуд скончался именно в 1462 году. Возможно, после его смерти в Казанском ханстве начался политический кризис, поскольку, кроме сыновей Махмуда, на власть мог претендовать его брат, Касим. Последний к тому моменту уже много лет занимал Мещерский юрт и находился под влиянием великого князя московского. В этой связи допустимо, что в 1462 г., как и в 1467 г., Иван III не только поддержал Касима в борьбе за ханское место, но и, пользуясь сложившейся ситуацией, нанес неожиданный удар по Великой Перми, послав туда войска через земли Казанского ханства. Возможно, это было первое вторжение московских сил в пределы Казанского ханства с момента утверждения здесь прямого правления Улугмухаммадовичей. Вероятно, политический кризис, начавшийся после смерти Махмуда, оказался настолько серьезным, что казанцы в ответ на масштабный поход великокняжеских войск сумели организовать лишь небольшой набег на Устюжский уезд.

Иное объяснение событий 1461–1462 гг. находим у А.Г. Бахтина и Б.Л. Хамидуллина, которые, последовав за М.Г. Худяковым, считали, что Махмуд умер «где-то в середине 60-х годов» [3, с. 13; 4, с. 292]. Сам поход 1462 г. они охарактеризовали как ответное действие на нападения «подвластных казанцам черемисов» [3, с. 13; 4, с. 292], хотя в источниках не сохранилась память об этих нападениях. Летописи четко указывают на то, что нападение черемисов и казанских татар на Устюжский уезд произошло после похода великокняжеских сил, а не наоборот.

Далее эти историки, развивая тезис о правлении Махмуда до середины 1460-х гг., приходят к выводу, что примерно в 1464–1465 гг. казанским ханом был Мустафа б. Улуг Мухаммад. Данная реконструкция, ставшая новым словом в историографии, зиждется на следующих аргументах: 1. о Мустафе, сыне хана Улуг Мухаммада упоминается в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»; 2. летописные сообщения о том, что «царевич Муртоза, сын казанского царя Мустофы» был пожалован Иваном III; 3. известие Хисам ад-Дина Булгарского о том, что Аксак-Тимур в 869 г.х. «был гостем у Мустафы Хана».

Вне всяких сомнений, «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» – это аутентичный, заслуживающий внимания источник, многие данные которого успешно верифицируются. Это сочинение написано в начале XVI в. при дворе хана Мухаммада Шейбани [18, с. 228], который, вероятно, был хорошо осведомлен о делах Казанского ханства, так как имел контакты с ханом Мухаммад-Амином⁸. Однако в разрез мнению о ханствовании Мустафы в Казани здесь сказано, что «Мустафа» был лишь одним из семи сыновей Улуг Мухаммада, причем из всего списка имен, только Махмуд называется ханом («Махмудек-хан») [13, с. 40]. Сказание Хисам ад-Дина Булгарского – поздний источник (XVIII в.), содержащий много ошибок и неподтвержденных сведений. К тому же выводы А.Г. Бахтина и Б.Л. Хамидуллина не согласуются с контекстом повествования самого Хисам ад-Дина, согласно которому, «в то время в Новой Казани Ханом был Ильгам Хан» [48, с. 947–948], то есть некий Мустафа ханствовал в другом месте. И, конечно же, необоснованной выглядит датировка, почерпнутая историками именно из этого сказания. Понятно, что 869 г.х. (1464–1465 гг.) не относится ни ко времени жизни Аксак-Тимура, ни ко времени правления Ильхама в Казани, и поэтому лучше воздержаться от использования этого сведения при реконструкции и без того смутной политической истории Казанского ханства.

Отдельного внимания требуют данные русских авторов. Известия о приглашении и приезде на Русь царевича Муртазы б. Мустафа содержится во многих летописных сводах последней трети XV–XVI веков. Наиболее раннее сообщение об этом сохранилось в Никаноровской летописи: в 1471 г. «велики князь, идя к Новугороду, послал в поле Микиту Беклемишева искати царевича Муртазы, Мустафина сына, звати его к собе служити. Никита же наеде его в поли и перезва его к великому князю, и прииде с ним к сыну великого князя на Москву наперед прихода великого князя из Новагорода» [34, с. 135].

Это сообщение с незначительными исправлениями попало в Московский летописный свод конца XV в., в Семеоновскую летопись и в другие официальные и близкие к ним летописи конца XV–XVI вв. [32, с. 291; 28, с. 234–235; 24, с. 167–168; 25, с. 140–141; 29, с. 483], но не нашло отражение в новгородских летописях и сокращенных сводах конца XV века. Однако во всех этих памятниках, кроме Никаноровской летописи, находим следующее известие: «Тое же зимы 31 декабря (1473 г. – А.А.) приехал служити великому князю царевич Муртоза, сын казанского царя Мустофы, и дал ему князь великий городок новои на Оце со многими волостями» [32, с. 301; 28, с. 247; 29, с. 492]. Правда, в новгородских летописях и сокращенных сводах конца XV века это же сообщение приведено без точной даты, что, вероятно, было следствием сокращения текста при переписке [34, с. 279, 353; 22, с. 133, 151; 21, с. 242–243]. Здесь необходимо учесть, что в подавляющем большинстве летописей содержится почти идентичный текст этих известий, без существенных изменений долгое время циркулировавший в русском летописании.

⁸ Из сочинения «Бабур-намэ» узнаем, что Мухаммад Шейбани отправил своего придворного поэта Гулама Шади к казанскому хану Мухаммад-Амину [9, с. 146]. Еще одним свидетельством тесных взаимоотношений является стихотворение Мухаммада Шейбани, посвященное победе Мухаммад-Амина над московскими войсками [19, с. 13].

Если в сообщении за 1471 г. Муртаза назван царевичем, а титул Мустафы не указан, то в известии от 1473 г. последний фигурирует как «казанский царь». Сохранились и оригинальные, но более лапидарные известия, называющие Мустафу царем [22, с. 151; 23, с. 9, 32; 34, с. 279, 353; 36, с. 117]. Впрочем, и в этих случаях есть основания полагать, что при обозначении титула Мустафы их авторы опирались на известную им официальную запись 1473 года. Как бы то ни было, при анализе летописных данных в контексте политической истории Казанского ханства выявляются сообщения, опровергающие царское титулование Мустафы. Причем речь идет о более ранних известиях тех же самых летописных памятников. Согласно им, в 1443 г. под Рязанью убили «царевича Мустофу» [34, с. 108, 272; 32, с. 262, 394; 28, с. 192; 30, с. 151; 25, с. 62]. Исследователи справедливо полагали, что это был сын Улуг Мухаммада [12, с. 64–66; 5, с. 60–61]. Отсюда вытекает, что Мустафа не мог быть ханом ни до, ни после Махмуда. Нет Мустафы и в списках казанских ханов, представленных в «Кара таварих» [51] и «Дафтар-и Чингиз-наме» [8, б. 38].

Таким образом, после Махмуда, вероятнее всего, правил его старший сын, Халиль, о правлении которого не сообщают русские летописи, но повествуют другие независимые источники. Согласно «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «у Махмудек-хана было два сына. Их имена – Халил-хан и Ибрагим-хан» [13, с. 40]. Халиль значится следующим после Махмуда казанским ханом и по «Дафтар-и Чингиз-наме» [8, б. 38] и «Кара таварих» [51]. С. Герберштейн сообщает, что «в свое время в Казани правил царь Халилек (Chelealck)», который «умер бездетным, а на вдове его Нур-Султан (Nursultan) женился некий Абраэмин (Abrahemin) [завладев тем самым и царством]» [7, с. 170]. Таким образом, Халиль был женат на дочери ордынского беклербека Тимура, являвшегося одновременно ногайским бием.

Важно, что хан породнился с беклербеком Большой Орды и предводителем многочисленных и влиятельных ногайских татар. Тимур в то время был правой рукой наследников Кичик Мухаммада, Махмуда и Ахмада и управлял юртом мангытов, находившимся на территории Большой Орды [50, с. 185]. Поэтому брак Халиля с Нур-Султан был признаком сближения Казанского ханства и Большой Орды. Не исключено, что именно эта опасная для Москвы тенденция подтолкнула Ивана III к широкомасштабной войне с Казанью в 1467–1469 годах. Не известно, когда закончилось правление Халиля, но уже в 1467 г. на престоле находился Ибрагим б. Махмуд, о чем мы знаем благодаря русским летописям, уделившим большое внимание казанско-московской войне 1467–1469 годов.

По данным Ш. Марджани, хан Халиль скончался в 871 г.х. (1467 г.) и правил «около пяти лет». Год смерти хана мог быть взят из летописей, где при описании событий 1467 г. упоминается новый хан – Ибрагим, что косвенно указывает на кончину Халиля. Однако неясно, на основании чего историк сделал вывод, что срок правления Халиля составил «около пяти лет» [14, с. 53]. Ведь это не согласуется с годом начала правления хана (868 г.х = 1463/1464 г.), предложенным самим Ш. Марджани, хотя увязывается с нашим предположением, что годом смерти Махмуда и начала правления Халиля является 1462 г. Так или иначе, очень вероятно, что Халиль б. Махмуд действительно правил около 5 лет: с 1462 по 1467 гг.

Таким образом, Махмуд, в отличие от своего отца, не имел власти над Крымом и Дештом и окончательно обосновался в Казани. Но он, судя по грамоте митрополита Ионы, не позволял называть себя казанским ханом и претендовал на титулы «великого», «татарского», «вольного» «царя», коими величали его отца и предшествовавших ему золотоордынских ханов. В годы правления Махмуда (1445–1462 гг.) не зафиксировано ни одного серьезного военного столкновения с Москвой, что свидетельствует о признании его сюзеренитета Василием II. Можно только догадываться, как в этот период строились отношения Казанского ханства с другими политическими субъектами постордынского пространства. Необходимо согласиться с исследователями в том, что при Махмуде Казань переживала этап поступательного политического и социально-экономического развития. Впрочем, анализ прямых и косвенных данных показывает, что на рубеже 1450–1460-х гг. усилилось давление Москвы в борьбе за Вятку и Великую Пермь. Возможно, в противовес этому Халиль начал налаживать отношения с Большой Ордой. Но энергичный Иван III не стал дожидаться окончательного оформления опасного для Руси союза и при первом же удобном случае, в 1467 г., под предлогом поддержки Касима б. Улуг Мухаммада, развязал небывалую до этого войну против Казанского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Изд-во Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
2. Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. 567 с.
3. Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Внешняя политика «Казанского великого града бусурманского» ханского периода (1440-е – 1552 гг.) // Научный Татарстан. 2014. № 2. С. 13–21.
4. Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.
5. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 53–70.
6. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1958. С. 241–270.
7. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
8. Дәфтәре Чыңгызнамә. Казан: Иман, 2000. 44 б.
9. Захир ад-Дин Бабур. Бабур-намә. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1992. 312 с.
10. Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань: Типография Императорского Университета, 1895. 691 + 83 с.
11. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

12. Исхаков Д.М. О родословной хана Улу-Мухаммеда // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 2002. С. 63–74.

13. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. 652 с.

14. Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам) / Пер. с арабского Юзеева А.Н. Казань: Иман, 1999. 126 с.

15. Марджани Ш. Извлечение известий о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар) / Пер. с арабского Адыгамова Р.К. Ч. 1. Казань: Изд-во «Иман», 2005. 200 с.

16. Меховский М. «Трактат о двух Сарматиях» // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 823–857.

17. Мустакимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографичных источников. (К вопросу о статусе г. Болгара на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы = Эхо веков. № 1. 2008. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_1/05/05_1/ (дата обращения 23.03.2017)

18. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 228–248.

19. Мустакимов И.А. Арабографичные источники // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 10–19.

20. Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авызы = Эхо веков. Казань, 1997. № 1/2. С. 27–34.

21. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 3. Новгородские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1841. 308 с.

22. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

23. ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. 358 с.

24. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. х + 302 с.

25. ПСРЛ. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.

26. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.

27. ПСРЛ. Т. 16. Летопись Авраамки. СПб: Типография Ф. Елионского и К°, 1889. 320 стб. + 69 с.

28. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.

29. ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 570 с.

30. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. vi + v + 242 с.

31. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. xii + iv + 272 с.

32. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

33. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.

34. ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с.
35. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.: Наука, 1963. 411 с.
36. ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.
37. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
38. Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. № 1(3). 2014. С. 128–162.
39. Почекаев Р.Ю. Золотоордынские ярлыки русской церкви как пример правоотношений светской и духовной власти на государственном и надгосударственном уровне // Политико-правовые основы социального партнерства государства и традиционных конфессий: Материалы научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 3 июня 2004 г.). СПб., 2005. С. 88–92.
40. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Т. 1. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1986. 221 с.
41. Сабитов Ж., Якушечкин А. Кто был ханом в Крыму в 1456 году? // Крымское историческое обозрение. № 2. 2015. С. 175–185.
42. Сборник Муханова. СПб.: В Типографии Э. Праца, 1866. 798 с.
43. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М.: Наука, 1976. 291 с.
44. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 406 с.
45. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 407 с.
46. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 331 с.
47. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 298 с.
48. Татарские сказания // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 947–948.
49. Тарханный подтвердительный ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафар 13 = 1523, января 1) // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 919–920.
50. Трепавлов В. Большая Орда // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. С. 180–197.
51. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
52. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880> (420111, ул. Батурина, 7 А, Казань, Российская Федерация). E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 18.06.2018 Принята к публикации 04.09.2018

Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Aksanov A.V. *Kazanskoe khanstvo i Moskovskaya Rus': Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya v kontekste germeneyticheskogo issledovaniya* [The Khanate of Kazan and Muscovy: Interstate Relations in the Context of Hermeneutic Research]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 288 p. (In Russian)
2. Bahtin A.G. *Russkoe gosudarstvo i Kazanskoe hanstvo: Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya v XV–XVI vekah* [Russian State and the Khanate of Kazan: The Interstate Relations in the fifteenth and sixteenth centuries]. Moscow, 2001. 567 p. (In Russian)
3. Bakhtin A.G., Khamidullin B.L. Vneshnyaya politika «Kazanskogo velikogo grada busurmanskogo» khanskogo perioda (1440-e – 1552 gg.) [Foreign policy of the “Great Muslim City of Kazan” during the khans’ period (the 1440s–1552)]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. 2014, no. 2, pp. 13–21. (In Russian)
4. Bakhtin A., Khamidullin B. Politicheskaya istoriya Kazanskogo khanstva [Political history of the Kazan khanate]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Tom 4: *Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [History of Tatars since the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. 4: Tatar States from the fifteenth to the eighteenth centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 289–358. (In Russian)
5. Bepalov R.A. Khan Ulu-Mukhammed i gosudarstva Vostochnoy Evropy: ot Beleva do Kazani (1437–1445) [Khan Ulu-Muhammad and the States of Eastern Europe: from Belev to Kazan (1437–1445)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Iss. 5. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2012, pp. 53–70. (In Russian)
6. Vychehgodsko-Vymskaya letopis' [Vychehgodsko-Vymskaya Chronicle]. *Istoriko-filologicheskyy sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical and Philological Collection of the Komi Branch of Academy of Sciences of the USSR]. Iss. 4. Syktyvkar, Komi book Publ., 1958, pp. 241–270. (In Russian)
7. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes about Moskovia]. Moscow, Moscow State University Publ., 1988. 430 p. (In Russian)
8. *Deftere Chyngyzname* [The Book of History of Chinggis Khan]. Kazan, Iman Publ., 2000. 44 p. (In Tatar)
9. Zakhir ad-Din Babur. *Babur-name* [Book of Babur]. Tashkent, Main edition of encyclopedias Publ., 1992. 312 p. (In Russian)
10. Zagoskin N.P. *Sputnik po Kazani* [The Companion to Kazan]. Kazan, Tip. Imperatorskogo Universiteta Publ., 1895. 691 + 83 p. (In Russian)
11. Iskhakov D.M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni (etnologicheskiy vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.)* [From Medieval Tatars to Tatars of Modern Times (an ethnological view of history of the Volga-Ural Tatars from the fifteenth to the seventeenth centuries)]. Kazan, Master Layn Publ., 1998. 276 p. (In Russian)
12. Iskhakov D.M. O rodoslovnoy khana Ulu-Mukhammeda [About a family tree of Ulu-Muhammad Khan]. *Tyurkologicheskyy sbornik 2001: Zolotaya Orda i ee nasledie* [Studia Turkologica 2001: The Golden Horde and Its Legacy]. Moscow, Oriental Literature of RAS Book-publishing firm, 2002, pp. 63–74. (In Russian)
13. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (Izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates from the fifteenth to the eighteenth centuries (extractions from the Persian and Turkic compositions)]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. 652 p. (In Russian)
14. Marjani Sh. *Vafiyat al-aslaf va takhiyat al-akhlaf (Podrobnoe o predshestvennikakh i privetstvie potomkam)* [The Detailed about Predecessors and a Greeting to Descendants]. Translation from the Arab by Yuzeev A.N. Kazan, Iman Publ., 1999. 126 p. (In Russian)

15. Marjani Sh. *Izvlechenie izvestiy o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)* [Extraction of Information on the Conditions of Kazan and Bulgar]. Translation from the by Arab Adygamov R.K. Part I. Kazan, Iman Publ., 2005. 200 p. (In Russian)

16. Miechowita M. Traktat o dvukh Sarmatiyakh [The treatise about two Sarmatias]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Tom 4: *Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [History of Tatars since the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. 4: Tatar States from the fifteenth to the eighteenth centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 823–857. (In Russian)

17. Mustakimov I. Termin «Zolotoy prestol» v Povolzh'e po dannym arabografichnykh istochnikov (K voprosu o statuse g. Bolgara na ordynskom i postordynskom prostranstve) [The term the “Golden Throne” in the Volga region according to the sources written by the Arab graphics (to a question of the status of the city of Bolghar on the Horde and post-Horde space)]. *Gasyrlar Avyzy = Jeho vekov* [Echo of the Centuries]. No. 1. 2008. Available at: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_1/05/05_1/ (last accessed 23.10.2015). (In Russian)

18. Mustakimov I.A. Svedeniya «Tavarikh-i guzida – Nusrat-name» o vladenyakh nekotorykh dzhuchidov [Information of the “Tavarikh-i guzida –Nusrat-nama” about dominions of some Jochids]. *Studia Turkologica 2009–2010* (2011). *Turkic People of Eurasia in the Ancient Time and Middle Ages*. Moscow, pp. 228–248. (In Russian)

19. Mustakimov I.A. Arabografichnye istochniki [The sources written by the Arab graphics]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Tom 4: *Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [History of Tatars since the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. 4: Tatar States from the fifteenth to the eighteenth centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 10–19. (In Russian)

20. Mustafina D. Poslanie carja kazanskogo [Letter of the tsar of Kazan]. *Gasyrlar Avyzy = Jeho vekov* [Echo of the Centuries], 1997, no. 1/2, pp. 27–34. (In Russian)

21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] (dalee – *PSRL*). Vol. 3. *Novgorodskie letopisi* [Novgorod Chronicles]. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1841. 308 p. (In Old Russian)

22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 4. Part 1. *Novgorodskaya chetvertaya letopis'* [Novgorod Fourth Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 728 p. (In Old Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 6. *Sofiyskie letopisi* [Sofia Chronicles]. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1853. 358 p. (In Old Russian)

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 8. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Chronicle's Continuation According to the Voskresensky Copy]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001. x + 302 p. (In Old Russian)

25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 12. *Patriarshaja ili Nikonovskaja letopis'* [Patriarchal or Nikonovskaya Chronicle]. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova Publ., 1901. 267 p. (In Old Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol.13. Part 1. *Patriarshaja ili Nikonovskaja letopis'* [Patriarchal or Nikonovskaya Chronicle]. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova Publ., 1904. 302 p. (In Old Russian)

27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 16. *Letopis' Avraamki* [Chronicle of Avraamka]. St. Petersburg, Tipografiya F. Elionskogo i Ko Publ., 1889. 320 + 69 p. (In Old Russian)

28. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 18. *Simeonovskaya letopis'* [Simeonovskaya Chronicle]. Moscow, Znak Publ., 2007. 328 p. (In Old Russian)

29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 22. Part 1. *Russkiy khronograf. Khronograf redaktsii 1512 goda* [Russian Chronograph. Chronograph of the 1512 Edition]. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1911. 570 p. (In Old Russian)
30. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 23. *Ermolinskaja letopis'* [Ermolinskaya Chronicle]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. vi + v + 242 p. (In Old Russian)
31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 24. *Tipografskaja letopis'* [Typographical Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. xii + iv + 272 p. (In Old Russian)
32. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 25. *Moskovskij letopisnyj svod konca XV v.* [Moscow Annalistic Collection of the end of the fifteenth century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 464 p. (In Old Russian)
33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 26. *Vologodsko-Permskaya letopis'* [Vologda and Perm Chronicle]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1959. 412 p. (In Old Russian)
34. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 27. *Nikanorovskaja letopis'* [Nikanorovskaya Chronicle]. *Sokrashennyye letopisnye svody konca XV v.* [Abbreviated Annalistic Collections of the end of the fifteenth century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1962. 418 p. (In Old Russian)
35. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 28. *Letopisnyj svod 1497 g., Letopisnyj svod 1518 g. (Uvarovskaja letopis')* [Annalistic Collection of 1497, Annalistic Collection of 1518 (Uvarovskaya chronicle)]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 411 p. (In Old Russian)
36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 31. *Letopistsy posledney chetverti XVII v.* [Chroniclers of the last quarter of the seventeenth century]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 264 p. (In Old Russian)
37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 37. *Ustjuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVII vv.* [Veliky Ustyug and Vologda Chronicles of the sixteenth and seventeenth centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 228 p. (In Old Russian)
38. Ponomarev A.L. Ibragim, syn Makhmudeka: vkhozhdenie vo vlast' i koshel'ki (1) [Ibrahim, Son of Mahmoudek: Accession to Power and Purses (1)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2014, no. 1(3), pp. 128–162. (In Russian)
39. Pochekaev R.Yu. Zolotoordynskie yarlyki russkoy tserkvi kak primer pravootnosheniy svetskoy i dukhovnoy vlasti na gosudarstvennom i nadgosudarstvennom urovne [Golden Horde Yarliqs of the Russian Church as an example of legal relationship of the temporal and spiritual power at the state and supranational level]. *Politiko-pravovye osnovy sotsial'nogo partnerstva gosudarstva i traditsionnykh konfessiy: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 3 iyunya 2004 g.)* [Political and Legal Bases of Social Partnership of the State and Traditional Faiths: Proceedings of scientific and practical conference (St. Petersburg, on June 3, 2004)]. St. Petersburg, 2005, pp. 88–92. (In Russian)
40. *Russkiy feodal'nyy arkhiv XIV – pervoy treti XVI veka* [The Russian Feudal Archive: From the fourteenth to the first third of the sixteenth century]. Vol. 1. Moscow, Institut istorii SSSR Akademiya nauk SSSR Publ., 1986. 221 p. (In Russian)
41. Sabitov Zh., Yakushechkin A. Kto byl khanom v Krymu v 1456 godu? [Who was a khan in the Crimea in 1456]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review]. 2015, no. 2, pp. 175–185. (In Russian)
42. *Sbornik Mukhanova* [Mikhanov Collection]. St. Petersburg, V Tipografii E. Pratsa Publ., 1866. 798 p. (In Russian)
43. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language from the eleventh to the seventeenth century]. Is. 3. Moscow, Nauka Publ., 1976. 291 p. (In Russian)

44. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language from the eleventh to the seventeenth century]. Is. 4. Moscow, Nauka Publ., 1977. 406 p. (In Russian)
45. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language from the eleventh to the seventeenth centuries]. Is. 7. Moscow, Nauka Publ., 1980. 407 p. (In Russian)
46. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language from the eleventh to the seventeenth centuries]. Is. 10. Moscow, Nauka Publ., 1983. 331 p. (In Russian)
47. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language from the eleventh to the seventeenth centuries]. Is. 16. Moscow, Nauka Publ., 1990. 298 p. (In Russian)
48. Tatarskie skazaniya [The Tatar legends]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Vol. III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of Tatars since the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. III: The Ulus of Jochi (Golden Horde). From the thirteenth to the middle of the fifteenth century]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 947–948. (In Russian)
49. Tarkhanny podtverditel'nyy yarlyk, vydanny kazanskim khanom Sakhb-Gireem gruppe lits (929 g., safar 13 = 1523, yanvarya 1) [The Tarkhan Affirmative Yarlıq Granted by the Kazan Khan Sakhb-Girey to a Group of Persons (929 AH, Safar 13 = 1523, January 1)]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Tom 4: *Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [History of Tatars since the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. 4: Tatar States from the fifteenth to the eighteenth centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 919–920. (In Russian)
50. Trepavlov V. Bol'shaya Orda [The Great Horde]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Tom 4: *Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [History of Tatars since the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. 4: Tatar States from the fifteenth to the eighteenth centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 180–197. (In Russian)
51. Ötemish-Hajji. *Qara tavarikh* [Black history]. Faksimile, perevod, transkriptsiya I.M. Mirgaleev, Z. Khafizov, E.G. Sayfedinova [Facsimile, translation, transcription by I.M. Mirgaleev, Z. Hafizov, E.G. Sayfedinova]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 312 p. (In Tatar, Russian)
52. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of the Khanate of Kazan]. Moscow, INSAN Publ., 1991. 320 p. (In Russian)

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880> (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

*Received June 18, 2018 Accepted for publication September 4, 2018
Published September 29, 2018*

ETHNIC STYLE IN THE CONTEMPORARY ART OF CRIMEA

*N.M. Akchurina-Muftieva**Crimean Engineering and Pedagogical University
Simferopol, Russian Federation
akchurina_05@mail.ru*

Research objective: To provide an art history analysis of the interpretation of ethnic motifs in the modern art of Crimea. Recently, among contemporary decorative artists in Crimea, there has been a surge in the revival and use of Crimean Tatar national symbols. Over the past fifteen years, there has been an active search for a peculiar Crimean style, expressed through the interpretation and stylization of ethnic motifs in decorative and applied art.

Research materials: The fact that a great number of very interesting, colorful works appeared is connected with the publication of research works related to the practically forgotten Crimean Tatar arts. The analysis was carried out on the basis of the exhibitions of “Crimean style” by the creative association “Chatyr-Dag” (since 2005) and diploma works of students of the Crimean Engineering and Pedagogical University.

There is an active use of motifs such as “the tree of life” and “the flowerpot”, symbolizing family and its continuity. The decor of modern ethnic costume includes ornamental motifs of the curled branch “Egri-dal”, paradise gardens, flowers and fruits. Stylized floral motifs fill the surface of ceramic products, jewelry, embroidered and painted textiles intended for interior design.

Arabic calligraphy, often included in ornamental compositions of decorative products, has found a wide reception in the modern practice of products decoration. At the present time, however, calligraphy on the products is more often “painted” than written, and, as a rule, it performs a decorative rather than semantic function.

The novelty and the results of the research: Taking into consideration modern points of view on life and mutual influence of cultures, the usage of ethnic symbols in works of contemporary artists is accompanied by a significant interpretation of their meaning, semantic context and their placement on products. As a result, the influence of Uzbek and Ukrainian (Slavic) cultures is noticeable. This is manifested in the use of new ceramics and textile panels in contrast to traditional techniques of embroidery. In the imaginative choice of motifs, shades of a Central Asian style can be traced. There is a new interpretation of the motifs, explained by the influence of Ukrainian culture.

Keywords: decorative arts, ethnic motifs, modern artists, Crimean Tatar culture

For citation: Akchurina-Muftieva N.M. Ethnic Style in the Contemporary Art of Crimea. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 569–578. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.569-578

During the whole visible history of the Crimean Peninsula, the active migrations of tribes and peoples were taking place, replacing each other. Each ethnic group, settled on this land, brought its own characteristic traits that were peculiar to the common life of Crimea. Their creative activity not only preceded the formation of Crimean Tatar arts, but also organically took part in the process of its emergence. Variety of used artistic and technical means, ornaments and different artistic

styles led to the multi-layer content and picturesque, complex style, characteristic for the works of the Crimean Tatar applied arts. Such kinds of arts and techniques of processing materials is evidenced in gold embroidery, patterned weaving, filigree, carvings and paintings on stone and wood.

Since the adoption of Islam, during the long historical period, artistic culture of Crimean Tatars has developed in the form of ornamental creative work and traditional artistic handicraft. Style tendency of creative work followed aesthetic canons of Islamic culture. Ethnic traditions reflected its influence, thus forming national aspect of the Crimean Tatar style.

Until the beginning of the 20th century, the life of Crimean people was surrounded by handmade objects: the poor used simple ones, the rich ordered goods from the best artisans. Already in the middle of the third decade of the last century, the cheap manufacturing production finally forced out the handmade goods from the everyday life, leaving it a place among the souvenir crafts. The famine of 1921–1922 in Crimea made a shattering blow on traditional folk handicraft industry: pottery, jewelry, carving and engraving works, embroidery, production of fabric, carpets, brass dishes and many other things. Many artisans simply did not survive that period.

After the October Revolution, the way of live of Crimean Tatars and their needs sharply changed. The inner necessity of luxury goods was not so great, and that was one of the reasons for the crisis of the folk arts. Simplification of the everyday life brought the situation to the point when the handmade goods, even of very high artistic value, could not find their customers. In addition, it seemed that after the deportation there were no heirs left of those artists either. Deportation from Crimean Peninsula and discrimination that lasted many years, deprived Crimean Tatars of their Motherland. The destruction and oblivion of their cultural achievements caused by the Soviet State, brought tragic and irreversible losses for the national culture.

The process of restoration of national traditions, experiences and skills, is one of the most important parts of the modern life. Due to the spiritual heritage of old, the modern arts are still alive and continue to develop. Today, when the greater part of Crimean Tatars has returned to the Motherland, restoration of their national cultural heritage has become especially important, being connected with the problem of self-identification in the modern world.

After 40 years of exile, the art of Crimean Tatars began its development with a clean slate. Modern artists had a chance to develop their trade forgotten by others, not constrained by traditions and being very original at the same time. However, it was the time to learn the people's lost heritage and to restore ethnic memory and traditions of their ancestors. The exhibitions of modern Crimean Tatar applied arts, opened for the first time in 2005, are becoming richer and broader each year. The names of many artists, masters of embroidery, ceramics, carving, engraving, painting and jewelry became very famous, and only now we can track down and talk about new tendencies and traditions in modern Crimean Tatar decorative arts.

At present, there is a surge of restoration and usage of Crimean Tatar folk symbols among modern artists of decorative arts in Crimea. During the last fifteen years, on the basis of ancient traditions of Crimean Tatar culture, there is an active search towards the peculiar modern Crimean Tatar style, being expressed through

interpretation and stylization of ethnic motifs in ceramics, embroidery, application works and textile panels in modern dress.

The fact that a great number of very interesting, colorful works appeared is connected with the publication of scientific research works related to the practically forgotten Crimean Tatar arts. Attempts of specialists to restore understanding and perception of Crimean Tatar symbols [1; 2; 3; 4], and implementation of the project "Crimean Style" by "Chatyr-Dag" creative union, opened wide horizons to young modern artists of applied arts.

Today we are increasingly turning to the sources, through the use of elements of decorative applied arts (ceramics, embroidery, jewelry) in everyday life. Folk style became fashionable, original and attractive when organically combined with the interior design, while handmade elements of dresses are considered distinct and attractive. Therefore, the works of modern artists also rely on ancient arts and its traditional symbolism.

The main sources of Crimean Tatar motifs are those rare patterns of embroidery from the end of the 18th – first part of the 20th century, preserved up to our days. Tendencies of the Crimean style in decorative arts are based on the usage of ethnic motifs on objects made from natural materials, its interpretation and its influence to the depth of our subconscious.

The favorite and most popular motifs became "the tree of life" and "the flowerpot", symbolizing family and its development. Among the Crimean Tatars, the tree is related to the life of a whole family and its welfare. This motif was prominent in Crimean Tatar embroidery and had the meaning of wishing to a man a physical, masculine power, stability, welfare, fertility, continuation of a family (kin) [1]. The presence of symmetry in portrayal of a family tree, which implied stability with a masculine sign in the center, and feminine and children's signs on the edges, defined it as a family coat of arms – an amulet, a sign of peace, equality, happiness and flourishing of a family [5]. The same symbolic meaning has "the flowerpot". In its basis there is a tree, growing from the jug, vase, basket or kettle, signifying the house in which the family lives.

The modern Crimean artists often use the motif of the tree of life, as an amulet and in the design of interior textile: on wall panels, small carpets and pictures, made in mixed techniques. Different compositions and variations of the theme "the tree of life" and "the flowerpot" are also successfully used in textile painting, mosaic and decorative ceramics.

Mamut Churlu is one of those that stick to the tripartite structure of the tree with nine main elements in his works (ill.1). In his panels, made in mixed technique of application and embroidery, the author's approach to the stylization of motifs and strengthening of color contrasts is evidently noticeable. The same manner of color decisions can be traced in decorative ceramics made by R. Skibin. Brightness and expressiveness of paints and polychromatic shines attest the influence of Uzbek culture on the creative work of those artists who, during the long period of deportation, were influenced by that culture.

Figurative symbols, usage of folk ornaments, flattened representation, decorativeness and brightness of color decisions, assimilation of Crimean Tatar ornaments with experience of Ukrainian native artists, as well as technique of Uzbek *suzani* art, are quite characteristic for decorative panels made by Julia Tulupova: "the tree" and "the flowerpot" in her works are transformed into blossoming bush,

in the basis of which are the depictions of cypress, tulip and pomegranate fruit (ill.2).

The tree motifs are widely used in embroidery of modern production of souvenirs and presents, made by women of the “Evgiyar” association from Bakhchisaray. Purses, cosmetics bags, covers for cellphones, gift hats (*fes*), covers for the Quran and small pictures in frames, are embroidered in high technique of sewing in golden and silver threads, and through the use of beads, pearls and spangles. As a rule, bright velvet of red, blue, purple, green or black colors is chosen for the products.

As we can see, the fact that Crimean Tatars lived for a long time on the territory of Uzbekistan had its impact in bringing into their arts the elements of Uzbek culture. It is reflected in:

- the usage of stitches and methods of Uzbek *suzani* in embroidery;
- the change of color of decorative products towards the more bright and contrastive;
- the usage of enlarged elements in ornamental compositions;
- the implementation of large-scale embroidery and combined panels for the living interior.

Ornaments on cloth and garments among the Crimean Tatars have its own symbolic and sign system, connected with religion, customs and cultural traditions. The most widespread are the symbols of plants: fruits, grain, grape, vine and various flowers. Numerous fruits (especially pomegranate, grape and pear) in ornaments symbolize the wishes for wealth, fertility and success; in the spiritual sphere they symbolize the wishes for wisdom.

In Muslim arts, allegory of flowers was used to portray a man, among which a rose was a symbol of a man in the bloom of life and spiritual power. Crimean Tatars made this motif on a female head cover *marama*, signifying love, beauty, grace, perfection, happiness. The other widely spread motif is a tulip. The tulip signified a youth, a man offering his “declaration of love” and it was often depicted in the center of the “tree of life”, on the Quran cases, on tobacco pouches, or the male wedding waistbands.

These ornamental motifs are nowadays used by the artists in embroidery of interior textile (pillows, bed covers), details of garment or souvenir products (covers for cell phones, bags or purses). Depictions of tulips are often used in gold and silverware.

Having learnt the restored traditional Crimean Tatar sewing, modern female artists create an endless number of ornamental variations by combining them with pearls, spangles and especially with beads, as well as by using new methods. Gold embroidery on velvet (red, green, violet) on saturated rich fabric became particularly prominent. The passion for contrasts of bright, shining gold and dark velvet, rather confirms the influence of Uzbek culture than Crimean Tatar traditions, in which such variations could only have been present in holiday attire of rich citizens.

In Islamic arts, one can often see depictions of nature, mostly images of *gardens*. In the memory of the people, the recollections of magnificent Hanging Gardens of Babylon are still kept. Great royal parks of the Iran’s Sassanid epoch, the *firdaws* or *paradise*, were imagined as wonderful gardens. For Muslim people the paradise is the end of the road.

In Crimean Tatar art, “Egri-dal” ornament – a curled branch, full of great number of different flowers and fruits – symbolizes the Garden of Eden, endless flourishing, eternal harmony and perfection to which they are striving for and which is deserved by the souls of people who lived righteous life. The basis of ornament composition is the “S”-shaped line-branch, onto which, the flowers of roses, tulips or carnations are inserted, without being repeated. In the material world, such a mixture of different flowers on one branch is impossible. However, in this way the world in which there are the other laws is revealed; there is not extension of time from past to future, but rather the past, future and present are interconnected in a whole. All points of space are simultaneously visible from all points of time.

The motifs of flowers, fruits and paradise gardens, together with their symbolic context, are reflected in the design of modern ethnic attire. Embroidery, painting, jewelry, stylized with traditional Crimean Tatar motifs, have become inseparable part of modern ethnic and everyday dress, as well as garments for weddings and other ceremonies. This is the working sphere of students and graduates of the Crimean Engineering and Pedagogical University. By using historical and cultural experience of folk traditions, they restore the original and unique beauty of national dress and create highly artistic exhibition patterns and modern models in ethnic styles (ill.3).

Flower motifs are widely used by artists in ornamentation of ceramics and textile for interior usage. These include tablecloths, napkins, towels, bed covers, sofa pillows and embroidered wall carpets, made by masters from Bakhchisaray, Belogorsk and Simferopol (ill.4).

A very interesting motif in the Crimean Tatar embroidery is the depiction of sailing vessels with paradise gardens on them. Some parts of ships are depicted like a boat on which there is a blossoming paradise garden and cupolas of oriental palaces are visible. The forms of ships are different: they look like a carrying pole, the upturned letter “П” or a triangular tent. However, in all those cases, the flowers are blooming, cypresses are stretching high, paradise apples grow, and there is also the prophetic bird Roc in the shape of a trefoil [1].

The theme of the Garden of Eden found its reflection in decorative works of modern artists: embroidered applications, ceramics and woven panels. The Eden was imagined by the contemporaries like a city, situated under huge, fruit bearing tree and resembling the Crimea of old and present times. The city, with multi-colored minarets, paradise trees, flowers and birds, is covered with multiple stars and crescents – Islamic symbols of eternity, high aspiration and ideals. I. Patrakova depicted the Crimean Peninsula as a corner of such paradise, on decorative adornment made in technique of two-side Crimean Tatar embroidery. Fantastic island, located in a bowl, is surrounded by two seas. There are blossoming gardens, high minarets and blooming tulips. The sun shines and Peace and Grace reign on the island. Crimea is a Garden of Eden, and for many Crimean Tatars it is the end of a long journey back to the Motherland (ill.5).

The same presentation of the Crimean Peninsula as a Garden of Eden can be traced in the works of young, contemporary artists, made in the technics of ceramics, applications, embroidery and tapestry. This is how young artists, for whom the religion is not of paramount importance, understand the symbolic paradise. Moreover, new images appear, as well as new interpretations of motifs, which can be explained by the influence of Uzbek and Ukrainian (Slavic) culture. Thus, in the works of Mamut Churlu there are depictions of durbe with blue cupolas, while horses were portrayed as literally coming down from oriental miniatures. In the

graphic works of young artist E. Gusenov, the paradise is depicted as a ship with mihrab, hovered by two “angels” (good and evil) in the form of stylized birds, present in the ancient Crimean Tatar ancient embroidery.

III.1. Mamut Churlu. The Tree of life.
Panel. Embroidery

III.2. Julia Tulupova. The tree. Panel. Mixed techniques: applique, embroidery

III.3. Design of modern ethnic costume. Graduation thesis.
Crimean Engineering and Pedagogical University

a)

b)

III.4. Floral motifs in the ornamentation of ceramics and textiles for interior:

a) H. Yunusova; b) E. Gusenov

a)

b)

III.5. Garden of Eden:

a) E. Gusenov; b) I. Patrakova

III.6. Arabic calligraphy. L. Muratshaeva. Panel. Gold embroidery, beads

The appearance of “Epigraphic monuments”, different kinds of calligraphic writings, monograms and portrayals, which used graphic and plastic traits of Arab alphabet letters, refers to the pre-Golden Horde’s period in Crimea. The symbolic functions of the Arabic script include not only the transmission of a specific message, but also a much more important task – the transfer of the sacred functions of the Arabic language as the language of revelation, embodied in the words of the Quran. Arab graphics should be considered embodiment of the Divine beauty and its creation. That is why calligraphic script has become artistic means present on all levels of the Muslim civilization. The prayers engraved, embroidered, carved or written on household utensils were used as talismans, in which magic power our ancestors believed.

In our days Arabic calligraphy is reflected in modern practice of decorative ceramics, embroidery, carvings on wood, engravings on metal and also in the design of polygraph products. However, calligraphy on these products is rather “painted” than written, and, as a rule it performs a decorative, and not a semantic function.

The students of the Faculty of Arts of the Crimean Engineering and Pedagogical University made several decorative panels, combining in them stylization of the tree motif symbolizing the host’s kin (family) and calligraphic inscriptions of the prayer, organically inscribed in the motif of the tree (ill. 6). Such works fit well in modern ethnic interior, emphasize the national flavor and simultaneously perform the function of an amulet, a talisman and the interior decoration.

In the works of young artists, the use of ethnic symbols, together with modern views on life and the interaction of cultures, occurs with a significant interpretation of their meaning, the semantic context and placement on products. The influence of Uzbek culture on Crimean Tatar culture during the deportation period, as well as the influence of Ukrainian culture during the last two decades, led to the adoption of new techniques, different from the traditional ones, in decorative arts, embroidery, ceramics, woven and textile panels. Figurative depiction of motifs reveals the traces of Middle Asian arts. The new interpretation of motifs by modern artists is explained by the influence of Ukrainian (Slavic) culture. Today, the decorative art items, carry the gleam of the past and reflect the contemporary vision of the artists of the cultural heritage of Crimean Tatars – the indigenous people of Crimea. Many kinds of folk arts, including weaving, embroidery, ornamental painting, jewelry, ceramics, calligraphy, engravings on metal, carvings on wood, and leather workings, were brought to life with the return of Crimean Tatars to their historical Motherland. Due to the selfless, devoted work of outstanding, original artists, after tens of years passed by, the world is now convinced that no kind of deportation could destroy innermost creative knowledge and the deeds of skillful hands, cherished for ages on the Crimean soil. Colored kilims, multi-colored and gold embroideries, painted ceramics and jewelry made by Crimean masters reveal the warmth and brightness of the Crimean sun, magnificence of its mountains, the beauty of its nature, the unique flavor and the identity of the Crimean Peninsula. The culture of Crimea is not only the property of the Crimean people, but of the whole world as well. That is why the preservation and continuation of this precious heritage is one of the ways to keep mutual understanding among peoples, enrichment of their cultures, and is also the solution to most of the contemporary acute problems.

REFERENCES

1. Akchurina-Muftieva N.M. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo krymskih tatar XV–pervoj poloviny XX vv.* [Crimean Tatar Decorative-Applied Arts of the 15th – beginning of the 20th centuries]. Simferopol, Simferopol city printing house, 2008. 456 p. (In Russian)
2. Akchurina-Muftieva N.M. *Terminologicheskij slovar' krymskotatarskogo dekorativno-prikladnogo iskusstva* [Terminological Dictionary of the Crimean Tatar Arts and Crafts]. Simferopol, Uchpedgiz, 2007. 140 p. (In Russian)
3. Kurtiev R.I. Tyurkskie simvoly v tradicionnoj kul'ture krymskih tatar [Türkie Symbols in the Traditional Culture of the Crimean Tatars]. *Bakhchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection]. Simferopol, 2001, pp. 444–448. (In Russian)
4. Sultanbekov R.T. Krymskotatarskaya simvolika: opyt slovary [Crimean Tatar Symbols: Dictionary Experience]. Simferopol, 2002. 54 p. (In Russian)
5. Churlu M.Yu. Simvol Raya [The Symbol of Eden]. *Pyatye krymskie iskusstvedcheskie chteniya. Materialy respublikanskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii* [The Fifth Crimean Readings of Art Criticism. Proceedings of the Republican Scientific and Theoretical Conference]. Simferopol, 2000, pp. 31–32. (In Russian)

About the author: Nuria M. Akchurina-Muftiyeva – Doctor of Arts, Professor, Department of Decorative Arts of the Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnij lane, Simferopol 295015, Russian Federation). E-mail: akchurina_05@mail.ru

*Received June 5, 2018 Accepted for publication September 3, 2018
Published September 29, 2018*

ЭТНОСТИЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ КРЫМА

Н.М. Акчурина-Муфтиева

*Крымский инженерно-педагогический университет
Симферополь, Российская Федерация
akchurina_05@mail.ru*

Цель исследования: искусствоведческий анализ интерпретации этнических мотивов в современном искусстве Крыма. В последнее время в среде современных художников декоративного искусства в Крыму наблюдается всплеск возрождения и использования крымскотатарской народной символики. На протяжении последних пятнадцати лет идет активный поиск своеобразного крымского стиля, выражающегося через интерпретацию и стилизацию этнических мотивов в декоративно-прикладном искусстве.

Материалы исследования: появление большого количества интересных творческих работ связано с выходом публикаций научных исследований забытого крымскотатарского искусства. Анализ проведен на основе выставок «Крымского стиля» творческого объединения «Чатыр-Даг», начиная с 2005 г., и дипломных работ студентов Крымского инженерно-педагогического университета.

Наблюдается активное использование мотивов «древо жизни», «вазон», символизирующих семейный род и его продолжение. В декор современного этнического костюма включаются орнаментальные мотивы изогнутой ветки «эгри-дал», райских садов, цветов, плодов. Стилизованные цветочные мотивы заполняют поверхности керамических изделий, ювелирных украшений, вышитого и расписного текстиля интерьерного назначения.

Арабская каллиграфия, часто включавшаяся в орнаментальные композиции декоративных изделий, нашла широкое отражение в современной практике декора продукции. Однако в настоящее время каллиграфия на изделиях чаще «рисованная», а не написанная, и, как правило, выполняет функцию декоративную, а не смысловую и обереговую.

Результаты и научная новизна заключаются в определении репрезентации национальной символики в современном искусстве Крыма. В работах молодых художников использование этнических символов, с учетом современных взглядов на жизнь и взаимовлияний культур, происходит со значительной интерпретацией их значения, смыслового контекста, размещения на изделиях. В результате заметно влияние узбекской и украинской культур. Это проявляется в использовании новых, в отличие от традиционных, техник в вышивке, керамике, текстильных панно. В образном решении мотивов прослеживаются оттенки среднеазиатского стиля. Возникает новая трактовка мотивов, объясняющаяся влиянием украинской культуры.

Ключевые слова: декоративное искусство, этнические мотивы, современные художники, крымскотатарская культура

Для цитирования: Akchurina-Muftieva N.M. Ethnic Style in the Contemporary Art of Crimea // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 569–578. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.569-578

Сведения об авторе: Нурия Мунировна Акчурина-Муфтиева – доктор искусствоведения, профессор кафедры декоративного искусства ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (295015, переулок Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация). E-mail: akchurina_05@mail.ru

Поступила 05.06.2018 Принята к публикации 03.09.2018

Опубликована 29.09.2018

**ИЗВЕСТИЯ О КРЫМЕ И О КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ,
СОБРАННЫЕ УИЛЬЯМОМ ТУКОМ В 1785 Г.******Н.И. Храпунов***

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
khrapunovn@mail.ru*

Целью статьи стало изучение малоизвестного источника – сочинения британского автора Уильяма Тука, посвященного его путешествию по России в 1785 г., в котором приводятся сведения о Крыме и Крымском ханстве.

Материалом исследования являются опубликованные в английском журнале «Gentleman's Magazine» письма Тука к редактору, которые прежде не анализировались отечественной историографией. Это первая публикация, познакомившая английскую публику с Крымом после того, как полуостров стал частью России и потому привлек внимание, без преувеличения, всей Европы.

В результате исследования установлено, что Тук черпал информацию о Крыме прежде всего из сочинения сотрудника Российской академии наук Василия Зуева, ездившего по Крыму в 1782 г. К ней британец добавил сведения из сочинения шведского автора Иоанна Тунманна, а также собранные им в России известия о присоединении Крыма. Письма Тука позволяют понять, как начиналось научное изучение Крыма, как европейские интеллектуалы пытались оценить его экономический потенциал и предложить меры по его развитию, каким образом они работали со своими источниками, какими стереотипами были отягощены их суждения, и какую информацию о далеком Северном Причерноморье получала образованная английская публика. Сочинение Тука является хорошим примером трансфера идей между Россией и Западной Европой, причем Крым становился не просто объектом изучения, но и своеобразным «зеркалом», позволявшим исследователям лучше осознать собственную культуру.

Ключевые слова: Крым, Крымское ханство, Уильям Тук, записки путешественников, историческая имагология, эпоха Просвещения, Восток

Для цитирования: Храпунов Н.И. Известия о Крыме и о Крымском ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 579–595. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.579-595

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

**THE ACCOUNT OF THE CRIMEA AND CRIMEAN KHANATE
PRODUCED BY WILLIAM TOOKE IN 1785***

N.I. Khrapunov

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
khrapunovn@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* This paper analyses a little-known source, the account of British traveller William Tooke, describing his journey through Russia in 1785, which supplies information on the Crimea and the Crimean Khanate.

Research materials: This paper addresses Tooke's letters to the editor of the London-based *Gentleman's Magazine* – a source previously not used by Russian scholarship. This was the first publication which informed a British audience about the Crimea after its first joining to Russia.

Research novelty and results: This paper reveals that Tooke received his information on the Crimea primarily from the account of the employee of the Russian Academy of Sciences, Vasilii Zuev, who visited it in 1782. The British author then added to it the data excerpted from the work by Swedish Johann Thunmann, and also his own information gathered from Russian sources. Tooke's letters allow one to understand the beginnings of the research investigation of the Crimea, the European intellectuals' ways of understanding the region's economic potential and approaches to its development, their approaches to sources, the stereotypes burdening their understanding of the area and its culture, and the information on the distant northern Black Sea area obtained by European society in the period in question. Tooke's work is a good example of the transfer of ideas between Russia and Western Europe, when the Crimea was not only the subject of learning but also a kind of "mirror" which allowed those who researched it to understand their own culture in a deeper way.

Keywords: Crimea, Crimean khanate, William Tooke, travelogues, historical imagology, Enlightenment, Orient

For citation: Khrapunov N.I. The Account of Crimea and the Crimean Khanate Produced by William Tooke in 1785. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 579–595. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.579-595

В 1785–1787 гг. в популярном английском журнале «Gentleman's Magazine» публиковались письма анонимного англичанина, подписывавшегося инициалами «М. М. М.», к редактору, рассказывающие о путешествии по России, от Петербурга до Азова. В них были собраны самые разнообразные исторические, этнографические, естественноисторические сведения о Российской империи и ее населении. Два письма, якобы отправленные из Азова 13 и 20 ноября (по старому стилю) 1785 г. посвящены описанию Крыма, бывшего предметом особого интереса английской публики в связи с недавним присоединением к России. Автору, который на полуострове не бывал, удалось собрать разнообразную информацию, в которой важнейшее место занимает Крымское Ханство. Сегодня мы знаем, что этим автором был зна-

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 18-09-00053 "The Crimea as Viewed by the English in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries".

менитый английский историк и писатель Уильям Тук, которого его соотечественники рубежа XVIII–XIX вв. считали едва ли не главным авторитетом по России. Через несколько лет, издавая трехтомное «Обозрение Российской Империи...», Тук включил в него значительно более краткую информацию о Крыме и его населении. Насколько можно судить, в отечественной историографии «крымские известия» Тука ранее не рассматривались. Но они любопытны и для понимания того, как начиналось научное изучение Крыма, как европейские интеллектуалы пытались оценить его экономический потенциал и выработать стратегию развития, какие источники они использовали и какие литературные приемы применяли, как создавался образ региона, отягощенный характерными стереотипами эпохи Просвещения, и, наконец, какую информацию о далеком Северном Причерноморье получала образованная английская публика. В анализе этих аспектов и заключается цель данной статьи.

Биография Уильяма Тука (1744–1820) реконструирована в фундаментальной монографии британского исследования Э.-Г. Кросса [8, с. 118, 123–128]. Тук пытался начать литературную карьеру, но в итоге предпочел стать англиканским священником, заняв пост капеллана в Кронштадте (1771). Здесь он выучил несколько языков, свел знакомство с членами Российской академии наук и даже вступил в масонскую ложу «Совершенный союз». Впоследствии Тук переехал в Петербург, став капелланом британской колонии в русской столице (1774). Любитель путешествовать, Тук странствовал по Средней Азии, ездил из Петербурга в Кенигсберг (Калининград) на встречу с философом Эммануилом Кантом, посетил Берлин ради местной Академии наук. В 1785–1786 гг. он предпринял путешествие на юг, добравшись до Азова. Многочисленные знакомства в образованных кругах Петербурга помогли Туку стать членом-корреспондентом Российской академии наук – избранием его занималась непосредственно директор Академии княгиня Екатерина Дашкова. В 1792 г., получив наследство богатого родственника, Тук вернулся на родину. Здесь он занимался самыми разными литературными и научными занятиями, превратившись в крупнейшего специалиста по Российской империи.

В Крыму Тук не был, однако собрал о нем довольно любопытные сведения. Фактически, он оказался первым англичанином, опубликовавшим известия о полуострове после его присоединения к России. И хотя его письма в английском «Журнале для джентльменов» изданы анонимно, их авторство установлено благодаря исследованиям Э.-Г. Кросса [8, с. 124–125, 444 и прим. 92]. Так, псевдоним «М. М. М.», которым подписаны письма, раскрывается как «*Militia mea multiplex*» (лат. «ратные дела мои многочисленные») – фамильный девиз Туков. Письма были адресованы издателю журнала Эдварду Кейву, скрывавшемуся под псевдонимом «Сильванус Урбан». Первоначально, в письме из Азова от 5 ноября (по старому стилю) 1785 г., Тук сообщал своему корреспонденту:

«Здесь я повстречал достойного соотечественника, капитана П., только что вернувшегося из Крыма, который дал мне полный отчет об этом полуострове, который, поскольку он [Крым] сейчас является предметом жаркого обсуждения, и особенно поскольку до сих пор не нашлось автора, который сделал бы удовлетворительное его описание, я должен систематизировать и привести в порядок, сделав предметом моей следующей корреспонденции» [35, р. 552].

В другом месте сказано, что собеседник Тука побывал в юго-западном («холмистом») Крыму, а сведения о других районах полуострова взял «из дружеских сообщений других [людей]» [35, р. 645]. Тук жаловался, что расшифровка записок капитана доставило ему не мало беспокойства:

«Мой друг капитан <...> написал оригинал [документа] настолько небрежно, что я иногда сравнивал себя с теми, кто пытается восстановить утраченные книги Ливия <...> Прибавьте к этому, что все то, что он взял у других, написано по-немецки, как будто со слуха, почерком гораздо худшим, чем любая из его собственных [записей]. В остальном достаточно сказать, что трижды пересечь Крым и сделать собственные наблюдения было бы в триста раз приятнее, чем делать этот перевод» [35, р. 648].

Тем не менее, внимательное чтение писем Тука не оставляет сомнений в том, что его информатора не существовало в природе. Соответствующие сведения Тук взял из известного сочинения русского путешественника Василия Федоровича Зуева, путешествовавшего по Крыму в конце весны – начале лета 1782 г. [см.: 15, с. 161–165]. Отчет об этой поездке был опубликован на русском языке в «Месяцеслове историческом и географическом на 1783 год» и впоследствии переиздан [6]. Тук мог воспользоваться одним из двух немецких переводов этого трактата [37; 38]. В этом случае становится ясно, откуда взялись некоторые различия между текстом Зуева и английским вариантом Тука – они появились при двойном переводе. Сложно сказать, что побудило Тука устроить мистификацию и выдумать «английского капитана». Быть может, так он пытался создать ощущение большего доверия у своих соотечественников.

Интересно и то, почему именно Зуева англичанин счел наиболее достойным источником сведений о Крыме. Возможно, сыграло роль то, что он только недавно вернулся из поездки и потому располагал самой свежей информацией. Современные исследователи высоко оценивают работу Зуева как географа [4, с. 71–79]. Зато его оценки экономического потенциала полуострова и возможностей его населения отличалась поверхностностью и находилась в плену стереотипов [7, с. 381–383]. Как мы увидим ниже, именно от Зуева к Туку попал ряд сомнительных фактов и оценок. Иной вопрос, а была ли возможность получить другие, более точные с нашей современной точки зрения в условиях развития научной мысли второй половины XVIII в.?

Помимо этого, какие-то сведения Тук мог почерпнуть из знаменитого сочинения шведского кабинетного ученого Иоганна-Эриха Тунманна о Крымском ханстве, опубликованного в энциклопедическом «Землеописании» немца Антона-Фридриха Бюшинга за два года до публикации писем Тука [17, с. 6]. Между двумя текстами обнаруживается ряд параллелей. Но если «Выписку» Зуева Тук компилировал абзацами, то из Тунманнова текста он лишь выбирал отдельные ему факты. Зато, когда через несколько лет британец писал «Обозрение Российской Империи...» и не был стеснен в объеме текста, он беззастенчиво переписал у шведского ученого большой фрагмент, повествующий об истории Крыма [ср.: 36, vol. 1, р. 452–457; 17, с. 17–21]. В целом, это не удивительно, ведь в конце XVIII – начале XIX в. сочинение Тунманна было важнейшим источником сведений о Крыме, которое с удовольствием использовали, например, путешествовавшие по полуострову, зачастую забывая упомянуть об авторе позаимствованной ими информации [см., например: 22, с. 837–838].

Тук пользовался и другими источниками, ведь и Зуев, и Тунманн описали Крым до присоединения к России, а британец рассказал и о последствиях присоединения. Наконец, некоторым письмам (не только «крымским») предшествует длинное введение на моральные темы – его стиль таков, что автором не обязательно был Тук, но вполне мог оказаться и редактор журнала.

Собранная Туком информация вызвали определенный интерес у публики и издателей. Через год, когда внимание Европы было приковано к путешествию Екатерины II, в журнале «Annual Register» перепечатали их крымскую часть [8, с. 386]. Еще 70 лет спустя, когда Таврида вновь оказалась в центре всеобщего интереса в связи с Крымской войной, ее участник и автор описания Крыма Томас Милнер вспомнил о Туке (имени которого не знал) и его рассказе о Балаклаве, укорив того в незнании достоинств Ахтиарской бухты, где вскоре возникнет крупнейший военный порт – Севастополь [10, с. 200].

Каков же образ Крыма, созданный британским капелланом?

Путешественник довольно подробно рассказал о физической географии Крыма [35, р. 644–646], почти дословно переписывая страницы из записок Зуева [6, с. 265–272]. Впоследствии сокращенный вариант попал в его «русский трехтомник» [36, vol. 1, р. 105–106]. В целом описания Тука имеют два измерения – он сравнивает бывшее состояние Крымского ханства с изменениями, произошедшими в результате русско-турецкой войны 1668–1774 гг. и окончательного покорения Крыма в 1783 г. В итоге положение полуострова изменилось к худшему – он потерял значительную часть населения, многие города и селения частично или полностью запустели, в упадок пришла экономика.

«Около 18 лет назад этот полуостров был необычайно наполнен жителями и богатствами. В то время здесь насчитывалось по меньшей мере 1200 селений; но из-за недавних неурядиц в Крыму он потерял более трети своих жителей, а сейчас, куда ни помотришь, увидишь развалины больших селений и домов. Население состояло из разных наций, живших вместе под [властью] татар, пользуясь самой неограниченной свободой; но в последнюю Турецкую войну они либо отдались под власть России и были переселены в эту империю, либо бежали в Абхазию и холмы Черкесии» [35, р. 646].

Этот отрывок заимствован у Зуева, однако Тук оценил потери крымского населения как «более трети», а не как «более двух третей» [ср.: 6, с. 272]. Отсчитывая время, когда Крым процветал, он изменил цифру с 15 на 18 лет, ведь Зуев ездил по Крыму в 1782 г. Кроме того, Тук заострил слова о былой этнической пестроте Крымского ханства. В приведенном выше отрывке имелось в виду выселение христианского населения из Крыма в Северное Приазовье, организованное российским правительством в 1778 г. [3, с. 296–392], в результате чего прежде пестрое население полуострова стало моноэтничным.

Как и Зуев, впоследствии Тук еще раз вернулся к сюжету о крымском населении. Он вновь подчеркнул его былую численность и многонародность:

«Этот полуостров был прежде чрезвычайно населен; количество его жителей, татар, турок, греков, армян, евреев и других насчитывало более 200 000 человек. С тех пор, однако, большая часть христиан удалась в другие части Российской империи, в частности в Азовскую губернию; а многие другие жители, в частности татары, ушли в Тамань и Абхазию; так что нельзя думать, что нынешнее население Крыма превышает самое большее 50 000 человек» [35, р. 648].

Этот отрывок примечателен тем, что он показывает, как Тук работает с текстом Зуева [ср.: 6, с. 283]. Сохраняя основные сведения, британец их модернизировал. Если русский путешественник говорил о времени до присоединения к России, то Тук вольно или невольно осовременил описание, применив его уже к российской эпохе в истории полуострова. Кроме того, из его рассуждений о численности населения можно сделать вывод, что он имел в виду души мужского пола («men»), тогда как у Зуева этого нет. Тем не менее, при такой интерпретации известия Тука о населении Крыма в первые годы после присоединения более или менее совпадают с тем, что исследователи реконструируют по другим источникам, а вот данные о населении Крымского ханства кажутся преувеличенными [см.: 35, с. 248–250]. Позднее Тук включил этот фрагмент, с небольшими изменениями, в свое «Обозрение Российской империи...» [36, vol. 1, p. 457].

В целом, Тук невысоко оценивал вероятность того, что оставшиеся жители смогут вернуть Крым к цветущему состоянию. Причину он видел в присущей татарам лености, их неспособности к земледелию и товарному производству сельскохозяйственной продукции. Из этого читатель мог сделать тот очевидный вывод, что не татары обеспечивали былое процветание Крымского Ханства. Так, в равнинной (северной и центральной) части полуострова совсем нет ни деревьев, ни кустов – и причиной тому, по мнению путешественника, выпас скота, пожирающего любую зелень. *«Всеобщая распространенность этого обычая держать скот, который бродит туда-сюда, в сочетании с татарской леностью и их неспособностью к земледелию и отвращением к нему – вот причина, почему здесь совсем не знают этой науки»* [35, p. 645]. Путешественник полагал, что хозяйственный потенциал Крыма весьма велик: *«если бы земля была разделена на участки и управлялась надлежащим образом, ее хватило бы для скота, а оставшаяся часть в изобилии приносила бы зерно и хлеб»* [35, p. 645]. По словам источника, склонность крымских татар к праздности не зависела от тех конкретных природно-географических условий, в которых они жили. Так, население плодороднейших долин юго-западного Крыма в этом отношении не отличались от своих степных собратьев: *«эти горы не менее беззаботны и беспечны, чем обитатели пустынь, пренебрегают всеми этими [природными] преимуществами, и подобно своим собратьям в низинах вполне счастливы, если владеют толстой овцой и таким количеством хлеба, чтобы хватило на еду»* [35, p. 646]. Эти суждения основаны на словах Зуева [ср.: 6, с. 271–272; об этом сюжете в его записках см.: 7, с. 382–383], упавших на подготовленную почву – европейцы, относясь к Востоку и исламу с позиций превосходства, наделяли их рядом вымышленных пороков.

Тук стал одним из первых Западных наблюдателей, сформулировавших представление о «татарской лености», которое вскоре станет расхожим сюжетом в описаниях Крыма. По-видимому, это мнение не столько отражало объективные обстоятельства, сколько объяснялось стереотипами восприятия иных культур, возникшими, в частности благодаря трудам Шарля-Луи де Монтескье и Жан-Жака Руссо. В частности, леность стала универсальным маркером «Другого», что выгодно оттеняло собственную культуру наблюдателя. Леность приписывали жителям самых разных регионов, причем не только Азиатского Востока, но и Южной и Восточной Европы. Примечательно, что в подобных

рассуждениях не учитывались, например, вполне очевидные препятствия к извлечению выгод из товарного производства сельскохозяйственной продукции и ее рыночного сбыта – в частности, отсутствие дорог, складов и портов, позволявших бы вывозить ее во внутренние губернии России, препятствовавшие экспорту таможенные пошлины, разного рода сложности с приобретением современной техники, нехватка рабочих рук в Крыму и пр. [подробнее об этом сюжете: 19, с. 466–467; 23, с. 127–129]. В западноевропейской мысли XVII–XVIII вв. представление о «детскости» аборигенов делало благородной миссию их «цивилизаторов», в частности, обучавших туземцев ремеслам, а также обосновывало необходимость привлечения колонистов из Европы, способных завести передовое хозяйство, промышленность и торговлю. Объектом подобных взглядов могли быть даже западноевропейские страны, находившиеся на «окраине цивилизации», в частности, Ирландия [2, с. 215–226]. При всем при том далеко не всегда рассуждения о праздности крымских мусульман имели негативную окраску, ведь это могло свидетельствовать об их счастливой жизни. Так, много лет проживший на юге России француз Поль Гибаль заметил: *«Горные татары <...> по характеру своему ленивы и живут, наслаждаясь жизнью, как они это понимают, не беспокоясь о том, как бы разбогатеть. В этом отношении они, возможно, мудрее европейцев»* [1, с. 57].

Тук приводит различные этнографические сведения о крымских татарах, главным образом, по «Выписке» Зуева. Так, например, сообщается, что в отличие от частных построек, их общественные постройки – мечети, минареты и бани – возводили из камня, причем некоторые даже из мрамора. Зато жилые дома представляли собой фахверк, каркас которого собирали из квадратных деревянных брусьев, пространство между которыми богачи заполняли кирпичом, а бедняки – дерном. Щели промазывали глиной, а потом стены штукатурили с обеих сторон. Кровлю делали из кирпича («brick»; вероятно, имеется в виду черепица) или дерна. В домах были очаги, где готовили пищу, но не было печей, подобных русским. В сильный мороз дома согревали с помощью жаровен с древесным углем. На женской половине дома были посудные шкафы и сундуки, а во внешних комнатах – лишь диваны, то есть глиняные возвышения вдоль стен, покрытые коврами [35, р. 646; ср.: 6, с. 273].

Крымскотатарское общество делилось на знать и рядовое население. У Зуева Тук позаимствовал сведения о том, что основатель Крымского Ханства, Менгли-Гирей, разделил татарскую знать на две группы – ширинов и капы-халков. Первые, якобы, имели права принцев крови, за исключением того, что не могли получить ханский трон, вторые же были простыми дворянами, из числа которых рекрутировались ханские чиновники [35, р. 850; ср.: 6, с. 301]. Сложно понять, из каких соображений русский путешественник перенес фамильное имя ведущего рода крымскотатарской знати на название социального слоя (беев), тогда как капы-халки действительно составляли служилое сословие ханской гвардии. Возможно, речь идет о неверно понятых словах Клода-Шарля де Пейссоннея, который в 50х гг. XVIII в. был французским консулом в Крыму, а впоследствии издал объемный труд об этнической истории Причерноморья, где в частности рассказал о крымскотатарском дворянстве [ср.: 13, с. 26–30].

Довольно пространный отрывок об истории крымских татар [35, р. 847] представляет собой существенно переработанные сведения Зуева [6, с. 284–

300]. В результате отдельные его фрагменты перекомпонованы и, нужно признать, изложение стало более логичным и последовательным. Вслед за Зуевым, Тука подробно описал договор, якобы заключенный между османским султаном Мехметом II и крымским ханом Менгли-Гиреем, определившим политическую зависимость Крыма от Стамбула [35, р. 849; 6, с. 295–297]. Дискуссия о реальности этого договора и о его возможном содержании продолжается до наших дней [16, с. 236–244; 5, с. 142–155]. Пункты соглашения, взятые Туком у Зуева, несколько отличаются не только от тех, что реконструируют современные исследователи, но и от изложенных в трактате Пейссоннеля [ср.: 13, с. 11–12]. Так, в версии Тука и Зуева присутствуют, например, право крымских татар не платить налоги в султанскую казну, свободно торговать в Черном море при условии уплаты соответствующих пошлин, и право хана самовластно назначать крымских чиновников.

По мнению И.В. Зайцева, Зуев мог использовать недошедший до наших дней письменный тюркоязычный источник. Об этом свидетельствуют приведенные Зуевым специфические исторические подробности, особенности написания некоторых имен, а также оригинальное содержание вышеупомянутого договора между султаном и ханом [5, с. 225–227]. Заметим, что Зуев нигде не упоминает о том, что работал с такого рода документом. Кроме того, он, по-видимому, не знал восточных языков. Во всяком случае, в Крым Зуев брал с собой переводчика, а насчет арабских надписей консультировался у отставного епископа Славянского и Херсонского Евгения Булгариса (1716–1806) [о нем: 30], известного интеллектуала и ученого [14, с. 560, 600]. Думается, информацию о договоре между Крымом и Стамбулом и Зуев, и Пейссоннель получили от своих знакомых – крымских татар, среди которых она имела вид устного предания. В пользу этого умозаключения свидетельствует вывод И.В. Зайцева о том, что об османско-крымском договоре помнил какой-то представитель крымской знати, написавший «Анонимную историю» ханства ок. 1782 г. [5, с. 156–157]. Если память о договоре продолжала существовать в Крыму, в частности – в форме устных преданий, не удивительно, почему она претерпевала изменения, и почему возникли столь разные версии, как в «Анонимной истории», у Пейссоннеля и Зуева–Тука.

Характерен последний пункт договора, описанный Туком и Зуевым: *«когда же пресечется линия турецких султанов, [крымский] хан, как наследник Чингисхана, должен взойти на османский трон»* [35, р. 849; 6, с. 297]. Подобное представление, популярное в Крымском Ханстве, не имело под собой никаких реальных оснований [16, с. 237–238]. Не случайно заинтересовавшийся этим вопросом Пейссоннель, ознакомившись с мнением компетентных представителей крымской элиты, назвал его «заблуждением» [13, с. 12]. И тем не менее, это предание оказалось очень стойким – крымские татары передавали его и через десятилетия после падения ханства. Так, шотландский путешественник Джеймс Уэбстер, побывавший в Крыму в 1827 г., пересказал удивительную судьбу Александра Султан-Крым-Гирея – крещеного потомка ханской династии, женившегося на шотландке [о нем: 33]. Рассказ этот завершается следующими словами:

«Поскольку он [Александр Крым-Гирей] является прямым потомком древних ханов Крыма, трон нынешнего султана Махмуда [III] перейдет к

нему, если угаснет правящее семейство. У него есть сыновья и, если кто-нибудь из них впоследствии взойдет на османский престол, возникнет необычайная ситуация, когда князь британского происхождения и христианского исповедания будет править империей неверных турок» [20, с. 386].

Рассказывая о городах Крыма, Тук использует данные Зуева, перерабатывая их, возможно, в сравнении с другим источником или источником [35, р. 647–648; ср.: 6, с. 276–282]. В этом отрывке имеется место, которое может показаться курьезным, но, что важнее, демонстрирующее ситуацию, в которой начиналось изучение прошлого Крыма и в частности его исторической географии. Исследователи и путешественники второй половины XVIII в. обнаружили, что древние и средневековые источники знали на полуострове множество населенных пунктов, не сохранившихся до Нового времени. Поэтому они прилагали титанические усилия для распутывания ситуации, не обладая должными историко-филологическими знаниями и методикой, которые были выработаны только в последующую эпоху. В результате там, где Зуев перечисляет «Мангуп; старый Херсонес, и прочие славные по прежним своим владельцам генуэзцам города...» [6, с. 281], Тук говорит об одном городе: это «Мангуп – древний Херсонес» [35, р. 648]. Его неожиданное замечание отражает то обстоятельство, что в конце XVIII в. местоположение античного Херсонеса (византийского Херсона) представляло собой загадку. В результате Екатерина II, доверившись мнению В.Н. Татищева, считавшего, что город этот находился в низовьях Днепра, «передала» его название вновь основанной там крепости Херсон, нынешнему областному центру Украины. Другие авторы локализовали Херсонес в западном Крыму – на месте нынешней Евпатории, или на востоке полуострова, в Феодосии. Бытовала даже легенда, очевидно, выдвинутая кем-то из местных жителей, что одна из феодосийских мечетей (вероятно, самая большая в городе, недошедшая до наших дней Султан-Селим-Джами, иначе Муфти-Джами) представляла собой перестроенную церковь, где некогда крестился киевский князь Владимир, как известно, ходивший в поход на Херсон. Справедливости ради нужно отметить, что некоторые помещали Херсонес на территории нынешнего Севастополя, то есть там, где он находился в реальности. Лишь благодаря специальным разысканиям, предпринятым по инициативе Григория Потемкина архиепископом Евгением Булгарисом, чиновником Карлом Габлицом и подполковником Бальдани действительное положение Херсонеса было установлено. Окончательно утвердили его в общественном сознании труды Петера Палласа и Николая Карамзина [подробнее: 25; 21, с. 322–326]. Таким образом, слова Тука о Херсонесе на Мангупском плато отражают хаос гипотез и предположений, существовавший в изучении исторической географии Крыма в конце XVIII – начале XIX в. [см.: 24]. Остатки древней крепости на вершине провоцировали исследовательский интерес, наталкивавший на дурное знание источников, а циклопические размеры развалин заставляли предполагать здесь наличие прославленного в прошлом города, даже несмотря на то, что Мангуп расположен сравнительно далеко от берега моря, где, по данным источников, находился Херсонес.

Показательно, что в другом отрывке, переписывая у Зуева историю того, как крымские татары овладели полуостровом, Тук уже разделяет Мангуп и Херсонес [35, р. 848; ср.: 6, с. 289]. Далее эти города, вместе со многими дру-

гими, объявляются владением средневековых генуэзцев. И это замечание также отражало популярное в его эпоху суждение. Корни его, очевидно, связаны с жителями Крыма, которые стали приписывать генуэзцам полуразрушенные укрепления, история которых забылась. Так генуэзцы сделались в Крыму народом легендарным, связанным с героическим прошлым крымских татар. Видимо, с их слов писал османский путешественник второй половины XVII в. Эвлия Челеби, считавший, что генуэзцы были хозяевами Херсонеса и Мангупа [29, с. 67, 75]. По-видимому, именно традиция, берущая начало от местных жителей, привела к тому, что впоследствии многие европейские путешественники конца XVIII – первой половины XIX в. считали Мангуп (наряду с некоторыми другими «пещерными крепостями») делом рук генуэзцев – или, по крайней мере, местом, которым те владели в течение длительного времени [подробнее: 24, с. 418–420]. Наверняка, способствовало этой мысли и известное сходство между циклопическими стенами Мангупа и укреплениями генуэзских крепостей в Чембало (Балаклаве), Судаке и Кафе (Феодосии).

Это далеко не единственный пример ошибочных и даже фантазийных сведений в исторической части сочинений Тука. Так, в первом томе «Обозрения Российской империи» он описывал малороссийских казаков (сюжет, чрезвычайно интересовавший западную аудиторию), проводя параллель между ними и рыцарями-иоаннитами (госпитальерами). Как известно, последние долгое время сражались в Святой земле с мусульманами, так что в глазах европейской аудитории это сравнение делало казаков защитниками христианской веры. Описывая успехи последних, Тук заметил: «Не позднее чем в самом конце XVI в. казаки подчинили себе часть Крыма...» [36, vol. 1, p. 287, note *]. По-видимому, до англичанина дошли слухи об успешных походах казаков на Крым – хотя, конечно, ни о каком его подчинении в реальности речи не было. Впрочем, преувеличивать успехи походов христиан против Крыма – традиционная черта историографии. Очевидно, она опиралась на какие-то легенды, возникшие в России. Так, например, посетивший в 1821 г. Крым британский библиист Эбенезер Хендерсон привел не менее фантастическую историю о том, что в 1698 г. русские войска захватили Перекопскую линию – укрепление на перешейке, отделявшее полуостров от материка [31, p. 289]. Ясно, что он доверился каким-то легендарным известиям то ли о неудачных Крымских походах Василия Галицина, то ли об Азовских походах Петра I.

Завершается рассказ Тука кратким известием о присоединении Крыма к России и о присяге крымского населения на верность Екатерине II, причем автор оговаривается, что этот отрывок был записан в начале 1783 г. [35, p. 850–851]. Однако создается впечатление, что на самом деле он писал по памяти, и потому существенно исказил дату манифеста императрицы «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» [Полное собрание законов Российской империи, т. XXI, с. 897–898, № 15708] – вместо 8 апреля Тук датирует его 21 июля. Учитывая, что в данном отрывке упомянут и Георгиевский трактат, установивший российский протекторат над царством Картли-Кахети, причем датирован он совершенно точно – 24 июля [ср.: Полное собрание законов Российской империи, т. XXI, с. 1013], создается впечатление, что именно от него

Тук «отсчитывал» время присоединения Крыма. Совсем краткой стала эта информация в трехтомнике Тука [36, vol. 1, p. 280].

Зато в этой же книге Тук уделил довольно много внимания крымской торговле – как в прошлом, так и в настоящем. Его взгляд очень характерен:

«Торговля Крыма прежде была необычно прибыльной и обширной; ведь в XI веке, когда часть этого полуострова попала под власть половцев, <...> они даровали генуэзцам, в обмен на обещание выплаты некоторой дани, право на возведение складов, которые с течением времени разрослись до городов и крепостей. <...> Но мало помалу генуэзцев изгнали из Крыма, и вместе с ними исчезла и процветавшая в тех краях торговля...» [36, vol. 3, p. 449–450].

И хотя Тук прямо не назвал виновников произошедшего, читателю было ясно, что это были османы и татары. Источником данных сведений мог быть Тунманн, отметивший, что *«Черное море было османами закрыто для всех остальных европейских наций»* [17, с. 21]. Тук с похвалой отзывался о стремлении правительства Екатерины II развивать черноморскую торговлю с помощью протекционистских мер, заметив, однако, что этого было недостаточно. Необходимо было увеличить население Крыма, сделать торговлю в Черном море полностью свободной для россиян, и связать коммерческими контактами Крым, сделав его звеном в международной торговле от Леванта до Прибалтики и от Сибири до Испании [36, vol. 3, p. 450–451].

Подобные суждения были типичными для эпохи Просвещения с его представлением о торговле как двигателе исторических процессов в духе идей Монтескье [11, с. 297]. Достаточно вспомнить две книги, вышедшие почти одновременно с трехтомником Тука. Британский врач и эрудит Маттью Гатри в 1802 г. издал описание Крыма, которому он придал форму писем из поездки, якобы совершенной его покойной супругой [подробнее: 27]. Этот соотечественник Тука интерпретировал историю Крыма как извечное противостояние цивилизованных европейских «торговых наций» и варваров-азиатов. В XV в. османы заблокировали торговлю через черноморские проливы, а потому экспансия России на юг, способствовавшая их открытию и возобновлению торговых операций была вполне оправдана [27, с. 163, 165–166]. Близкие суждения о Крыме, его истории и будущем сформулировал представитель извечных соперников англичан – француз Жан Рёйи. Он посетил полуостров в 1803 г., по заданию своего правительства собирая сведения о регионе. Предложенные им меры по развитию крымской торговли поразительно напоминают мнение Тука [23, с. 129–130]. Заметим, что негативное отношение европейцев к османской цивилизации объясняется прежде всего тем, что на протяжении столетий Высокая Порта была для Европы тем иным, на фоне которого та осознавала свою культуру [12, с. 71–98]. Разрабатывая свои экономические проекты, просвещенные европейцы игнорировали реальные жизненные обстоятельства – политическую нестабильность в регионе и Европе в целом, отсутствие в Северном Причерноморье надлежащей инфраструктуры и широкого платежеспособного спроса, нехватку рабочих рук, сложность доставки товаров из внутренней России и так далее. Не случайно каких-то успехов в хозяйственном развитии региона России удалось добиться едва ли не через полвека.

Таким образом, хотя Тук оперировал сведениями, собранными не непосредственно, но взятыми из вторых рук, ему удалось создать по-своему связ-

ную картину Крыма, где богатое прошлое полуострова золотоордынской и османской эпохи органично дополнялось сведениями о недавних переменах в его судьбе и даже видением того, какие политические действия следует предпринять России, дабы сделать его будущее достойным империи. «Русская корреспонденция» Тука стала первым английским сочинением о Крыме, опубликованным после его присоединения к России, и, кажется, первым англоязычным сочинением после изданных в первой трети XVIII в. записок Обри де ля Мотре [34]. Именно Тук рассказал своим соотечественникам о далекой стране, судьба которой привлекла их внимание после блестящих внешнеполитических успехов Екатерины II. Ценность сочинения Тука как источника оригинальных сведений невелика из-за ее компилятивного характера. Его значение, как представляется, заключается в другом. Сама манера, в которой автор отбирал и компилировал сведения, а также изобретение им вымышленного информанта – соотечественника на русской службе, показывает способы усвоения и изложения информации в эпоху Просвещения. Его труды позволяют выявить способы, с помощью которых его современники изучали дальние («восточные») страны, какие стереотипы создавали и транслировали, и в целом в какой интеллектуальной обстановке начиналось изучение Крыма европейской наукой и общественным мнением. В наши дни одним из новых историографических направлений стало изучение трансферов, то есть передачи знаний, понятий и стереотипов [например: 32]. Важную роль в трансферах «европейских» идей в Россию сыграли западные путешественники. Именно они рассказывали европейской публике об отдаленных, экзотических районах Российской империи. Так возникли сложные интеллектуальные взаимодействия «путешественники – их соотечественники – реакция российских властей и общественного мнения». К. Кюнцель-Вюрст продемонстрировала это на примере европейцев – исследователей Сибири [9]. Такие же динамичные связи возникли в треугольнике «Европа – Россия – Крым», где Таврида и ее жители становились не только объектом изучения, но помогали наблюдателям лучше осознать собственную культуру и узнать третью сторону. Тук передавал на родину знания о Крыме – но для этого он использовал материалы русского исследователя Зуева. Изучение истории и жителей полуострова дали европейцам возможность понять себя самих. В конечном итоге, их сочинения сделали Крым популярным туристическим объектом. Вскоре сюда начинается паломничество иностранцев, создавших новые описания полуострова и его обитателей [26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гибаль П. Обзорение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибалю, 1818–1819. М.: Русский Мир, 2017. 416 с.
2. Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 212–237.
3. Григорьев С.И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб.: Государственный мемориальный музей А.В. Суворова, 2015. 552 с.

4. Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В. Открыватели земли крымской. Очерки 2500-летней истории изучения природы Тавриды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 520 с.
5. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009. 304 с.
6. [Зуев В.Ф.]. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из месящеслов на разные годы. [Часть 5]. СПб.: Императорская академия наук, 1790. С. 265–303.
7. Конкин Д.В. Экономические «открытия» в Крыму в работах В.Ф. Зуева и К.И. Габлица: «дефект описания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 378–399. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-378-399.
8. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. Н.Г. Беспярых, Ю.Н. Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.
9. Кюнцель-Витт К. От Мессершмидта к Палласу: немецкие ученые – исследователи Сибири. Российская империя: к просвещению через открытие самой себя // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 152–162.
10. Милнер Т. Крым. Ханы, султаны, цари. Взгляд на историю полуострова участника Крымской компании / Пер. И.А. Петровская. М.: Центрполиграф, 2015. 525 с.
11. Монтескье Ш.Л. О духе законов / Пер. А.В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.
12. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 336 с.
13. Пейссонель Ш. де. Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В. Лотошникова. Днепропетровск: Герда, 2009. 80 с.
14. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. III: 1771–1785. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1900. 976 с.
15. Райков Б.Е. Академик Василий Зуев, его жизнь и труды. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 350 с.
16. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. Т. 1. М.: Рубежи XXI, 2005. 314 с.
17. Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. с нем. Н.Л. Эрнст, С.Л. Белявская. Симферополь: Таврия, 1991. 94 с.
18. Тур В.Г. Религиозные общины Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 247–275.
19. Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473.
20. Храпунов Н.И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. Вып. XIX. С. 379–426.
21. Храпунов Н.И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 317–358.
22. Храпунов Н.И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 832–860. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.832-860.
23. Храпунов Н.И. Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник 2017. Франция и средиземноморье в Новое и Новейшее время. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 113–140.

24. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 412–432.
25. Храпунов Н.И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // Античная древность и средние века. 2017. Вып. 44 (в печати).
26. Храпунов Н.И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 329–352.
27. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 157–170.
28. Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Известия о Крыме у Франческо Альгаротти // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.612-628.
29. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / пер. Е.В. Бахревский. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
30. Batalden S.K. Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806. New York: Columbia University Press, 1982. 197 p.
31. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia... London: James Nisbet, 1836. 538 p.
32. Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: НЛЮ, 2010. 392 с.
33. Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The story of Katti Geray and other baptized descendants of the Crimean khans // Cahiers du Monde russe. 2004. Vol. 45/1–2 (janvier–juin). P. 61–108.
34. [Motraye A. de la]. A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. Vol. II. London: [n. p.], 1723. 432 p.
35. [Tooke W. Original Correspondence from Russia] // The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle. 1786. Vol. 56. No. 2. P. 547–552, 643–648, 846–851, 921–924, 1013–10015.
36. Tooke W. A View of the Russian Empire during the Reign of Catharine II and to the Close of the Eighteenth Century. 3 vols. 2nd ed. London: A. Strachan, 1800. 630, 574, 628 p.
37. Zuief [W.]. Nachrichten von der Krim // Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie. St. Petersburg; Leipzig: Johann Zacharias Logan, 1783. Bd. 4. P. 249–270.
38. Zuief [W.]. Nachrichten von der Krim // Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783. St. Petersburg: Buchbructeren ben Schnoor, 1783. Bd. 1. P. 3–29.

Сведения об авторе: Никита Игоревич Храпунов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского (295007, проспект Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация). E-mail: khrapunovn@mail.ru

Поступила 30.05.2018 Принята к публикации 27.08.2018
Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Gibal' P. *Obozrenie Kryma, Novorossii i Kavkaza v dnevnike puteshestviya iz Odessy v Tiflis Poly Gibalya, 1818–1819* [A Review of the Crimea, New Russia, and Caucasus in Paul Guibal's Journal of Travel from Odessa to Tiflis, 1818–1819]. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2017. 416 p. (In Russian)
2. Godzhi D. Kolonizatsiya i tsivilizatsiya: russkaya model' glazami Didro. Evropeyskoe prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii [Colonization and Civilization: The Russian Model as Viewed by Diderot]. *Evropeyskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and Russian civilization]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 212–237. (In Russian)
3. Grigor'ev S.I. «...Kafir ves'ma krutogo nra»: A.V. Suvorov i Krymskoe khanstvo (1771–1779) [“...A Kafir of Great Temper”: A.V. Suvorov and the Crimean Khanate (1771–1779)]. St. Petersburg, Gosudarstvennyi memorial'nyi muzei A.V. Suvorova, 2015. 552 p. (In Russian)
4. Ena V.G., Ena A.I.V., Ena A.N.V. *Otkryvateli zemli krymskoy. Ocherki 2500-letney istorii izucheniya prirody Tavridy* [The Discoverers of the Crimean Land. Essays in the 250-Year-Long History of Researches of Nature of Taurida]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007. 520 p. (In Russian)
5. Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov. Puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographic Tradition from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Ways of the Development: Manuscripts, Texts, and Sources]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009. 304 p. (In Russian)
6. [Zuev V.F.]. Vypiska iz puteshestvennykh zapisok Vasil'ya Zueva, kasayushchikhsya do poluostrova Kryma. 1782 goda [An Excerpt from Vasilii Zuev's Travel Journal Concerning the Peninsula of the Crimea. In the Year 1782]. *Sobranie sochineniy, vybrannykh iz mesyatseslovov na raznye gody* [Chast' 5] [A Collection of Essays Taken from Orthodox Calendars for Different Years. (Part 5)]. St. Petersburg, Imperatorskaia akademiia nauk, 1790, pp. 265–303. (In Russian)
7. Konkin D.V. Ekonomicheskie «otkrytiya» v Krymu v rabotakh V.F. Zueva i K.I. Gablitsa: «defekt opisaniya» [Economic “Discoveries” in the Crimea by Works of V.F. Zuev and C.I. Hablitz: “A Defect in Description”]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: History of Russia], 2017, vol. 16, no. 3, pp. 378–399. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-378-399. (In Russian)
8. Kross E. *Britantsy v Peterburge. XVIII vek* [The British in St. Petersburg. The Eighteenth century]. Per. N.G. Bespyatykh, Yu.N. Bespyatykh. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 528 p. (In Russian)
9. Kyuntsel'-Vitt K. Ot Messerschmidta k Pallasu: nemetskie uchenye – issledovateli Sibiri. Rossiyskaya imperiya: k prosveshcheniyu cherez otkrytie samoy sebya [From Messerschmitt to Pallas: German Scientists as the Researchers of Siberia; Russian Empire: To the Enlightenment via the Discovery of Itself]. «Vvodya nray i obychai Evropeyskie v Evropeyskom narode». *K probleme adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoy imperii* [“Introducing European Characters and Customs”: On the Problem of Adaptation of Western Ideas and Practices in the Russian Empire]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 152–162. (In Russian)
10. Milner T. *Krym. Khany, sultany, tsari. Vzglyad na istoriyu poluostrova uchastnika Krymskoy kompanii* [Crimea. Khans, Sultans, Tsars. A Look at the History of the Peninsula of a Participant of the Crimean Campaign]. Per. I.A. Petrovskaya. Moscow, Tsentrpoligraf, 2015. 525 p.
11. Montesquieu Ch.L. *O dukhe zakonov* [On the Spirit of Laws]. Per. A.V. Mateshuk. Moscow, Mysl', 1999. 672 p. (In Russian)

12. Noymann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [The Use of the “Other”: The Images of the Orient in the Formation of European Identities]. Moscow, Novoe Publ., 2004. 336 p. (In Russian)
13. Peyssonel Ch. de. *Zapiska o Maloy Tatarii* [Notes on the Tartaria Minor]. Per. s fr. V. Lotoshnikova. Dnepropetrovsk, Gerda, 2009. 80 p. (In Russian)
14. *Protokoly zasedaniy Konferentsii Imperatorskoy Akademii nauk s 1725 po 1803 goda*. Vol. III: 1771–1785 [Meetings’ Minutes of the Conference of the Imperial Academy of Sciences from 1725 to 1803. Vol. III: 1771–1785]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1900. 976 p. (In Russian)
15. Raykov B.E. *Akademik Vasilii Zuev, ego zhizn' i trudy* [Academician Vasily Zuev, His Life and Works]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. 350 p. (In Russian)
16. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoy Porty do nachala XVIII v.* [The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porta prior to the beginning of the eighteenth century]. Vol. 1. Moscow, Rubezhi XXI, 2005. 314 p. (In Russian)
17. Tunmann [I.-E.]. *Krymskoe khanstvo* [The Crimean Khanate]. Per. s nem. N.L. Ernst, S.L. Belyavskaya. Simferopol, Tavriya, 1991. 94 p. (In Russian)
18. Tur V.G. *Religioznye obshchiny Kryma* [Religious communities of Crimea]. *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Problems of Integration of Crimea into Russia, 1783–1825]. Sevastopol, Al'batros, 2017, pp. 247–275. (In Russian)
19. Khrapunov N.I. *Krymskiy poluostrov posle prisoedineniya k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampengauzena* [The Crimean peninsula after joining Russia in the work of Balthasar von Kampenhausen]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. 2013, is. XVIII, pp. 456–473. (In Russian)
20. Khrapunov N.I. *Puteshestvie v Krym Dzheyma Uebstera i ego tovarishchey (1827 g.)* [A journey to the Crimea by James Webster and his comrades (1827)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. 2014, is. XIX, pp. 379–426. (In Russian)
21. Khrapunov N.I. *Kak Khersones stal tsentrom russkogo pravoslaviya* [How Chersonesos became the center of Russian Orthodoxy]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. 2016, is. XXI, pp. 317–358. (In Russian)
22. Khrapunov N.I. *Staryi Krym and Its Monuments through the Eyes of the Travelers of the late 18th – early 19th centuries*. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, pp. 832–860. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.832-860 (In Russian)
23. Khrapunov N.I. *Krymskaya missiya Zhana Reyi* [The Crimean Mission of Jean Reuilly]. *Frantsuzskiy ezhegodnik 2017. Frantsiya i sredizemnomor'e v Novoe i Noveyshee vremya* [French Yearbook 2017. France and the Mediterranean in the New and Modern Times]. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2017, pp. 113–140. (In Russian)
24. Khrapunov N.I. *Mangupskoe gorodishche v trudakh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v.: issledovaniya i illyuzii* [The Mangup hillfort in the writings of travelers of the late eighteenth and early nineteenth centuries: research and illusions]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. 2017, is. XXII, pp. 412–432. (In Russian)
25. Khrapunov N.I. *Vizantiyskiy Kherson i Ekaterina Velikaya* [Byzantine Kherson and Catherine the Great]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. 2017, is. 44 (in press). (In Russian)
26. Khrapunov N.I. *«Mesto, bogatoe vospominaniyami i illyuziyami»: obrazy Tavridy v sochineniyakh puteshestvennikov* [“A place rich in memories and illusions”: images of

Tauride in the writings of travelers]. *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Problems of Integration of Crimea into Russia, 1783–1825]. Sevastopol', Al'batros, 2017, pp. 329–352. (In Russian)

27. Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Matt'yu Gatri i ego «puteshestvie» v istoriyu Kryma [Matthew Guthrie and his “journey” to the history of the Crimea]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2015, no. 4, pp. 157–170. (In Russian)

28. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. Francesco Algarotti's Account of the Crimea. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.612-628 (In Russian)

29. Evliya Çelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti* [The Book of Travel. Crimea and Adjacent Areas]. Per. E.V. Bakhrevskiy. Simferopol, Dolya, 2008. 272 p. (In Russian)

30. Batalden S.K. *Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806*. New York, Columbia University Press, 1982. 197 p.

31. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia...* London, James Nisbet, 1836. 538 p.

32. *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow, NLO, 2010. 392 p. (In Russian)

33. Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The story of Katti Geray and other baptized descendants of the Crimean khans. *Cahiers du Monde russe*. 2004. Vol. 45/1–2 (janvier–juin), pp. 61–108.

34. [Motraye A. de la]. *A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa*. Vol. II. London: [n. p.], 1723. 432 p.

35. [Tooke W. Original Correspondence from Russia]. *The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle*. 1786. Vol. 56. No. 2, pp. 547–552, 643–648, 846–851, 921–924, 1013–10015.

36. Tooke W. *A View of the Russian Empire during the Reign of Catharine II and to the Close of the Eighteenth Century*. 3 vols. 2nd ed. London, A. Strachan, 1800. 630, 574, 628 p.

37. Zuief [W.]. Nachrichten von der Krim. *Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*. St. Petersburg; Leipzig, Johann Zacharias Logan, 1783. Bd. 4, pp. 249–270. (In German)

38. Zuief [W.]. Nachrichten von der Krim. *Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783*. St. Petersburg, Buchbructeren ben Schnoor, 1783. Bd. 1, pp. 3–29. (In German)

About the author: Nikita I. Khrapunov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Research Centre for the History and Archaeology of the Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation). E-mail: khrapunovn@mail.ru

Received May 30, 2018 Accepted for publication August 27, 2018

Published September 29, 2018

ДИСКУССИЯ

УДК 94(5)+811.512

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.596-617

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ: НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ СТИВЕНА ПОУ «ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ И СМЕРТЬ ДЖЕБЕ-НОЙОНА»*

Д.М. Тимохин¹, В.В. Тишин²

¹ *ФГБУН Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
horezm83@mail.ru*

² *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
tihij-511@mail.ru*

Цель исследования: недавно вышедшая блистательная статья Стивена Поу «Последняя кампания и смерть Джебе-нойона» позволила открыть дискуссию по ряду вопросов, связанных с монгольскими походами на Кавказ и Восточную Европу в первой половине 20-х гг. XIII вв. В частности, автор отстаивает тезис о завоевательном характере похода корпуса во главе с полководцами Чингиз-хана Джэбэ-нойоном и Субэдэй-багатуром, а также выдвигает гипотезу о гибели первого из упомянутых полководцев в ходе этого мероприятия, конкретно в битве на р. Калке против кыпчакских и русских войск. Авторы данной статьи не могут согласиться с доводами венгерского коллеги и считают возможным привести ряд контраргументов против обеих его позиций.

Материалы исследования: авторы стремились использовать весь массив доступных письменных источников, которые позволили бы внести корректировки в решение вопросов, поднятых С. Поу. Прежде всего, это сочинения персидских авторов (Ан-Насави, Джувейни, Рашид ад-Дин ат-Табиб), грузинская «Столетняя хроника», армяноязычное сочинение «Хроника» Мхитара Айриванеци, древнерусские летописи (прежде всего, Первая Новгородская младшего извода, Лаврентьевская и Софийская первая). Кроме того, были использованы лингвистические данные, представленные данными тюркских, монгольских и славянских языков.

Результаты исследования и научная новизна: главным контраргументом против мнения оппонента о завоевательном характере похода монгольского корпуса является неполнота привлеченного им фонда источников, а также отсутствие в наиболее информативных из них каких-либо прямых или косвенных данных, позволяющих подкрепить его гипотезу. Версия о гибели Джэбэ-нойона при Калке, осно-

* Работа Тимохина Д.М. выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-01-50028-ОГН; Работа Тишина В.В. выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

ванная на мнимом отождествлении его имени с Гемябеком древнерусских летописей, не имеет абсолютно никаких лингвистических доказательств.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Джэбэ, монгольские завоевания, кыпчаки, битва при Калке, тюркская филология

Для цитирования: Тимохин Д.М., Тишин В.В. О новых тенденциях в изучении истории монгольских завоеваний: на примере статьи Стивена Поу «Последняя кампания и смерть Джебе-нойона» // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 596–617. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.596-617

ON NEW TRENDS IN THE STUDIES OF THE HISTORY OF THE MONGOL
CONQUESTS: BASED ON THE EXAMPLE OF STEPHEN POW'S ARTICLE
"THE LAST CAMPAIGN AND DEATH OF JEBE NOYAN"*

D.M. Timokhin¹, V.V. Tishin²

¹ Institute of Oriental studies of the RAS
Moscow, Russian Federation
horezm83@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russian Federation
tihij-511@mail.ru

Abstract: *Research objectives:* A recently published brilliant article by Stephen Pow, "The Last Campaign and Death of Jebe Noyan," opened a discussion on a number of issues related to the Mongol campaigns in the territory of Caucasus and Eastern Europe in the first half of the 1220s. In particular, the author defends the thesis that the raid of the army led by Jebe Noyan and Sübe'tei Ba'atur was intended as a conquest. He also hypothesizes that the death of the first of the aforementioned generals occurred during that campaign, specifically in the Battle of the Kalka River against the Kipchak and Russian Princes' troops. The authors of this article cannot agree with the arguments of the Hungary-based scholar and attempt to bring a number of counter-arguments against both of his positions.

Research materials: The authors tried to use the whole array of available written sources to make adjustments to the solution of the questions raised by S. Pow. First of all, these are the works of Persian authors (al-Nasavi, Juvayni, Rashid al-Din al-Tabib), the "Georgian Chronicle of a Hundred Years", the "Chronicle" written in Armenian by Mxitar Airivanetsi, Old Russian Chronicles (foremost among them, the Novgorod First Chronicle, Laurentian Chronicle and Sofia First Chronicle). In addition, linguistic materials represented by the data of the Turkic, Mongolian and Slavic languages were used too.

Research results and novelty: The fact that Stephen Pow did not use all available sources is the main counterargument against the assertion about the conquering nature of the Mongol military campaign. In addition, it is not possible to find any direct or indirect data allowing one to support his hypothesis. The interpretation of the death of Jebe Noyan

* The work by D.M. Timokhin was supported by the grant of the Russian Humanitarian Scientific Foundation № 16-01-50028-ОГН. The work by V.V. Tishin was supported by the Comprehensive Program of Basic Research of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, № AAAA-A17-117021310264-4.

during the Battle of the Kalka River, based on the visionary identification of his name with Gemyabek recorded in Old Russian chronicles, has no linguistic evidence absolutely.

Keywords: South Caucasus, Jebe, Mongol conquests, Kipchaks, Battle of the Kalka, Turkic philology

For citation: Timokhin D.M., Tishin V.V. On New Trends in the Studies of the History of the Mongol Conquests: Based on the Example of Stephen Pow's Article "The Last Campaign and Death of Jebe Noyan". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 596–617. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.596-617

В истории завоевательных походов Чингиз-хана и его наследников, а также формирования Монгольской империи, несмотря на обширный и разносторонний исследовательский опыт, продолжает существовать определенное количество «белых пятен». В связи с этим любая попытка дать ответ на тот или иной сложный вопрос, выдвинуть гипотезу относительно мало или вовсе неизученных аспектов истории монгольских завоевательных походов и формирования империи Чингиз-хана заслуживает пристального внимания со стороны научной общественности. Ярким примером нового подхода к решению подобного рода научных задач является статья Стивена Поу «Последняя кампания и смерть Джебе-нойона» [59]¹, опубликованная в переводе на русский язык также в журнале «Золотоордынское обозрение» [28]² и сразу же привлекающая внимание исследователей, как поднятой в ней проблематикой, так и авторскими выводами. Безусловно, пройти мимо этого исследования не смогли и авторы представленной ниже статьи, чья рецензия направлена не только в адрес Стивена Поу, но и всех исследователей монгольской военной и политической истории в Средние века. Нам, прежде всего, хотелось бы не только начать научную дискуссию вокруг указанной выше статьи, но и вновь обратиться к обозначенному исследовательскому полю и тем лакунам, которые оно содержит и которые требуют от нас новых специальных исследований.

Для начала скажем несколько слов о значимости научной проблематики, к которой обращается в своей работе Стивен Поу. Безусловно, прежде всего, необходимо отметить, что сама по себе личность Джэбэ-нойона долгое время оставалась обойденной специальным вниманием исследователей, на что указывает и сам автор статьи: «не существует ни одного исследования ни на одном языке, которое рассматривало бы личность и судьбу Джебе-нойона в качестве специфичной темы» [28, с. 700]. При этом из всей биографии представленной исторической личности наибольший интерес автора прикован к обстоятельствам гибели Джэбэ-нойона, о чем исторические источники, как указывает Стивен Поу, предоставляют скудную и крайне противоречивую информацию [28, с. 700]. Учитывая данные обстоятельства и саму значимость данной исторической личности в контексте истории монгольских завоеваний и формирования монгольской империи, как уже указывалось нами выше, любое специальное исследование биографии Джэбэ-нойона и особенно обстоятельств его смерти следует считать весьма значимым событием в исторической науке.

¹ Здесь и далее авторы используют вариант транскрипции «Джэбэ», сохраняя написание «Джебе» при цитировании перевода статьи С. Поу, которое в ней дано.

² Здесь и далее даются ссылки именно на это русскоязычное издание.

Заранее хотелось бы отметить, что в данной рецензии нами основное внимание будет сосредоточено на анализе того, как Стивен Поу решил поставленные перед собой исследовательские задачи и к каким важнейшим результатам пришел по итогам исследования. Уже в самом начале своей работы автор обозначает не только то, что его интересует в первую очередь в рамках представленного исследования, но и важнейшие результаты, которые мы позволим себе процитировать. «Главным открытием исследования является то, что «Новгородская Первая летопись» описывает гибель Джэбэ-нойона за неделю до битвы на Калке. Это утверждение выдвигается впервые, поскольку ранее было распространено мнение, что Джэбэ умер после его мнимого возвращения в Монголию. Другим важным открытием является то, что первичные источники не подтверждают мнения о том, что кампания Джэбэ и Субэдэя вокруг Каспия в 1221–1223 годах была всего лишь разведывательным набегом: источники скорее склонны свидетельствовать, что их главной целью были завоевания» [28, с. 698]. С нашей стороны, как уже говорилось, критическому рассмотрению будут подвергнуты именно эти два положения, выделенные самим автором в качестве результатов исследования – датировка и обстоятельства смерти Джэбэ-нойона и оценка деятельности войск Джэбэ и Субэдэя в 1221–1223 гг. На других разделах представленного исследования мы остановимся в значительной степени более кратко и укажем лишь их ключевые особенности и приведем отдельные критические замечания по ним.

Сама статья состоит из вводной части, где автор обозначает цель и задачи исследования, а также его актуальность, что, впрочем, как уже говорилось выше, не может вызывать существенных вопросов – любое специальное исследование биографии Джэбэ-нойона с учетом состояния современной историографии проблемы актуально само по себе. Далее следует раздел статьи «Лакуны и пропуски: проблемы материала источников по Джебе-нойону», в котором автор анализирует источниковую базу собственного исследования, сосредотачивая особое внимание на выделении лакун в описании биографии Джэбэ-нойона в рамках различных исторических источников. Здесь, прежде всего, стоит отметить достаточно подробный анализ информации об указанной исторической личности в китайских источниках [28, с. 701–702], с выделением противоречий и откровенных лакун. Впрочем, данный раздел имеет и недостатки – по сути это не анализ всей источниковой базы, а лишь отдельных памятников, в связи с чем из арабо-персидских сочинений здесь можно увидеть лишь указание на труд Рашид ад-Дина [28, с. 702], а о памятниках грузинской и армяноязычной средневековой историографии речь не идет вовсе. При этом в дальнейшем в тексте исследования можно увидеть ссылки на другие памятники, кроме указанных выше, арабо-персидской историографии, а также на сведения из грузинских и армяноязычных источников. Подобная избирательность автора в данном разделе никак им не поясняется, что может вызвать вопросы у читателя: почему не анализируются сведения о Джэбэ-нойоне в составе других исторических источников? Отметим, что в исследовании в принципе отсутствует попытка систематизации источников по проблеме и анализ эволюции сведений о Джэбэ-нойоне в средневековых исторических сочинениях. По сути, автор пытается выстроить представление о лакунах в биографии указанной исторической личности на ограниченном круге источников.

Следующий за этим раздел «Жизнь и военные кампании Джебе-нойона до 1223 года» предлагает подробное описание биографии указанной исторической личности, начиная с момента его перехода на службу к Чингиз-хану и вплоть до битвы на Калке 1223 г. В рамках этого раздела для нашей рецензии особый интерес будет представлять та его часть, где автор дает оценку деятельности войск Джэбэ и Субэдэя в 1221–1223 гг. Здесь ключевым утверждением автора следует признать то, что «на мой взгляд, можно сказать с уверенностью, что популярная в современных исследованиях тенденция называть кампанию Джэбэ и Субэдэя «набегом» или «разведкой боем» противоречит утверждениям источников» [28, с. 706]. С точки зрения автора, поход отрядов Джэбэ и Субэдэя следует считать попыткой завоевания новых территорий, в том числе в пределах Ирана и Южного Кавказа. Для доказательства этого постулата Стивен Поу использует труд Рашид ад-Дина, который с его точки зрения содержит послание Джэбэ и Субэдэя, которое «отображает их намерение осуществить завоевание как можно большего числа регионов в течение нескольких лет до возвращения в Монголию» [28, с. 706]. Однако сам текст послания, на которое опирается автор, не содержит прямых указаний на это: «Султан Мухаммед умер, а сын его Джелал-ад-дин бежал и пришел в ту страну. Теперь мы, освободив сердце от [заботы] о них, согласно требованию, которое было определено приказом Чингиз-хана, бог даст, сможем прибыть в Могулистан, [но] это ведает мощь великого господа и счастье Чингиз-хана!» [30, с. 226]. Гораздо более убедительным в рамках авторской концепции выглядело бы следующее описание из труда того же Рашид ад-Дина. «В результате всего, когда они [Джэбэ и Субэдаи] приступили к завоеванию Ирака, то сначала взяли Хар [?] и Семнан, оттуда они подошли к городу Рею и учинили [там] избиение и грабеж. [Отсюда] двинулись на Кум, [где] перебили всех тамошних жителей, а детей увели в полон. Оттуда [монголы] пошли в Хамадан. Сейид Маджд-ад-дин Ала-ад-доулэ подчинился и прислал подношения, [состоящие] из верховых лошадей и одежд, и согласился на [принятие монгольского] правителя [шихнэ]» [30, с. 226].

Остается загадкой, в связи с чем сведения из более позднего источника, при отсутствии прямых указаний из более ранних памятников, позволяют автору быть столь уверенным в «завоевательном» характере действий войск Джэбэ и Субэдэя. Надо отметить, что автор в целом крайне избирательно подходит к выбору источников для описания тех или иных исторических событий, однако на чем основан этот выбор также остается загадкой: в частности, при описании событий на Южном Кавказе и сопредельных регионах Стивен Поу использует сведения из труда Вардана Аревелци, при этом гораздо более значимое для анализа монгольского вторжения в пределы Кавказа сочинение Киракоса Гандзакеци «История» не упоминается ни в тексте статьи, ни в списке использованной литературы. О существовании же иных памятников армяноязычной историографии монгольского вторжения на Южный Кавказ и сопредельные регионы автор статьи старательно умалчивает, хотя можно было бы обратиться и к «Летописи» [2, с. 34–43] епископа Степаноса, и к «Летописи» Себастиана [2, с. 23–34]. Грузинский же исторический источник, а именно «Столетняя хроника» или «Хронограф» XIV в. [1; 6; 38], упоминается автором лишь единожды, да и то без указания названия, отсылая

при этом читателя ко всему тексту «Картлис Цховреба» [28, с. 707]. Подобная избирательность в отношении источников и отсутствие обращения ко всему массиву памятников во многом помогает автору выстроить свою концепцию относительно действий войск Джэбэ и Субэдэя, которая при ближайшем рассмотрении не выглядит такой уж убедительной.

Так, в качестве доказательства собственной концепции Стивен Поу старательно приводит сведения из Ибн ал-Асира, Джувейни и Рашид ад-Дина, где указывается на назначение наместников в покоренные, сдавшиеся без боя города, в чем, с его точки зрения, следует видеть важнейшее доказательство «завоевательного» характера действий монголов. Ответ на вопрос, почему данный факт следует считать доказательством именно «завоевательного» характера похода Джэбэ и Субэдэя, а не скажем попытку обеспечить себе безопасный путь отступления, в случае невозможности по тем или иным причинам дальнейшего продвижения в западном направлении, остается только гадать. Да и о каком завоевании могла идти речь, если источники не сообщают нам ничего относительно собственно монгольских или подчиненных монголам гарнизонов в завоеванных городах по пути следования войск Джэбэ и Субэдэя?! В этом случае назначение монгольского наместника становится не более чем символическим жестом, поскольку реального и долговременного подчинения того или иного города просто не происходит в виду отсутствия у такого наместника военной силы, на которую он мог бы опереться. При этом следует более внимательно рассматривать текст основного, как следует из текста статьи, источника для Стивена Поу, а именно труда Рашид ад-Дина.

В тексте этого исторического источника можно легко найти и сравнить действия монгольских отрядов по отношению к сдавшимся городам в ходе завоевания государства Хорезмшахов и упомянутых выше отрядов Джэбэ и Субэдэя. В обоих случаях, чаще всего монголы оставляли в городе своего наместника, однако в ходе монголо-хорезмийской войны такие города отдавали часть населения в хашар (подробнее см.: [34]), как это было с Зарнуком [30, с. 204], или же предоставляли часть войска в помощь монголам, как это было с городом Нур [30, с. 204]. Субэдэй и Джэбэ либо просто оставляли своего наместника, как это было в Балхе [30, с. 210], либо оставляли грамоту и довольствовались фуражом и формальным подчинением, как это было в Нишапуре [30, с. 211]. Сам персидский историк указывает на особенность продвижения отрядов Джэбэ и Субэдэя вглубь хорезмийских территорий – «повсюду, где выходили им навстречу с подчинением, они щадили, а всех, кто сопротивлялся, они уничтожали» [30, с. 211]. При этом Стивен Поу не обозначает, что в тексте источника кампания Субэдэя и Джэбэ в Западном Иране и Южном Кавказе существенно отличается от действий этих же отрядов в ходе поисков хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада. В первом случае, а о втором нами было сказано выше, отряды Джэбэ и Субэдэя чаще всего разоряли и уничтожали города на своем пути, и лишь в двух случаях этого не происходило – в отношении Хамадана и Табриза. Первый город действительно получил наместника от Джэбэ и Субэдэя, а точнее им стал местный сейид [30, с. 227], в отношении же Тебриза не произошло и этого: монголы довольствовались данью, причем взяли ее дважды [30, с. 227].

С нашей точки зрения, сочинения Рашид ад-Дина не подтверждает идеи Стивена Поу и не предоставляет достаточного фактического материала для ее

доказательства. Можно лишь указать на то, что действия отрядов Джэбэ и Субэдэя представляли собой не одну, а две разные военные кампании: первая из них закончилась со смертью хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада в 1220 г., и, исходя из текста Рашид ад-Дина, вполне могла носить и завоевательный характер. Вторая же, включающая в себе поход на Кавказ и далее в половецкие степи исходя из текста того же памятника отличалась по характеру действий монгольских отрядов, и веских доводов в пользу его завоевательного характера мы не находим. При этом Стивену Поу следовало привлечь для описания действий отрядов Джэбэ и Субэдэя в Иране и на Кавказе весь массив исторических источников, что, вполне вероятно, изменило бы авторский взгляд на указанную проблему. Так, в труде ан-Насави нет ни одного указания на наместников, поставленных Джэбэ и Субэдэем, хотя автор был не просто современником событий, но и непосредственно присутствовал, как в Иране и так на Кавказе. Вышеуказанный пример из Рашид ад-Дина об оставлении монгольскими военачальниками наместника в Хамадане опровергается тем же ан-Насави указанием на то, что «Йеке-нойан и Сюбетей-бахадур, захватив Хамадан в начале выступления татар, вымели начисто богатство города и изгнали жителей оттуда, и не осталось там ни пользы, ни силы» (цит. по: [16, с. 177]).

Таким образом, сами по себе арабо-персидские источники не содержат убедительных доказательств в пользу точки зрения Стивена Поу, при этом сравнение действий монгольских военных отрядов Джэбэ и Субэдэя с реалиями монголо-хорезмийской войны также свидетельствуют не пользу авторской концепции. Важно отметить, что сдавшиеся монголам города получали наместника в годы указанной выше войны, в большинстве случаев, из числа доверенных лиц на монгольской службе, в то время как Джэбэ и Субэдэй прибегали к использованию местных кадров, что также является важным отличием. Как было указано выше, более ранние памятники во многом также противоречат концепции Стивена Поу, а, исходя из текста, столь часто используемого автором Рашид ад-Дина, можно сделать выводы о разнице действий отрядов Джэбэ и Субэдэя до и после 1220 г. Резюмируя анализ этой части статьи, можно сказать, что более внимательное отношение ко всему массиву исторических источников могло бы как минимум скорректировать предложенную автором концепцию. Впрочем, стоит отметить и тот факт, что в этой части исследования хотелось бы видеть и более внимательное отношение к историческим реалиям. Так, Стивен Поу указывает на то, что «они (т.е. монголы – прим. авт.) обогнули Армению и Грузию, чтобы избежать столкновения с большим числом скопившихся там врагов» [28, с. 706]. Если под Грузией и Арменией в данном случае понимаются политонимы, то автору следовало бы знать, что государства «Армения» в тот период в пределах Кавказа не существовало. В случае, если имелось в виду что-то иное, то требуется как минимум объяснение этого, поскольку под термином «Грузия» в данном разделе автор, если следовать тексту, имеет в виду именно государство. Такое отношение к историческим реалиям Южного Кавказа в указанный исторический период со стороны специалиста выглядит как минимум странным.

Последующие разделы представленной статьи «Кампания 1223 года и обстоятельства смерти Джебе-нойона» и «Лингвистические и косвенные доказательства того, что Гемябег является Джебе-нойоном» хотелось бы рас-

смотреть вместе, поскольку именно в них автор обстоятельно выстраивает собственную концепцию гибели Джэбэ-нойона, что, по большому счету и является главной целью представленного исследования. Прежде всего, отметим тот факт, что для авторской концепции гибели Джэбэ в ходе военных действий, предшествовавших битве на Калке 1223 г., имеются опровержения как источниковедческого, так и лингвистического характера. Для начала отметим некоторые лакуны по данному вопросу в исторических памятниках. В источниках имеются не прямые данные о том, что Джэбэ вернулся из этого похода, которые отмечает и Стивен Поу, однако, не имеет возможности ничего противопоставить им, кроме логических заключений, опирающихся на уже сделанное им отождествление [28, с. 716–717]. «Юань ши» 元史 (цз. 120, с. 15а) в биографии Исмаила (Хэ-сы-ма-ли 曷思麦里) сообщается, что войска под командованием Джэбэ (Чжэ-бо 哲伯) завоевали страну (го 国) правителя (чжу 主) Мстислава (Ми-чжи-сы-ла 密只思臘), Джэбэ (Чжэ-бо 哲伯) приказал Исмаилу (Хэ-сы-ма-ли 曷思麦里) представить Мстислава (Ми-чжи-сы-ла 密只思臘) «наследнику престола» (тай-цзы 太子) Джучи (Чжу-чжи 誅之), потом его казнили [55, S. 204–205; 56, s. 346, 350, note 20; 9, с. 35; 36, с. 522]. Повествование о Джэбэ заканчивается фразой: *цзюнь хай чжэ-бо цзу* 軍還哲伯卒 (ср.: [28, с. 716, прим. 34]), что в русскоязычном буквальном переводе Е.И. Кычанова: «Армия вернулась. Чжэбе скончался» [9, с. 35]; в синтаксически адаптированном переводе Р.П. Храпачевского: «По возвращении войска Чжэбэ умер» [36, с. 522]; ср. адаптированный перевод Б. Ёгеля на турецкий язык: «<...onların da maglup ederek> geriye döndüğü zaman Cäbä ölmüştü» [56, s. 346]. В этом случае интерпретация текста как указание на одновременность или последовательность событий не противоречит нормам синтаксиса китайского языка, но с формальной точки зрения сами контексты упоминания в одном и том же тексте (биография Исмаила (Хэ-сы-ма-ли 曷思麦里)) Джэбэ указывают на то, что он, по крайней мере, был жив после столкновения с русскими, независимо от того, погиб ли он в самом этом походе или умер по возвращению войска.

У Рашид ад-Дина имеется беглое указание на то, что Джэбэ и Субэдэй прибыли ко двору ха'ана Угэдэя и засвидетельствовали ему свое почтение [29, с. 98–99; 63, р. 41]. В источнике [71, ص ٧٣]:

جبه و سوباتای که به ایران زمین آمده بودند و به راه تیمور قهله ناز گشته ، به بتدگی اوگتای
قان رسیدند و اولچامیشی کرد

Как видно из этого отрывка сочинения Рашид ад-Дина, на которого неоднократно ссылается сам Стивен Поу, персидский историк подчеркивает возвращения обоих полководцев (третье лицо, множественное число глагольной формы). Отчего можно пренебречь прямым указанием исторического источника, когда его автор был прекрасно осведомлен обо всех перипетиях похода Джэбэ и Субэдэя, остается только гадать. Так или иначе, перед нами прямое указание на то, что в ходе Западного похода Джэбэ не погиб.

Возможно, этот же мотив перекочевал к Абу'л-Гази в «Шаджара-йи тюрк ва могул», где в качестве участника погони за хорезмшахом упомянут один Джэбэ (ср. в «Шаджара-йи таракима» и Джэбэ, и Субэдэй [8, с. 44 (рус. перевод), ۲۰, § 300 (тюрк. текст)]), который завоевал Иран, Азербайджан и Грузию, прошел Тимур Капу (Железные ворота), разорил Дагестан, земли черкесов и кыпчаков, затем пересек Итиль (Волгу) и Йаик (Урал) и после четырехлетнего похода вернулся к Чингиз-хану, присоединившись к нему в Ала-Тау (لا اذ غاۋ) [49, p. ۶۶; 50, p. 70; 55, S. 146, Ann. 1].

При любых обстоятельствах игнорировать свидетельства этих трех (или, учитывая зависимость Абу'л-Гази от Рашид ад-Дина, – двух) источников нельзя, опираясь лишь на логические соображения. Потому, даже не вдаваясь в дискуссию о том, кто из двух полководцев, Джэбэ или Субэдэй, командовал походом, а кто находился в более подчиненном положении, и также не вдаваясь в обсуждение предлагаемой Стивенем Поу реконструкции битвы при Калке, мы обратим внимание на саму возможность сопоставления имен Джэбэ-нойона и «воеводы» Гемябека. Этот момент сам по себе должен требовать очень обстоятельную аргументацию, подразумевающую довольно обширную источниковедческую работу и более пристальное внимание к лингвистическим вопросам.

Следует рассмотреть сами случаи упоминания имени монгольского «воеводы» в древнерусских летописях. Мы встречаем следующие формы имени (приводятся падежные формы – творительный и винительный, как в оригинале):

Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку: *Гемябѣкомъ*, *Семѣябѣкати* [19, стб. 506, прим. 4];

Софийская первая летопись: *Сгемябѣкомъ*, *Сгемябѣга* [21, с. 204] (ср.: [19, стб. 506, прим. 4]).

Тверская летопись: *Гемябѣкомъ*, *Гемябѣка* [23, с. 340].

Младшая Новгородская летопись первого извода: *Гемябѣгомъ*, *Гемябѣга* [17, с. 266]

Львовская летопись: *Гомябѣгомъ*, по списку Н.А. Львова – *Гамябекомъ* [25, с. 152, прим. 14].

Ермолинская летопись: *Гомябѣкомъ* [26, с. 70].

Если принять во внимание мнение о том, что начало описания битвы н Калке в Лаврентьевской и Новгородской летописях восходят к одному источнику, судя по всему, южно-русскому, где при относительной краткости Лаврентьевской, Младшая Новгородская первого извода характеризуется большими подробностями в самом повествовании, обнаруживая ряд симпатий к князю Мстиславу Удалому, Софийская первая летопись, хотя при ее составлении использовались две выше упомянутые, содержит независимые фрагменты [10, с. 66; 11, с. 34; 47; 5, с. 13, 14], Тверская в ранней части зависима от суздальско-новгородской традиции, Ермолинская и близкая к ней Львовская являются в интересующей нас части позднейшими компиляциями [11, с. 51–52, 74, 89, 99, 154–155, 231], то мы должны учитывать все три формы: **Гемябѣкъ*, **Семѣябѣкъ* (Лавр.), **Сгемябѣкъ*, **Сгемябѣзь* (Соф. I), **Гемябѣзь* (Новг.). Что касается конечного звука, то, судя по зафиксированному в Codex Cumanicus *beg* ‘princeps’, *bej* ‘baron’ [41, 104, 105, 300 o. (Index); 43, s. 54], в исходном звучании должна быть именно эта форма со звонким гласным, что отражено в Новгородской летописи. Впрочем, в других случаях

летописец или его русскоговорящий источник могли не обратить внимания на такие частности, руководствуясь принципом «как слышится, так и пишется». В любом случае, эта деталь не столь существенна и мало что может дать. Иной вопрос – вариации начальной формы: **Гема-/Гемя- ~ *Семеа- ~ *Сгемя-.* Возможно допущение, что в основе разночтения в Лаврентьевской летописи лежит непонимание автором текста или на каком-то этапе переписчиком содержания повествования сюжета о Калке, что допустимо, учитывая количество описок в источнике [10, с. 58–59, 62], и точно так же только теоретически можно предположить, что составитель Софийской первой летописи осознанно или нет, но создал некий гибрид, комбинируя оба источника: **Гема-/Гемя- > *Сгемя- < *Семеа-*

Что касается Джэбэ, оригинальное среднемонгольское звучание имени рассматриваемого персонажа находит параллели в ряде монгольских языков: письм.-монг. *jebe* ‘Kriegsgerät, Waffen’, халх.-монг. *zew* ‘arrowhead, spearhead’; бур. *zebe* ‘Spitze; Schneide’; ордос. *jīwe* ‘pointe de flèche’; ойрат. *zebe* ‘lance, weapon’, *zebseg* ‘weapons’; калм. *zer zew* ‘Waffen, Bewaffnung; Instrument (der Handwerker), Zubehör; Hausgerät’ [66, s. 272]. Это же звучание отражают различные варианты, приводимые в «Юань ши» 元史 (Чжэ-бе 哲別, пиньин. *zhé-bié*; Чжэ-бе 遮別, пиньин. *zhē-bié*; Шэ-бе 闍別, пиньин. *shé-bié*; Чжэ-бу на-янь 折不那演, пиньин. *zhé-bù nà-yǎn*; Чжэ-бо 哲伯, пиньин. *zhé-bó*; Чжи-бе 只別, пиньин. *zhǐ-bié*; Чжэ-би на-янь 者必那演, пиньин. *zhě-bì nà-yǎn*; [*Чжэ-]бе на-янь 別那顏, пиньин. *bié nà-yán*; Чжэ-бе-эр 折別兒, пиньин. *zhé-bié-ér*; Чжэ-бай 柘柏, пиньин. *zhè-bǎi*) и «Мэн да бэ-лу» 蒙韃備錄 (Чжэ-бо 鷓博, пиньин. *zhè-bó*). Рашид ад-Дин употребляет форму جبه [ʒbh] > **jebe*, ан-Насави, Джувеини, Джузджани – يمه [ymh] > **yāmā*, что П. Пельо назвал «тюркизированной» формой [48, р. 154–156] (см. также: [44, р. 142–143, note 1, 373; 51; 28, с. 710]). У Абу’л-Гази, зависимого от Рашид ад-Дина: جبه [ʒbh] («Шаджара-йи таракима») [8, с. ۲۰, § 300 (тюрк. текст)], چپه [čph] («Шаджара-йи тюрк ва могул») [49, р. ۶۶].

В армяноязычной «Хронике» Мхитара Айриванеци называется Ջեբե [70, էջ 65], т.е. Джэбэ [2, с. 89]. В анонимном грузинском сочинении XIV в., «Столетней летописи» («Жамта агмцерели», ჯამთა აგმწერელი), вошедшей в состав хроники «Картлис цховреба», дан следующий пассаж: «Чингиз-каэн отправил (в погоню) за ним двух предводителей – Иаму и Салпиана, коих грузины именуют Себа и Джебо» [7, с. 336], т.е. здесь названы იამა и სალფიან-ი, что, как говорится, «по-картвельски» (ქართველბი), სებაჯება-ს [70, გვ. 146]. Либо это два слова სება и ჯება-ს, и тогда ჯება, т.е. Джеба, соотносится, скорее, с იამა, т.е. Иама, хотя не исключено, что составитель хроники вообще плохо понимал, о чем идет речь, и привел все три известные ему формы, если не четыре. В этом случае не только სება, т.е. Себа, заслуживает отдельного внимания (< **sebā*?). Дело в том, что სალფიან едва ли является искаженной формой исходного *Sübe’etei* (< **sübê*) [66, S. 660], а, возможно, как-то связан с искаженной формой исходного **Säbä-nojan* (**საბანოან*?). Все это могло быть следствием ошибок

поздних переписчиков, которые выявляются в тексте в ряде других случаев [37, с. 119]. В случае с *oɣɔɔ* и *χɣɔɔ* речь может идти о двух разных источниках заимствования, показывающих **jämä* и **žebä* соответственно, поскольку передача подобных форм, судя по имеющимся данным касательно, о крайней мере тюркских заимствований в грузинском (См.: [52, s. 123]), не должна была вызвать каких-то сложностей. Одним из таких источников, что характерно, могла быть даже «Тайная история монголов» [37, с. 121, 122]³.

Исходя из логики автора рассматриваемой статьи в случае с Гемябеком [28, с. 710], речь должна идти о заимствовании «тюркской» формы, но даже не **jEmä*, а **χata* [28, с. 710, 711].

Действительно, в доступной литературе, – специальной и справочной, – нам не удалось обнаружить случаев, демонстрирующих возможность отражения тюрк. *je-* через слав. *ze-*. Все известные формы заимствований из других языков демонстрируют наличие инициального *G-*, *K-* или *χ-* (см., напр.: [39, с. 112–117])⁴. Иначе говоря, пришлось бы предполагать исходную форму **gEmä* или вообще **χEmä*, хотя, следуя Стивену Поу, должен быть именно велярный вариант **χata* [28, с. 710, 711].

Однако длинные рассуждения автора статьи все-таки не дают ответа на вопрос, каким образом, **žEbä* ~ **jEmä* превратился в **χata* или даже **χEmä*, а затем в **Gemä*? Если второе звено в этой схеме фонетических трансформаций, как было отмечено выше, возможно, то первое – не может вытекать ни из чего вообще. Максимум, что можно предположить, если совсем пуститься в область гипотез и фантазий, это существование в каком-нибудь арабографическом источнике формы типа *جمه** *[žmh]* < **žEmä*, которая при попадании к тюркоязычному, а затем – к русскоязычному грамотею, ввиду каких-либо палеографических причин была принята за *حه** *[hmh]* или *خمه** *[hmx]*, дав при прочтении **χEmä* или даже **χata*, в итоге превратившись в желанное **гемя-*, и то, скорее, из первого, потому что пришлось бы искать дополнительные аргументы для объяснения палатализации во втором случае.

Вероятно, при сильном желании и широкой фантазии, можно было бы изыскать еще какие-либо пути объяснения столь необычной трансформации, однако, те данные, которыми мы реально располагаем, позволяют ограничиться лишь следующими рассуждениями.

Вообще для полноты как аргументации, так и контраргументации всех подобных сопоставлений следовало бы рассмотреть все возможности появления в древнерусском источнике имени **Гемябѣгъ*, при возможности согласиться с автором статьи, что элемент *бѣгъ*, передавая оригинальное тюркское **beg*, семантически эквивалентен монгольскому *nojan* [28, с. 711].

Инициальный *g-* не характерен для кыпчакских языков в целом [33, с. 276–277]. В языке Codex Cumanicus, первом известном письменном памят-

³ Характерно, что монгольский историк XVII в. Санан Сэцэн вообще не упоминает Джэбэ, во всех соответствующих «Тайной истории...» эпизодах называя Джэлмэ, который был совсем другим человеком [57, р. 173]. Причина этого не ясна, хотя, конечно, оставляет возможности для различных спекуляций.

⁴ Авторы статьи выражают глубокую признательность чл.-корр. РАН, д.и.н., проф. А.В. Дыбо (Институт языкознания РАН) за возможность проконсультироваться с ней по ряду лингвистических вопросов.

нике западно-кыпчакского языка, в словах с палатальным вокализмом, являющихся заимствованиями, может быть прослежено *ji-* > *ži-*, *je-* > *že-* [43, S. 53–54], в частности, *gichōv* [žihōv] ‘templum’ при *jihov* id. [41, о. 158, 273, 198, 276], в случае с в *giemis* [žemis] ‘fructus’, при *jemis* id [41, о. 89, 273, 125, 276]. Это значит, что исконное **jEmä* могло передаться в кыпчакском как **žEmä*, и, надо отметить, в свое время И.Н. Березин мимоходом предложил оригинальное чтение *Джемебек* [4, с. 247]. Однако, даже если было бы так, при заимствовании в древнерусский западно-кыпчакское **žEmä* должно было дать что-то наподобие **жємя* (ср.: [12, с. 96]).

В древнерусских летописях под 1184 г. упоминаются *половци Ємакове* [18, стб. 389; 22, с. 9], ср.: *еммякове* [24, с. 27], *Емаковы* [25, с. 135]. Если мы принимаем отождествление этого названия с именем тюркской племенной группировки *jemäk* [57, р. 335; 46, р. 307; 45, р. 121], то получаем наглядный пример передачи в древнерусском языке фонетически идентичной искомому **jEmä* формы, где, однако, тюрк. *je-* > др.-рус. *е-*. Другой пример, который может демонстрировать подобную закономерность: *Єтебичи* < **jeti oba* [46, р. 65; 45, р. 113, 121] (ср. передачу имен, образованных от основы **jeti* в более поздних источниках: [64, р. 58]). Основная часть известных тюркизмов, в древнерусском имевших инициальный *е-* (/je/ > /ji/), отражала адаптацию тюркского веларизованного *ja-* [58, р. 302; 27, с. 156; 12, с. 187–188].

Инициальный *j-* может в кыпчакских языках редуцироваться (кыргызский, алтайский, карачаево-балкарский) [33, с. 281] и, если допустить этот процесс в западно-кыпчакском, то получившееся **jEmä* > **emä*, исходя из примера слова с инициальным *е-* как **Елтоуть* (упомянут под 1180 г.) [20, стб. 623] < **eltut* [65, р. 333; 46, р. 306, note 55], дало бы др.-рус. **ємя*.

Вместе с тем, если допустить гипотезу О. Прицака об этимологизации летописного написания имени половецкого хана (уп. в 1107 г.) *Гиргенъ* < **irgen*, в древнерусском фиксируется наличие протетического инициального *g-* при передаче, по крайней мере, иноязычного *i-* [57, р. 334], однако эта гипотеза не имеет никаких подтверждений, как и сама этимология О. Прицака. Ср. также: < тюрк. *girgin* ‘ласковый, вкрадчивый, дерзкий’, тюрк. *kirgin* ‘достигнувший цели’, ‘долженствующий достигнуть цели’, монг. *gürgen* ~ *kürgen* ‘зять’ [3, с. 77, 80, 83]. Этимология О. Прицака допускает что-то связанное со ср. монг. *irgen* с зафиксированным основным значением для ср.-монг. ‘люди’ (абстрактное), релятивное, ввиду чего слово приобретает более конкретные значения [31]. В источниках термин отражен в написании уйгурским шрифтом как *irgen*, в написании шрифтом Пагс-Па как *'irgen*, в написании китайским шрифтом встречается форма *yirgen*, арабским письмом – *hirgen*, армянским письмом обозначается *irkan* (см.: [66, s. 158–159]). Термин представляется заимствованием из тюркской среды [62, s. 209; 42, s. 126–127]. Первая формальная аналогия – титул, встречающийся в памятниках древнетюркской рунической письменности, форме как с узким, так и широким инициальным гласным *irkin* (письм. *Ir²kIn²*) / *erkin* (письм. *r²kn²*) [68, s. 259], что в сопоставлении с известными формами передачи его звучания в среднекитайском (*сы-цзинь* 俟斤, пиньин. *qí-jīn*; *се-цзинь* 頡斤, пиньин. *xié-jīn*; *се-цзинь* 頡筋, пиньин. *xié-jīn*; *и-цзинь* 逸斤, пиньин. *yì-jīn*; *и-цзинь* 乙斤, пиньин. *yǐ-jīn*) (см., напр.: [53, s. 90–91; 54, р. 125–126, list II]) делает возмож-

ным видеть здесь закрытый /e/. Термин возводят к глаголу *irk-* ‘собирать’ [40, p. 221, 225], допускающий широкий инициальный в диалектах [32, с. 378–379], ср. гомогенное карах.-уйг. *irkin* «‘collected together in one place’ and like» [40, p. 225], а также прилагательное-омоним *erkin* ‘свободный’, ‘(при)вольный’ < **er-*, ср. *erk* ‘воля’, ‘сила’ [32, с. 296]. Зафиксированное, по крайней мере, к 629 г., в «Синь Тан шу» 新唐書 написание названия подразделения (бу部) племени *си 霫*, *ду-лунь хэ-цзинь* 都倫紇斤 [35, с. 42, при некорректной реконструкции на с. 43–44]: пиньин. *dōu-lún hé-jīn* < ран. ср.-кит. **tɔ-lwin ɣət-kin*, позд. ср.-кит. **tuǎ-lɥn xɦət-kin* [58, p. 81, 202, 123, 156], < **törün ɣerkin* [53, S. 95, 124, Tab. II.3, S. 137, Tab. III.12, S. 90–91, 130, Tab. II.9, S. 128–129, Tab. II.8; 54, p. 70, tabl. I.3, p. 92, tabl. III.9, p. 74, tabl. I.9, p. 73, tabl. I.8, p. 125–126, 132, list II], вторая часть которого предоставляет возможность передачи первого слога с начальным задним звонким смычным согласным /ɣ/ [35, с. 43, прим. 10], дает основание предполагать в реконструируемом звучании **ɣerkän* произношение на том языке, из которого китайскими авторами это слово было взято. Кроме того, реконструкция контекста всей фразы позволяет предположить сдвиг семантики в сторону значений, зафиксированных в монгольских языках (см.: [67, p. 622; 15, с. 19]). Ср., вероятно, зап.-бур. этнонимы *ирхидэй* / *эрхидэй*, *иркит* [14, с. 44; 13, с. 149; 15, с. 19]. Гипотетичность и реконструкций, и отождествлений, а также значительный хронологический разрыв между зафиксированными формами при допустимом сближении, не дает основания ни для каких далеко идущих выводов.

Таким образом, к выше сказанному относительно форм с инициальным глухим велярным спирантом следует добавить, что нет никаких оснований говорить также и о возможности как передачи в др.-рус. **гема*- западнокыпчакского **jEmä*, как и нет оснований предполагать появление формы **gEmä* < **jEmä* уже в самом западно-кыпчакском.

Подводя итоги данного исследования, хотелось бы еще раз остановиться на некоторых, на наш взгляд, важных сюжетах. Прежде всего, оба вынесенных автором на рассмотрение концептуальных положения обстоятельной критики не выдерживают: представление о действиях военных отрядов Джэбэ и Субэдэя в Иране и на Кавказе, как о завоевательном походе, не находят своего подтверждения ни в источниковедческом, ни в историческом отношении. Более того, действия этих полководцев можно достаточно четко разделить на два этапа, до и после 1220 г., в первом из которых их важнейшей целью было преследование хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, а во втором – в большей степени разведка. По крайней мере, убедительного доказательства обратного, а именно завоевательного характера похода указанных войск, исторические источники, как и было показано в данной статье, не приводят. В отношении второго положения, а именно обстоятельств смерти Джэбэ и локализация данного события в работе Стивена Поу, нами, прежде всего, отмечается отсутствие лингвистической аргументации гипотезы автора при весьма ценных наблюдениях. Таким образом, в статье Стивена Поу приводятся крайне интересные, новые идеи относительно такой исторической персоналии, как Джэбэ-нойон и его военной деятельности, однако убедительных доказательств в пользу смелых авторских выводов она не содержит. Хотелось

бы надеяться, что озвученные нами контраргументы будут замечены научным сообществом и будут иметь какое-то значение для продолжения научной дискуссии по ряду затронутых Стивеном Поу вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. со старогруз. Г.В. Цулая. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 2005. 162 с.
2. Армянские источники о монголах: извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна; [отв. ред. С.Д. Дылыков]. М.: Вост. лит., 1962. 155 с.
3. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. 208 с.
4. Березин И. Первое нашествие монголов на Россию // Журнал Министерства Народного просвещения. 1853. Ч. LXXIX. Отд. 2. С. 221–250.
5. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6(16). С. 3–72.
6. Грузинский Хронограф (1207–1318) / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. П.М. Мурадяна. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1971. 252 с.
7. Картлис цховреба: история Грузии / Пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси: Изд-во «АРТАНУДЖИ», 2008. 456 с.
8. [Кононов А.Н.] Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского: исследование, тексты, переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 193. 94 с.
9. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. С. 30–42.
10. Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись – свод начала XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1974. Т. 29. Вопросы истории русской средневековой литературы. Памяти В.П. Адриановой-Перетц. С. 50–67.
11. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 283 с.
12. Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» / [Отв. ред. А. Н. Кононов; пер. с англ. А.А. Алексеев]. Л.: Наука, 1979. 268 с.
13. Нанзатов Б.З. Идинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 20. С. 136–156.
14. Нанзатов Б.З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск: Радиан, 2005. 159 с.
15. Нанзатов Б.З., Сундужева Е.В. Раннесредневековые (древнеуйгурские) этнические связи Прибайкалья с Центральной Азией (на примере группы булагатских племен «Обогони олон») // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 10. Филология. Ч. 1. С. 17–20.
16. Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер., предисл., коммент., примеч. и указатели. З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1973. 450 с.
17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Изд. 2-е. Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Петроград: Первая Петроградская Трудовая Артель Печатников, 1927. [2] с., стб. 289–488, [2] с.

19. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Изд. 2-е. Лаврентьевская летопись. Вып. 3 Приложения. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. XVI с., стб. 489–540, с. 541–580.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Изд. 2-е. Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. [2] с., стб. 1–938, 87, iv с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 5. Изд. 2-е. Псковская вторая и Софийская первая летописи. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 286 с., 2 табл.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Изд. 1-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. Министерства внутр. дел, 1885. 6, 244 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Изд. 1-е. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб.: Тип. Леонида Демиса, 1863. 12 с., 504 стб., 1 табл.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Изд. 1-е. Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. iii, 316 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Изд. 1-е. Львовская летопись. Ч. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. iv, 419 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Изд. 1-е. Ермолинская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. v, 238 с.
27. Поппе-младший Н. О тюркских лексических заимствованиях в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. LV. С. 153–161.
28. Поу С. Последняя кампания и смерть Джебе-нойона // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 698–725. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.698-725
29. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова; редакция и прим. А.А. Семенова. 221 с.
30. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 2. / Пер. с перс. О.И. Смирновой; прим. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; редакция А.А. Семенова. 315 с.
31. Рыкин П.О. Социальная группа и ее название в среднемонгольском языке: понятия *irgen* и *obog* // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 179–209.
32. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
33. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
34. Тимохин Д.М. Использование монгольскими войсками тактики хашара в период завоевания государства Хорезмшахов (1219–1221 гг.) // Батыр. 2011. № 1(2). С. 33–39.
35. Тишин В.В. Некоторые заметки по исторической этнонимике Центральной Азии: *си* 霰 или *бай-си* 白霰 // Общество и государство в Китае / Редкол.: А.И. Кобзев и др. М.: ИВ РАН, 2016 (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 20). Т. XLVI. Ч. 1. С. 41–52.
36. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 557 с.
37. Цулая Г.В. Грузинская книжная легенда о Чингис-хане // Советская этнография. 1973. № 5. С. 114–122.
38. Цулая Г.В. Джалал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. В.Н. Татищев и изучение русского летописания / Ред. Б.А. Рыбаков и др. М.: Наука, 1981. С. 112–128.
39. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / отв. ред. А.Н. Кононов. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.

40. *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
41. *Codex Cumanicus* / Ed. by G. Kuun; with the prolegomena to the *Codex Cumanicus* by Louis Ligeti. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, 1981. 54, cxxxiv, 395 oldal.
42. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI). xlviii, 557 S.
43. *Gabain A.* von. Die Sprache des *Codex Cumanicus* // *Philologiae Turcicae fundamenta: iussu et auctoritate Unionis Universae Studiosorum Rerum Orientalium, auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis Scientiae Culturae Ordinis, una cum praestantibus Turcologis* / Ed. J. Deny, K. Grønbech, H. Scheel, Z.V. Togan. T. 1. [Wiesbaden: Franz Steiner], 1959. P. 46–73.
44. *Genghis Khan.* The History of the World-Conqueror by ‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle; with a new introd. and bibliogr. by D.O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997. lxvii, 763 pp.
45. *Golden P.B.* Cumanica IV: The Tribes of Cuman-Qıpčaq // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 1995–1997. Vol. IX. P. 99–122.
46. *Golden P.B.* The Polovci Dikii // *Harvard Ukrainian Studies.* 1979–1980. № 3–4. P. 296–309.
47. *Fennell J.* The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1980. Bd. 27. P. 18–31.
48. *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts’in-tchêng lou* / Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E.J. Brill, 1951. T. I. xxvii, 485 p.
49. *Histoire des Mongols et des Tatares*, par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân / publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons. Saint-Petersbourg: Imprimerie de l’Académie Impériale des sciences, 1871. T. I. Texte. ʳʰʰ, ii p.
50. *Histoire des Mongols et des Tatares*, par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân / publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons. Saint-Petersbourg: Imprimerie de l’Académie Impériale des sciences, 1874. T. II. Traduction. iv, 384 p.
51. *Jackson P.* JABA // *Encyclopaedia Iranica* / ed. by Ehsan Yar-Shater. London: Routledge & Kegan Paul, 2007. P. 305.
52. *Janashia M.* Gürcü Dilindeki Türkçe Kökenli Özel İsimler // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi.* 2010. Cilt 17. Sayı 2. P. 115–129.
53. *Kasai Yukiyo.* Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥 // “Die Wunder der Schöpfung”. Mensch und Natur in der türksprachigen Welt / Hgs. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schönig. Würzburg: Ergon-Verlag, 2012 (Istanbuler Texte und Studien. Bd. 9). S. 81–141.
54. *Kasai Yukiyo.* The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th – 9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥 // *内陸アジア言語の研究* [Nairiku ajia gengo no kenkyū] / Studies on the Inner Asian languages. 2014. Vol. XXIX. P. 57–135.
55. *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen // Bang, W., Marquart, J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. Bd. XIII. № 1). S. 25–238.

56. *Ögel B.* Sino-Turcica: Çingiz Han ve Çin'deki hanedanının Türk müşavirleri. İstanbul, 2002 (IQ Kültür Sanat Yayıncılık: 30; Araştırma-İnceleme Dizisi: 13) [Repr. of: Tai-pei, 1964]. xxii, 412 s.
57. *Pelliot P.* A propos des Comans // *Journal Asiatique*. 1920. XI série. T. XV. № 1. P. 125–185.
58. *Poppe N.J. Jr.* A Survey of Studies of Turkic Loan-Words in the Russian Language // *Central Asiatic Journal*. 1966. Vol. 11. No. 4. P. 287–310.
59. *Pow S.* The Last Campaign and Death of Jebe Noyan // *Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge. 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 31–51.
60. *Pritsak O.* The Polovcians and Rus // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. T. II. P. 321–380.
61. *Pulleyblank E.G.* A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. vii, 488 p.
62. *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. III). xxx, 560 S.
63. Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh. A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols / Transl. and Annotation by Wheeler M. Thackston. Pt. 1. Cambridge, MA: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998 (Sources of Oriental Languages & Literatures 45; Central Asian Sources IV). xlv, 244 p.
64. *Rásonyi L.* Les noms de nombre dans l'anthroponymie turque // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1961. T. XII. Fasc. 1–3. P. 45–71.
65. *Rásonyi L.* Sur quelques catégories de noms de personnes en turc // *Acta Linguistica Hungarica*. 1953. T. III. P. 323–352.
66. *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies. 8). xxxv, 841 S.
67. *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. Pt. I. A–K (Handbook of Oriental Studies. Section eight, Central Asia; Vol. 8/1). P. 1–858.
68. *Şirin User H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009 (Kömen Yayınları 32; Türk Dili Dizisi 1). 548 s.
69. ქართლის ცხოვრება: ტომი II. ბასილი ეზოსმოდვარი, ცხოვრებაჲ მეფეთ-მეფისა თამარისი. თბილისი: ბაკურ სულაკაური, 2012. 264 გვ.
70. *Մխիթար Արքիպանեցի.* Պատմութիւն հայոց / Լոյս ընծայեաց՝ Մ. Էմին. Մոսկվա : տպ. Լազարեան ճեմարանի Արևելեան լեզուաց, 1860. 69, 18 էջ.
71. رشيد الدين فضل الله همداني [Rashīd al-Dīn Fazl-āllah Hamedānī]. جامع التواريخ [Jāmī al-Tawārīkh]. Publ. and comment. by Moḥammad Roshan, Mostafa Mousavi [به تصحيح و تحشيه: محمد روشن؛ مصطفى موسى] تهران [Tehrān]: نشر البرز [Nashr ālbarz], ۱۳۷۳. 1 بخش. 776 ص.

Сведения об авторах: Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Института востоковедения РАН (107031, Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация). E-mail: horezm83@mail.ru

Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: tihij-511@mail.ru

Поступила 24.05.2018 Принята к публикации 27.08.2018
Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. *Anonimnyi gruzinskii "Khronograf" 14 veka* [Anomymous Georgian Chronograph of the fourteenth century]. Tsulaya G.V. (trans.). Moscow, Institute of Ethnology and Antropology, 2005. 162 p. (In Russian)
2. *Armianskie istochniki o mongolakh: izvlecheniia iz rukopisei 13–14 vv.* [Armenian Sources on the Mongols: Extracts from the Manuscripts of the thirteenth and fourteenth centuries]. Galstyan A.G. (trans.). Moscow, Oriental Lierature, 1962. 155 p. (In Russian)
3. Baskakov N.A. *Tiurskaia leksika v "Slove o polku Igoreve"* [A Turkic Lexion in the "Igor's Tale"]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 208 p. (In Russian)
4. Berezin I. *Pervoe nashestvie mongolov na Rossiiu* [The First Mongol Invasion of Russia]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1853. Part 79, Is. 2, pp. 221–250. (In Russian)
5. Gippius A.A. *K istorii slozheniia teksta Novgorodskoi pervoi letopisi* [On the History of Formation of the Text of the Novgorod First Chronicle]. *Novgorodskii istoricheskii sbornik* [Novgorod Historical Collection]. 1997. Vol. 6(16), pp. 3–72. (In Russian)
6. *Gruzinskii Khronograf (1207–1318)* [Georgian Chronograph (1207–1318)]. Muradyan P.M. (trans.). Erevan, Academy of Sciences of Armenian SSSR, 1971. 252 p. (In Russian)
7. *Kartlis tskhovreba: istoriia Gruzii* [Kartlis Tskhovreba: A History of Georgia]. Metreveli R. (trans.). Tbilisi, "ARTANUDZhi" Press, 2008. 456 p. (In Russian)
8. [Kononov A.N.] *Rodoslovnaia turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, khana khivin-skogo: issledovanie, teksty, perevody* [The Genealogy of Turkmens. A Compositin of Abu'l-Ghazi of Khiva: Analysis, Text, Translation]. Moscow; Lenibgrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 193, 94 p. (In Russian)
9. Kychanov E.I. *Svedeniia iz "Istorii dinastii Iuan" ("Iuan' shi") o Zolotoi Orde* [Evidence from the "History of Yuan Dynasty" on the Golden Horde]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ord)*. *Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556* [A Study of Sources of the ulus of Jochi (Golden Horde): From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2001, pp. 30–42. (In Russian)
10. Lurje Ia.S. *Lavrent'evskaia letopis' – svod nachala 14 v.* [Laurentian Chronicle: A Composition of the early fourteenth century]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Likhachev D.S. (ed.). Leningrad, Nauka, 1974. Vol. 29. *Voprosy istorii russkoi srednevekovoi literatury. Pamiati V.P. Adrianovoi-Peretts* [Problems of a History of Russian Literature, Dedicated to the Memory of V.P. Adrianova-Peretts], pp. 50–67. (In Russian)
11. Lurje Ia.S. *Obshcherusskie letopisi 14–15 vv.* [Common Russian Chronicles of the fourteenth and fifteenth centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 283 p. (In Russian)
12. Menges K.G. *Vostochnye elementy v "Slove o polku Igoreve"* [Oriental Elements in the "Igor's Tale"]. Kononov A.N. (ed.), Alekseev A.A. (transl.). Leningrad, Nauka, 1979. 268 p. (In Russian)
13. Nanzatov B.Z. *Idinskie buriaty v 19 v.: etnicheskii sostav i rasselenie* [Ida Buryats in the nineteenth century: An Ethnical Composition and Territory of Settlement]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia "Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia"* [Reports of the Irkutsk State University. Series "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology"]. 2017. Vol. 2, pp. 136–156. (In Russian)

14. Nanzatov B.Z. *Etnogenez zapadnykh buriat (6–19 vv.)* [An Ethnogenesis of Western Buryats (from the sixth to the nineteenth century)]. Irkutsk, Radian Press, 2005. 159 p. (In Russian)
15. Nanzatov B.Z., Sundueva E.V. Rannesrednevekovye (drevneuigurskie) etnicheskie svyazi Pribaikal'ia s Tsentral'noi Aziei (na primere gruppy bulagatskikh plemen "Obogoni olon") [Early Medieval (Ancient Uighur) Ethnic Ties of Baikal Region with Inner Asia (based the Example of Group of Bulagat Tribes "Obogoni Olon")]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University]. 2014. Vol. 10. Philology. Part 1, pp. 17–20. (In Russian)
16. An-Nasavi Shihab al-Din Muhammad. *Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny* [The Life of Sultan Jalal al-Din Mankburny]. Bunyatov Z.M. (trans.). Baku, Elm, 1973. 450 p. (In Russian)
17. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* [Novgorod First Chronicle according to the Oldest and Younger Izvods]. Nasonov A.N. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 642 p. (In Old Russian)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. 2nd ed. *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. Pt. 2. *Suzdal'skaya letopis' po Lavrent'evskomu spisku* [Suzdal Chronicle according to the Laurentian Manuscript]. Petrograd, Pervaya Petrogradskaya Trudovaya Artel' Pechatnikov, 1927. [2] p., cols 289–488, [2] p. (In Old Russian)
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. 2nd ed. *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. Pt. 3. *Prilozheniia. Prodolzhenie Suzdal'skoi letopisi po Akademicheskomu spisku* [Appendix. A Continuation of the Suzdal Chronicle according to the Academical Manuscript]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1928. xvi p., cols 489–540, pp. 541–580. (In Old Russian)
20. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. 2nd ed. *Ipat'evskaya letopis'* [Hypathian Chronicle]. St. Petersburg, Tipography of M.A. Aleksandrov, 1908. [2] p., cols 1–938, 87, iv p. (In Old Russian)
21. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 5. 2nd ed. *Pskovskaya vtoraya i Sofiyskaya pervaya letopisi* [Pskov Second and Sophian First Chronicles]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1925. 286 p., 2 tabl. (In Old Russian)
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 10. 1st ed. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu* [Collection of Chronicles called the Patriarch's or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, Tipography of Ministry of Internal Affairs, 1885. 6, 244 p. (In Old Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 15. 1st ed. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Tverskoiu letopis'iu* [Collection of Chronicles called the Tver Chronicle]. St. Petersburg, Tipography of Leonid Demis, 1863. 12 p., 504 cols, 1 tabl. (In Old Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18. 1st ed. *Simeonovskaya letopis'* [Simeon Chronicle]. St. Petersburg, Tipography of M.A. Aleksandrov, 1913. iii, 316 p. (In Old Russian)
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 20. 1st ed. *L'vovskaya letopis'* [Lvov's Chronicle]. Part 1. St. Petersburg, Tipography of M.A. Aleksandrov. iv, 419 p. (In Old Russian)
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 23. 1st ed. *Ermolinskaia letopis'* [Ermolin's Chronicle]. St. Petersburg, Tipography of M.A. Aleksandrov, 1910. v, 238 p. (In Old Russian)
27. Poppe-junior N. O tiurkskikh leksicheskikh zaimstvovaniyakh v "Slove o polku Igoreve" i "Zadonshchine" [On the Turkic Borrowings in the "Igor's Tale" and "Zadonshchina"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of

Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Press, 2004. Vol. 40, pp. 153–161. (In Russian)

28. Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 698–725. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.698-725 (In Russian)

29. Rashid al-Din. *Sbornik letopisei* [A Collection of Chronicles]. Moscow; Lenin-grad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. Vol. 1. Part 1. / Khetagurov L.A. (trans.). 221 p. (In Russian)

30. Rashid al-Din. *Sbornik letopisei* [A Collection of Chronicles]. Moscow; Lenin-grad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. T. 1. Pt. 2 / O.I. Smirnova (trans.). 315 p. (In Russian)

31. Rykin P.O. Sotsial'naia gruppy i ee nazvanie v srednemongol'skom iazyke: poniatiia *irgen* i *oboq* [A Social Group and Its Nomination in the Middle Mongolic: the terms *irgen* and *oboq*]. *Antropologicheskii forum* [Antropological Forum]. 2004, no. 1, pp. 179–209. (In Russian)

32. Sevortian E.V. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov (Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na glasnye)* [An Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Interturkic stems starting with vowels)]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 767 p. (In Russian)

33. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Regional'nye rekonstruktsii* [A Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Regional Reconstructions]. Tenishev E.R. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 2002. 767 p. (In Russian)

34. Timokhin D.M. Ispol'zovanie mongol'skimi voiskami taktiki khashara v period zavoevaniia gosudarstva Khorezmshakhov (1219–1221 gg.) [The Execution of the Tactics of *Khashar* by the Mongol Troops during Their Conquest of the Khwarezmshah Empire in 1219–1221]. *Batyr*. 2011, no 1(2), pp. 33–39. (In Russian)

35. Tishin V.V. Nekotorye zametki po istoricheskoi etnonimike Tsentral'noi Azii: *si 霰* ili *bai-si* 白霰 [Some Remarks on the Ethnonymy of Inner Asia: *Xi 霰* and *Bai-xi* 白霰]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [A Society and the State in China]. Kobzev A.I. (ed.). Moscow, Institute of Oriental Studies, 2016. Vol. 46. Part 1, pp. 41–52. (In Russian)

36. Khrapachevskii R.P. *Voennaia derzhava Chingiskhana* [A Military Polity of Chinggis Khan]. Moscow, AST, LituKS, 2005. 557 p. (In Russian)

37. Tsulaya G.V. Gruzinskaia knizhnaia legenda o Chingis-khane [Georgian Book Legend about Chinggis Khan]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography]. 1973. No. 5, pp. 114–122. (In Russian)

38. Tsulaya G.V. Dzhahal ad-Din v otsenke gruzinskoi letopisnoi traditsii [Jalal al-Din in the Assessment of the Georgian Chronicle Tradition]. *Letopisi i khroniki. 1980. V.N. Tatishchev i izuchenie russkogo letopisaniia* [Annals and Chronicles. 1980. V.N. Tatishchev and the Study of Russian Chronicles]. Rybakov B.A. (ed.). Moscow, Nauka, 1981, pp. 112–128. (In Russian)

39. Shipova E.N. *Slovar' tiurkizmov v russkom iazyke* [A Vocabulary of Turkic Borrowings in Russian]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1976. 444 p. (In Russian)

40. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.

41. *Codex Cumanicus*. Kuun G (ed.), Ligeti L. (not.). Budapest, Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, 1981. 54, cxxxiv, 395 oldal. (In Hungarian)

42. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1963. Bd. I. *Mongolische Elemente im Neupersischen* (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI). xlviii, 557 p. (In German)

43. Gabain A. von. Die Sprache des Codex Cumanicus. *Philologiae Turcicae fundamenta: iussu et auctoritate Unionis Universae Studiosorum Rerum Orientalium, auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis Scientiae Culturae Ordinis, una cum praestantibus Turcologis*. Vol. 1. Deny J., Grønbech K., Scheel H., Togan Z.V. (eds.). [Wiesbaden, Franz Steiner], 1959, pp. 46–73. (In German)
44. Genghis Khan. *The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Boyle J.A. (trans), Morgan D.O. (pref.). Manchester, Manchester University Press, 1997. lxvii, 763 p.
45. Golden P.B. Cumanica IV: The Tribes of Cuman-Qipčaq. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1995–1997. Vol. 9, pp. 99–122.
46. Golden P.B. The Polovci Dikii. *Harvard Ukrainian Studies*. 1979–1980. No 3–4, pp. 296–309.
47. Fennell J. The Tatar Invasion of 1223: Source Problems. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1980. Bd. 27, pp. 18–31.
48. *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchéng lou*. Pelliot P., Hambis L. (trans.). Leiden, E.J. Brill, 1951. Vol. I. xxvii, 485 p. (In French)
49. *Histoire des Mongols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân*. Desmaisons J.J.P. (publ.). Saint-Petersbourg, Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1871. T. I. Texte. ٢٨٧, ii p. (In French)
50. *Histoire des Mongols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân*. Desmaisons J.J.P. (trans.). St. Pétersbourg, Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1874. Vol. II. Traduction. iv, 384 p. (In French)
51. Jackson P. JABA. *Encyclopaedia Iranica*. Ehsan Yar-Shater (ed.). London, Routledge & Kegan Paul, 2007, p. 305.
52. Janashia M. Gürcü Dilindeki Türkçe Kökenli Özel İsimler. *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi*. 2010. Vol. 17. Part 2, pp. 115–129. (In Turkish)
53. Kasai Yukiyo. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription tū jué 突厥. “Die Wunder der Schöpfung”. *Mensch und Natur in der türksprachigen Welt*. Heuer B., Kellner-Heinkele B., Schöning C. (eds.). Würzburg, Ergon-Verlag, 2012 (Istanbuler Texte und Studien. Bd. 9), pp. 81–141. (In German)
54. Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th – 9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as tū jué 突厥. 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū]. *Studies on the Inner Asian languages*. 2014. Vol. 29, pp. 57–135.
55. Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. In: Bang, W., Marquart, J. *Ostturkische Dialektstudien*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. Bd. XIII. No 1), pp. 25–238. (In German)
56. Ögel B. *Sino-Turcica: Çingiz Han ve Çin'deki hanedanının Türk müşavirleri*. İstanbul, 2002 (IQ Kültür Sanat Yayıncılık: 30; Araştırma-İnceleme Dizisi: 13) [Repr. of: Tai-pei, 1964]. xxii, 412 p. (In Turkish)
57. Pelliot P. A propos des Comans. *Journal Asiatique*. 1920. 11 série. Vol. 15, no. 1, pp. 125–185. (In French)
58. Poppe N.J. Jr. A Survey of Studies of Turkic Loan-Words in the Russian Language. *Central Asiatic Journal*. 1966. Vol. 11, no. 4, pp. 287–310.
59. Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan. *Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, 2017. Vol. 27. Is. 1, pp. 31–51.
60. Pritsak O. The Polovcians and Rus. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Vol. 2, pp. 321–380.

61. Pulleyblank E.G. *A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver, UBC Press, 1991. vii, 488 p.
62. Ramstedt G.J. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki, 1935 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. III). xxx, 560 p. (In German)
63. Rashiduddin Fazlullah's *Jami'u't-tawarikh. A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols*. W.M. Thackston (trans.). Pt. 1. Cambridge, MA, Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998 (Sources of Oriental Languages & Literatures 45; Central Asian Sources IV). xlv, 244 p.
64. Rásonyi L. Les noms de nombre dans l'anthroponymie turque. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1961. Vol. 12. Fasc. 1–3, pp. 45–71. (In French)
65. Rásonyi L. Sur quelques catégories de noms de personnes en turc. *Acta Linguistica Hungarica*. 1953. Vol. 3, pp. 323–352. (In French)
66. Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki, Yliopistopaino Oy, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies. 8). xxxv, 841 p. (In German)
67. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden; Boston, Brill, 2003. Pt. I. A–K (Handbook of Oriental Studies. Section eight, Central Asia; Vol. 8/1), pp. 1–858.
68. Şirin User H. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi*. Konya, 2009 (Kömen Yayınları 32; Türk Dili Dizisi 1). 548 p. (In Turkish)
69. *Kartlis Tskhovreba [Life of Kartli]*. Vol. II. *Basili Ezosmodzghvari, Tskhovreba ო მepet-mepisa Tamarisi [History of the King of Kings Tamar]*. Tbilisi, Bak'ur Sulak'auri, 2012, 264 p. (In Georgian).
70. Mkhit'ar Ayrivanets'i. *Patmut'iwn hayots'*. Emin M. (publ.). Moscow, Lazarean chemarani Arevelean lezuats' [Lazarev Lyceum for Oriental Languages], 1860. 69, 18 p. (In Armenian)
71. Rashīd al-Dīn Faẓl-āllāh Hamedānī. *Jāmī al-Tawārīkh*. Roshan M., Mousavi M. (publ. and comment.). Tehrān, Nashr ālbarz, 1373. Vol. 1. 776 p. (In Persian)

About the authors: Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci. (History), Senior research fellow for the Institute of Oriental studies of the RAS (12, Rozhdestvenka, Moscow 107031, Russian Federation). E-mail: horezm83@mail.ru

Vladimir V. Tishin – Cand. Sci. (History), Senior research fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation). E-mail: tihij-511@mail.ru

*Received May 24, 2018 Accepted for publication August 27, 2018
Published September 29, 2018*

КОЧЕВНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ

В.А. Иванов

*Бакирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы
Уфа, Российская Федерация
ivanov-sanych@inbox.ru*

Цель: показать, как современные историки воспринимают и трактуют историю кочевников Золотой Орды, основным источником информации о которых являются археологические источники.

Материалы исследования: работа основана на результатах критического дискурс-анализа публикаций современных историков-источниковедов, в которых в той или иной степени излагается история завоевания монголами кочевников Дешт-и-Кыпчак и освещается их роль и место в административно-политической системе Золотой Орды (Улуса Джучи).

Результаты и научная новизна: в современной историографии истории Золотой Орды сложилась парадоксальная ситуация. Её изучают и историки, и археологи – представители двух родственных наук, имеющих один и тот же объект, историю человеческого общества – но изучающих его разными методами и по разным источникам. Отсутствие взаимной корреляции получаемых результатов и основанных на них выводов приводит к тому, что в исторических и археологических исследованиях создаются параллельные образы Золотой Орды как исторического явления, часто противоречащие друг другу. Особенно наглядно это прослеживается по публикациям, посвященным кочевникам Дешт-и-Кыпчак, которые, во-первых, стали одним из первых объектов монгольского завоевания в Евразии, во-вторых – они же стали и основным населением Золотой Орды. Механистическое, т.е. без источниковедческой критики, прочтение средневековых нарративов приводит к тому, что в исторических исследованиях география расселения кочевников (ольбери, куны, канглы), направление монгольского вторжения в Дешт и-Кыпчак оказываются разбросанными в пространстве. А отсутствие корреляции археологических и исторических (извлеченных из нарративов) данных лишает существующие исторические реконструкции объективности и адекватного их понимания заинтересованным читателем.

Ключевые слова: Золотая Орда, Дешт-и-Кыпчак, кочевники, археология, нарратив, миграция, корреляция

Для цитирования: Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 618–634. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.618-634

NOMADS OF THE GOLDEN HORDE IN THE PERCEPTION OF MODERN HISTORIANS

V.A. Ivanov

*Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla
Ufa, Russian Federation
ivanov-sanych@inbox.ru*

Abstract: Objectives: To show how modern historians perceive and interpret the history of nomads of the Golden Horde regarding whom the main sources of information are archaeological sources.

Materials of the research: This article is based on the results of a critical discourse analysis of the publications by contemporary source-study researchers. Their work expounds to some extent the history of the Mongol conquest of the nomads of Dasht-i-Kipchak and highlights their role and place in the administrative and political system of the Golden Horde (Ulus of Jochi).

Results and novelty of the research: A paradoxical situation has developed in the modern historiography of the Golden Horde. The history of the Golden Horde is studied by historians and archaeologists – representatives of two related disciplines that study the same theme, that is the history of human society. However, they study this theme using different methods and based on different sources. The absence of a mutual correlation between the results obtained and conclusions based on them leads to the fact that in parallel historical and archaeological studies of the Golden Horde, parallel images of this state are often created, often contradicting each other. This is particularly evident in the publications dedicated to the nomads of Dasht-i-Kipchak, who, firstly, became one of the first targets of the Mongol conquest in Eurasia; secondly, they also became the main population of the Golden Horde. The mechanistic reading of medieval narratives without source criticism leads to a situation in historical studies which sees the geography of the dwelling area of nomads (the Örberli, the Kuns, the Kangli) and the direction of the Mongol invasion of Dasht-i-Kipchak scattered in space. Insufficient correlation of archaeological and historical data (extracted from narratives) deprives the existing historical reconstructions of objectivity and denies the interested reader of an adequate understanding.

Keywords: Golden Horde, Dasht-i-Kipchak, nomads, archaeology, narratives, migration, correlation

For citation: Ivanov V.A. Nomads of the Golden Horde in the Perception of Modern Historians. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 618–634. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.618-634

Введение

Парадоксальность ситуации, сложившейся в настоящее время в изучении истории Золотой Орды (Улуса Джучи), заставляет вновь обратиться к проблеме интеграции (вернее – отсутствию таковой) выводов историков и археологов по ряду аспектов золотоордынской истории, адекватное освещение которых без такой интеграции просто невозможно. Сразу хочу подчеркнуть: я не считаю археологию универсальным источником знаний по всем аспектам истории Золотой Орды. Социальная и политическая история, внутренняя и внешняя политика золотоордынских ханов, коллизии и нюансы династийных отношений – эти и другие подобные вопросы, естественно, стоят за пределами эмпирического поля археологии. Вместе с тем, такие вопросы золотоордынской

истории, как историческая география этого государства, роль кочевого населения в его истории и культуре, масштабы и семантика взаимодействия городской и кочевой культур, динамика конфессиональной истории, без археологических данных глубоко исследованы быть просто не могут. Но поскольку в современной отечественной и зарубежной историографии сложилась устойчивая традиция воспринимать археологию, как некую экзотическую отрасль познания, имеющую мало общего с историей, как наукой о человеке, историки и археологи, изучающие Золотую Орду, работают параллельно¹, чаще всего создавая диаметрально противоположные образы этого государства.

Не имеет смысла «в сотый раз» останавливаться на обосновании тезиса о том, что археология – хотя и источниковедческая (по определению Л.С. Клейна, с которым нельзя не согласиться), но историческая наука, объект и предмет которой совпадают с объектом и предметом истории, в ее «традиционно-классическом» понимании. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к классическим энциклопедическим определениям археологии как науки, данными в Encyclopædia Britannica, Энциклопедическом Словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Большой Советской и Советской исторической энциклопедиях. Из этих определений следует, что в изучении **истории** древних, средневековых, а сейчас уже очевидно, что и более поздних обществ, археология играет такую же важную роль, что и история в ее традиционном понимании. И, конечно же, без данных археологии изучение истории Золотой Орды будет (и, пока, есть) недостаточным в плане создания нового знания об объекте. В первую очередь это касается такой важной составляющей истории и культуры Золотой Орды, как кочевничество.

Источниками по истории Золотой Орды являются нарративы, созданные сторонними наблюдателями. Собственно золотоордынские архивы до нас не дошли², а свидетельства внешних наблюдателей-нарративистов субъективны и тенденциозны. Примеры последнего я уже имел возможность привести [9; 10].

Обсуждение

Обратившись в контексте сказанного, к трудам современных историков-источниковедов³, мы сталкиваемся с ситуацией, когда выводы исследователей (историков и археологов) по тем или иным вопросам истории Золотой Орды вступают в очевидное противоречие. Например, ещё в 1994 г. на страницах справочно-энциклопедического издания «Всемирная история» прозвучал тезис о том, что если монгольские правители Китая и Персии переняли некоторые черты оседлого образа жизни своих поданных, то на просторах степной Евразии

¹ Один из современных историков-источниковедов, активно работающих в области средневековых кочевников, Я.В. Пилипчук, в личной переписке написал мне: «но я же не лезу в археологию...».

² Едва ли стоит сомневаться в том, что они были, но погибли в пламени тимуровского погрома 1391 и 1395 гг.

³ Я не ставлю своей задачей рассматривать всю историографию истории Золотой Орды. Меня интересуют именно исторические исследования конца прошлого – начала текущего столетий, когда археологическая составляющая золотоордынского источниковедения уже была достаточно разработанной.

зии монголы, сохранив кочевнические традиции своего бытия, ассимилировали местных кочевников (читай – кыпчаков/половцев) [37, р. 371–372].

Позже этот же тезис был высказан Ч. Гальпериным – авторитетным исследователем истории Золотой Орды. Он так же считает, что монголы в процессе создания своей империи ассимилировали тюркоязычных кочевников восточноевропейских степей, культура которых была похожа на культуру самих монголов [35, р. 11].

Поскольку этот тезис основан исключительно на преломлении сведений средневековых нарративов в сознании исследователей, их выводы не единодушны. В частности, Д. Синор, опираясь на письменные источники, повествующие о монгольских походах на запад и о тех этнополитических изменениях, которые были вызваны этими походами, считает, что куманский (кыпчакско-половецкий) этнический пласт в Золотой Орде был доминирующим, его язык – наиболее распространенным и «вездесущим», и, как следствие, «в течение нескольких поколений завоевавшие монголы были поглощены завоеванными тюркскими популяциями. Процесс ассимиляции был настолько быстрым, что Аль-Омари мог уже заявить в свое время, что монголы и кыпчаки, казалось, принадлежали к одной и той же расе» [38].

Если обратиться к данным археологии, то, конечно, спорить относительно сходства монгольской и тюркской кочевнических культур не имеет смысла. А вот по поводу ассимиляции монголами тюркоязычных кочевников (кыпчаков/половцев) возникают сомнения. Ещё в конце 1980-х гг. было установлено, что курганы кочевников Золотой Орды, выявленные к тому времени в степях Урало-Поволжского региона, типологически представляют собой две группы: курганы земляные и курганы, сооруженные с применением камня (земля вперемешку с камнем, каменное покрытие-«панцирь» на земляной насыпи, каменная наброска над могилой, площадка-выкладка, каменное кольцо, прямоугольная оградка), которые различаются территориально. Земляные курганы преобладают к западу от р. Урал, «каменные» – к востоку [12, с. 45–50; 8]. Первоначально погребения и под земляными, и под «каменными» насыпями довольно расплывчато трактовались как кыпчакские [17; 12], однако позже В.П. Костюковым было убедительно показано⁴, что «каменные» курганы оставлены кочевниками, своим происхождением связанными с востоком Степи [16, с. 121]. То есть, с монгольским или монголо-тюркским этнокультурным ареалом.

Опираясь на результаты перекрестного анализа данных археологии и средневековых письменных источников, В.П. Костюков считал, что на территории Улуса Шибана (степи Южного Зауралья и Приуралья – район наиболее плотной локализации «каменных курганов») – в XIII–XIV вв. обитали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, «в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» [14, с. 200–235]. Совсем иная картина наблюдается в степях к западу от Волги. В степях Восточной Европы также присутствуют захоронения XIII–XIV вв., совершенные под «каменными курганами». Но, во-первых, в гораздо меньшем количестве: из 233 «каменных курганов», известных сейчас на территории Золотой Орды, только 38,2% располагаются в степях к западу от Волги. Во-вторых, локализуются они в основном в междуречье Нижнего Днепра, Северского Донца и

⁴ В его кандидатской диссертации, защищенной в 1997 г.

Кальмиуса на территории современной Украины [подробнее об этом см.: 8]. Их появление там может быть объяснено участием кочевников центральноазиатского происхождения в походах Бату на Восточную Европу и далее на запад. Тем более что и сам Шибан – младший брат Бату – принимал в этом походе активное участие [16, с. 83–84]. Таким образом, если мы и можем говорить об «ассимиляции монголами» тюркоязычных кочевников Восточной Европы, то только в контексте культурной ассимиляции, вследствие которой в обиходе кочевников Дешт-и-Кипчак утверждается т.н. «имперская культура» Золотой Орды. Здесь уместно привести высказывание М. Биран о том, что монголы служили фильтром, направляя особые черты, которые распространялись через Евразию. Короче говоря, поток людей, идей и товаров по всей Азии определялся в значительной степени тем, что монголам нравилось, в чем они нуждались и были заинтересованы [32, р. 350].

Многие современные историки, изучающие Золотую Орду, считают, что завоевание и покорение куманов (кыпчаков-половцев) являлось основной целью монгольского похода в Восточную Европу в 1236–1241 гг. Тезис – выдвинутый американским историком Т. Оллсеном ещё в 1983 г., но на русском языке опубликованный только четверть века спустя. Ему же принадлежит и тезис о кыпчакском племени ольбери – «одном из наиболее сильных восточных кыпчакских племен», – в XI–XII вв. кочевавшем в степях Волго-Уральского междуречья [30; 20, с. 352, 360].

В начале 1980-х годов археологическая карта (и, соответственно, этническая география) степей Волго-Уралья эпохи средневековья представляла собой «terra incognita» для исследователей. Поэтому и названный автор просто не имел возможности сопоставить сведения единственного источника, из которого он черпал сведения о расселении кыпчаков в Волго-Уралье в XI–XII вв. – Юань ши («Жизнеописание Тутука»), созданное в XIV в., – с археологическими материалами, появившимися в регионе в 1980–1990-е годы. Эти материалы, на фоне материалов предшествующего огузо-печенежского и последующего золотоордынского периодов выделяющиеся своей малочисленностью, указывают на то, что в XII в. степи Волго-Уральского междуречья представляли собой восточную периферию Дешт-и-Кыпчак/Половецкой степи, слабозаселенную и малолюдную [11 с. 196–215]. С этим, кстати, был согласен и В.П. Костюков – переводчик статьи Т.Оллсена на русский язык. Он так же отмечал слабую заселенность Дешт-и-Кыпчака в пределах урало-казахстанских степей в XI–XII вв., объясняя это тем, что после изгнания огузов из урало-поволжских степей одна часть «кыпчаков (западные кыпчаки или половцы) последовала за огузами в причерноморские степи, другая часть заняла покинутые беглецами земли. При этом зона кочевий кыпчаков, овладевших землями огузов, по каким-то причинам оказалась значительно меньше территорий, бывших в хозяйственном обороте у прежних хозяев» [25, с. 444]. Поэтому, даже не заостряя внимания на том, насколько сильным было племя ольбери⁵, отмечу, что пока вся совокупность источников (нарративных и археологических) «работает» в пользу мнения С.А. Плетневой, отождеств-

⁵ В любом случае, это будет только наше умозаключение.

лявшей ольбери с половецкой ордой Бурчевичей, накануне и в начале монгольского вторжения кочевавшей по левобережью Днепра⁶ [24, с. 102, 178].

Некоторым современным исследователям, изучающим историю Монгольской империи, как отечественным, так и зарубежным, тезис Т. Оллсена о том, что «...покорение кыпчаков, а не завоевание Руси было главной целью западной кампании, начавшейся в 1236 году» [30; 31; 20, с. 360], весьма импонирует. У В.А. Злыгостева читаем: «Говоря о Великом западном походе, выделяя в нем нашествие на Русь и делая акцент на военных действиях, предпринятых монголами в Польше, Венгрии и прочих странах, большинство исследователей не уделяет должного внимания событиям, произошедшим в 1238–1240 годах в Поволжье, на Северном Кавказе и в собственно половецких степях ... А ведь это были именно те земли, на которые претендовали завоеватели, и не с целью обложения их данью, как, к примеру, Руси, а для трансформации этих территорий в административно-военную и хозяйственную часть в составе всей империи и находящуюся в ведении потомков Джучи» [5, с. 277–278]. Ему вторят И. Зимони и Н. Кузембаев: «...Субэдэй-баатур, выступив против Мекета (= Magas), Men-kermen, Keyibe и других мест, пересек реки Адил и Джаяк, богатые водой, и достиг до Qanglin, Kibcha'ut, Баджигит, Орусут, Асут, Сесут, Маджар, Кешимир, Сергесут, Букар (читай Болар) и народы Келера (Keler). Подчинение кыпчаков указано среди основных стратегических целей кампании» [4]; «В монгольском источнике «Сокровенное сказание монголов» поход Бату именуется не иначе как «Кыпчакский поход». В «Юань Ши» поход Бату также получил название «Кыпчакской кампании». Это дало основание Т.Т. Оллсену прийти к выводу, что покорение кыпчаков, а не завоевание Руси было целью западной кампании, начавшейся в 1236 году. Это указывает на важность кыпчаков в политических планах Монгольской империи. Дальнейшие исторические события покажут, что преследование и завоевание кыпчаков продолжалось на Северном Кавказе, в Венгрии и Болгарии» [4, с. 10].

В основе их умозаключения лежит единственное упоминание «Кыпчакского похода»⁷ в «Тайной истории монголов»⁸. И если исходить из содержания этого источника, то его составители гораздо больше внимания уделяли описаниям монгольских завоеваний в Китае и Хорезме («сартаульские города»), нежели «проблеме» завоевания кыпчаков. И это также не оставлено без внимания коллегами-историками.

В частности, Д. Синор считает, что в стратегическом плане монголов⁹ генеральной целью завоевания являлись Булгар, Русь и Венгрия: «Как показывает тщательная подготовка кампании против Булгара – годичного затишья

⁶ Именно там, кстати, локализуются 33% всех (433 погр.) известных сейчас в степях Восточной Европы половецких погребений XII – первой пол. XIII вв.

⁷ Причем, если в переводе Р.П. Храпачевского этот сюжет звучит так: «Из Кыпчакского похода Батый прислал Огодай-хану следующее секретное донесение...» [6, с. 310], то в переводе А.В. Мелехина – «Засим прибыл к Угэдэй-хану посланный от Бата из земли кыпчаков и передал владыке сие...» [29, с. 223].

⁸ По определению Т.Оллсена – единственного из дошедших до нас монгольских нарративов XIII в., который, представляя собой «смесь историй, мифов и исторического факта, был составлен неизвестной рукой (или руками) в тринадцатом веке» [30, p.17, 40].

⁹ В том, что такой план был, исследователь не сомневается.

до окончательного нападения – для монголов гораздо больше было поставлено на карту, чем просто завоевание этого важного торгового центра. Оперативный план – и, без всякого сомнения, такой план действительно существовал – предусматривал завоевание русских княжеств, Польши и Венгрии, фактически всей Восточной и части Центральной Европы: гигантской операции, которая длилась несколько лет. Используя современную терминологию, завоевание Булгара было первым эпизодом в монгольском блицкриге, серии разрушительных, почти непреодолимых атак против ряда российских городов». Поход Мункэ против кыпчаков (часть которых уже добровольно начала подчиняться монголам) носил превентивный характер, с целью обеспечить безопасность фланга и тыла армии, наступающей на Булгар [38].

Р.П. Храпачевский – исследователь и знаток китайских источников по истории Монгольской империи – в своей монографии, посвященной монгольским завоеваниям, вообще не заостряет внимания на стратегических планах монголов. В его трактовке, поход Субэдя и Чжэбе – решение поставленной Чингиз-ханом задачи по завоеванию западных владений хорезмшахов Ануштегинидов; разгромив армии закавказских правителей, монголы выходят на Северный Кавказ и в Причерноморье, где в 1223 г. устраивают грандиозное побоище русским и кыпчакам на Калке; на обратном пути – неудачная попытка вторжения в Булгарию; в итоге – «За время этого беспримерного четырехлетнего похода монголы захватили и отправили Чингисхану огромную добычу. И хотя при этом монголы потеряли по некоторым данным до 80% своего первоначального состава, они прошли с боями огромное расстояние вокруг Каспийского моря и вернулись с бесценными сведениями об этих странах, с этого самого момента ставших **вероятными целями** (выделено мной – *В.И.*) будущей монгольской экспансии» [27, с. 326].

Вообще приписывать «монгольскому генштабу» разработку какой-то долгосрочной завоевательной стратегии – явная модернизация истории. Очевидно, что была святая воля великого Чингиз-хана, изложенная в его завещании. Согласно этому завещанию, его старшему сыну Джучи должны были принадлежать «Хорезм и Дешт-и-Кыпчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, урусов и черкесов, вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади...» [7, с. 387–388]¹⁰.

Эта воля была зафиксирована решением курултая 1228 г., давшим добро на начало великого западного похода. Причем, в перечне стран и народов, которые надлежало завоевать («Сокровенное сказание»), какие-либо приоритеты если и прослеживаются, то только в географической последовательности: «Точно также он (Угэдэй – *В.И.*) отправил в поход Бату, Бури, Мунке, и много других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингиз-хане, а именно – народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: Мекетмен, Кермен-кейбе и прочих» [7, с. 308].

¹⁰ Правда, не лишним, очевидно, будет отметить, что о подобном завещании Чингиз-хана ни в «Сокровенном сказании», ни в Юань ши ничего не сказано, и о нем известно только из «Родословной тюрков» – анонимном сочинении середины XV в.

В данном контексте вполне логичными представляются точки зрения И.В. Антонова и И.М. Миргалеева, объясняющие причины и обстоятельства завоевания Дешт-и-Кыпчак через призму решения владельческо-династических проблем рода Чингизидов.

Так, по мнению И.В. Антонова, захват Джучи территории Дешт и-Кыпчак в пределах современного Казахстана был вызван необходимостью объединения в одно владение выделенного ему отцом улуса на Иртыше и городов в низовьях Сырдарьи, захваченных войсками Джучи в 1219–1221 гг. [1, с. 129]. Аналогично И.М. Миргалеев считает, что завоевание Джучидами Дешт и-Кыпчак – это было выполнение беспрекословного указа Чингиз-хана о завоевании Дешт-и-Кыпчака, данного им старшему сыну с тем, чтобы лишить Хорезмшаха Мухаммада его союзников в лице тюркских племен – восточных кыпчаков, канглы, татар, меркитов, найман и др. После смерти Джучи монгольская экспансия в Урало-Поволжье и далее представляла собой уже инерционное расширение наследниками Джучи территории отцовского улуса на запад [19, с. 74–76].

Самой большой проблемой при знакомстве с исследованиями некоторых современных историков является проблема интерпретации ими данных исторической географии. Хотя для нас, археологов, именно географические реалии, выявленные историками в результате источниковедческой критики источников, представляют особый интерес. Прежде всего, в контексте этнокультурных интерпретаций археологических памятников. Но, обращаясь к соответствующим работам коллег-историков, сразу на память приходит высказывание Р. Коллингвуда: «Сколько историков, столько и историй». Что, в общем-то, удивляет (отчасти), поскольку все они пользуются одними и теми же источниками-нарративами. И хотя нас, прежде всего, интересует историческая география кочевников периода Золотой Орды и предшествующего ему времени в том виде, как она реконструируется историками-источниковедами, начнем с выяснения общественно-политического устройства кочевых сообществ в домонгольский период, так, как оно трактуется современными историками.

В.Я. Пилипчук считает (и, по-моему, справедливо), что в XI – начале XIII вв. Дешт-и-Кыпчак представлял собой конгломерат отдельных орд – «вожеств». Восточные кыпчаки представляли в нем конфедерацию племен под «вожжеством» племени ильбари/ольбери, занимавшую огромную территорию от Тарбагатай («крайние восточные границы конфедерации восточных кыпчаков располагались поблизости от хребта Тарбагатай») до Приаралья. Между Аральским и Каспийским морями, как считает исследователь, располагались уже владения канглов. То есть, на расстоянии почти 1500 км с востока на запад (практически вся территория современного Казахстана) кочевали племена, политически (а, следовательно – и административно) контролируемые ильбари/ольбери. Они совершали регулярные нападения на Волжскую Булгарию, Саксин, иштяков, восточных венгров и башкир (?) [21; 22].

По мнению Р.П. Храпачевского, кыпчакские племена – это орды, одна из которых – *куны* – кочевала в Волго-Уральском междуречье [28, с. 30–31].

По мнению И. Зимони и Н. Кузембаева, кыпчаки, в XI–XIII вв. кочевавшие к востоку от Волги, составляли Восточно-Кипчакское государство, в котором авторы обозначают центр в Тургайских степях, восточное крыло с центром в г. Сыгнаке и западное крыло с центром на Яике (Урале) [4, с. 5; 39].

В.В. Трепавлов считает, что до монгольского завоевания Дешт-и-Кыпчак просто делилась на две части – западную («белую») и восточную¹¹. Распределение кыпчакских (половецких) орд на моноэтнические крылья¹² произошло только после окончательного завоевания и включения Дешт-и-Кыпчак в политическую систему Монгольской империи [26, с. 149–150].

Сразу же возникает вопрос: у кыпчакских «вожеств» и тем более государств подразумевается наличие административного центра (или центров). И. Зимони и Н. Кузембаев для «Восточно-Кипчакского государства» определенно обозначают только один такой центр – г. Сыгнак на Сырдарье. В.Я. Пилипчук ограничивается тем, что приводит спектр мнений других исследователей по этому вопросу, а он весьма широк. Опираясь на один и тот же источник – «Юань ши»¹³ – исследователи ставку ханов восточных кыпчаков помещают в окрестностях Юйлиболи-шань. Причем, одни ассоциируют этот топоним с Южным Приуральем, другие – с горами Барлык вблизи оз. Алаколь [см. ссылки: 22, с. 262].

Расстояние между двумя этими пунктами огромно – более 2000 км. Поэтому представляется крайне затруднительным представить себе «вожество» племени ильбари/ольбери над всей этой территорией. С этим кипчакским племенем вообще многое неясно. С одной стороны, если Юйлиболи-шань – это горы Урала, то вроде бы всё логично, поскольку «основные сведения об *ольберли* относятся к территории Волго-Уральского междуречья» [25, с. 34]¹⁴.

Из десятков публикаций самых различных авторов мы также знаем, что основным очагом кыпчакского сопротивления монгольскому нашествию было Поволжье, где действовал один из «вождей» ольбери – Бачман/Бушман. Правда, как считает П. Голден, ольбери/ольберли в этом районе должны были появиться только ближе к середине XII в. [34, р. 327]. То есть в течение жизни примерно трех поколений они должны были освоить новую территорию и усилиться настолько, что оказали самое упорное сопротивление монголам (единственное, описанное в средневековых источниках). А до этого они же держали под контролем большую часть степей современного Казахстана. Но как раз археологических памятников этого периода в Урало-Поволжье ничтожно мало.

Если же Юйлиболи-шань – это окрестности оз. Алаколь на востоке Казахстана, то там, по мнению других исследователей, до нашествия монголов кочевала группировка *канглы*, «восточные границы которой могут быть ограничены долиной оз. Зайсан до Черного Иртыша, а южные и юго-восточные – склонами Тяньшаньского хребта, за которым уже начинались уйгурские владения» [25, с. 33–34]. Археологические памятники кочевников интересующего нас времени там тоже пока не изучены, хотя там они, несомненно, есть. Во всяком случае по «Археологической карте Казахстана» в окрестностях оз. Алаколь известны несколько десятков курганов, которые по своим внешним

¹¹ Восточную сторону Дешт-и-Кыпчак исследователь называет, но никак не обозначает, надо полагать, просто из-за отсутствия надлежащих источников [26, приложение, табл.3].

¹² Полиэтнические крылья, по мнению автора, характерны лишь для крупнейших степных держав-империй [26, с. 149].

¹³ Источник, требующий критического к себе отношения [см.: 6, с. 13–16].

¹⁴ Впрочем, там же Р.П. Храпачевский помещает *кунов*.

признакам могут предположительно рассматриваться как средневековые [2, №№ 3241–3244, 3256–3257].

С другой стороны, вполне весомо звучат приводимые Т. Оллсеном подтверждения первого варианта локализации Юйлиболи-шань в виде транскрипции названий двух рек, между которыми располагались эти горы, приведенных в биографии знаменитого юаньского полководца XIII в. Тутука [20, с. 352].

Для И. Зимони и Н. Кузембаева основным источником сведений о «Восточно-Кыпчакском государстве» является С.М. Ахинжанов. Названный исследователь в основу своей концепции сложения у кыпчаков союза племен¹⁵ положил опять-таки сведения «Юань ши». Опираясь на сведения ряда средневековых источников – Джузджани, Махмуд Кашгари, «Худуд ал-Алам» – С.М. Ахинжанов делает вывод о существовании «на рубеже XI–XII вв. крупной кыпчакской **конфедерации племен** (выделено мной – В.И.), имевших династийную царскую фамилию, происходившую первоначально, вероятно, из племени ильбари, обосновавшихся в предгорьях Южного Урала и степях Западного Казахстана. Интересно отметить, что это владение кыпчаков с племенем ильбари во главе располагалось именно в том районе, где еще в середине IX в., согласно «Худуд ал-Алам», отмечалась отдельная, не зависящая от кимаков, кыпчакская область» [3, с. 209]. Как известно, «Худуд ал-Алам» это географическая компиляция конца X в. Поэтому насчет середины IX в. – это умозаключение автора. А вот относительно независимости кыпчаков, в тексте источника этот сюжет представлен так: «Южный предел хифчахов граничит с баджанакками (печенегами) (*Khifqakh ra hadd-i junubash ba-Bajanak daradh*), а все прочие (**пределы*) граничат с Ненаселенными Землями Севера, где нет существа живого. Хифчаки – это род (*qaum*) который, отделившись от кимаков (*Kimak*), поселился в этих местах, но хифчахи более злонравны (*badh-khutar*), чем кимаки. **Властитель (*malik*) их (назначается) от кимаков** (выделено мной – В.И.)» [36]. То есть «независимость» кыпчаков от кимаков самому автору средневекового нарратива представлялась отнюдь не абсолютной.

Предложенную С.М. Ахинжановым концепцию политической организации восточных кыпчаков в XI–XII вв. И. Зимони и Н. Кузембаев преломляют по-своему. В своей книге сам С.А. Ахинжанов пишет о том, что «правомернее вести речь не о государственных образованиях кочевников-кыпчаков, а о раннегосударственных образованиях или этнополитических объединениях... источники не сообщают почти ничего об определенных владениях. Автор «Худуд ал-Алам» говорил о трех или даже четырех отдельных областях в землях кимаков¹⁶.

Несмотря на скудость информации для XII в., мы попытались выделить три кыпчакских владения, **находившиеся в разной степени зависимости от Хорезмийского государства** (выделено мной – В.И.)... Одной достоверной локальной группировкой кыпчаков являлось их объединение на территории

¹⁵ Предгосударственного образования, разрушенного, по его мнению, в 30-е годы XII в. хорезмшахами из боязни иметь сильного соседа.

¹⁶ Здесь, правда, следует иметь в виду, что кимаки и кыпчаки это все-таки не одно и то же. О чем, в частности, писал М. Кашгари: «йимаки – «одно из племен тюрков». По-нашему, они относятся к Кыпчакам, но тюрки-Кыпчаки относят себя к другой группе» [18, с. 762] – прим. мое (В.И.).

полуострова Мангышлак¹⁷, где они совместно с обитавшими южнее их племенами язырской этнической общности образовали на короткое время политический союз, во главе которого стоял «царь». Очень незначительные известия о них в источниках не позволяют в настоящее время сказать что-нибудь достоверное об их истории. Известно только, что в середине XII в. они попали под власть хорезмшаха». Далее автор пишет о двух «достаточно мощных» кыпчакских группировках на территории современного Казахстана: одна, возглавляемая племенем ильбари – в степях Западного Казахстана к северу от Аральского моря¹⁸, второе – Сыгнак¹⁹ (с середины XII в.), управляемое кимаками племени уран. Закончилось все тем, что хорезмшахи покорили оба этих кыпчакских объединения [3, с. 281–286].

Аналогично характеризует политический облик восточного Дешт-и-Кыпчак накануне монгольского нашествия П. Голден. Исследователь также считает, что своего государства кыпчаки, ни восточные, ни западные, не создали, объясняя это отсутствием для них серьезного стимула для политической консолидации в виде внешних угроз [33, р. 106].

Одним словом, на фоне мнений большинства историков-номадистов «Восточно-Кыпчакское государство» есть ни что иное, как плод вольного переложения И. Зимони и Н. Кузембаевым даже не средневековых нарративов, а построений предшествующих исследователей.

Вопрос о том, откуда и как началось завоевание монголами восточного Дешт-и-Кыпчак, также имеет широкий диапазон мнений. Так, В.А. Злыгостев считает, что вторжение в кыпчакские степи было тщательно продуманной акцией, нацеленной «на захват этих земель и создание там платформы для нанесения последующего сокрушительного удара по Хорезму»²⁰. Началось все с разгрома меркитов в районе оз. Балхаш, закончилось (первый поход в Дешт-и-Кипчак) разгромом кыпчаков на р. Уил на западе современного Казахстана.

На обратном пути на р. Ирғиз (примерно 300 км к северу от устья Сырдарьи) монголы впервые столкнулись с войсками хорезмшаха Мухаммеда и не проиграли сражения (хотя и не победили) [5, с. 100–121].

В.Я. Пилипчук место первого столкновения монголов с кыпчаками и войсками хорезмшаха определяет в 800–900 км к северо-востоку от обозначенного В.А. Злыгостевым: «Современные исследователи (? – В.И.) считают, что хорезмийское войско двигалось из Хорезма на север к Ирғизу... Таким образом, кыпчаки столкнулись с монголами в междуречье Ишима и Иртыша. Проникнуть в этот регион можно было по Сарысуйской дороге, от Янгикента она шла на север по течению Сары-су, далее к горам Улутау и выходила в междуречье Ишима и Иртыша. Продвигаясь далее на восток, кыпчаки вышли в горную местность» [22, с. 266]. Каких современных исследователей, опре-

¹⁷ Кочевнические археологические памятники интересующего нас периода там пока неизвестны.

¹⁸ Археологических следов их пребывания здесь пока известно ничтожно мало.

¹⁹ В окрестностях которого археологические памятники кочевников не выявлены.

²⁰ Т. Оллсен, правда, считает по-другому: в его интерпретации конфронтация между монголами и кыпчаками-ольбери «была побочным продуктом событий в отдаленной Монголии». То есть восстания меркитов против Чингисхана, преследуя которых, Субэдэй вторгся в земли кыпчаков [20, с. 352].

деляющих место первого столкновения кыпчаков с монголами в Иртышско-Ишимском междуречье, имеет в виду автор, не понятно. При начертании маршрута хорезмийских войск на север он ссылается на Б.Е. Кумекова, который рассматривает путь из города Янгикента в страну кимаков по данным Гардизи, жившего в XI в.

По мнению И.В. Антонова, опирающегося на сведения Рашид-ад-Дина и «Юань ши», первое столкновение хорезмийцев и кыпчаков с монголами произошло на р. Джаллы в современном восточном Оренбуржье (это вообще в 900 км к юго-западу от Иртышско-Ишимского междуречья и в 450 км к северо-востоку от р. Уил [1, с. 128]).

И совсем в другом месте определяют ход боевых действий между монголами и хорезмийцами Д. Тимохин и В. Тишин: «...очертания театра боевых действий 1218 г. должны быть сведены к землям к северо-востоку от Отрара и Дженда, т.е. среднего течения р. Сыр-Дарья, вдоль оз. Балхаш по южной границе и до р. Иртыш (Белый Иртыш), за которой уже находились древние земли кимаков...» [25, с. 33].

На этом обзор «исторической полифонии» восточного Дешт-и-Кыпчак и завоевания его монголами можно остановить, поскольку продолжение его превысит все мыслимые объемы статейной публикации.

Вывод из сказанного выше следует один: в имеющихся исторических дискурсах по проблеме явно не хватает критического анализа источников. Более того – он там вообще отсутствует, будучи подменен механистическим «дайдже-стом» из средневековых нарративов и суждений предшественников. Хотя в данном случае и последние тоже являются своего рода источниками, требующими соответствующей источниковедческой критики. Взять ту же самую историю племени *канглы*. Практически в одно и то же время исследователи – Я.В. Пилипчук, с одной стороны, Д. Тимохин и В. Тишин – с другой, – рисуют совершенно разные картины расселения этого племени в период монгольского завоевания. Перечисляя всех средневековых нарративистов и современных авторов, Я.В. Пилипчук «основные кочевья» этого племени помещает в Приаралье [23, с. 25]. По Д. Тимохину и В. Тишину, уже с конца XI в. отдельными мусульманскими авторами название *канглы* начинает использоваться для обозначения «всей общности кыпчакских племен казахстанских степей», восточная граница которой простирались до оз. Зайсан и Черного Иртыша [25, с. 30–33].

Вместе с тем, П. Голден считает, что мусульманские авторы вообще не дают каких-либо достоверных координат расселения кыпчаков в XI в. В качестве примера исследователь приводит сведения «Худуд ал-Алам» (982 г.), согласно которому кыпчаки (Khifjakh) должны были кочевать «на восточном берегу реки «Русь», которая может отождествляться с верхней Волгой или Доном» [34, р. 318–321].

Заключение

Итак, вывод напрашивается пока неутешительный. Имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении исторические дискурсы о кочевниках восточного Дешт-и-Кыпчак менее всего соответствуют требованию к ним, как к источнику нового объективного знания. Это создает дополнительные трудности для археологов при этнокультурной интерпретации получаемого археологического материала. В качестве примера можно сослаться на предла-

гаемую кемеровским археологом А.М. Илюшиным реконструкцию кыпчакской миграции в восточном направлении, в Кузнецкую котловину и далее в Забайкалье (а это, в общем-то, тысячекилометровые расстояния). В принципе, возможно, такие миграции и могли иметь место, но возникают вопросы: где находилась исходная территория этих миграций, а главное – каков критерий «кыпчакскости» сросткинской, басандайской, шандинской, ладейской, усть-талькинской археологических культур, которые автор трактует как кыпчакские [13]? И если ответ на второй вопрос может дать только археология, то ответить на первый без исторических данных просто невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов И.В. Образование Улуса Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1. Казань: «Фэн», 2009. С. 127–137.
2. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.
4. Зимони И., Кузембаев Н. Монгольское завоевание Дешт-и Кипчака. Павлодар-Кереку, 2014. 118 с.
5. Злыгостев В.А. Субэдэй. Всадник, покорявший вселенную. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2011. 396 с.
6. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. Сост., вводная статья и комм. Р.П. Храпачевского. М., 2003. 448 с.
7. Золотая Орда в источниках. Том третий. Китайские и монгольские источники. Пер., сост., вводная статья и комм. Р.П. Храпачевского. М., 2009. 336 с.
8. Иванов В.А. Археологические памятники кочевников Центральной Азии в Восточной Европе в XIII–XIV вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4. Ч. 2. С. 28–33. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-28-33
9. Иванов В.А. Археологическое источниковедение кочевников Золотой Орды или стагнация диалектики // Золотоордынское обозрение. №1. 2016. С. 182–192.
10. Иванов В.А. Город и степь Улуса Джучи (Золотой Орды) – историческая антитеза // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 162–167.
11. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
12. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: «Наука», 1988. 90 с.
13. Илюшин А.М. Западные и восточные кыпчаки по материалам археологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №5 (43). С. 15–19. DOI: 10.17223/19988613/43/3
14. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005. М., 2006. С. 199–237.
15. Костюков В.П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 444–457.
16. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «Фэн», 2010. 200 с.
17. Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у с. Лебедевка // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 102–116.

18. *Махмуд ал-Кашигари*. Диван Луга тат-Турк. Перевод, предисловие и комм. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
19. *Миргалеев И.М.* Джучи – первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 72–77.
20. *Оллсен Т.Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Донецк, 2008. С. 351–362.
21. *Пилипчук Я.В.* Монгольське завоювання Дашт-и-Кипчак у XIII ст. Автореф. дисс. ... канд. історичн. наук. Київ, 2010.
22. *Пилипчук Я.В.* Монгольское завоевание кочевий восточных кипчаков // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост. Лит., 2011. С. 259–288.
23. *Пилипчук Я.В.* Дешт-и-Кыпчак на стыке цивилизаций. Уфа, 2015. 247 с.
24. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
25. *Тимохин Д., Тишин В.* Хорезм, восточные кипчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 25–41.
26. *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
27. *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «ВЗОИ», 2004. 557 с.
28. *Храпачевский Р.П.* Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников). М.: ЦИВОИ, 2013. 125 с.
29. Чингисиана: свод свидетельств современников / Пер., сост. и коммент. А. Мелехина. М.: Эксмо, 2009. 728 с.
30. *Allsen T.T.* Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley–Los Angeles–London, 1987. 278 p.
31. *Allsen T.T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region. 1217–1237 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. №3. P. 5–24.
32. *Biran M.* The Mongol transformation: from the Steppe to Eurasian Empire // Medieval Encounters. 10. 1–3. P. 339–361. Электронный ресурс. Адрес доступа: http://www.history.ubc.ca/sites/default/files/documents/readings/iran_medieval_encounters_2004.pdf (дата обращения 24.01.2018).
33. *Golden P.B.* Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipcaqs // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 9 (1995–1997). P. 99–107.
34. *Golden P.* The shaping of the Cuman-Qipcaqs and their world // Peter B. Golden Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. București–Brăila, 2011. P. 303–332.
35. *Halperin Ch.J.* The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, Indiana, 2009. 239 p.
36. *Hudud al-Alam*. The Regions of the World. A Persian Geography 372 AH / 982 AD / Tr. and expl. by V. Minorsky. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://odnapl1yazyk.narod.ru/hududalal.htm> (дата обращения 20.02.2018)
37. *Jiu-Hwa L. Upshur, et al.* The Golden Horde // World History. Minneapolis, 1994. P. 371–372. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://sdaworldhistory.edublogs.org/files/2015/08/32a-Mongols-1i21j6x.pdf> (дата обращения 24.01.2018).
38. *Sinor D.* The Mongols in the West // Journal of Asian History. Vol. 33, no. 1 (1999). Электронный ресурс. Адрес доступа: deremilitari.org/2014/07/the-mongols-in-the-west/
39. *Zimonyi I.* Kipchaks and the Mongol Campaigns against Eastern Europe // Кипчаки Евразии: история, языки, письменные памятники. Астана, 2013. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://edq.kz/2017/09/02/kipchaks-and-the-mongol-campaigns-against-eastern-europe/>

Сведения об авторе: Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (450000, ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, Россия). E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Поступила 11.05.2018 Принята к публикации 22.08.2018

Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Antonov I.V. *Obrazovanie Ulusa Dzhuchi* [Formation of the Ulus of Jochi]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'-no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)»* [Golden Horde Legacy. Proceeding of the International Research Conference “Political and Social and Economic History of the Golden Horde (from the thirteenth to the fifteenth century)”], is. 1. Kazan, Fen Publ., 2009, pp. 127–137. (In Russian)
2. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana* [Archaeological Map of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1960. (In Russian)
3. Akhinzhanov S.M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [The Kypchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Almaty, Gylym Publ., 1995. 296 p. (In Russian)
4. Zimoni I., Kuzembaev N. *Mongol'skoe zavoevanie Desht-i Kipchaka* [The Mongol Conquest of Dasht-i Kipchak]. Pavlodar–Kereku, 2014. 118 p. (In Russian)
5. Zlygostev V.A. *Subedey. Vsadnik, pokoryavshiy vseennuyu* [Subedei. The Horseman Who Conquered the Universe]. Ufa, Dizayn Poligraf Servis, 2011. 396 p. (In Russian)
6. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. Tom I. *Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in Sources. Vol. 1: Arabic and Persian Sources]. Sost., vvodnaya stat'ya i komm. R.P. Khrapachevskogo. Moscow, 2003. 448 p. (In Russian)
7. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. Tom III. *Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources. Vol. 1: Chinese and Mongol Sources]. Per., sost., vvodnaya stat'ya i komm. R.P. Khrapachevskogo. Moscow, 2009. 336 p. (In Russian)
8. Ivanov V.A. *Arkheologicheskie pamyatniki kochevnikov Tsentral'noy Azii v Vostochnoy Evrope v XIII–XIV vv.* [Archaeological Monuments of Central Asian Nomads in Eastern Europe in the thirteenth and fourteenth centuries]. *Historical and social-educational ideas*. 2016, Vol. 8, no. 4, part 2, pp. 28–33. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-28-33 (In Russian)
9. Ivanov V.A. *Arkheologicheskoe istochnikovedenie kochevnikov Zolotoy Ordy ili stagnatsiya dialektiki* [Archaeological Source Study of the Golden Horde Nomads or Stagnation of Dialectics]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, no. 1, pp. 182–190. (In Russian)
10. Ivanov V.A. *Gorod i step' Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy) – istoricheskaya antiteza* [The City and Steppe of the Jochid Ulus (Golden Horde): A Historical Antithesis]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. 2017, no. 10, pp. 162–167. (In Russian)
11. Ivanov V.A., Garustovich G.N., Pilipchuk Ya.V. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii* [Medieval Nomads on the Border of Europe and Asia]. Ufa, Bashkir State Pedagogical University Publ., 2014. 396 p. (In Russian)
12. Ivanov V.A., Kriger V.A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII – XIV vv.)* [Kurgans of the Kypchak time in the Southern Urals (from the twelfth to the fourteenth century)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 90 p. (In Russian)

13. Ilyushin A.M. Zapadnye i vostochnye kipchaki po materialam arkheologii [The Western and Eastern Kipchaks according to the Materials of Archaeology]. *Tomsk State University's Journal of History*. 2016, no. 5 (43), pp. 15–19. DOI: 10.17223/19988613/43/3 (In Russian)
14. Kostyukov V.P. Byla li Zolotaya Orda «Kipchakskim khanstvom»? [Whether the Golden Horde Was the “Kipchak Khanate”?]. *Tyurkologicheskii sbornik* [Studia Turkologica]. 2005. Moscow, 2006, pp. 199–237. (In Russian)
15. Kostyukov V.P. Kul'turnye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys. n.e. [Cultural transformations in the Ural-Kazakh steppe in the first half of the second millennium AD]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Steppe (problems of culturogenesis)]. Chelyabinsk, 2006, pp. 444–457. (In Russian)
16. Kostyukov V.P. *Ulus Shibana Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the thirteenth and fourteenth centuries]. Kazan, Fen Publ., 2010. 200 p. (In Russian)
17. Kriger V.A. Pogrebeniya kypchakskogo vremeni v mogil'nikakh u s. Lebedevka [Burials of Kypchak time in cemeteries near the village of Lebedevka]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the Nomads of the Southern Urals]. Ufa, 1984, pp. 102–116. (In Russian)
18. Mahmud al-Kashgari. *Divan Luga tat-Turk*. Perevod, predislavie i komm. Z.-A.M. Auezovoy. Almaty, Dayk-Press, 2005. 1288 p. (In Russian)
19. Mirgaleev I.M. Dzhuchi – pervyy pravitel' ulusa [Jochi: The First Ruler of the Ulus]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 72–77. (In Russian)
20. Allsen T.T. Preludiya k zapadnym pokhodam: mongol'skie voennye operatsii v Volgo-Ural'skom regione v 1217–1237 godakh [Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region. 1217–1237]. *Stepi Evropy v epokhu sredneveko-v'ya. Zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 6: The Golden Horde Time]. Donetsk, 2008, pp. 351–362. (In Russian)
21. Pilipchuk Ya.V. *Mongol's'ke zavoyuvannya Dasht-i-Kipchak u XIII st. Avtoref. diss. kand. istorichn. nauk* [The Mongol Conquest of Dasht-i Kipchak in the thirteenth century. The author's abstract of the dissertation of the candidate of historical studies]. Kyiv, 2010. (In Ukrainian)
22. Pilipchuk Ya.V. Mongol'skoe zavoevanie kocheviy vostochnykh kipchakov [The Mongolian conquest of the eastern Kipchak steppes]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2009–2010: Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Studia Turkologica. 2009–2010: Turkic Peoples of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2011, pp. 259–288. (In Russian)
23. Pilipchuk Ya.V. *Desht-i-Kypchak na styke tsivilizatsiy* [Dasht-i Kypchak at the Crossroads of Civilizations]. Ufa, 2015. 247 p. (In Russian)
24. Pletneva S.A. *Polovtsy* [The Polovtsians]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 208 p. (In Russian)
25. Timokhin D., Tishin V. Khorezm, vostochnye kipchaki i Volzhskaya Bulgariya v kontse XII – nachale XIII v. [Khwarem, the Eastern Kipchaks and Volga Bulgaria at the end of the twelfth and the beginning of the thirteenth century]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 25–41. (In Russian)
26. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatary* [Steppe Empires of Eurasia: The Mongols and Tatars]. Moscow, Kvadriga, 2015. 368 p. (In Russian)
27. Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military State of the Chinggisids]. Moscow, OOO AST Publ.; OAO “VZOI”, 2004. 557 p. (In Russian)

28. Khrapachevskiy R.P. *Polovtsy-kuny v Volgo-Kral'skom mezhdurech'e (po dan-nym kitayskikh istochnikov)* [The Polovtsians-Kuns in the Volga-Ural Interfluvium (according to Chinese sources)]. Moscow, 2013. 125 p. (In Russian)
29. *Chingisiana: svod svidetel'stv sovremennikov* [Chingisiana: Collection of Testimonies of Contemporaries]. Per., sost. i komment. A. Melekhina. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 728 p. (In Russian)
30. Allsen T.T. *Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley–Los Angeles–London, 1987. 278 p.
31. Allsen T.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region. 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. No. 3, pp. 5–24.
32. Biran M. The Mongol transformation: from the Steppe to Eurasian Empire. *Medieval Encounters*. 10. 1–3, pp. 339–361. Available at: http://www.history.ubc.ca/sites/default/files/documents/readings/biran_medieval_encounters_2004.pdf (last accessed 24.01.2018).
33. Golden P.B. Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipcaqs. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 9 (1995–1997), pp. 99–107.
34. Golden P. The shaping of the Cuman-Qipcaqs and their world. *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. București–Brăila, 2011, pp. 303–332.
35. Halperin Ch.J. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. Bloomington, Indiana, 2009. 239 p.
36. Hudud al-Alam. *The Regions of the World. A Persian Geography of 372 AH / 982 AD*. Tr. and expl. by V. Minorsky. Available at: <http://odnapllyazyk.narod.ru/hududalal.htm> (last accessed 20.02.2018).
37. Jiu-Hwa L. Upshur, et al. The Golden Horde. *World History*. Minneapolis, 1994, pp. 371–372. Available at: <http://sdaworldhistory.edublogs.org/files/2015/08/32a-Mongols-li21j6x.pdf> (last accessed 24.01.2018).
38. Sinor D. The Mongols in the West. *Journal of Asian History*. Vol. 33, no. 1 (1999). Available at: deremilitari.org/2014/07/the-mongols-in-the-west/
39. Zimonyi I. Kipchaks and the Mongol Campaigns against Eastern Europe. *Kipchaki Evrazii: istoriya, yazyki, pis'mennye pamyatniki* [The Kipchaks of Eurasia: History, Languages, Written Monuments]. Astana, 2013. Available at: <http://edq.kz/2017/09/02/kipchaks-and-the-mongoi-campaigns-against-eastern-europe/>

About the author: Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of National History of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (3a, October Revolution, Ufa 450000, Russian Federation). E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Received May 11, 2018 Accepted for publication August 22, 2018
Published September 29, 2018

ПОИСКИ, ГИПОТЕЗЫ, ДОГАДКИ

УДК 913(470.31)''15/17''

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.635-643

ГДЕ НАХОДИЛИСЬ «ГУСЬ» И «ГОРОДЕЦ» ГРАМОТЫ ШАХ-АЛИ БИН ШЕЙХ АУЛИЯРА 1543 Г.?^{*}

А.В. Дедук

*Российский государственный архив древних актов
Москва, Российская федерация,
deduk@list.ru*

Цель статьи: в настоящей статье автор, опираясь на методы исторической географии, устанавливает локализацию «Гуся» и «Городца» акта 1543 г.

Материалы исследования: в данном исследовании были использованы различные письменные источники, в первую очередь актовые материалы, летописные сообщения и писцовые книги.

Результаты и научная новизна: анализ писцовых книг XVI–XVII вв. и картографического материала XVIII в. позволяет усомниться в принятой в исторической науке локализации топонимов «Гусь» и «Городец» в районе Каширы. «Гусь» грамоты 1543 г. удастся соотнести с Гусской волостью Владимирского уезда. Городец же следует связать с Касимовым. Таким образом, удастся установить, что наряду с Касимовым в 1540-х г. Шах-Али распоряжался еще и Гусской волостью.

Ключевые слова: историческая география, Касимов, Касимовское «ханство», Троице-Сергиевский монастырь, всероссийский рынок

Для цитирования: Дедук А.В. Где находились «гусь» и «городец» грамоты Шах-Али бин Шейх Аулияра 1543 г. ? // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 635–643. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.635-643

WHERE WERE THE “GOOSE” AND THE “GORODETS” OF SHAKH-ALI BIN SHEIKH AULIYAR’S CHARTER OF 1543?*

A.V. Deduk

*Russian State Archive of Ancient Acts
Moscow, Russian Federation
deduk@list.ru*

Abstract: Objective: Based on the methods of historical geography, the author identifies the location of the “Goose” and “Gorodets” mentioned in the act of 1543.

Research materials: Various written sources were used in this study, including primarily act materials, chronicle accounts and land records (“pistsovye knigi”).

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-99.2017.6. The work was supported by a grant from the President of the Russian Federation МК-99.2017.6.

Results and novelty of the research: The article deals with the question of location of the Goose and Gorodets volosts (counties). They are mentioned in the charter of 1543 issued by Shakh-Ali to the Trinity monastery of St. Sergius. The author doubts the possibility of finding them in the Kashira district. This localization was held by M.G. Khudyakov, A.V. Belyakov and B.R. Rakhimzyanov. The author concludes on the location of the "Goose" volost (county) in the lands of Vladimir district. Gorodets fits with Gorodets Meshchersky (Kasimov). Much attention is given to the political and administrative affiliation of the Goose district ("volost"). In my opinion, the presented information may be interesting for the study of the historical geography of the Kasim "khanate". The research presented in the article allow us to establish that the territory of Kasimov and Gorodets was considered in 1543 as the "votchina" (derived from the word "Father") of the Grand Duke. This article can be very useful for the historians who deal with boundaries of the counties of the 16th century.

Keywords: historical geography, Kasimov, Kasim "khanate", Trinity Lavra of St. Sergius, All-Russian market

For citation: Deduk A.V. Where Were the "Goose" and the "Gorodets" of Shakh-Ali bin Sheikh Auliyar's Charter of 1543?. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 635–643. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.635-643

География и статус городов и земель Русского государства, с которых Чингизиды получали доходы на протяжении XV–XVII столетий, в последнее время неоднократно привлекали внимание исследователей [см. например: 11, с. 265–292; 16, с. 65–85; 28, с. 144–157]. При этом многие вопросы еще требуют уточнения. Настоящая заметка посвящена интерпретации двух топонимов, упомянутых в грамоте, выданной Шах-Али бин Шейх Аулияром в 1543 г.

В 1836 г. в «актах археографической экспедиции» был опубликован документ, которому издатели дали следующей заголовоч: «Жалованная грамота царя Шигалея Шигавляировича Троицкому Сергиеву монастырю, о беспрепятственном въезде монастырских приказчиков в Коширские леса, и об освобождении от пошлин монастырского судна» [7, с. 178].

Причиной пожалования настоятелю Троицкого монастыря Никандору «с братией» Шах-Али явилось: «а сказывают, что деи игумен Никандра с братьями посылают на монастырское дело по лесе, своих приказчиков монастырских, на своих судах, рекою Окою вниз, великого князя в отчину и в наши царевы, в Гусевский лес, и городских людей в лес большой, и ниже городка в наших крестьянах в отчины земецкие, а в тех деи лесех хотети сечи на судовое дело на монастырское, на ковша, и на блюда, и на ендовы, и на всякое дело на монастырский расход» [7, с. 178]. Согласно грамоте, Шах-Али разрешил монастырю рубить деревья, кроме бортовых, и запретил брать пошлины своим приказчикам и мытникам «на Гусе и на Городке» [7, с. 178].

Первым использовал этот акт в своих исторических построениях В.В. Вельяминов-Зернов. Вслед за издателями «актов исторических» он посчитал, что монастырь получил право въезда в леса Каширского уезда, соотнес «Городок» грамоты со Старой Каширой, располагавшейся на левом берегу р. Оки [12, с. 317–318]. С ним в этом были солидарны М.Г. Худяков и А.В. Беляков [11, с. 279; 29, с. 110]. Наиболее глобальные выводы о статусе земель Каширского уезда сделал Б.Р. Рахимзянов: «Таким образом, земли под Каширою,

будучи «за татарами», назывались и считались землей «великого князя» – верховным сюзереном и владельцем этой территории был московский великий князь, но временно они являлись условной собственностью хана Шах-Али. Этот нюанс тонко показывает неоднозначность статуса как земельных владений татарской знати в Московском государстве, так и самых ее представителей в его политической структуре» [28, с. 170. Также см: 26, с. 155; 27, с. 217].

Наши попытки найти Гусский лес и административный центр Гусь в писцовых описаниях Каширского уезда конца XVI – первой трети XVII вв. не увенчались успехом¹ [20, с. 112–192, 293 (по указ.); 21, с. 262, 265, 273 (по указ.); 22, с. 1299–1537]. Приведенная же выше грамота служит единственным основанием для утверждения ряда исследователей о том, что Шах-Али управлял Каширой в 1543 г. При этом нам не удалось найти примеры, когда Кашира именуется Городцом. Все это позволяет усомниться в правильности отождествления археографами первой половины XIX в. географических реалий акта, тем более, в нем не упомянут Каширский уезд, возникший еще в конце XV столетия.

Регион поиска Гуся и Городца жалованной грамоты следует очертить течением р. Оки и прилегающим к нему землям. Так, в бассейне р. Протвы известен Городец (Новый Городок усть Поротвы), который позднее будет находиться на землях Тарусского уезда [15, с. 37, 44, 46, 49, 129, 132, 135, 138, 180, 183. По локализации см: 9, с. 128–129; 19, с. 35–36²]. Однако нет точных данных об управлении этими землями потомками Чингиз-хана [11, с. 284–285]. Не находим мы тут и топонимов с корнем «-гус-». Это позволяет обратить внимание на другой «окский» Городец – это Городец Мещерский, он же Касимов.

Известно, что в 1540-х гг. Шах-Али управлял Касимовым [11, с. 274]. На северо-западе от Касимова находим мы и «Гусь» – это Гусская волость Владимирского уезда [13, с. 376, карта]. Косвенным подтверждением этой локализации является то, что в документах 20-х гг. XVII в., согласно которым Шах-Али владел санными покосами в Гусской волости по р. Оке: «Да за прежними де касимовскими цари были санные покосы по Оке реке, повыше Касимова пять верст, Гусские волости луг царевской. И с тех де санных покосов прежние касимовской Шигалей царь имал оброку по 15 рублев. А после де царя Шигалея тот луг взят на государя, а касимовские де Ураз Магмет царь и Араслан царь тем лугом не владели»³. Есть данные о землевладении Чингизидов в Гусской волости и в XVII в. [11, с. 308].

Заметим, что согласно грамоте 1543 г., Шах-Алей имел и в Гусе, и в Городке своих приказчиков и мытников. Это говорит о том, что обе административные единицы имели одинаковые институты управления и, возможно, имели схожий статус на момент составления грамоты.

Для того чтобы понять, как долго Гусская волость могла управляться Чингизидами, стоит обратиться к истории этой административной единицы.

По второй и третьей духовным Василия I его княгиня должна была получить «отца своего примысль слободку на Гуси» [15, с. 58, 61. Датировка грамот в по-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 176, Кн. 177.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10330. л. 264–271; Кн. 10334 Л. 195–195об., 197об.–198об.

³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 20. Впервые на этот документ обратил внимание А.В. Беляков [10, с. 35; 11, с. 308].

следнее время вызывает активные споры в отечественной исторической литературе см.: 18, с. 33–54; 19, с. 232–239; 23, с. 183–200; 25, с. 103–112]. В.Н. Дебольский предположил, что «слободка на Гуси» соответствует более поздней Гусской волости Владимирского уезда [14, с. 17]. Во второй духовной великого князя Дмитрия Ивановича (1389 г.) мы не находим слободку на Гуси [15, с. 33–37; 17, с. 132–135], что позволяет предположить, что это приобретение оказалось в составе «нераскрытых» по административному принципу земель духовной (например, великое княжество Владимирское) либо же входило в состав приобретений, по каким-то причинам опущенных в грамоте (Мещера?).

В 1500–1504 гг. административная единица «Гусь» жаловалась в кормление Бреху Михайлову сыну Вышеславцеву [4, с. 40–42]. Между 1520 и 1525 гг. Василий III пожаловал Василия Федоровича Вердеревского «Гусью» в кормление, которое продлевалось до 1527 г. [6, с. 62–63].

В 1524 г. Кулчуку Мамедзянову сыну Каракучукову было пожаловано поместье «в Володимирск[о]м уезде в Гуской волости поместье слободская деревня Завражное Поле, что была за Михалем за Курбатовым» [1, с. 70]. Согласно материалам дела о признании дворянского сословия рода Шакаевых, в составе которого сохранился этот акт, Кулчук Мамедзянов сын Каракучуков являлся их прародителем, а д. Завражное Поле в XVIII столетии будет называться д. Кульчуковой [1, с. 68–69]. По писцовой книге 1635/36–1645/46 гг. письма, меры и межевания Ф.А. Скрыбина и Л. Лазарева Владимирского уезда, в Гусской волости не известны ни д. Кульчукова, ни помещики Каракачуковы, ни Кульчуковы, ни Шакаевы⁴. До проведения административной реформы Екатерины II д. Кульчукова находилась в Царицынской волости Касимовского уезда⁵. К сожалению, нам не удалось выявить писцовые описания татарских земель Касимовского уезда или выписи из них по д. Кульчуковой за XVII в. Кульчуковы владели д. Кульчуковой до 1728 г., когда земля этой деревни была отказана «новокрещенному» князю Ивану Алексею сыну Максюту⁶. В частности, в отказной книге 1728 г. упоминаются «в деревне Кульчуковой дачи Мустая да Волеши Смаловых детей Кульчукова»⁷.

Похоже, что земли Гусской волости, на которых находилась д. Кульчукова, были приписаны к Касимовскому уезду еще до XVII в. Сам же Касимов находился всего лишь в нескольких километрах от границы с Гусской волостью Владимирского уезда⁸. Возможно, что часть земель Гусской волости

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 212. Л. 41–89; Кн. 607. Л. 1–270об.; Кн. 12603 Л. 1–482об.; Кн. 12607. Л. 502–569.

⁵ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 404. Ч. 1. Ед. хр. К – 4 син. Также см.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10330. Л. 4; ОР РНБ. Ф. 885. Эрм. Ед. хр. 610. карта № 47.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Шацку. Кн. 37/12239. Д. 39. Л. 4 (единица хранения не имеет общей нумерации); РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Шацку. Кн. 71/12160. Д. 6. Л. 2 (единица хранения не имеет общей нумерации).

⁷ РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ по Шацку. Кн. 37/12239. Д. 39. Л. 6 (единица хранения не имеет общей нумерации); 42, РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Шацку. Кн. 71/12160. Д. 6. Л. 3 об. (единица хранения не имеет общей нумерации).

⁸ См. «дореформенную» карту Владимирской и Юрьевской провинций: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Владимирской губ. Ед. хр. 2.. Также см «дореформенную» карту Касимовского, Елатомского и Кадомского уездов: ОР РНБ. Ф. 885. Эрм. Ед. хр. 610. Карта № 47.

пошла в «поместную раздачу» татарам еще в первой половине XVI в., и затем эти земли оказались в составе Касимовского уезда.

В 1533 г. состоялся конфликт между владельцем с. Курмур И.И. Любовниковым и курмурскими бортниками, которым писец Дмитрий Иванович Волынский «подавал в Гуской волости три деревни черные да починок», но они отказались переезжать туда [3, стб. 557–559; 5, с. 183]. Как известно, Дмитрий Иванович Волынский описывал в августе 1528/29 гг. земли Владимирского уезда (возможно, описание продолжалось и в последующие годы) [8, с. 120, 174, 181–182, 189, 190; 32].

Согласно тексту Никоновской летописи, в 1565 г. Гусь вошел в состав опричных земель [24, с. 395]. Однако в челобитной «холопа» царя Дмитрия Ивановича и касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана гетману Я. Сапеге, датированной 7 марта 1609 г., челобитчик среди прочего просит послать оберегательную грамоту в «мое поместейцо, в Володимерском уезде, в Гусскую волость» [2, с. 196]. В других случаях челобитчик перечисляет конкретные населенные пункты в административных единицах, что допускает предположение о том, что его помещьем являлась сразу целая волость. Отметим, что упоминание самого Касимова в грамоте отсутствует, что позволяет считать Гусскую волость («поместейцо») и Касимов земельными владениями с различным статусом. По предположению А.В. Белякова, Ураз-Мухамед получил Гусскую волость не ранее 1600 г. [10, с. 35].

После Смутного времени Гусская волость ушла в помещную раздачу [13, с. 197]. Однако писцовая книга 1635/36–1645/46 гг. фиксирует «за касимовским царевичем Сеит Бурханом Араслановичем в вотчине по двум закладным выписям 146-го и 147-го году, что у него заложили в заемных деньгах Василей Петров сын, да Олексей, да Никита Ивановы дети Головины, и в брата своего меньшова в Иваново место, родственную вотчину, что дано им окольничего Федора Васильевича Головина вотчина, а ему окольничему Федору Васильевичу, та вотчина дана за московское осадное сиденье»⁹. Следовательно, здесь мы имеем дело не с «реликтом» землевладения, а с земельными приобретениями Сеит-Бурхана б. Арслана, сделанными уже в послесмутную эпоху.

Таким образом, грамота 1543 г. давала право служителям Троицкого монастыря рубить лес не под Каширой, а на землях Гусской волости и Касимовского уезда. Гусская волость оказалась в подчинении Шах-Али не раньше 1533 г. Возможно, право распоряжаться Гусской волостью Шах-Али получил в начале очередного своего правления в Касимове, в 1536 г. Затем она была отписана «на государя». Похоже, Гусская волость являлась «довеском» к основному пожалованию – Касимову.

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 607. Л. 209–209об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азовцев А.В.* Новые источники по истории землевладения касимовских татар // Русский дипломатарий. Вып. 5. М.: Древлехранилище, 1999. С. 70–74.
2. Акты исторические. Т. II. СПб., 1841. iv, 438, 29 с.
3. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. II. СПб., 1864. 872 стб.
4. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Т. I. Составители: А.В. Антонов, К.В. Баранов. М.: Археографический центр, 1997. 432 с.
5. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III. Составитель: А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. 680 с.
6. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Т. IV. Составитель: А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2008. 632 с.
7. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836.
8. Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 638 с.
9. Археологическая карта России: Калужская обл. 2-ое изд., переработ. и доп. М.: б.и., 2006. 312 с.
10. *Беляков А.В.* Ураз-Мухаммед ибн Одлан // Мининские чтения: Тр. научн. конф. Н. Новгород: б.и., 2007. С. 29–60.
11. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII вв.: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. 510 с.
12. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб., 1863. xiii, 558 с.
13. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в.: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-ое изд. М., 1937. 412 с.
14. *Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник. Ч. 2 // Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического общества. Т. VI. СПб. 1903. С. 1–57.
15. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. М., Л.: изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
16. *Кистерев С.Н.* Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1999. С. 65–85.
17. *Кучкин В.А.* Издание завещаний московских князей XIV в.: [1389, 25 марта – мая 16] Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 132–135.
18. *Кучкин В.А.* Три завещания Василия I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 33–54.
19. *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжество в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. 276 с.
20. Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI в. М., 1997. 381 с.
21. Писцовые книги, издаваемые Русским географическим обществом. Ч. I. Указатель. СПб., 1895. xlv, 482 с.
22. Писцовые книги Московского государства. Отд. II. СПб., 1877. 1598 с.
23. *Полюхов С.В.* Последнее завещание Василия I и печати Витовта // Средневековая Русь. [Вып.] 12. М., 2016. С. 183–200.
24. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч. 2. СПб., 1906. 232 с.

25. Пономарева И.Г. К хронологии завещаний московского великого князя Василия Дмитриевича // Русское средневековье. Сборник статей в честь проф. Ю.Г. Алексеева. М., 2012. С. 103–112.
26. Рахимзянов Б.[P.] Касимовское ханство (1445–1552 гг.): Очерки истории. Казань, 2009. 208 с.
27. Рахимзянов Б.[P.] Властные полномочия татарской элиты на пожалованных московских территориях: потенции и лимиты // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 8. Казань, 2016. С. 210–218.
28. Рахимзянов Б.[P.] Москва и татарский мир: Сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. СПб. : Евразия, 2016. 395 с.
29. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. 318 с.

Сведения об авторе: Андрей Владимирович Дедук – заведующий архивохранилищем поместно-вотчинных и дворцовых учреждений Российского государственного архива древних актов (119435, ул. Пироговская, 17, Москва, Российская Федерация). E-mail: deduk@list.ru

Поступила 22.06.2018 Принята к публикации 03.09.2018
Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Azovtsev A.V. Novye istochniki po istorii zemlevladieniya kasimovskikh tatar [New sources on the history of land ownership of the Kasimov Tatars]. *Russkiy diplomatiy* [Russian Diplomatarium]. Is. 5. Moscow, Drevlekhtranilishche, 1999, pp. 70–74. (In Russian)
2. *Akty istoricheskie* [Historical Acts]. Vol. II. St. Petersburg, 1841. iv, 438, 29 p. (In Russian)
3. *Akty, otnosyashchiesya do yuridicheskogo byta Drevney Rossii* [Acts Relating to the Legal Life of Ancient Rus']. Vol. II. St. Petersburg, 1864. 872 cols. (In Russian)
4. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV–XVII veka* [Acts of Servile Landowners from the fifteenth to the seventeenth century]. Vol. I. Sostaviteli: A.V. Antonov, K.V. Baranov. Moscow, Arkheograficheskiy tsentr, 1997. 432 p. (In Russian)
5. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Servile Landowners from the fifteenth to the beginning of the seventeenth century]. Vol. III. Sostavitel': A.V. Antonov. Moscow, Drevlekhtranilishche, 2002. 680 p. (In Russian)
6. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV–XVII veka* [Acts of Servile Landowners from the fifteenth to the seventeenth century]. Vol. IV. Sostavitel': A.V. Antonov. Moscow, Drevlekhtranilishche, 2008. 632 p. (In Russian)
7. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsieyu imperatorskoy Akademii nauk* [Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. I. St. Petersburg, 1836. (In Russian)
8. *Akty suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrya 1506–1608 gg.* [Acts of the Suzdal Spaso-Evfimiev Monastery of 1506–1608]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1998. 638 p. (In Russian)
9. *Arkheologicheskaya karta Rossii: Kaluzhskaya obl.* [Archaeological Map of Russia: The Kaluga Region]. 2-oe izd., pererabot. i dop. Moscow, b.i., 2006. 312 p. (In Russian)

10. Belyakov A.V. Uraz-Mukhammed ibn Odlan [Uraz-Muhammad ibn Odlan]. *Minin'skie chteniya. Tr. nauchn. konf.* [Minin Readings. Proceedings of the Research Conference]. N. Novgorod: b.i., 2007, pp. 29–60. (In Russian)
11. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vv.: Prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia from the fifteenth to the seventeenth century: Prosopographic Study]. Ryazan, 2011. 510 p. (In Russian)
12. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study of the Kasimov Tsars and Princes]. Part I. St. Petersburg, 1863. xiii, 558 p. (In Russian)
13. Got'e Yu.V. *Zamoskovnyy kray v XVII v.: Opyt issledovaniya po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoy Rusi* [Zamoskovny Region in the seventeenth century: The Experience of Research on the History of the Economic Life of Moscow Rus']. 2-oe izd. Moscow, 1937. 412 p. (In Russian)
14. Debol'skiy V.N. *Dukhovnye i dogovornye gramoty moskovskikh knyazey, kak istoriko-geograficheskiy istochnik* [Spiritual and contractual charters of Moscow princes as a historical and geographical source]. Part 2. *Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Russian Archaeological Society]. Vol. VI. St. Petersburg, 1903, pp. 1–57. (In Russian)
15. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes from the fourteenth to the sixteenth century]. Podg. k pech. L.V. Cherepnin; otv. red. S.V. Bakhrushin. Moscow, Leningrad AN SSSR, 1950. 586 p. (In Russian)
16. Kisterev S.N. *Abdyl-Letif i Mukhammed-Emin na Rusi rubezha XV–XVI stoletiy* [Abdyl-Letif and Muhammad-Emin in Rus' at the turn of the fifteenth and sixteenth centuries]. *Zvenigorod za shest' stoletiy* [Zvenigorod for Six Centuries]. Moscow, 1999, pp. 65–85. (In Russian)
17. Kuchkin B.A. *Izдание zaveshchaniy moskovskikh knyazey XIV v.: [1389, 25 marta – maya 16] Vtoraya dushevnyaya gramota velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha* [Edition of the wills of the Moscow princes of the fourteenth century: (1389, March 25 – May 16) the second spiritual charter of the Grand Duke Dmitri Ivanovich]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus'. Questions of Medieval Studies]. 2009, no. 3 (37), pp. 132–135. (In Russian)
18. Kuchkin V.A. *Tri zaveshchaniya Vasiliya I* [The three wills of Vasily I]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus'. Questions of Medieval Studies]. 2016, no. 2, pp. 33–54. (In Russian)
19. Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. *Russkiy udel epokhi sozdaniya edinogo gosudarstva: Serpukhovskoe knyazhestvo v seredine XIV – pervoy poloviny XV vv.* [The Russian Destiny of the Era of the Creation of a United State: Serpukhov Principality in the middle of the fourteenth and first half of the fifteenth century]. Moscow, 2008. 276 p. (In Russian)
20. *Pistsovye materialy dvortsovykh vladenyi vtoroy poloviny XVI v* [Scribe Materials of the Court Possessions of the second half of the sixteenth century]. Moscow, b.i., 1997. 381 p. (In Russian)
21. *Pistsovye knigi, izdavaemye Russkim geograficheskim obshchestvom* [Scribe Books Published by the Russian Geographical Society]. Part I. Ukazatel'. St. Petersburg, 1895. xlv, 482 p. (In Russian)
22. *Pistsovye knigi Moskovskogo gosudarstva* [Scribe Books of the Moscow State]. Otd. II. St. Petersburg, 1877. 1598 p. (In Russian)

23. Polekhov S.V. Poslednee zaveshchaniye Vasiliya I i pečati Vitovta [The last will of Vasily I and the seal of Vitovt]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Is. 12. Moscow, 2016, pp. 183–200. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XIII. Part 2. St. Petersburg, 1906. 232 p. (In Old Russian)
25. Ponomareva I.G. K khronologii zaveshchaniy moskovskogo velikogo knyazya Vasiliya Dmitrievicha [To the chronology of the wills of the Moscow Great Prince Vasily Dmitrievich]. *Russkoe srednevekov'e. Sb. st. v chest' prof. Yu.G. Alekseeva* [The Russian Middle Ages. Collection of articles in honor of prof. Yu.G. Alekseev]. Moscow, 2012, pp. 103–112. (In Russian)
26. Rakhimzyanov B.[R.] *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.): Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445–1552): Essays on History]. Kazan, 2009. 208 p. (In Russian)
27. Rakhimzyanov B.[R.] Vlastnye polnomochiya tatarskoy elity na pozhalovannykh moskovskikh territoriyakh: potentsii i limity [Powers of the Tatar Elite on the Granted Moscow Territories: Potencies and Limits]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2016. Is. 8, pp. 210–218. (In Russian)
28. Rakhimzyanov B.[R.] *Moskva i tatarskiy mir: Sotrudnichestvo i protivostoyanie v epokhu peremen* [Moscow and the Tatar World: Cooperation and Confrontation in an Era of Change]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2016. 395 p. (In Russian)
29. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of the Khanate of Kazan]. Moscow, 1991. 318 p. (In Russian)

About the author: Andrey V. Deduk – Head of the archive of the patrimonial and palace establishments of the Russian State Archive of Ancient Acts (17, Pirogovskaya Str., Moscow 119435, Russian Federation). E-mail: deduk@list.ru

*Received June 22, 2018 Accepted for publication September 3, 2018
Published September 29, 2018*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(57)+94(574)"15/16"

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.644-655

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
ЗЫКОВ А.П., КОСИНЦЕВ П.А., ТРЕПАВЛОВ В.В.
ГОРОД СИБИР – ГОРОДИЩЕ ИСКЕР
(ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Д.Н. Маслюженко¹, С.Ф. Татауров^{2,3}

*¹ Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

*² Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН*

*³ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Российская Федерация
tatsf2008@rambler.ru*

Публикация результатов археологических исследований на городище Искер в 1988 и 1993 гг., несомненно, одно из самых ожидаемых событий для всех специалистов в области истории и археологии сибирских татар позднего средневековья. Этот памятник представляет археологизированные остатки столичного центра Сибирского ханства, г. Искер, также известного как Сибир и Кашлык. Его изучение имеет уже более чем столетнюю историю, публикации результатов раскопаны по многочисленным статьям в десятках сборников, археологические материалы размещены в нескольких музеях, в том числе за пределами РФ. Все это значительно осложняет реальное изучение данного объекта и осмысление его места в истории сибирской тюрко-татарской государственности.

Представленная книга делится на три условные и очень неравномерные части. Первая, посвященная анализу свидетельств письменных источников, написана В.В. Трепавловым, которому удалось вписать этот город в контекст сибирской истории XIII–XVI вв., в том числе показав преемственность с предшествующим политическим центром, то есть Чимги-Турой. Вторая, созданная именно на основе археологических материалов, была написана А.П. Зыковым, который во многом соотнес материалы археологических исследований 1988 и 1993 гг. с предшествующими результатами работ. Именно в этой части, на взгляд авторов рецензии, кроется основная слабость авторских концепций, в том числе выразившаяся и в неувязках с первой частью книги. Наконец, третья часть книги, автором которой выступил П.А. Косинцев, посвящена спорным вопросам реконструкции хозяйства сибирских татар позднего средневековья.

Признавая актуальность и востребованность данной публикации, рецензенты считают, что отдельные минусы археологической методики приведут к сложности ее реального использования и спорности многих сделанных выводов.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Искер, Западная Сибирь, хозяйство сибирских татар

© Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф., 2018

Для цитирования: Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Рецензия на монографию: Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 644–655. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.644-655

REVIEW OF THE MONOGRAPH:

**ZYKOV A.P., KOSINTSEV P.A., TREPAVLOV V.V. GOROD SIBIR –
GORODISCHE ISKER (ISTORIKO-ARHEOLOGICHESKOE ISSLEDOVANIE)
[THE TOWN OF SIBIR – THE ANCIENT SETTLEMENT OF ISKER
(HISTORICAL-ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)]**

D.N. Maslyuzhenko¹, S.F. Tataurov^{2,3}

¹ *Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

² *Omsk laboratory of archaeology, ethnography and museology
of the Institute of archaeology and ethnography
of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences*

³ *Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russian Federation
tatsf2008@rambler.ru*

The publication of the results of the archaeological research of the Isker ancient settlement in 1988 and 1993 undoubtedly represents one of the most anticipated events for all specialists in the history and archaeology of the Siberian Tatars of the late Middle Ages. This monument represents the archaeological remains of the capital's center of the Siberian Khanate – the town of Isker – also known as Sibir and Kashlyk. It has been studied for more than a hundred years and the publication of the results is scattered across numerous papers in dozens of collections of articles, while archaeological materials are kept in several museums, including some outside the Russian Federation. All this significantly complicates the real study of this archaeological site and its role in the history of the Siberian Turkic-Tatar statehood.

The book under review is divided into three conditional and very uneven parts. The first part, analyzing written sources, was written by V.V. Trepavlov, who managed to both inscribe this town in the context of Siberian history of the 13th–16th centuries and demonstrate its continuity with the previous political center – Chimgi-Tura. The second part, based on archaeological materials, was written by A.P. Zykov, who correlated archaeological research materials of 1988 and 1993 with the results of previous works. In the opinion of reviewers, the main weakness of authors' concepts lies precisely in this part, since it does not fit with the first part of the book. Finally, the third part of the book, written by P.A. Kosintsev, examines the controversial issues of the economic reconstruction of the Siberian Tatars of the late Middle Ages.

The reviewers recognize the relevance of this publication, but they believe that some of the shortcomings of the archaeological methodology will complicate its actual use and many of the conclusions drawn will be further contested.

Keywords: Siberian Khanate, Isker, Western Siberia, Siberian Tatars' economy

For citation: Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. Review of the Monograph: Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trepavlov V.V. Gorod Sibir – gorodische Isker (istoriko-arheologicheskoe issledovanie) [The Town of Sibir – The Ancient Settlement of Isker (Historical-Archaeological Research)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 644–655. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.644-655

Искер, Чимги-тура, Кызыл-тура – три археологических памятника, три бывших столичных центра сибирской тюрко-татарской государственности. Публикация материалов раскопок первого из этих комплексов в 1988 и 1993 г., воистину, одна из самых ожидаемых книг для всех специалистов по позднесредневековой истории и археологии Западной Сибири. Столица Сибирского ханства, Искер, является одной из самых притягательных точек для ученых, которые занимаются историей сибирских тюрко-татарских государств – историков, археологов, картографов и других. Описания, сборы с территории комплекса и, наконец, раскопки начались фактически сразу после того, как отряд Ермака занял ее после разгрома хана Кучума. Сначала искали ханские сокровища, затем снова их искали, и, как следует из данного сочинения, ищут до настоящего времени. Значение Искера как столицы самого крупного государственного образования в Западной Сибири велико, и в его стенах происходили многие исторические события, его земля хранила тайны о судьбе этого места, но Искер так и не стал, а теперь уже, очевидно, и не станет базовым комплексом для археологического изучения тюрко-татарских государств Западной Сибири. Низкий уровень археологического изучения Искера у большинства исследователей и определенная бессистемность в оформлении коллекций привели к невозможности реконструкции планиграфии города и вычленения того блока материалов, который действительно относится к тому времени, когда на данной территории стояла столица Сибирского ханства.

Сама монография делится на несколько довольно неравных частей. Глава 1 включает довольно небольшой, но важный исторический очерк существования этого города, написанный В.В. Трепавловым. Весьма импонирует стремление автора вписать Сибирь/ Кашлык/ Искер в общий контекст истории Юго-Западной Сибири в золотоордынский период, чрезвычайно сложной проблемы изучения династии беков Тайбугидов и в целом сибирской государственности XV–XVI веков. Понятно, что историю Искера необходимо было увязать и с одним из самых спорных моментов этого исторического периода – вопросом взаимоотношений Тайбугидов и Шибанидов, как и невозможно было обойтись без характеристики деятельности сибирского хана Кучума. Все рассуждения В.В. Трепавлова построены на анализе всего многообразия письменных документов этого времени. С отдельными выводами автора можно не согласиться, но следует признать, что при бедности и небольшом числе этих источников такие споры отражают различные варианты трактовки одних и тех же известий и документов. Например, нам представляется, что концепция «триумвирата» Сейдяка, Ураз-Мухаммада и сибирского карачи-бека требует пересмотра как по реальному политическому влиянию этих деятелей, так и по значению и даже трактовке отдельных фигур в его составе. Не менее отраднo то, что автор этой главы довольно подробно рассматривает и историю предшественника Искера – Чимги-туры. Этот столичный центр давно достоин отдельного исследования, поскольку имеет не ме-

нее важное значение в истории шибанидской государственности. Однако ему, в отличие от Искера, не так повезло с археологическими исследованиями, а дальнейшее сохранение самого памятника вызывает большую тревогу. При этом следует согласиться с тем, что нам так и остаются неясными как судьба Чимги-Туры в XVI веке, так и причины переноса «столицы» в Искер (с. 24–25). При этом сомнительно мнение, высказанное в Заключении к книге на с. 418, о том, что Чимги-Тура была уничтожена убийцей Ибрахима, Маметом (Мухаммадом). Это идет в разрез с известными сообщениями Сигизмунда Герберштейна в 1510–1520-х гг., оговорками в посольской документации с ногами (попытки «воевать» этот город в 1536 г., указание на «тюменский» в титуле Кучума) и другими, пусть и весьма краткими, упоминаниями в XVI веке. В последней части исторической главы собраны большинство имеющихся на данный момент исторических свидетельств о Искере, в том числе с учетом и резонной критикой версий авторов этой рецензии.

Забегая вперед, следует отметить, что весьма печально то, что этот богатый исторический материал оказался фактически не востребованным в дальнейших археологических главах, особенно в гл. 2–7, которые были написаны по результатам конкретных раскопок А.П. Зыковым.

Мы уже обращались к судьбе Искера и показали свое видение его исторического значения и судьбу его исторического наследия [6; 9], о чем писал в своей главе В.В. Трепавлов. В частности, мы высказывали определенные сомнения и по поводу реконструкций фортификационной системы и общей планиграфии города, сделанных А.П. Зыковым. К сожалению, автор не посчитал нужным привести дополнительные доказательства своих построений, хотя бы на уровне фотографий своих полевых исследований. Учитывая то, что место раскопа располагалось на периферии Искера, который на момент исследований на три четверти был уже уничтожен Иртышем, реконструкция комплекса, по меньшей мере, сделана весьма смело.

Выделение в раскопах 6 строительных горизонтов в пределах XIV–XVI вв. на основании только стратиграфических наблюдений выглядит весьма гипотетическим. Такое разделение культурного слоя по строительным конструкциям возможно только при наличии хорошей сохранности древесины и проведения с ней дендрохронологических исследований. Это сделано сейчас для первых русских городов в Сибири – Мангазеи, Тары, Енисейска и других. Но из текста монографии следует, что дерево полностью уничтожено масштабными пожарами. «Выделение искерских СГ (строительных горизонтов) было облегчено тем, что кроме сооружений 1 СГ все более поздние погибали в сильных пожарах, оставлявших яркие золотистые и углистые прослойки и объекты, насыщенные обугленной древесиной и прокаленной глиняной обмазкой» (с. 65). Каких-то вещевых комплексов, которые могли бы быть маркерами строительных горизонтов, не приводится, и объяснений, почему автор взял за основу именно такую форму деревянной фортификации, тоже нет; поэтому данный конструкт вводить в научный оборот неправомерно.

Невольно вспоминаются строки из произведения А.С. Пушкина «Каменный гость»:

Дон Гуан: *Ее совсем не видно*

Под этим вдовьим черным покрывалом,

Чуть узенькую пятку я заметил.

Лепорелло: *Довольно с вас. У вас воображенье
В минуту дорисует остальное;
Оно у нас проворней живописца,
Вам все равно, с чего бы ни начать,
С бровей ли, с ног ли.*

А.П. Зыков соотносит указанный выше конструкт с конкретными историческими событиями, однако в большинстве своих трактовок он отсылает (впрочем, это выражение не совсем верно, поскольку как раз ссылок в главе 3 нет) к историографической традиции конца XX века, которая с тех пор неоднократно подвергалась критике. Многие подобные историографические штампы были ранее нами подробно разобраны [4; 5]. Например, вопреки источникам, автор продолжает именовать тюменского хана Ибака Саид-Ибрахимом, указывает на некую, продолжавшуюся «более десятилетия» борьбу тюменских Шибанидов с Тайбугидами, которая якобы была после убийства Ибрахима, а также на войну Шибанского салтана Кучума за отвоевание «отцова юрта», приведшего к убийству князей Ядгара и Бекбулата. Проблема в том, что большинство этих событий никак не подтверждается источниками, кроме поздних и явно конъюнктурных в отношении к Шибанидам «Сибирских летописей». Мало того, что ни один из этих затяжных конфликтов невозможно подтвердить, так еще и приход к власти Ахмад-Гирея, старшего брата Кучума, а не самого Кучума, в синхронных источниках описывается как приглашение: «сибирские люди... взяли к себе на Сибирь царевича» [7, с. 370]. В таком случае возникает резонный вопрос – а был ли штурм этого укрепленного центра в 1563 году, и, следовательно, след какого пожара мы наблюдаем в СГ 4 (с. 69)?

Не менее серьезный вопрос – а был ли Сибирский юрт «отцовым», ведь источники не позволяют нам говорить о власти Шибанидов в предшествующее время к северу и востоку от Тавды, что также меняет контекст прихода Шибанидов к власти в Искере. Зато автор упустил весьма полезные рассуждения В.В. Трепавлова на с. 11 о возможном, пусть и формальном, подчинении сибирских беков вышестоящему государю. Кроме того, на той же анализируемой нами с. 67 А.П. Зыков пишет, что «мы не знаем, с какими поражениями Тайбугидов связаны пожарища городища Искера СГ 3 и раннего СГ 4». В этом отношении было бы полезным вспомнить то, что в Лихачевской редакции Сибирских летописей имеется сообщение о том, что Казыма убили собственные близкие люди, его дети сумели отомстить, разорили улусы убийц и стали править всеми [8, с. 119]. Казым – это сын того самого Мамета, которому приписывается убийство тюменского хана Ибрахима. Его правление должно было прийти как раз на первую четверть XVI века, что совпадает с хронологией указанных горизонтов.

Подобных исторических недостатков в археологических главах монографии довольно много. Например, на с. 69 автор продолжает считать Кадыр-Али бека Джалаира бывшим сибирским карачей Кучума, хотя в работе А.В. Белякова эта версия подверглась довольно серьезной критике [3, с. 63–64]. Кстати, если мы примем точку зрения последнего автора, то это вообще позволит нам наконец-то отказаться от версии о присутствии джалаириков в составе сибирских племен, которая по сути строится только и исключительно на фигуре

Кадыр Али-бека. При этом его самого гораздо резоннее начать рассматривать именно как приближенного казахского царевича Ураз-Мухаммада, что объясняет его роль при коронации этого султана на касимовском престоле и крайне слабые знания по истории сибирской ветви Шибанидов, которые явно видны из его «Сборника летописей». Хотя, по мнению М.А. Усманова, «...автор знал о сибирских ханах, знал больше чем написал», но из 9 дастанов только 3 посвящены Шибанидам, а собственно их Сибирской ветви лишь 1 и при этом не самый подробный [11, с. 85–86]. В конечном итоге, отчасти проблема археологических разделов в том, что их авторы по большей части не сумели соотнести свои выводы и предположения с предложенной и довольно логичной исторической концепцией В.В. Трепавлова. Кроме того, в который раз возникает проблема того, что, несмотря на небольшое число специалистов по позднесредневековой истории и археологии Западной Сибири, мы просто в какой-то момент перестали друг друга читать и, хотя бы критически, воспринимать.

На каком бы уровне не проводились исследования Искера, его археологические коллекции в настоящее время наиболее информативны для периода существования сибирских тюрко-татарских государств, по крайней мере, Сибирского ханства. В данной монографии вещевому комплексу отведено несколько глав. Исходным тезисом А.П. Зыкова, автора этих разделов, является следующее: «Основной комплекс находок с городища Искер уверенно датируется в пределах XIV–XVI вв., он будет подробно описан в главах 4–7 настоящей книги. В этом комплексе нет ни одной вещи, время окончательного выхода которой из бытования не укладывалось бы в этот предел» (с. 64). Основанием для этого служит то, что «Ни в раскопе 1968 г. Б.Б. Овчинниковой, ни в раскопках 1988 и 1993 гг. А.П. Зыкова, ни в его сборах из зачисток обрыва и на иртышском пляже не было ни одной «дотатарской» находки, ни одного объекта или слоя более раннего, чем слои позднесредневекового городища Искер. Конечно, можно допустить, что названным исследователям просто не повезло. Но игнорировать пусть и немногочисленные, но хронологически очень компактно укладываемые находки М.С. Знаменского, С.В. Герцига и В.Н. Пигнатти мы не можем. Скорее всего, на месте, где была отстроена позднесредневековая татарская крепость, со временем ставшая цитаделью города Сибир, существовал небольшой археологический памятник VIII–IX вв.» (с. 64). Но из приводимого материала следует, что данное место довольно активно использовалось на протяжении всего периода средневековья. Это наглядно показано на рисунках керамики М.С. Знаменского (рис. 23), где превалирует потчевашская керамика и соотносимые с этой культурой предметы. Сборы А.Ф. Палашенкова, о которых есть упоминание в тексте данной монографии, нами опубликованы и детально разобраны по времени [10].

Еще большее недоумение вызывает публикация огромного массива русских материалов и их упорное отнесение к XIV–XVI вв. На территории Искера находилось, как пишут сами авторы, 5 русских деревень, которые из-за размыва берега Иртышом переехали, а места, где они располагались – археологизировались. Ни одного слова о том, что часть коллекций, относится даже не к XVI, а к XVIII веку. Приведем несколько примеров.

Рисунок 62–2,3,5 сверла, как инструменты для деревообработки, которые в обиходе у русских Сибири назывались коловоротами и входят в практику в XVIII в.

На том же рисунке 62 под номером 6 изображена пила, которая, как инструмент по дереву, появляется в Сибири в конце первой трети XVIII века.

На рисунке 84 под номерами 1–3 изображены железные наконечники стрел, которые на самом деле являются втоками для бердышей.

На рисунке 97–1 под названием роговой псалий изображен кочедык – инструмент для плетения.

На рисунке 117 – «Железные обломки изделий, связанных с креплением дверей и запорных устройств» – изображены кольца для конской сбруи №№ 15, 20, 21, 23, чеки для тележных колес № 11, 19, 22 и коновязное кольцо № 25.

С отдельными категориями предметов при поисках аналогий в более ранних материалах или в синхронных комплексах у автора возникли большие проблемы. Ну не было их у населения Искера – ситуация с русской гончарной и лепной посудой – рисунок 106, или с чугунами – рисунок 109. Поистине, можно восхищаться изобретательностью автора! Ведь при раскопках Вознесенского городища был найден один фрагмент от подобного сосуда (с. 228). То, что над Тон-Турой, как и в Искере, стояла русская деревня, откуда и название археологического памятника, и этот фрагмент, вероятнее всего, как раз из этой деревни. Ну а то, что этот фрагмент был покрыт традиционной для русских зеленой поливой (эмалью), это вообще мелочь...

В некоторых случаях выводы А.П. Зыкова по конкретным находкам вызывают, мягко сказать, недоумение. Так, находка одной подковы приводит его к рассуждениям «о возможности применения подкованной конницы в военном деле сибирских татар XIV–XVI вв.» (с. 203). Автор соглашается, что нет никаких письменных свидетельств о подковах в практике тюркоязычного населения этого времени. Но, как пишет автор, «все-таки... сбрасывать эту идею не стоит». Раскопки Вознесенского городища (Тон-Туры), Кизыл-Туры, Тунуского городка и других комплексов, которые относятся к тюрко-татарским государственным образованиям в Западной Сибири и большей частью к Сибирскому ханству, не дали исследователям ни одной подобной находки. В то время как подобные подковы у русского населения, например, в г. Таре и в Тарском Прииртышье, имели хождение и в XVIII и в XIX вв.

В целом, после ознакомления с представленными в монографии материалами можно сделать вывод о том, что они хорошо делятся на три комплекса.

Один, сравнительно небольшой относится к эпохе раннего и развитого средневековья, и в данном случае мы согласны с предположением автора о существовании на месте Искера небольшого средневекового поселения. Только не в VIII–IX вв., а в VIII–X вв., так как многие предметы, в частности, поясные наборы, появляются в Западной Сибири только в самом конце IX в. и распространяются уже в следующем веке. В том числе и на памятниках, исследованных В.И. Семеновым, на которую любит ссылаться А.П. Зыков.

Второй комплекс относится к самому Искеру. Но, к большому сожалению, его анализа, кроме скромного вещеведческого обзора, в монографии нет. Фактически ни одна из находок так и не обрела свою легенду. Можно предположить, что все они принесены сподвижниками Ермака из других поселений и городков, например, во время грабежа северных остяцких город-

ков. Это, конечно, просто утрирование, но очень обидно не получить информацию из того, что у авторов было в качестве предмета исследований.

Третий комплекс относится к русскому населению деревень, которые были расположены на месте Искера. Очевидно, что В.Н. Пигнатти раскопал деревенскую кузницу, которая начала функционировать не ранее конца XVII и действовала весь XVIII в., но то, что это производственный комплекс, при раскопках учтено не было, и поэтому связанные с этим комплексом инструменты растворились в общей коллекции. В целом эта часть коллекции хорошо соотносится с материалами русских сельских поселений в Западной Сибири XVII–XVIII вв.

К сожалению, данный анализ в рецензируемой нами монографии отсутствует, и читатель получает представление о том, что вся коллекция относится к столице Сибирского ханства – Искеру. Что в корне не верно!

Отдельный параграф в 5 главе посвящен ручному огнестрельному оружию.

Самое первое, что настораживает и раскрывается в последующем – это исследованная литература и научный опыт по изучаемому вопросу. Для исследования бралась литература и музейные экспонаты Москвы и Подмосковья, то есть авторы опирались только на московскую школу оружейведения. В то же время еще в середине прошлого века сформировалась параллельная ленинградская школа изучения огнестрельного оружия интересующего периода, основывающаяся на коллекции Соловецкого монастыря хранящейся сейчас в Музее артиллерии Санкт-Петербурга. По этой причине научные труды по интересующей теме таких авторов, как Мышковский Е.В., Маковская Л.К., Багрин Е.А., не используются, в результате делается ошибочный вывод, что коллекция Искера закрывает хронологический пробел в изучении огнестрельного оружия последней четверти XVI века. Это все давно описано еще в середине прошлого века, причем коллекция Музея артиллерии намного ближе теме присоединения Сибири.

В этот период существовали только колесцовые пистолеты. Других просто в природе не существовало. Причем длина боевых, а не городских, варьировалась от 30–35 сантиметров, и калибр был большим – 14–17,5; то есть это крупное, как все европейское полевое, оружие. У всех пистолетов явно выраженная конусовидная геометрия. Описание найденного предмета не соответствует ни одному из параметров: это просто ровная трубка маленького диаметра. И производство их тогда было только в Германии. Е. Багрин пишет о том, что зафиксировано за весь XVII век только одно упоминание пистолета в письменных источниках [2, с. 68]. Относительно колесцового замка автор утверждает, что он надежный и простой, и потому его могли использовать в Сибири. Это не так – он очень непростой и очень прихотливый. Он требует постоянной чистки, по статистике – через каждые 20–30 выстрелов. Это часто. И обратите внимание, требует чистки замок, а не ствол.

Кремень, описанный на с. 188 не похож на боевой, его габариты не совпадают. Автор утверждает, что он был сломан в процессе использования, но тогда в процессе использования его толщина составляла около 1 см и была неправильной формы, в то время как толщина кремня боевого была 3–4 мм, и он должен быть плоским, практически идеальной геометрической формы.

Кремень у служилого человека был для кресала и без ударно-кремневого оружия, и именно такой не обработанной формы.

Если обсуждать вопрос об использовании кремневых замков в 80-е годы XVI века, то нет ни одного достоверного подтверждающего это источника. В период от 1580 до 1610 гг. происходит техническая революция, начатая Иваном Грозным, и именно за эти 30 лет меняется облик Московской армии. В основе этого, с технической точки зрения, лежит введение нового производственного технического новшества – кузницы на водяном приводе. Только после 1610 года мы можем говорить о приходе соответствующих оружейных замков.

Ствол с заваренным казенником – это в определенном смысле нонсенс для XVI века, да еще в Сибири. Пороховой нагар при низкоккачественном порохе, какой и был в то время, это одна из самых больших проблем для огнестрельного оружия того времени. Без уксусной кислоты – это максимум 20 выстрелов. После этого надо разбирать и мыть. Но ни одного свидетельства о кислоте в источниках нет.

Как итог, автор очень поверхностно знает огнестрельное оружие этого периода. А это ключевой вопрос, так как данные предметы омолаживают коллекцию минимум на 50 лет, то есть до середины XVII в. Тогда возникает вопрос – причем здесь Искер? Этот вопрос возникает и при анализе большей части описываемых коллекций.

Весьма отрадно то, что П.А. Косинцев в двух последних главах провел довольно интересную реконструкцию земледелия, животноводства, охоты и рыболовства населения Искера. Несомненно, материалов по хозяйству позднесредневековых сибирских татар явно недостаточно, а проведенная работа добавляет некоторые весьма любопытные нюансы, в том числе видовой состав растительных микроостатков в образцах культурного слоя городища Искер. Однако вышеприведенные факты явных ошибок в датировках слоев ставит под вопрос и точность отнесения как растительных микроостатков, так и остеологических коллекций именно к XV–XVI векам. Автор при анализе истории земледелия в регионе по неясной нам причине полностью игнорирует недавние исследования по пашенному земледелию в Прииртышье в XII–XIV вв., проведенные А.А. Адамовов, О.М. Корона и Н.Е. Рябогиной [например, 1, с. 15–19].

В результате после прочтения монографии сформировалось мнение об отсутствии единства у авторов. В итоге мы имеем три несвязанных между собой части монографии, причем возникает ощущение, что авторы даже не читали части своих соавторов, о чем мы уже писали выше. По этой причине нет ни одной отсылки в археологических главах на части по земледелию и скотоводству и наоборот. Большинство выводов по датировке коллекций спорно или вообще некорректно. На основе раскопок периферийной части Искера сделано предположение о том, что «городище Искер было лишь цитаделью расположенного к западу, северу и востоку от него крупного развитого позднесредневекового города Сибирь» (с. 419), однако оно никак не аргументировано в тексте самой монографии.

В итоге, к сожалению, так и остается непонятным – что представлял собой Искер, так как описания города (при такой смелой реконструкции) нет...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамов А.А., Корона О.М., Рябогина Н.Е.* Палеэтноботанические и археологические данные о пашенном земледелии на памятниках XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье // *Экология древних и традиционных обществ. Материалы V Международной научной конференции. Вып. 5. Ч. 2.* Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2016. С. 15–19.
2. *Багрин Е.А.* Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII в. (по материалам письменных источников) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2009. №1. С. 63–75.
3. *Беляков А.В.* Как звали большого сибирского карачу? // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.)* / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 63–64.
4. *Маслюженко Д.Н.* Сибирское ханство: опыт историко-археологического анализа (рецензия на: Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории) // *Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств.* Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 215–222.
5. *Маслюженко Д.Н., Парунин А.В.* Сибирские татарские государства в системе позднего Золотоордынского мира (рецензия на «История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв.») // *Золотоордынское обозрение.* 2016. № 1. С. 208–228.
6. *Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф.* Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // *Золотоордынское обозрение.* 2015. № 4. С. 135–151.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: Типография Н.Ю. Скороходова, 1904. 303 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.
9. *Татауров С.Ф.* Мифологемы Сибирских ханств: города // *Сибирский сборник.* Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. Вып. 3. С. 152–159.
10. *Татауров С.Ф., Татауров Ф.С.* Археологические коллекции с Искера: новый взгляд на памятник // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2016. № 2(33). С. 77–85.
11. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 223 с.

Сведения об авторах: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Курганский государственный университет, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, ResearcherID: J-9551-2017 (640020, ул. Советская, 63, корпус 4, Курган, Российская Федерация). E-mail: denmas13@yandex.ru

Сергей Филиппович Татауров – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН; доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеелогии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (644023, проспект К. Маркса, 15/1, Омск, Российская Федерация). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Поступила 25.06.2018 Принята к публикации 03.09.2018

Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Adamov A.A., Korona O.M., Ryabogina N.E. Paleetnoobotanicheskie i arkhеologicheskie dannye o pashennom zemledelii na pamyatnikakh XII–XIV vv. v Tobol'skom Priirtysh'e [Paleoethnobotanical and archaeological data on arable farming on the monuments from the twelfth to the fourteenth centuries in Tobolsk Cis-Irtysh region]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Ecology of Ancient and Traditional Societies. Proceedings of the V international scientific conference]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2016, is. 5, part 2, pp. 15–19. (In Russian).
2. Bagrin E.A. Regional'nye osobennosti primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v XVII v. (po materialam pis'mennykh istochnikov) [Regional features of the use of firearms in Siberia and the Far East in the seventeenth century (based on written sources)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ecumene. Regional studies], 2009, no. 1, pp. 63–65. (In Russian)
3. Belyakov A.V. Kak zvali bol'shogo sibirskogo karachu? [What was the name of the great Siberian Karachu?]. *Istoriya, jekonomika i kul'tura srednevekovykh tjurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoj Sibiri. Materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [History, Economics and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of the II all-Russian research conference]. Kurgan, Kurgan State University, 2014, pp. 63–64 (In Russian).
4. Maslyuzhenko D.N. Sibirskoe khanstvo: opyt istoriko-arkheologicheskogo analiza (retsenziya na: Matveev A.V., Tataurov S.F. Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii) [Siberian Khanate: experience of historical and archaeological analysis (review of the monograph: Matveev A.V., Tataurov S.F. Siberian Khanate: Military and Political Aspects of History. Kazan: Fen AS RT, 2012. 260 p.)]. *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva. Is. 5. Voprosy istochnikovedeniya i istoriografii istorii srednevekovykh tjurko-tatarskikh gosudarstv* [Medieval Turkic-Tatar States. Vol. 5: Questions of Source Studies and Historiography of the History of Medieval Turkic-Tatar States]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, pp. 215–222 (In Russian).
5. Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. Isker kak mifologema v izuchenii istorii Sibirskogo hanstva [Isker as a mythologem in the study of history of the Siberian khanate]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2015, no. 4, pp. 136–137 (In Russian).
6. Maslyuzhenko D.N., Parunin A.V. Sibirskie tatarskie gosudarstva v sisteme pozdnezolotoordynskogo mira (retsenziya na «Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. Tom IV. Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.») [Siberian Tatar States in the system of post-Soviet world (review of the “History of Tatars since Most Ancient Times. Vol. IV: Tatar States of the 15th–18th centuries”). Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1082 p.)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2016, no. 1, pp. 208–228. (In Russian).
7. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Patriarshaya, ili Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13: Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1904. 240 p. (In Old Russian).
8. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 36: Sibirskie letopisi. Ch.1. Gruppy Esipovskoy letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 36: Siberian Chronicles. Part 1: The Group of Esipov Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 383 p. (In Old Russian).

9. Tataurov S.F. Mifologemy Sibirskikh khanstv: goroda [Mythologems of the Siberian Khanate: the towns]. *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2015, is. 3, pp. 152–159 (In Russian).

10. Tataurov S.F., Tataurov F.S. Arkheologicheskie kollektsii s Iskera: novyy vzglyad na pamyatnik [Archaeological collections from Isker: a new look at the monument]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 2(33), pp. 77–85 (In Russian).

11. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar Historical Sources of the seventeenth and eighteenth centuries]. Kazan, Kazan State University Publ., 1972. 223 p. (In Russian).

About the authors: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean of the Historical Faculty, Kurgan State University, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, ResearcherID: J-9551-2017 (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

Sergey F. Tataurov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Omsk laboratory of archaeology, ethnography and museology of the Institute of archaeology and ethnography of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of ethnology, anthropology, archaeology and museology, Dostoevsky Omsk State University (15/1, Karl Marx Avenue, Omsk 644023, Russian Federation). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

*Received June 25, 2018 Accepted for publication September 3, 2018
Published September 29, 2018*

НАСЛЕДИЕ

УДК 94 (574)"17"

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.656-663

ПИСЬМО СЕФЕВИДА АББАС-ШАХА II КАЗАХСКОМУ ХАНУ ТАУКЕ

Н.А. Атыгаев¹, З.А. Джандосова²

¹ *Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Алматы, Республика Казахстан
nuratygaev@mail.ru*

² *Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
zarinejandosova@rambler.ru*

В статье идет речь о дипломатической переписке между казахскими ханами и сефевидскими шахами на примере письма персидского шаха Аббаса II (1642–1666) казахскому хану Тауке (ок. 1655–1715) из коллекции Библиотеки Меджлиса Исламской Республики Иран. Данное письмо относится к концу 1661 г. – началу 1662 г. Приводится комментированный перевод на русский язык этого письма. Авторы приходят к выводу, что Тауке-хан пришел к власти еще в середине 50-х гг. XVII века, а не в 1680-е гг., как считалось ранее.

Ключевые слова: Казахское ханство, Сефевидское государство, Тауке-хан, шах Аббас II Сефевид, исторический источник

Для цитирования: Атыгаев Н.А., Джандосова З.А. Письмо Сефевиды Аббас-шаха II казахскому хану Тауке // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 656–663. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.656-663

A LETTER FROM THE SAFAVID SHAH ABBAS II TO THE KAZAKH KHAN TAUKE

N.A. Atygayev¹, Z.A. Dzhandosova²

¹ *Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan
nuratygaev@mail.ru*

² *Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russian Federation
zarinejandosova@rambler.ru*

Abstract: *Research objectives and materials:* This article deals with diplomatic correspondence between Kazakh khans and Safavid shahs, based primarily on the example of the letter of Persian Shah Abbas II (1642–1666) to the Kazakh khan Tauke (ca.1655–1715)

© Атыгаев Н.А., Джандосова З.А., 2018

from the collection of the Library of the Majlis of the Islamic Republic of Iran. This letter date to late 1661 or early 1662. A commentary on the Russian translation of this letter is given. The authors come to the conclusion that Tauke Khan came to power in the mid-1650s, but not in the 1680s, as was previously thought.

Research results and novelty: The article contains a Russian translation of the original Persian letter from the Safavid Shah Abbas II (1642–1666) to the Kazakh khan Tauke. The novelty consists of the conclusion that Tauke Khan came to power in the middle of the 1650s.

Keywords: Kazakh Khanate, Safavid Empire, Tauke Khan, Shah Abbas II, historical source

For citation: Atygayev N.A., Dzhandosova Z.A. A Letter from the Safavid Shah Abbas II to the Kazakh Khan Tauke. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 656–663. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.656-663

Важной научной задачей для казахских историков-медиевистов все еще остается введение в широкий научный оборот новых письменных источников, в которых содержатся сведения по истории Казахстана. Такие источники сохранились в книгохранилищах, архивах и музеях ряда зарубежных стран.

В фондах некоторых библиотек Ирана имеются позднесредневековые рукописи, которые важны для исследователей истории Казахского ханства [1, с. 199–202]. Среди них представляют особый интерес рукописи под названиями *Муракка'-и макътиб* («Альбом писем»), *Муниа'ят* («Эпистолярные и литературные сочинения»), *Бай'аз-и н'амаһ* («Тетрадь с письмами»), *Н'амаһ* («Письма») и т.п.

В этих рукописях, мало привлекавшихся казахскими источниковедами, содержатся тексты официальных документов – шахских указов, межгосударственных договоров, а также дипломатической корреспонденции. К последней относятся и тексты писем иранских правителей к правителям соседних государств, в том числе и Казахского ханства. Иранский исследователь Ирадж Афшар первым указал на существование текстов нескольких писем сефевидских шахов XVII в. к казахскому правителю Тауке-хану [I]. Эти письма датируются следующими годами лунной хиджры: 1072 (1661/1662 гг.), 1101 (1689/1690 гг.), 1104 (1692/1693 гг.) и 1105 (1693/1694 гг.) [18, 34]. В них, помимо Тауке-хана, упоминаются имена Турсун-хана и Фулад-султана (Болат-султана) [II]. В 2006 году текст одного такого письма был переведен востоковедом К. Кари на казахский язык и опубликован (к сожалению, без полных выходных данных источника) в журнале «Жұлдыз». Текст письма Сефевиды Аббас-шаха II [III] Тауке-хану, как пишет исследователь, содержался в сборнике писем, составленным писарем Мана-Мухаммедом Мухсенханом (передача имени – *К. Кари*). Рукопись этого сборника сохранил некий Сеит Мухаммед Али Рузати (передача имени – *К. Кари*) из Чарсу Исфахана [17, 180–182].

В ходе командировки в Иран, в Библиотеке Маджлиса Исламской Республики Иран мы получили электронную копию рукописи (*Маджму'һа-йи н'амаһ-йи 'аһд-и сефави* («Собрание писем сефевидского времени», инвен. №66631). По рукописи был подготовлен русский перевод письма Аббас-шаха II Тауке-хану, который предлагаем вниманию читателей [19]. Текст письма составлен на персидском языке с арабскими вставками.

Перевод:

«Августейшее письмо Таваккул-хану, сыну Джахāнгīр-хана, правителю казахов (*wālī-ye qazāq*) [IV]. [Отправлено] в месяце джумāди ал-аввал года 1072 [л. х.] [V] из Исфакхана [VI].

Обладателю султанской власти, величия, могущества, славы и милости Таваккул-хану.

Демонстрирующее взаимную дружбу и увеличивающее взаимную привязанность письмо Вашего Величества, покровителя владычества и славы, защитника могущества и великолепия, радателя пышности и власти, опоры престола державности и триумфа, лучшего из потомков великого дома Чингиз-хана, пользующегося благосклонностью Всемогущего Господа [получено].

Это послание принесло благорасположение и удовлетворение в добрый час и счастливое время, когда святейшая особа Царя Царей находилась в здравии и благополучии, сопутствуемая победой и удачей, приносящими славу, являющуюся примером для других государств.

Учитывая благотворный (*kīmīyā-ta'sīr*, букв. «действующий как философский камень») характер и искреннее содержание этого письма, уведомляющего о непоколебимом следовании курсу дружбы и примирения и уповающего на ответное письмо Государя и его доверие такого рода посланиям, оно пролило хрустальный свет на чистое сердце [Государя] и стало причиной повышения внимания со стороны его милосердной души.

Вследствие этого, поскольку между двумя высокими сторонами была заложена основа дружеских отношений и открыт путь любви и дружбы, завеса недоверия и непонимания была поднята, и желания обеих высоких сторон отныне будут удовлетворяться по взаимному согласию.

Признавая все высокие стремления и все честные намерения условием упорядочения дел и укрепления основ величия и великолепия благоприятной звезды пышности и почитания, открыватель ворот взаимной переписки и корреспонденции выражает свое сокровенное желание, чтобы дружественные отношения уравнивали существующую цепь [вооруженных] столкновений и войн [между сторонами], и внимание Государя было обращено на их плоды. Дни султанской власти, величия, могущества и счастья».

Комментарии

I. Второго сына казахского хана Жангира (Джахангира) в исследовательской литературе обычно называют Тауке-хан, хотя его личное имя – Таваккул Мухаммад Бахадур Гази-хан (каз. Тәуекел Мұхаммед-батыр-ғазы-хан [9, с. 226; 11, с. 79; 12, с. 253, 281–282].

II. Согласно сообщению тобольского «захребетного татарина» Теушмергена от 1693 г., Турсун-хан и Фулад-султан (Болат-султана) были сыновьями Тауке-хана и встречали русского посла А. Неприпасова в 1692 г. [3, с. 404]

III. Абу-л-Музаффар Шах Аббас II, седьмой по счету правитель государства Сефевидов, правил в 1642–1666 гг.

IV. У исследователей нет единой точки зрения относительно времени восшествия Тауке-хана на трон правителя Казахского ханства. Доминирую-

щим в историографии является мнение, что началом его правления следует считать 1680 г. Этот год указан как начальная дата правления Тауке во многих изданиях [3, с. 449; 4, с. 576; 5, с. 424; 6, с. 137; 13, с. 316; 14, с. 179; 15, с. 308].

По мнению О.Ф. Акимовской, Тауке унаследовал престол от своего отца Жангир-хана в 1680 г. [10, с. 314], хотя Т.И. Султанов еще в работе 1982 г. писал: «Наследовал ли Тауке престол непосредственно после отца, неизвестно» [8, с. 121]. В более поздних исследованиях он ограничивается указанием, что Тауке «начал править после 1652 г.» [7, с. 340].

В работе 1997 г. И.В. Ерофеева датировала годы правления Тауке приблизительно 1680 – началом 1715 гг. и писала, что «приблизительно с начала 90-х годов XVII в. он имел в Степи номинальный статус старшего казахского хана» [12, с. 74, 103]. В своей новой работе она пишет, что Тауке стал ханом Младшего жуза после 1652 г., в 1672 г старшим ханом трех жузов [11, с. 79]. Предложенная И.В. Ерофеевой хронология правления Тауке-хана (1672–1715 гг.) указывается в новом энциклопедическом справочнике «Қазақ хандары» [16, с. 55].

Данное письмо позволяет нам отказаться от этих датировок и определить началом правления Тауке-хана более раннюю дату – не позднее 1661 г. В письме в его отношении помимо термина «хан» применяется термин «вали». Как видно из средневековых источников, термин «вали» прилагался к верховному правителю (см. [10, с. 321]). Учитывая, что путь из Казахского ханства в Исфахан занимал не менее года, мы можем предположить, что Тауке носил титул хана уже в конце 50-х гг. XVII века. Если бы это было первое посольство Тауке после восшествия на трон, то письмо должно было содержать связанные с этим поздравления. Поскольку, однако, тон письма не поздравительный, можно предположить, что Тауке находился к этому времени на троне достаточно давно, и от него до этого уже приезжали послы к Аббас-шаху.

В 1735 г. житель Ташкента Нурмухаммед Алимов говорил русским чиновникам, что после Жангира правителем был Батыр-хан [3, с. 25]. Однако об этом хане ни в письменных источниках, ни в народной памяти никаких сведений не сохранилось, что косвенно свидетельствует о его незначительной роли в истории. Возможно, это связано с недолгим характером его правления.

Исходя из вышесказанного, началом правления Тауке-хана предпочтительно считать середину 50-х гг. XVII века.

V. Джумади ал-аввал 1072 года лунной хиджры – декабрь 1661 г. – январь 1662 г.

VI. Исфахан – город в центральном Иране, с 1598 г. столица Сефевидского государства.

Выводы

Письмо Сефевиды Аббас-шаха II Тауке-хану представляет значительный интерес для понимания истории Казахского ханства второй половины XVII века. Из него следует, что Тауке-хан пришел к власти еще в середине 50-х гг. XVII века, а не в 1680-е гг., как считалось ранее. Также данный источник показывает, что Тауке-хан воспринимался правителями Сефевидов как правитель суверенного государства, с ним устанавливались и поддерживались дипломатические контакты. Таким образом подтверждается правильность

вывода исследователей, что Казахское ханство было полноправным субъектом международных отношений и имело дипломатические связи с рядом соседних государств.

Копия письма Сефевида Аббас-шаха II казахскому хану Тауке
A copy of the Safavid Shah Abbas II 's letter to the Kazakh khan Tauke

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атыгаев Н.А., Джандосова З.А. Отчет о работе в библиотеках Исламской Республики Иран // Отан тарихы. 2014. № 1. С. 199–202.
2. Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Материалы к Летнему Университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4–23 августа 1997 г., г. Алматы). Алматы: Издание Института философии МН-АН РК, 1997. 160 с.
3. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Алматы, «Дайк-Пресс», 2007. 516 с. + 8 с. вкл.
4. История Казахстана с древнейших времен до наших дней / Под общей редакцией: А.Б. Гали, Ж.К. Касымбаева. Алматы: «Үш-Қиян», 2003. 584 с.
5. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 3. Алматы: «Атамұра», 2010. 768 с., ил., карты.
6. История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Масанов Н.Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 608 с.
7. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009: 3-е изд., исправл. и доп. 432 с.
8. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. 134 с.
9. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
10. Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст, перевод, комментарий, исследование и указатели О.Ф. Акимускина. М., 1976. 362 с.
11. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев, составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Алматы: «АБДИ-Компании», 2014. 696 с. + вкл. 44 с.
12. Атыгаев Н.Ә. Қазақ хандығы тарих толқынында. Очерктер. Алматы: «Елтаным баспасы», 2015. 384 б. + 16 суретті жапсырма.
13. Аяған Б.Ғ., Әбжанов Х.М., Исин А.И. «Қазақ хандығы тарихы: құрылуы, өрлеуі, құлдырауы». Алматы: Сөздік-Словарь», 2011. 320 б.
14. Жолдасбаев С., Бабаев Д. Орта ғасырлардағы Қазақстан тарихы: Жалпы білім беретін мектептің 7-сыныбына арналған оқулық. Алматы: Атамұра, 2003. 224 бет, суретті, карталы.
15. Қазақстан. Ұлттық энциклопедия. Т. 8. Бас ред. Б. Аяған. Алматы: Қазақ энциклопедиясының редакциясы, 2006. 704 б.
16. «Қазақ хандары». Энциклопедиялық анықтамалық жинақ. Жауапты редакторлар: т.ғ.д., профессор М. Қожа, т.ғ.д., профессор Х.М. Тұрсын. Түркістан: «Тұран» баспаханасы, 2015 ж. 176 б.
17. Қари Қ. Иран шахының Тәуке ханға хаты // Жұлдыз. 2006. №3. 180–182 бб.
18. ایرج افشار. بیاضی صفوی: اداب نامه نگاری پادشاهیان صفوی به سران سرزمینهای دیگر (ققواره – اندازه – آرایه) / نامه بهارستان. سال هشتم و نهم، 1386–87. دفتر سیزدهم و چهاردهم. ص. – اندازہ – آرایہ) / نامه بهارستان. سال هشتم و نهم، 1386–87. دفتر سیزدهم و چهاردهم. ص.
19. مجموعه نامه های عهد صفوی – Маджму‘hā-йи nāmahā-йи ‘ahd-i sa‘favi, л. 240 / Библиотека Маджлиса ИРИ, №66631, фотокопия №02-00187-00023. Перевод к.и.н. З.А. Джандосовой.

Сведения об авторах: Атыгаев Нурлан Адилбекович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Казахстана» исторического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби Республики Казахстан (050040, проспект Аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан). E-mail: nuratygaev@mail.ru

Джандосова Заринэ Алиевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Центральной Азии и Кавказа, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Университетская наб., 11, Санкт-Петербург). E-mail: zarinejandosova@rambler.ru

Поступила 07.05.2018 Принята к публикации 23.08.2018

Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Atygaev N.A., Dzhandosova Z.A. Otchet o rabote v bibliotekakh Islamskoy Respubliki Iran [Report on the work in the libraries of the Islamic Republic of Iran]. *Otan tarikhy*. 2014, no. 1, pp. 199–202. (In Russian)
2. Erofeeva I.V. Kazakhskie khany i khanskie dinastii v XVIII – seredine XIX vv. [Kazakh khans and khan dynasties in the eighteenth and mid-nineteenth centuries]. *Kul'tura i istoriya Tsentral'noy Azii i Kazakhstana: problemy i perspektivy issledovaniya. Materialy k Letnemu Universitetu po istorii i kul'ture Tsentral'noy Azii i Kazakhstana (4–23 avgusta 1997 g., g. Almaty)* [Culture and History of Central Asia and Kazakhstan: Problems and Prospects for Research. Materials for the Summer University on the history and culture of Central Asia and Kazakhstan (August 4–23, 1997, Almaty)]. Almaty, 1997. 160 p. (In Russian)
3. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian Sources from the sixteenth to the twentieth century]. Vol. VI. Almaty, Dayk-Press, 2007. 516 + 8 p. (In Russian)
4. *Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Kazakhstan from Ancient Times to the Present Day]. Pod obshchey redaktsiey: A.B. Gali, Zh.K. Kasymbaeva. Almaty, Ysh-Kiyan, 2003. 584 p. (In Russian)
5. *Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney)* [History of Kazakhstan from Ancient Times to the Present Day]. V pyati tomakh. Vol. 3. Almaty, Atamyra, 2010. 768 p., il., maps. (In Russian)
6. *Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tury. Ucheb. posobie* [History of Kazakhstan: Peoples and Cultures. Textbook]. Masanov N.E. i dr. Almaty, Dayk-Press, 2001. 608 p. (In Russian)
7. Klyashtornyy S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey: ot drevnosti k Novomu vremeni* [States and Peoples of the Eurasian Steppes: From Antiquity to the New Times]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009: 3-e izd., ispravl. i dop. 432 p.
8. Sultanov T.I. *Kochevye plemena Priaral'ya v XV–XVII vv. (voprosy etnicheskoy i sotsial'noy istorii)* [Nomadic Tribes of the Aral Sea Region from the fifteenth to the seventeenth centuries (issues of ethnic and social history)]. Moscow, 1982. 134 p. (In Russian)
9. Sultanov T.I. *Podnyatye na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana* [Raised on a White Felt. Descendants of Chinggis Khan]. Almaty, Dayk-Press, 2001. 276 p. (In Russian)
10. Shakh-Makhmud ibn Mirza Fazil Churas. *Khronika* [The Chronicle]. Kriticheskiy tekst, perevod, kommentariy, issledovanie i ukazateli O.F. Akimushkina. Moscow, 1976. 362 p. (In Russian)

11. *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyashchey elity 1675–1821 godov. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh*. Vol. 1. *Pis'ma kazakhskikh praviteley. 1675–1780 gg.* [Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite of 1675–1821. Collection of Historical Documents in 2 Volumes. Vol. 1: Letters from Kazakh Rulers. 1675–1780]. Avtor proekta, vvedeniya, biografiy khanov, nauchnykh kommentariyev, sostavitel' i otvetstvennyy redaktor I.V. Erofeeva. Almaty, ABDI-Kompanii, 2014. 696 + 44 p. (In Russian)

12. Atygaev N.Ə. *Qazaq khandyzy tarikh tolqynynda. Ocherkter*. Almaty, Eltanym baspasy, 2015. 384 + 16 p. (In Kazakh)

13. Ayarın B.F., Əbzhanov Kh.M., Isin A.I. «*Qazaq khandyzy tarikhy: qyrylyu, orleui, qyldyrauy*». Almaty. Səzdik-Slovar», 2011. 320 p. (In Kazakh)

14. Zholdasbaev S., Babaev D. *Orta ғасырлардағы Қазақстан тарихы: Zhalpy bilim beretin mekteptiń 7-synybyna arnalzan oqulyq*. Almaty. Atamyra, 2003. 224 p. (In Kazakh)

15. *Qazaqstan. Yltyq entsiklopediya*. Vol. 8. Bas red. B. Ayarın. Almaty. Qazaq entsiklopediyasynyń redaktsiyasy, 2006. 704 p. (In Kazakh)

16. «*Qazaq khandary*». *Entsiklopediyalyq anyqtamalyq zhinaq*. Zhauapty redaktorlar: t.f.d., professor M. Kozha, t.f.d., professor Kh.M. Tyrsyn. Tyrkistan, «Tyran» baspakhanasy. 2015 zh. 176 p. (In Kazakh)

17. Qari Q. Iran shakhynyń Təuke khanға khaty. *Zhyldyz*. 2006. № 3, pp. 180–182. (In Kazakh)

18. ایرج افشار. بیاضی صفوی: اداب نامه نگاری پادشاهیان صفوی به سران سرزمینهای دیگر (تقواریه) – اندازه – ارایه) / نامه بهارستان. سال هشتم و نهم، 1386–87. دفترسیزدهم و چهاردهم. ص. – (In Persian.)

19. مجموعه نامه های عهد صفوی – Madzhmu‘hā-yi nāmāhā-yi ‘ahd-i safavi, l. 240 / Biblioteka Madzhlisa IRI, №66631, fotokopiya №02-00187-00023. Perevod k.i.n. Z.A. Dzhandosovoy. (In Persian)

About the authors: Nurlan A. Atygaev – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department “History of Kazakhstan” of the Historical Faculty of the al-Farabi Kazakh National University of the Republic of Kazakhstan (71, Al-Farabi Avenue, Almaty 050040, Kazakhstan). E-mail: nuratygaev@mail.ru

Zarine A. Dzhandosova – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Chair of Central Asia and the Caucasus, Oriental Faculty, St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Nab., St. Petersburg 199034, Russian Federation). E-mail: zarinejandosova@rambler.ru

Received May 7, 2018 Accepted for publication August 23, 2018

Published September 29, 2018

ХРОНИКА

УДК 94(470)"1238/1480"(06)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.664-666

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТАТАРСТАН – ЯПОНИЯ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ» (КАЗАНЬ, 23–24 ИЮЛЯ 2018 Г.)

М.М. Гибатдинов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
marmingi@mail.ru*

23–24 июля 2018 года в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ прошла Международная конференция «Татарстан – Япония: История и перспективы взаимоотношений».

Конференция была организована Министерством образования и науки Республики Татарстан, Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан и Центром изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ при поддержке Посольства Японии в Российской Федерации в рамках проведения Года Японии в России.

В ходе работы конференции участники обсудили опыт татарстано-японских культурных и экономических связей, древние источники по истории Евразии, тюрко-татарскую эмиграцию в Восточной Азии, татарские материалы в зарубежных архивах, а также узнали, как в разные периоды Япония и японцы выглядели глазами татар.

Третья международная конференция проводилась в рамках договора об академическом сотрудничестве между Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ и Центром изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ.

Ключевые слова: международная конференция, зарубежные архивы, татарские архивные материалы, история татар, история миграции, миссионерская деятельность, международное научное сотрудничество Татарстана и Японии

Для цитирования: Гибатдинов М.М. Международная конференция «Татарстан – Япония: История и перспективы взаимоотношений» (Казань, 23–24 июля 2018 г.) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 664–666. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.664-666

INTERNATIONAL CONFERENCE
“TATARSTAN – JAPAN: HISTORY
AND PERSPECTIVES OF RELATIONS”
(KAZAN, JULY 23–24, 2018)

M.M. Gibatdinov

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
marmingi@mail.ru*

The Third international Conference “Tatarstan – Japan: History and Perspectives of Relations” was the result of international research cooperation between the Marjani Institute of History and Institute for North East Asian Research (NEAR) of the University of Shimane and was held in Kazan as the part of official program of the Year of Japan in Russia. Among the traditional topics of conference: the cultural contacts between Tatarstan and Japan, the history of Tatar migration in the Far East, the role of Tatars in the dialogue between Japan and Muslims, the promotion of Islam in Japan, ancient metallurgy and “Tatara” steel casting technology, along with ancient and medieval sources about Tatars. This year, the agenda of conference was enlarged by analyses of bilateral business cooperation, and such new topics as the role of Kazan as the center of Orthodox missionary activity in the Orient (translation of sacred texts to the Japanese and Chinese languages, proselytizing activity and the impact of Russian missionaries on the development of Sinology and Japanology in Russia, etc.).

Keywords: international conference, foreign archives, Tatar archive materials, history of Tatars, history of migration, missionary activity, international scientific cooperation of Tatarstan and Japan

For citation: Gibatdinov M.M. International conference “Tatarstan – Japan: History and Perspectives of Relations” (Kazan, July 23–24, 2018). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 3, pp. 664–666. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.664-666

23–24 июля 2018 года в конференц-зале Института истории им. Ш. Марджани АН РТ прошла Международная конференция «Татарстан – Япония: История и перспективы взаимоотношений».

Организаторами конференции выступили Министерство образования и науки РТ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ и Центр изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ при поддержке Посольства Японии в Российской Федерации в рамках проведения Года Японии в России.

С приветственным словом на конференции выступили заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Салихов Радик Римович, заместитель министра промышленности и торговли РТ Лернер Герман Янович, профессор Университета префектуры Симанэ Иноуэ Осаму, директор Татарско-Японского культурно-информационного центра «Сакура» Садыкова Асия Юсуфовна, зачитавшая приветствие от Посольства Японии в РФ.

Всего программа конференции включала семь секций, в ходе работы которых участники обсудили опыт татарстано-японских культурных и экономических связей, древние источники по истории Евразии, тюрко-татарскую

эмиграцию в Восточной Азии, татарские материалы в зарубежных архивах, а также узнали, как в разные периоды истории татары воспринимали Японию и японцев. Отдельная секция была посвящена истории металлургии в древней Азии, а именно изучению распространения метода плавки «татара», где выступил крупнейший специалист по изучению древней металлургии, проф. Ясуки Мураками (Университет Эхиме). Доклады на интересные и актуальные темы прозвучали также в секции, посвященной проблемам перевода духовной литературы на восточные языки и деятельности востоковедов и миссионеров (Палладия Кафарова, Иакинфа Бичурина, Николая Японского, Е.А. Малова), их вкладу в изучение древних письменных источников. В своем докладе проф. Иноуэ Осаму (Университет Симанэ) проанализировал редкий вид письменных источников: сохранившиеся в разных странах немногочисленные берестяные рукописи на монгольском языке, в т.ч. знаменитую укекскую берестяную рукопись.

Конференция проводилась в третий раз в рамках договора об академическом сотрудничестве между Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ и Центром изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ.

Сведения об авторе: Марат Мингалиевич Гибатдинов – кандидат педагогических наук, руководитель Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: marmingi@mail.ru

Поступила 25.07.2018 Принята к публикации 03.09.2018

Опубликована 29.09.2018

About the author: Marat M. Gibatdinov – Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Centre for History and Theory of Education, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: marmingi@mail.ru

Received July 25, 2018 Accepted for publication September 3, 2018

Published September 29, 2018

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Хан Золотой Орды Джанибек.
Фрагмент из Каталонского атласа Абрахама Креска. 1375 г.

On the cover: Khan of the Golden Horde Dzhanibek.
Fragment from the Catalan Atlas of Abraham Cresques. 1375

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2018. Т. 6, № 3

GOLDEN HORDE REVIEW. 2018, vol. 6, no. 3

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 10.09.2018 г. Формат 70×108 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 14,0 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>